

Цитаты номера

Одна из уникальных сфер, в которой мы с Соединенными Штатами и Европой работали и работаем, причем даже в самые сложные периоды холодной войны, – это нераспространение. Взлеты и падения в наших политических взаимоотношениях не сказывались на нашей совместной деятельности в этой области. Я думаю, что это живое доказательство того, что есть важные вопросы безопасности, по которым совпадают долгосрочные стратегические интересы России и США. Нам пришлось научиться сотрудничать.

По историческим меркам президент Барак Обама поставил на повестку дня одну из наиболее всеобъемлющих, прогрессивных и амбициозных программ в области разоружения и контроля над вооружениями. Своим заявлением, сделанным совместно с президентом Д.А. Медведевым 1 апреля 2009 г., он положил начало трансформации американской ядерной политики. Однако президенту потребуется заручиться активной поддержкой со стороны российских лидеров, а также преодолеть серьезное сопротивление своему плану в самих Соединенных Штатах.

Россия рискует окончательно утратить конкурентоспособность на мировом рынке торговли оружием по критериям *качество–цена–время*. Много лет иностранные покупатели хвалили наше вооружение именно за это: цена российского изделия была на 30–40% ниже зарубежных аналогов при примерно равных характеристиках. Сегодня эти плюсы российского оружия грозят обернуться минусами.

Зачастую происходит так, что оппонирование сельскохозяйственной биотехнологии основывается на мифических, а зачастую и ложных рисках. Растиражированная средствами массовой информации в виде устрашающих сенсаций, эта *критика* превосходно достигает цели – сеет страх и недоверие к решениям правительства.

Мысль о том, что терроризм – продукт определенных социально-политических условий, не нова и, как показали 30 лет, прошедшие со времен Немецкой осени, может быть опасна. Потому что есть соблазн предположить, будто выполнение неких условий террористов способно покончить с самим явлением. Где проходит грань между разумным компромиссом и капитуляцией? “Baader-Meinhof” логикой фактов убеждает – грань эта, на самом деле, вполне четкая: государство и общество не только имеют право, но и обязаны сопротивляться террористическому насилию и, если требуется, отвечать на него насилием.

Сергей Кисляк

Джозеф Сиринционе

Наталья Калинина,
Вадим Козюлин

Александр Голиков

Константин
фон ЭггертРоссийский
журнал
о международной
безопасностиИНДЕКС
БЕЗОПАСНОСТИ

№ 3-4 (90-91) 2009

Журнал ПИР-Центра политических исследований России

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 3-4, 2009

ОСЕНЬ–ЗИМА 2009

Журнал ПИР-Центра

Сергей Кисляк

РОССИЯ–США: ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ВИРУСОВ

Жан де Глиниasti

ПАРИЖ И ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ

Наталья Калинина,
Вадим Козюлин

ГЛИНЯНЫЕ НОГИ РОССИЙСКОГО ОПК

Владимир Воронков

ДОГОВОР О ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ВЫЧЕРЧИВАЯ КОНТУРЫ

Александр Голиков

БИОТЕХНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Владимир Орлов

КОРНИ МАКА

2,895
1.05.20092,874
1.06.20092,905
1.07.20092,881
1.08.20092,875
1.09.2009

ПИР-ЦЕНТР

Центр политических исследований России

3 июля 2009 г. ПИР-Центр в честь 15-летия организации провел награждение за особые заслуги и достижения в области нераспространения оружия массового уничтожения.

Лауреатами награждения стали:

Д-р Мухаммед Эльбарадей,
генеральный директор МАГАТЭ
За вклад в укрепление режима нераспространения

Геннадий М. Евстафьев,
старший вице-президент ПИР-Центра,
генерал-лейтенант (в отст.)
За вклад в укрепление режима нераспространения

Нурсултан А. Назарбаев,
президент Республики Казахстан
За продвижение идей безъядерного мира

PLOUGHSHARES FUND

Джозеф Сиринционе, президент
Фонда Плаушерс, и Фонд Плаушерс
За продвижение идей безъядерного мира

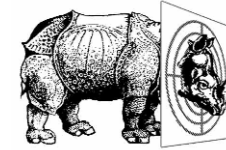

Николай Н. Спасский,
заместитель генерального
директора Государственной
корпорации по атомной
энергии Росатом
*За развитие сотрудничества
в области мирного атома*

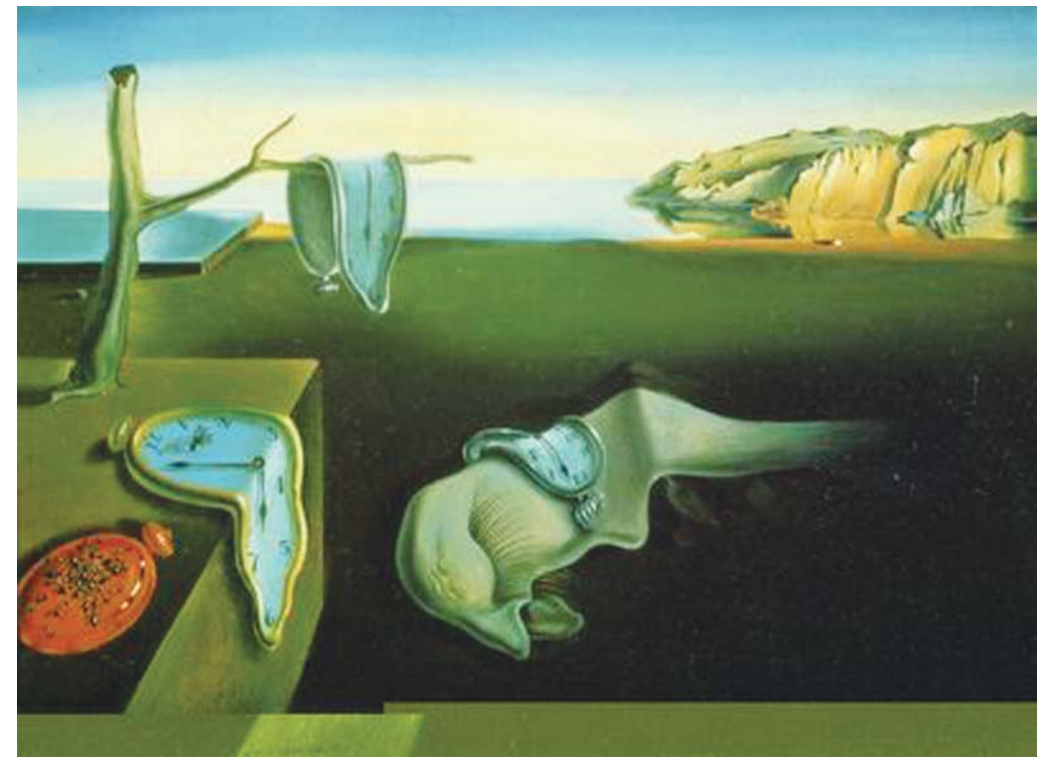
Ильдар А. Ахтамзян, доцент
кафедры
международных
отношений
и внешней
политики России
МГИМО(У) МИД РФ
*За вклад
в формирование нового
поколения в области
нераспространения*

Никита В. Перфильев,
магистрант Монтерейского
института международных
отношений
Надежда нераспространения

О МИНУТАХ

К О Н Е Ц Ц И Т А Т Ы

Каждую минуту на земле на свет рождаются 253 ребенка.
Каждую минуту на земле двое совершают самоубийство.

International Herald Tribune, 17 мая 2008 г.

www.pircenter.org

15 ЛЕТ

Научно-практический
журнал ПИР-Центра
(Центра политических
исследований России)

Выходит четыре раза
в год на русском
и английском языках

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 3-4 (90-91), Том 15
Осень-Зима 2009

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир Э. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Сергей Э. Приходько
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Константин П. Эггерт
Михаил В. Якушев

Москва • Женева • Монтерей

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*. Выходит четыре раза в год на русском языке и на английском языках.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г.

Учредитель

ПИР-Центр (Центр политических исследований России)

Елена С. Гелескул, младший научный сотрудник – координатор проекта «Пути ядерного разоружения»

Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший вице-президент

Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета

Вячеслав А. Заицев, главный бухгалтер

Дарья М. Золина, помощник президента

Альберт Ф. Зульжарнеев, координатор Образовательных проектов

Галия Р. Ибрагимова, стажер

Наталья И. Калинина, д.м.н., член Совета

Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор Проекта по обычным вооружениям

Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант

Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета

Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета

Владимир А. Орлов, к.п.н., президент Центра и член Совета

Евгений Н. Петелин, заместитель главного редактора

журнала *Индекс Безопасности*

Дмитрий В. Поликанов, к.п.н., вице-президент, председатель Международного клуба *Триалог*, редактор международного издания журнала *Индекс Безопасности*

Евгений А. Попов, специалист по информационным системам

Уильям Поттер, д-р, проф., член Совета

Галина Д. Рассказова, бухгалтер

Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета

Константин А. Сириков, специалист по распространению

периодических изданий

Ксения В. Смертина, стажер

Екатерина А. Степанова, к.и.н., член Совета

Любовь А. Солдаткина, секретарь

Надежда Б. Теллер, редактор электронного бюллетеня *Ядерный Контроль*

Мария В. Теплоухова, стажер

Роланд М. Тимербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.и.н.,

председатель Совета Центра

Александра Ю. Токарева, координатор программ *Centre russe d'études politiques*

Иван В. Трушкин, стажер

Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета

Михаил В. Якушев, член Совета

Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

№ 3-4 (90-91), Том 15
Осень–Зима 2009

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор [orlov@pircenter.org]

Евгений Н. Петелин, заместитель главного редактора

[petelin@pircenter.org]

Дмитрий В. Поликанов, редактор международного издания

[polikanov@pircenter.org]

Татьяна Ю. Котелкина, технический редактор

Евгения А. Бакаева, корректор

Галина Д. Рассказова, бухгалтерия

Любовь А. Солдаткина, секретарь

Константин А. Сириков, распространение

Представители журнала:

Алма-Ата: Даурен Абен

Атланта: Инна В. Баранова

Баку: Джангир Арасли

Бишкек: Нурия А. Кутнаева

Владивосток: Вадим С. Гапоненко

Вена: Надежда Б. Теллер

Киев: Сергей П. Галака

Монтерей: Никита В. Перфильев

Нижний Новгород: Михаил И. Рыхтик

Прага: Юрий Е. Федоров

Токио: Тайсуке Абиру

Томск: Лариса В. Дериглазова

Тюмень: Сергей В. Кондратьев

Контактная информация

Адрес для писем:

Россия, 119049, Москва, а/я 147

Редакция *Индекса Безопасности*

Телефон редакции:

+7-495-987-1915 (многоканальный)

Факс: +7-495-987-1914

Интернет-представительство: <http://si.pircenter.org>

Международное издание выходит на английском языке и распространяется по всему миру нашим партнером –

Centre russe d'études politiques – из Женевы: <http://www.crep.ch>

International Edition of *Security Index* (in English) is distributed from Geneva by our partner –

Centre russe d'études politiques: <http://www.crep.ch>

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда Макартуров, Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы», Фонда Плаушерс, Фонда Форда и др.

Тираж (русское и международное издания) 2500 экз. Подписано в печать 2 октября 2009 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека» по заказу ПИР-ПРЕСС

© ПИР-Центр, 2009

О Т Р Е Д А К Т О Р А

- 7 **Точки над «и».** «В конце концов, пора расставить точки над этим «и». Над иранским «и». К обсуждению вопросов ядерной программы Ирана за последние годы naroslo слишком много *ракушечника*, который не имеет к делу прямого отношения и только искажает картину», – пишет главный редактор *Индекса Безопасности* **Владимир Орлов.**

В Д Е С Я Т К У

- 10 **О золотой посредственности**

И Н Т Е Р В Ь Ю

- 11 **Сергей Кисляк: «Перезагрузка российско-американских отношений – это избавление от вредоносных вирусов, мешавших нашему диалогу»** – Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Соединенных Штатах Америки Сергей Иванович Кисляк в беседе с директором Центра изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина (Монтерей) членом Совета ПИР-Центра Уильямом Поттером затрагивает такие вопросы, как современное состояние российско-американских отношений, перспективы заключения нового договора о стратегических наступательных вооружениях, проблема тактического ядерного оружия и ядерная программа Ирана.

- 17 **Жан де Глиниasti: «Каждое государство должно внести свой вклад в обеспечение ядерного разоружения»** – Ядерное разоружение не является исключительной сферой взаимодействия США и России. Активное подключение других государств *ядерной пятерки* к данному процессу – важный вопрос повестки дня. Традиционно независимая позиция Франции может придать новый импульс ядерному разоружению, а может эту тенденцию подавить. Чрезвычайный и Полномочный Посол Французской Республики Жан де Глиниasti рассказывает о позиции Франции в новых условиях.

- 21 **Виктор Заварзин: «Отношениям России и НАТО нужна перезагрузка»** – Отношения России и Североатлантического Альянса вновь в центре внимания и политиков, и СМИ. Председатель комитета по обороне Государственной Думы Федерального Собрания РФ Виктор Заварзин раскрывает позицию России по наиболее чувствительным вопросам взаимоотношений с НАТО, российскую оценку перспектив диалога по проблемам европейской безопасности. Особое внимание уделяется сферам, в которых можно было бы наращивать сотрудничество.

А Н А Л И З

- 25 **Роланд Тимербаев. О запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия** – Запрещение производства расщепляющихся материалов (ЗПРМ) для военных целей в течение многих десятилетий рассматривается мировым сообществом как значимый шаг, ведущий к достижению двоякой цели – укреплению режима ядерного нераспространения и приближению к миру без ядерного оружия. Председатель Совета ПИР-Центра рассматривает историю вопроса о ЗПРМ и комментирует существующие инициативы по решению данной проблемы.

- 37 **Джозеф Сиринционе. Ядерная трансформация Обамы – каковы шансы на успех?** – Новая ядерная политика США, основанная на амбициозной программе президента Барака Обамы, постепенно проявляется через такие сигналы, как совместное с президентом Д.А. Медведевым заявление от 1 апреля 2009 г. и отказ США от размещения системы ПРО в Польше и Чехии от 17 сентября 2009 г. Президент Фонда Плаушерс анализирует для наших читателей план Барака Обамы по трансформации американской ядерной политики, выявляя возможные препятствия на пути прогресса в деле ядерного разоружения и контроля над вооружениями.
- 47 **Наталья Калинина, Вадим Козюлин. Глиняные ноги российского ОПК** – Российские эксперты на основе официальных данных, прямых и косвенных показателей анализируют реальное положение дел в оборонной промышленности России и в сфере военно-технического сотрудничества. В статье также сделан прогноз дальнейшего развития российского оборонно-промышленного комплекса (ОПК) с учетом существующих рисков и перспектив.
- 69 **Максим Минаев. Американско-британское оборонное партнерство в первой декаде XXI в.** – В статье рассматривается проблема взаимодействия военно-промышленных комплексов (ВПК) стратегических партнеров – США и Великобритании. Основной акцент в исследовании сделан на анализе правового сегмента обеспечения военно-промышленных контактов и оценке роли британского и американского ВПК на рынках друг друга. Автор подробно анализирует ключевые проекты по оснащению британских вооруженных сил новейшими системами вооружения, участие в разработке которых принимают американские корпорации. Эти проекты будут определять облик военного потенциала Великобритании на протяжении большей части первой половины XXI в.
- 83 **Александр Голиков. Современная сельскохозяйственная биотехнология и национальная безопасность** – Проблема обеспечения продовольственной безопасности настолько важна, что способна в перспективе во многих странах вытеснить с повестки дня все другие вопросы национальной безопасности. Автор статьи рассматривает место сельскохозяйственной технологии и ее роль в жизни и развитии страны и, более того, в обеспечении национальной безопасности государства на основе таких критериев, как выбор стратегических сельскохозяйственных культур, сохранение максимально возможного резерва производственных возможностей, вопросы прав собственности и геополитика, проблема агротерроризма.
- 91 **Юрий Федоров. Туркмения: время перемен?** – Ресурсы Туркмении становятся предметом обостряющегося соперничества России, Китая и европейских государств. От позиции Ашхабада во многом зависит судьба газопровода *Набукко* и других стратегических транспортных коридоров. Наконец, это государство граничит с Ираном и Афганистаном, с которыми связаны наиболее болезненные проблемы современной мировой политики. Автор анализирует современную внутривосточную ситуацию в Туркменистане с проекцией на новую международную роль страны.
- 115 **Александр Ковалев. Международно-правовой режим Арктики и интересы России** – Арктика давно считается сосредоточением политических, правовых, экономических, военно-стратегических, экологических и социальных интересов стран, сопредельных с данным регионом. Сегодня данный регион становится новой ареной геополитических противоречий между государствами. Автор обращается к международно-

правовому режиму Арктики и позициям разных стран относительно изменения режима, включая позицию России.

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

- 125 **Анатолий Антонов, Кари Екен Воллебек, Геннадий Евстафьев, Михаил Лысенко, Анастасия Малыгина, Уильям Поттер, Александр Радчук, Роланд Тимербаев, Нандан Унникришнан. Многосторонние подходы к ядерному разоружению: планируя следующие шаги** – Ядерное разоружение – одна из самых горячих тем 2009 г. Чем глубже эта тема обсуждается на переговорах, тем сильнее приходит понимание того, что ядерное разоружение – многосторонний процесс как в плане участников, которые должны подключаться к процессу переговоров и конкретным действиям, так и в плане аспектов, которые данный процесс должен в себя включать. На сегодняшний день уже имеются определенные пункты в повестке дня для ближайшей перспективы – договор по СНВ между Россией и США, Конференция по рассмотрению действия ДНЯО 2010 г., ратификация ДВЗЯИ. Что дальше? Какими могут быть следующие шаги в процессе ядерного разоружения? На что страны готовы пойти далее, а на что нет?

К О М М Е Н Т А Р И Й

- 143 **Владимир Воронков. Договор о европейской безопасности: после Корфу** – Существенной вехой в реализации идеи президента Дмитрия Медведева о заключении Договора о европейской безопасности стала созванная по инициативе греческого председательства в ОБСЕ неофициальная министерская встреча на о. Корфу (Греция). Автор статьи комментирует пути построения новой архитектуры европейской безопасности и возможности дальнейшего продвижения российской инициативы.
- 149 **Сет Кинкейд. О важности российско-китайского энергетического диалога** – В условиях мирового финансового кризиса Россия столкнулась с такими вызовами, которые в перспективе способны либо еще сильнее ослабить ее экономику, либо предоставить новые значительные стимулы для ее восстановления и качественного развития. Одним из таких потенциальных стимулов является энергетическое сотрудничество с Китаем. Американский исследователь, стажер ПИР-Центра анализирует необходимость такого партнерства как для самой России, так и для мирового сообщества в целом.

155 О Б З О Р Ы М И Р О В Ы Х П Р О Ц Е С С О В :
М А Й – А В Г У С Т 2 0 0 9

- 156 **Альберт Зульхарнеев. Индекс *iSi* за май–август 2009: Лето без затишья** – Интенсивность событий международной безопасности мая–августа 2009 г. опровергает известное представление о существовании традиционного летнего затишья в политической и других сферах, от которых зависит уровень угроз жизни и благополучию граждан планеты. Эти события комментируют члены Международной экспертной группы ПИР-Центра Дайан **Джаятиллека**, Андрей **Кортунов**, Абдулазиз **Сагер**, Евгений **Сатановский** и Константин **Эггерт**.
- 158 **Юрий Федоров. Глазами либерала: Никогда такого не было, и опять то же самое** – «Российские и американские переговорщики с важным видом имитируют своих предшественников времен холодной войны. Между тем, и на Дальнем, и на Ближнем Востоке назревают серьезные потрясения. Не исключена новая война на Кавказе, которая обернется изоляцией России, что, впрочем, вполне вписывается в планы тех, кто готовит реставрацию сталинизма. В Вашингтоне пока еще не осознали, что война в Афганистане выиграна быть не может, и чем дольше американские войска будут там оставаться, тем тяжелее будет

афганский синдром. А в целом, если только руководители ведущих демократий не осознают необходимость глубоких изменений политической стратегии, то, что сегодня кажется историческим фарсом, обернется новой исторической трагедией».

- 171 **Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: Глобальная повестка дня сквозь туман кризиса** – «Если приглядеться к большинству событий, которые определили сущность международных отношений и вопросов глобальной безопасности за последние три-четыре месяца, то Россия как бы оказалась ни при чем. Она оказалась почти вне контекста. И если бы не советский потенциал ядерного оружия (внести туда *российский* компонент в виде пресловутой *Булавы* не удастся), то *выпадение из контекста* было бы полным и безнадежным».

Б И Б Л И О Т Е К А

- 183 **Владимир Орлов. Корни мака** – «Именно по причине того, что практически все правительства в Юго-Восточной Азии проводят крайне жесткую политику в отношении наркозависимых людей, эти люди просто-напросто уходят в подполье, переходят на более тяжелые наркотики. От курения опиума они переходят к инъекциям героина и фармацевтических веществ и от глотания метамфетаминовых таблеток к инъекциям растворенных таблеток. Одновременно на севере Мьянмы и в южных провинциях Китая наблюдается взрыв ВИЧ-инфекции».

- 195 **Константин фон Эггерт. Герои или негодяи? Терроризм 1970-х в зеркале нашего века** – «Книга Штефана Ауста, хоть и написана на историческом материале, очень современна. Автор пытается быть честным перед самим собой и своим прошлым и поэтому не скрывает симпатий к левому движению 1960-х гг. и скепсиса в отношении правоохранительной системы Германии. Однако, как профессиональный журналист, Ауст честно излагает факты. А они неизбежно приводят к выводу, что, в конечном счете, кровопролитие стало для RAF не просто самоцелью, а извращенной формой самореализации».

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

- 199 **Дарья Золина, Геннадий Евстафьев, Ольга Кубанская, Евгений Петелин и Мария Теплоухова** – Сотрудники и стажеры готовят краткий обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.

Р Е Д А К Т О Р У

- 205 **Джордж Перкович.** «Ядерный ноль: основные проблемы».

- 213 S U M M A R Y

- 217 О Б А В Т О Р А Х

- 223 Э К С П Е Р Т Н О - К О Н С У Л Ь Т А Т И В Н Ы Й С О В Е Т П И Р - Ц Е Н Т Р А

- 226 С О Д Е Р Ж А Н И Е Ж У Р Н А Л А И Н Д Е К С Б Е З О П А С Н О С Т И З А 2 0 0 9 Г .

- 230 Р Е Ц Е Н З Е Н Т Ы Ж У Р Н А Л А В 2 0 0 9 Г .

К О Н Е Ц . Ц И Т А Т Ы

ТОЧКИ НАД «И»

*Уважаемый редактор,
Может – лучше про реактор?*

*В.С. Высоцкий
Письмо из сумасшедшего дома «Канатчикова дача» в редакцию телепередачи «Очевидное – невероятное».*

*Я тут всю жизнь в ворота бьюсь рогами, как баран –
А мне бы взять Коран – и в Тегеран.*

*В.С. Высоцкий
Лекция о международном положении, прочитанная осужденным за мелкое хулиганство.*

О
Т
Р
Е
Д
А
К
Т
О
Р
А

В конце концов, пора расставить точки над этим «и». Над иранским «и». К обсуждению вопросов ядерной программы Ирана за последние годыросло слишком много ракушечника, который не имеет к делу прямого отношения и только искажает картину.

Как вы думаете, как должна была повести себя страна, которая (в 1980-х гг.) подверглась агрессии со стороны соседа с использованием оружия массового уничтожения (химического), а так называемое *международное сообщество* как воды в рот набрало?

Как вы думаете, как должна была повести себя страна, которую публично причисляют к оси зла, после чего предыдущее звено в этой оси зла атакуют и перепихивают?

Как вы думаете, как должна была повести себя страна, о воздушных ударах по которой то и дело размышляют вслух, будто бы взвешивая на весах: *нанести – не нанести?*... И о смене *репрессивного режима* тоже рассуждают вслух, будто Саудовскую Аравию или, скажем, Египет можно хотя бы близко сравнить с Ираном по уровню открытости общества? Зато по уровню послушания они отличаются от Ирана в лучшую сторону, поэтому им – пряники, а упрямому – кнут.

Не надо быть *крутым экспертом*, чтобы догадаться: эта страна будет работать над тем, чтобы максимально эффективно обеспечить свою национальную безопасность любыми средствами, причем будет делать эта сама и втихую, ни на кого больше не надеясь, но ни на кого и не оглядываясь.

Именно так поступил Иран в середине 1980-х гг., когда начал всерьез рассматривать возможность создания собственного ядерного оружия.

Были ли шансы заставить Иран свернуть с этого пути? Были. Достаточно вспомнить 2003 г. Иран был тогда готов – убежден, серьезно, без подчас свойственного ему лукавства и обмана – свернуть свои военные планы, в обмен на широкий пакет, включавший в себя как экономические стимулы, так и гарантии безопасности. Кто тогда оказался к этому не готов? Соединенные Штаты. Поговорили-поговорили, но от сделки уклонились. Именно тогда идея переговоров с Ираном была во многом дискредитирована. Не Ираном.

Вместо этого, началась затяжная история про то, можно ли Ирану обогащать уран или *не можно*; потекли все эти резолюции Совета Безопасности, являвшиеся не больше чем терапией для самих пишущих эти резолюции... История к тому же не конструктивная, так как Иран уран обогащать научился, уран обогащает и обогащать будет. Обратное *джинна в бутылку* не загонишь. Что посеяли, то и пожали.

Роджер Коэн в своей блестящей, умной статье в *Нью-Йорк Таймс*, анализируя иранские предложения, приходит к выводу:

«Я не вижу никакой сделки, которая не приведет к согласию разрешить Ирану проводить контролируемое обогащение на своей территории в обмен на интенсивные проверки со стороны МАГАТЭ и круглосуточное присутствие инспекторов этой организации в стране. Для Соединенных Штатов и их союзников пришло время отказаться от цели заставить Иран полностью прекратить обогащение урана – потому что эта цель нереалистична – и сосредоточить свои усилия на том, как избежать разработки вооружений, ограничить обогащение и ясно показать Ирану, что цена за нарушение любого соглашения будет очень высокой»¹.

Согласен.

В переговорах с Ираном мы откатились назад, к 2003 г. Но надо научиться на ошибках и не упустить возможности выхода на широкомасштабное соглашение с Ираном сейчас.

В этом смысле, результаты встречи 1 октября с.г. в Женеве между *шестеркой* и Ираном я рассматриваю как обнадеживающие. Соединенные Штаты ведут себя правильно, начав за ланчем прямой, двусторонний разговор с Ираном, и участвуя на равных в общих переговорах.

Процесс будет затяжным. Ирану слишком долго играли на нервах – он теперь отыграется.

Однако куда в Иране не принято политического решения о получении страной собственного ядерного оружия, у нас остается шанс достичь с ним договоренности: вывод из-под экономических санкций; *разморозка* иранских авуаров в американских банках; полномасштабная нормализация ирано-американских отношений; гарантии безопасности Ирану – с одной стороны; беспрецедентная транспарентность для инспекций МАГАТЭ в Иране, которая должна идти даже дальше норм Дополнительного протокола к соглашению о гарантиях с МАГАТЭ (его Иран должен ратифицировать и ввести в действие), возможно, согласие Ирана на режим специальных международных инспекций – с другой. Через определенное время после начала таких инспекций и при отсутствии обнаружения свидетельств военной составляющей ядерной программы *ядерное досье* Ирана в Вене закрывается, и Иран вовлекается в международное атомное сотрудничество.

Есть один серьезный фактор, который может помешать этим планам – Израиль. Точнее, непредсказуемый Израиль при Нетаньяху.

Израильский удар по Ирану не невозможен. Что он будет означать? «Это самое худшее, что можно себе представить, – размышлял Д.А. Медведев в интервью Фариду Закарии. – Что после этого произойдет? Гуманитарная катастрофа, огромное количество беженцев, желание Ирана отомстить, причем не только Израилю, скажем откровенно, но и другим странам. И абсолютно непредсказуемое развитие событий в регионе. Я думаю, что масштаб этого бедствия почти ни с чем невозможно соизмерить. (...) Это было бы самым неразумным развитием событий. Но мне мои израильские коллеги сказали, что они не собираются действовать так, и я им доверяю»².

В отличие от Д.А. Медведева, я Биньямину Нетаньяху не доверяю. Как-то доводилось с ним встречаться (в его предыдущее премьерство), и он произвел на меня впечатление поверхностного, излишне эмоционального политика. Не очень углубляясь в существо вопросов, которые мы обсуждали (а это был, как можно догадаться, опять же Иран), он рассматривал мой галстук, где были во множестве изображены симпатичные верблюды. «Примаков, что ли, подарил?» – задал вопрос Нетаньяху. Я подумал, что, если галстук снять, то он, наверное, примет меня за иранского *агента влияния*.

Иран не нуждается в том, чтобы его защищать со стороны (хотя развернуть *C-300* ему было бы в нынешних условиях уместно, чтобы меньше было соблазна пролететь над

персидской мирной хатой... ну или над ядерным объектом). Он способен сам себя защитить. Только нужно ли его провоцировать на такую защиту?

«Я не представляю себе никакого ядерного эндшпиля, который не примет во внимание иранский синдром жертвы, позволив стране укрепить свой потенциал (...). Переговоры жизненно важны, потому что другой жизнеспособной альтернативы просто нет»³, – пишет в уже упоминавшейся статье Роджер Коэн.

Действительно, альтернативы переговорам нет. А если есть – то они неутешительны. Или война и разрушение, глубокая международная дестабилизация. Или Иран с ядерным оружием.

Пока есть шанс вот этих двух отвратительных альтернатив избежать.

Но, расставляя точки над иранским «и», не приходит ли время начать расставлять точки над другим «и» – израильским?

Иранские агрессивные высказывания в отношении Израиля – риторика для внутрииранского и особенно для внутримусульманского употребления. Серьезной агрессивной стратегии за этой риторикой не просматривается. Снизится внешнее давление на Иран – рассосется и эта риторика.

Вопрос глубже – в том, что Израиль продолжает игнорировать призывы международного сообщества ликвидировать – а для начала задекларировать, *высветить* – свой собственный ядерный арсенал. Решение Конференции по рассмотрению и продлению действия ДНЯО 1995 г., касающееся Ближнего Востока, содержит такое прямое требование. Сегодня, в преддверии Обзорной конференции ДНЯО 2010 г., игнорирование Израилем этого решения, помноженное на бездействие основных спонсоров «большого пакета 1995 г.», подкладывает под конференцию в Нью-Йорке в мае 2010 г. мину замедленного действия. Не разоружение – Ближний Восток и отсутствие прогресса по резолюции 1995 г. будет основным камнем преткновения в мае в Нью-Йорке.

Новая американская администрация и здесь пока идет по верному пути. В открывающей речи на последнем Препкоме к Обзорной конференции, едва закончив читать приветствие от имени президента Барака Обамы, глава американской делегации Роуз Гетемюллер прямо, поименно призвала Израиль – как и другие государства вне ДНЯО – присоединиться к данному договору. При этом Иран в этой речи ни разу назван не был.

Сейчас это движение в правильном направлении нуждается в практическом подкреплении. В том, чтобы удержать такое направление, нынешней администрации США, придется и проявлять чудеса эквилибристики, и выдерживать давление тех, кто переговорам с Ираном и терпеливой дипломатии предпочитает *мордобой*.

Потребуется и смекалка, и выдержка.

И именно в этом Россия должна прийти на помощь Соединенным Штатам. При таком подходе можем и должны работать с Соединенными Штатами по Ирану и по Ближнему Востоку сообща.

Владимир Орлов

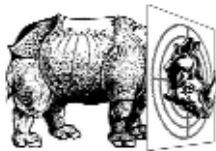
Примечания

¹ Cohen Roger. How to Talk to Iran. *The New York Times*. 2009, September 16, http://www.nytimes.com/2009/09/17/opinion/17iht-edcohen.html?_r=1. Цит. по: <http://www.inosmi.ru/stories/06/08/24/3486/252715.html> (последнее посещение – 19 сентября 2009 г.).

² Интервью записано 15 сентября 2009 г. и распространено CNN и Пресс-службой президента РФ 20 сентября 2009 г. Цит. по: <http://www.kremlin.ru/news/5516> (последнее посещение – 20 сентября 2009 г.).

³ Cohen Roger. How to Talk to Iran. *The New York Times*. 2009, September 16, http://www.nytimes.com/2009/09/17/opinion/17iht-edcohen.html?_r=1. Цит. по: <http://www.inosmi.ru/stories/06/08/24/3486/252715.html> (последнее посещение – 19 сентября 2009 г.).

В ДЕСЯТКУ: О ЗОЛОТОЙ ПОСРЕДСТВЕННОСТИ

Всегда, во всяком обществе, есть так называемая золотая посредственность, претендующая на первенство. Эти золотые страшно самолюбивы. Они с уничтожающим презрением и с нахальной дерзостью смотрят на всех неблистающих, неизвестных, еще темных людей. Они-то первые и начинают бросать камни в каждого новатора. И как они злы, как тупы бывают в своем преследовании всякой новой идеи, еще не успевшей войти в сознание всего общества. А потом какие крикуны выйдут из них, какие рьяные и вместе с тем тупые последователи этой же самой идеи, когда она получает преобладающее значение в обществе, несмотря на то, что они ее и преследовали вначале. Разумеется, они поймут, наконец, новую мысль, но поймут всегда после всех, всегда грубо, ограниченно, тупо, и никак не допускают соображения, что если идея верна, то она способна к развитию, а если способна к развитию, то непременно со временем должна уступить другой идее, из нее же вышедшей, ее же дополняющей, но уже соответствующей новым потребностям нового поколения... Они опшлывают все, до чего ни прикасаются. Всякая живая идея в их устах обращается в мертвечину.

Ф.М. Достоевский. Из журнала «Время» за 1861 г.

Сергей Кисляк:

«**ПЕРЕЗАГРУЗКА РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ – ЭТО ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ВРЕДНОСНЫХ ВИРУСОВ, МЕШАВШИХ НАШЕМУ ДИАЛОГУ**»

Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Соединенных Штатах Америки С.И. Кисляк – давний друг ПИР-Центра, автор нашего журнала. Однако обычно мы беседовали с ним на российской земле, в том числе и в его бытность заместителем министра иностранных дел России. В этот раз, однако, главный редактор журнала *Индекс Безопасности* В.А. Орлов и С.И. Кисляк встретились в Калифорнии, в Монтерее – *нераспространенческой* столице Соединенных Штатов, где российский посол выступил перед студентами и профессорско-преподавательским составом **Монтерейского института международных исследований и его Центра изучения проблем нераспространения (ЦИПН) им. Джеймса Мартина**. Вел дискуссию директор ЦИПН, член Совета ПИР-Центра Уильям Поттер. В преддверии дискуссии в беседе с В.А. Орловым и Уильямом Поттером С.И. Кисляк выразил пожелание об укреплении сотрудничества между ПИР-Центром и американскими научными центрами, прежде всего с ЦИПН.

С любезного разрешения Уильяма Поттера мы публикуем ниже фрагменты дискуссии, состоявшейся в Монтерее. Дискуссия, которая велась на английском языке, носила публичный характер и была открыта, в том числе и для СМИ. *Индекс Безопасности* осуществил запись дискуссии, а затем ее расшифровку и перевод наиболее интересных фрагментов на русский язык.

ПОТТЕР: Вашингтон и Москва говорят сегодня о политике *перезагрузки*. Каковы были основные проблемы в российско-американских отношениях в недавнем прошлом?

КИСЛЯК: Давайте вернемся чуть-чуть назад и посмотрим на то, как развивались российско-американские отношения всего год назад. Август 2008 г. Это было время, когда у нас были очень тяжелые отношения из-за ситуации вокруг Южной Осетии и грузинского вторжения туда. Нам пришлось вмешаться и осуществить операцию по принуждению к миру. И я должен сказать, что, по-моему, отношения тогда достигли самой нижней точки за весь период после окончания холодной войны. Просто потому, что США слепо следовали лишь своему восприятию событий на Кавказе, невзирая на реальные факты и не принимая во внимание то, что происходило на самом деле.

В то время в США продвигали идею изоляции России. Работа целого ряда дискуссионных площадок, на которых Россия и США работали вместе, была заморожена. Были отложены некоторые встречи в рамках *большой восьмерки*, по решению Вашингтона прекратил свою деятельность Совет Россия–НАТО (СРН). Это особенно печальный для меня факт, поскольку самая первая проверка на прочность показала, что Америка не заинтересована и не готова к диалогу с нами. Мы обратились в Совет Безопасности ООН, в другие институты, но их работа была просто парализована.

И это был момент истины для нас – он подтвердил, что нынешние институты и формат взаимоотношений необходимо менять, модернизировать, чтобы быть в состоянии решать серьезные вопросы в области безопасности, в том числе и в сфере европейской безопасности.

Нам необходима площадка, на которой мы могли бы встречаться и обсуждать различные темы. Это не означает обязательного, автоматического принятия российской позиции. Речь идет о диалоге. Мы должны дискутировать по поводу корней той или иной проблемы, и это поможет нам двигаться вперед. На таких встречах мы могли бы предоставлять друг другу больше конкретной информации о реальном положении дел.

ПОТТЕР: И какова же была природа *перезагрузки*?

КИСЛЯК: Когда президентом был избран Барак Обама, он предложил новую тональность для наших отношений. Затем была знаменитая речь вице-президента Джозефа Байдена в Мюнхене. И мы почувствовали, что основной сигнал, который посылает нам американская администрация, – это желание конструктивного сотрудничества. Мы с уважением восприняли такой подход, и поэтому встреча двух президентов в Лондоне в апреле 2009 г. прошла очень хорошо, это был разговор по существу. А потом состоялся и саммит в Москве в июле 2009 г.

Я хотел бы добавить, что сам термин *перезагрузка* – это порождение компьютерного мира. И все те из нас, кто постоянно пользуется компьютером, знают, что жесткая перезагрузка и даже переформатирование диска производятся для того, чтобы избавиться от старых вирусов. В противном случае все те же проблемы возникнут снова. И я полагаю, что встреча двух президентов в Москве была как раз идеальным временем для того, чтобы избавиться от вредоносных *вирусов* и начать строить новые отношения.

Мы стараемся развивать сотрудничество в тех сферах, в тех вопросах, где мнения наших лидеров совпадают.

ПОТТЕР: Президент Обама обозначил как-то, что миру нужна сильная, мирная и процветающая Россия. С другой стороны, в конце июля этого года вице-президент Джозеф Байден выступил совсем с иным посылом в интервью газете *The Wall Street Journal*. Он намекнул, что тяжелая экономическая ситуация заставит Москву быть более сговорчивой по отношению к Западу по целому ряду вопросов национальной безопасности. Как в России восприняли эти противоречивые сигналы?

КИСЛЯК: Я думаю, что, прежде всего, мы имеем дело все-таки с той политикой, которую проводит президент Обама. Он сегодня ведет диалог с Москвой в очень благожелательном тоне, имеет свое видение российско-американских отношений и их дальнейшего развития. Мы воспринимаем эти намерения всерьез – это для нас и есть отражение американской политики. Конечно, часто приходится слышать о разных *нюансах* в оценке России и перспектив отношений с Россией. Это понятно. Просто хорошие новости продать труднее, поэтому кому-то приходится концентрироваться на плохих новостях. Мир таков, что всегда можно найти какие-то неприятные известия или моменты.

Мы понимаем, что изменение отношения США к России не произойдет за один день. Это же справедливо и в отношении нашего восприятия Америки. Так что это будет не легкий процесс. Но мы должны работать над теми проблемами, решение которых нас бы объединило, работать как партнеры. И это лучший способ добиться нормальных отношений.

Есть вещи, которые касаются всех на планете – терроризм, экономическая нестабильность, бедность, изменение климата и многое другое. Список очень длинный. И есть вещи, которые нас разъединяют – расширение НАТО, размещение ПРО около наших границ... Но борьба с терроризмом и с другими сложными проблемами гораздо важнее для России и США, с точки зрения долгосрочных интересов обеих сторон. И это дает нам прекрасный шанс поработать над этими темами и даже, в конце концов, определить, чего можно добиться в наших отношениях, а чего достичь невозможно.

Одна из уникальных сфер, в которой мы с Соединенными Штатами и Европой работали и работаем, причем даже в самые сложные периоды холодной войны, это нераспространение. Взлеты и падения в наших политических взаимоотношениях не сказывались на нашей совместной деятельности в этой области. Я думаю, что это живое доказательство того, что есть важные вопросы безопасности, по которым совпадают долгосрочные стратегические интересы России и США. Нам пришлось научиться сотрудничать. Это не значит, что у нас не было разногласий по поводу наиболее эффективных способов достижения тех целей, которые мы разделяли. Но в то же время мы никогда не прерывали коммуникаций, диалога по этой проблематике. Даже во время кризисов, которые мы успешно пережили. Это то, что нужно сохранить и преумножить в будущем.

ПОТТЕР: Теперь давайте поговорим о вопросах контроля над ядерными вооружениями, в частности о переговорах по договору, который заменит СНВ-1. Срок действия последнего истекает 5 декабря 2009 г. Будет интересно услышать Вашу точку зрения, прежде всего, о перспективах заключения соглашения к 5 декабря.

КИСЛЯК: Это очень сложная задача, поскольку СНВ-1 затрагивает фундаментальные вопросы безопасности в отношениях России и США. Когда закончится срок действия нынешнего соглашения, это будет означать, что 6 декабря уже не будет никаких ограничений, никаких правил в сфере стратегических вооружений. И это касается всех видов стратегических вооружений, не только оборонительных. Потому что, я напомню, Соединенные Штаты вышли из Договора по ПРО – одного из тех двух соглашений, которое закладывало основы предсказуемости. Это был односторонний шаг, на который пошла администрация Буша в самом начале своей работы. Теперь единственное, что у нас остается, – это СНВ-1. Это договор доказал, что он эффективен, и обе стороны считают его исполнение успешным. Поэтому если мы лишимся его 6 декабря, каждое из государств сможет делать все, что захочет, для развития своих возможностей в сфере стратегических вооружений.

Нам кажется, что СНВ-1 был важным инструментом стабильности и предсказуемости. И вести новые переговоры достаточно сложно. Каждая мелочь, как это кажется нам, переговорщикам, нашим генеральным штабам представляется целым испытанием, серьезной уступкой. Поэтому частью задачи является вычленение для обсуждения всех разумных и важных вещей – и это дополнительная нагрузка для переговорщиков.

В то же время это не тот договор, который мы будем писать с чистого листа. Все то, что мы уже разработали – с точки зрения процедур уничтожения оружия, инспекций и т.п., – все это уже было многократно проверено в деле. И в какой-то степени мы выработали культуру взаимодействия при выполнении СНВ-1.

В США есть целая инфраструктура, которая работала над выполнением этого соглашения. У нас в России тоже есть такие структуры и механизмы. И они работают гораздо лучше сейчас, чем 10 лет назад. Это тоже важная веха для переговорщиков. Потому что есть вещи, которые они не могли сделать тогда, но добиться которых сегодня гораздо проще. Иногда даже не надо заново изобретать велосипед. Можно просто воспользоваться опытом переговоров по прежнему договору и применить его в наше время. Тем не менее, самая большая проблема – это определить наши роли и направление движения. И в этом вопросе мы пока полной ясности не получили, это может стать вызовом для нас. Кроме того, нам необходимо установить предельные размеры численности по боезарядам и ограничения по средствам доставки.

Стратегическая цель США сильно отличается от нашей. У нас асимметрия в потенциалах, но обе стороны хотят достичь равного чувства безопасности. Я не говорю о паритете, я говорю о равной безопасности.

ПОТТЕР: Перейдем к вопросам тактического ядерного оружия. Администрация Барака Обамы, похоже, гораздо более внимательно относится к аргументу о том, что нестратегические ядерные силы (ТЯО) должны быть выведены из Европы, а также о том, что ТЯО должны стать одним из ключевых вопросов российско-американского диалога по контролю над вооружениями. Насколько перспективны такие инициативы? И если нет, то по-

чему? При каких обстоятельствах Россия могла подумать о сокращении, а в конечном итоге, и уничтожении всего своего арсенала ТЯО?

КИСЛЯК: Прежде всего, что касается позиции американской администрации, то лучше, наверное, спросить у моих коллег из госдепа. Пока мы видим, что один из компонентов ядерных сил США по-прежнему находится в Европе. И мы предлагали переместить все ядерное оружие на национальные территории, то есть собственно в те государства, которым оно и принадлежит. У России нет ядерного оружия за пределами ее территории.

Что касается переговоров по ТЯО, Ваш вопрос слишком конкретно поставлен, чтобы можно было на него ответить прямо сейчас. Трудно сказать, по каким вопросам мы будем вести переговоры. Прежде всего, если говорить в общем, наши президенты выдвинули идею сокращения ядерных arsenалов.

Они понимают, что достичь этой цели можно только через реализацию многих других вещей. Нам нужно быть уверенными в том, что, пока крупные ядерные государства будут сокращать ядерное оружие, другие страны тоже не будут стоять в стороне, что, пока мы будем уничтожать ядерное оружие, другие страны не будут распространять его в новых регионах. Прежде всего, важно показать, что мы все встроены в процесс. И потом можно двигаться дальше, работать в этом направлении. Так что и ТЯО мы обязательно охватим, просто по определению.

Мы сегодня не обсуждаем ТЯО в связке с СНВ просто потому, что это сегодня было бы непродуктивным. В будущем мы не исключаем такой возможности, но нам надо понимать, в чем состоят реальные проблемы для России. А это, главным образом, непредсказуемость нынешней ситуации. Недавние события – в Косово или в Южной Осетии – показали, что войны в Европе по-прежнему возможны.

Мы видим, что есть альянс, который по природе своей является военным блоком, который действует вне зоны своей традиционной ответственности. И этот альянс показал, что он может применять военную силу. Конечно, мы говорим о дисбалансе в Европе. У всех нас на Европейском континенте должно появиться чувство безопасности. До тех пор, пока мы такого состояния не достигли, ядерное оружие будет по-прежнему восприниматься в качестве важного сдерживающего фактора.

ПОТТЕР: Означает ли это, что вопрос ТЯО будет как-то увязан с развитием ситуации вокруг Договора об обычных вооружениях в Европе (ДОВСЕ)?

КИСЛЯК: Нам надо работать над дисбалансом сил в регионе. Но до сих пор у нас не получалось добиться вступления в силу адаптированного ДОВСЕ. Этот договор очень важен для нас. Возможно, не все осознают, что – по крайней мере, если судить по тексту этого договора, – мы по-прежнему живем в обстановке времен холодной войны, когда устаревший договор все еще регулирует политику в отношении обычных вооружений между двумя военными блоками. Один из которых, на минутку, уже не существует – я говорю о Варшавском договоре.

Поэтому мы настаиваем на обсуждении этой темы, принимая во внимание нынешнюю ситуацию, когда нет военных блоков. Такой новый подход давал бы большие гарантии безопасности не только членам альянса, но и всем государствам региона.

Мы провели переговоры по договору, но он так и не вступил в силу, ибо ратифицировали его лишь Россия, Беларусь, Казахстан и Украина. И ни одной страны больше! У нас нет действующего договора – и это проблема! У нас нет предсказуемой и надежной основы для контроля над обычными вооружениями в Европе в долгосрочной перспективе. И остается много вопросов по поводу того, что же произойдет, если отношения на континенте вдруг изменятся.

Я лишь даю понять, что вопросы обычных вооружений в Европе важны сами по себе, и без увязок. И создавая предсказуемую обстановку в сфере обычных вооружений и безопасности, мы облегчим дальнейшее продвижение по другим направлениям.

ПОТТЕР: Поскольку уж мы заговорили о вопросах региональной безопасности, какова Ваша оценка нынешнего состояния ядерной программы Ирана?

КИСЛЯК: Программа достаточно любопытная сама по себе. Иран запустил ее после того, как его годами увещевали сделать это Соединенные Штаты. Вашингтон объяснял прежнему иранскому режиму, шахскому, что необходимо иметь энергетический потенциал, как минимум, в 20 ГВт. Говорилось, что США помогут Ирану в разработке такой ядерной программы – включая и мощности по обогащению урана! – при условии, что они будут возведены внешними операторами.

Затем в Иране произошла смена режима. Изменилось и отношение США – с этого момента они начали утверждать, что у Ирана достаточно нефти и газа для удовлетворения всех потребностей в электроэнергии, что никакая атомная энергия стране не нужна.

У иранцев, тем не менее, осталось намерение продолжать программу – в конце концов, Германия к тому времени уже заложила им инфраструктуру для атомного сектора. И тогда они пришли к нам. Мы подумали: страна соблюдает ДНЯО и намерена реализовать вполне законно программу по развитию атомной энергии.

В то же время за годы войны с Ираком Тегеран пришел к мысли, что стоит приглядеться и к программе по обогащению урана. И делали они это в манере недостаточно прозрачной для международного сообщества, недостаточно прозрачной для МАГАТЭ. С политической точки зрения, это был не самый лучший способ реализации такой чувствительной для всех программы. В какой-то момент в программе по обогащению произошли некоторые изменения. И с этого времени у нас начались очень трудные переговоры, обсуждения, резолюции МАГАТЭ, Совбеза и т.п.

ПОТТЕР: Как бы Вы прокомментировали эти изменения?

КИСЛЯК: Проблема в том, что Иран развивает мощности по обогащению, традиционно используемые в мирной атомной энергетике, хотя, конечно, если они решат, то могут применить их и для военных целей.

У Ирана есть возможность обогащать даже больше, чем они делают сейчас. И обогащение идет на уровне 2–4%, как это и необходимо для атомных реакторов. Мы понимаем это. И я думаю, что все разделяют это мнение – каждый грамм этого обогащенного урана учитывается МАГАТЭ. Реализация иранской программы пока не привела к появлению у страны ядерного оружия. И я полагаю, что до тех пор, пока МАГАТЭ будет в Иране, уран не будет использоваться для создания оружейного материала.

Проблемы могут возникнуть, если произойдет отклонение от этих принципов. Пока же ни у кого из нас нет доказательств такой деятельности. Поэтому все дело в отсутствии уверенности о природе этой программы, в ее восприятии, в отсутствии веры в то, что иранцы раскрыли все карты.

Иногда возникают вопросы о намерениях иранского правительства, о том, как оно распорядится этим обогащательным потенциалом. Сейчас все делается в законных рамках, в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). И есть, кстати, некоторые страны – члены ДНЯО, не обладающие ядерным оружием, но имеющие схожие амбициозные программы – те же Япония или Бразилия, некоторые государства Европы и Азии.

Поэтому нет ничего особенно уникального в наличии обогащательных установок у Ирана. Разница лишь в том, что с экономической точки зрения не так уж и просто оправдать наличие таких мощностей при отсутствии продвинутой программы атомной электрогенерации. До сих пор у Ирана не было ни одной работающей атомной электростанции. *Бушер* должен стать первым проектом такого рода. Но для *Бушера* Россия поставляет ядерное топливо на первом этапе и на всех последующих. Поэтому урана и так хватит.

Так что все дискуссии о создании Тегераном ядерного оружия основываются на оценке возможностей. Тех возможностей, которые они по факту создают. Тех возможностей, которые могут оказывать влияние на их намерения в будущем. Из этого и родился поч-

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

ти стереотип о том, что Иран разрабатывает ядерное оружие или уже сделал это. Но это домыслы, это не факты.

Есть много неясных моментов, касающихся иранской программы. Они были озвучены МАГАТЭ. Агентство по поручению мирового сообщества осуществляет контроль над программой Тегерана. И надо честно сказать, что не всегда иранцы соблюдают предъявляемые к ним требования Агентства на 100%. Есть еще вещи, которые предстоит решить и МАГАТЭ, и Совбезу ООН прежде, чем мы скажем, что вопрос исчерпан. И это будет непростая задача.

ПОТТЕР: Что, на Ваш взгляд, необходимо сделать Ирану и международному сообществу для разрешения кризиса?

КИСЛЯК: Я думаю, что наилучшим решением вопроса было бы политическое решение. Это означает дипломатические усилия и переговоры. У нас есть механизм вовлечения Ирана – это *шестерка*. Более того, мы видим некоторые перемены в позиции США после прихода новой администрации, видим желание вести переговоры.

Предложение *шестерки* – это хороший базис, поскольку оно содержит широкий спектр договоренностей для Ирана. Речь идет не только о вполне законных (в том числе, с точки зрения морали) способах развития атомной энергетики в Иране, но и о многих других вещах, в частности передаче мирных технологий и для других отраслей.

Мы уверены, что если Иран выберет путь переговоров, поддержит предложение *шестерки* и разовьет его до формата конкретного соглашения со всеми нами, то это будет более выгодно для страны, чем любая программа обогащения урана, какую бы Тегеран ни решил развивать в будущем.

ПОТТЕР: Еще один очень актуальный для США вопрос – это Афганистан. Учитывая трудный опыт СССР в Афганистане в 1970–1980-е гг., что могло бы быть полезно для Америки сегодня? Какие уроки, которые извлекла Москва, необходимо выучить и Вашингтону?

КИСЛЯК: Для нас это было тяжело. Да и вообще Афганистан – это сложно. И это будет сложно для Соединенных Штатов. Это первый урок. Второй урок – США должны работать над формированием в Афганистане собственного барьера для террористов. Такой барьер должен быть создан из самых первых ростков нормальной экономики. Нормальная экономика пока в Афганистане отсутствует. Это создает питательную почву для появления террористов. Опора на урожай опиумного мака – результат отсутствия альтернативы для крестьян. У них нет ни других культур, ни даже нормальных систем ирригации. И это очень большая проблема для нас и для других стран, прилегающих к региону.

Борьба с терроризмом должна сопровождаться построением гражданского общества и созданием нормальной власти в стране. И это будет долгий процесс.

Что касается России, то мы пытаемся помогать. И не только через обмен опытом – это важно, но только этого было бы сейчас недостаточно. Мы поддерживаем усилия, направленные на то, чтобы дать жителям Афганистана возможность управлять своей страной. Мы также решили содействовать вооруженным силам США, разрешив транзит грузов и личного состава через территорию России.

Это было непростое решение, но мы решили, что и Россия может помочь в осуществлении задач США в регионе. Мы будем помогать и дальше самыми разными способами, за исключением направления воинского контингента в Афганистан. Это мы уже проходили.

Жан де Глиниasti:

«КАЖДОЕ ГОСУДАРСТВО ДОЛЖНО ВНЕСТИ СВОЙ ВКЛАД
В ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ»

Ядерное разоружение не является исключительной сферой взаимодействия США и России. Активное подключение других государств ядерной пятерки к данному процессу – важный вопрос повестки дня. Традиционно независимая позиция Франции может придать новый импульс ядерному разоружению, а может эту тенденцию подавить. Какова позиция Франции в новых условиях?

Чрезвычайный и Полномочный Посол Французской Республики Жан де Глиниasti отвечает на наши вопросы¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие существуют сегодня опасения и надежды Французской Республики в ядерной сфере?

ГЛИНИАСТИ: Главные опасения состоят в том, что все больше стран готовы переступить ядерный порог, ядерное оружие или ядерные материалы могут попасть в чужие руки, что существует риск слишком слабой реакции международного сообщества перед этими вызовами, которые наносят ущерб режиму нераспространения и ставят под серьезную угрозу международную, а также и региональную безопасность.

Но имеются и многочисленные надежды: на существенное сокращение до конца 2009 г. российских и американских арсеналов; на новые ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ); на начало переговоров по Договору о запрещении производства оружейных материалов (ЗПРМ) после десятилетнего бездействия; надежда, что ядерная энергетика позволит удовлетворить растущие потребности в электроэнергии развивающихся стран и внесет вклад в устойчивое развитие и энергобезопасность.

Наша общая задача – сделать так, чтобы нарождающийся мир был миром коллективной безопасности, стабильности и благополучия.

В этом контексте нам необходимо следить за сохранением целостности ДНЯО, который является важнейшим элементом, гарантирующим коллективную безопасность. Мы должны сделать все, чтобы предстоящая в мае 2010 г. Конференция по рассмотрению действия ДНЯО позволила нам продвинуться во всех областях: будь то нераспространение, разоружение, мирное использование атомной энергетике. Нужно ставить перед собой высокие цели и действовать решительно и прагматично.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какова же позиция Франции в вопросе ядерного разоружения?

ГЛИНИАСТИ: К вопросу ядерного разоружения Франция относится очень серьезно. За последние 12 лет Франция это убедительно доказала, в то время как немногие

из ядерных держав приложили аналогичные усилия. Французская Республика стала первым государством, совместно с Великобританией подписавшим и ратифицировавшим уже 11 лет назад ДВЗЯИ.

Франция – единственное государство, демонтировавшее все свои ядерные ракеты класса *земля-земля*. Мы сократили весь свой арсенал и приняли ряд мер по снижению уровней оперативной боеготовности наших ядерных сил для поддержания их на максимально низком уровне в интересах сохранения убедительности ядерного устрашения.

Мы прекратили производство расщепляющихся материалов: в 1992 г. – плутония, а в 1996 г. – урана. Мы подписали мораторий на производство оружейных расщепляющихся материалов. Франция стала первым государством, решившим закрыть и демонтировать свои установки по производству расщепляющихся материалов для взрывных устройств. Франция – единственное государство, открыто демонтировавшее свою площадку для ядерных испытаний в Тихом океане. Франция всегда поддерживала начало переговорного процесса по договору о ЗПРМ. Переговоры по этому договору, как мы надеемся, начнутся, наконец, после предварительного 12-летнего обсуждения.

На этом Франция не остановилась. В марте 2008 г. в Шербурге президент Французской Республики заявил о сокращении на треть аэрокосмической составляющей (ракеты, самолеты, ядерные боеголовки). Он также обнародовал итоговый потолок нашего ядерного арсенала (менее 300 единиц). Это заявление является фундаментальным, поскольку приводимые другими ядерными державами цифры (если таковые имеются) отражают не весь объем их арсеналов, а только оперативно-развернутое стратегическое оружие. Ряд других обязательств, изложенных в этой речи, уже нашли свое конкретное выражение: Франция организовала два посещения своих бывших установок по производству ядерных оружейных материалов более чем для 40 государств – участников Конференции по разоружению и более чем для 20 неправительственных экспертов. Впервые ядерная держава открывает двери своих бывших военных производственных установок.

Кроме этого, Франция высказала пожелание убедить своих партнеров более решительно выступать за ядерное разоружение. В Шербурге президент Французской Республики высказал амбициозные предложения и призвал ядерные державы принять их, не колеблясь, до начала Конференции по рассмотрению действия ДНЯО в 2010 г. На этой основе и по инициативе председательства Франции в Европейском Союзе в 2008 г. Европейский Союз представил на Генеральной Ассамблее ООН план действий по разоружению, который включает следующие разделы: всеобщая ратификация ДВЗЯИ и завершение его режима проверки, а также открытый и прозрачный демонтаж в кратчайшие сроки всех установок по проведению ядерных испытаний; незамедлительное начало без предварительных условий переговоров по договору о запрещении производства ядерных оружейных материалов, а также немедленное введение моратория на производство этих материалов; реализация ядерными державами мер доверия и прозрачности; дальнейшее продвижение проводимых в настоящее время между США и Россией переговоров по выработке нового юридически обязывающего соглашения по СВН, а также общее сокращение мировых запасов ядерного оружия, в частности, государствами, обладающими наиболее широкими арсеналами; учет тактического ядерного оружия государствами, которые им обладают в рамках общих процессов контроля над вооружениями и разоружения с целью их сокращения и уничтожения; начало консультаций по договору о запрещении ракет класса *земля-земля* малой и средней дальности; присоединение к Гаагскому кодексу поведения и его реализация; мобилизация во всех других областях разоружения.

С материалами по вопросам разоружения вы можете ознакомиться в разделе «Пути ядерного разоружения» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/disarmament>

С того времени к декабрю 2008 г. план действий был принят 27 главами государств и правительств Европейского Союза, а президент Французской Республики направил Генеральному Секретарю ООН письмо с представлением этой важной европейской инициативы по обеспечению мира и международной

безопасности. Сегодня мы предлагаем всем членам ДНЯО включиться в его реализацию, в частности, в рамках Конференции по рассмотрению действия ДНЯО в 2010 г.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каковы, на Ваш взгляд, возможности для многостороннего процесса ядерного разоружения?

ГЛИНАСТИ: Мы сможем продвинуться по пути разоружения лишь в случае, если стремление к разоружению и прогрессу является всеобщим. С этой точки зрения необходимо отметить, что не все ядерные державы проявляют одинаковую открытость: некоторые из них заявляют лишь количество оперативно-развернутых вооружений, не упоминая о суммарном количестве вооружений; другие вовсе ничего не говорят. Кроме этого, некоторые продолжают производить оружейные материалы, наращивая, таким образом, свои арсеналы.

Наш долг – действовать совместно в одном направлении, и, как подчеркивается в статье VI ДНЯО, каждое государство, и не только ядерные державы, должно внести свой вклад в обеспечение ядерного разоружения и, в более широком смысле, в обеспечение коллективной безопасности.

Что касается дальнейших этапов многостороннего сотрудничества, то у нас имеются два приоритета: вступление в силу ДВЗЯИ и начало переговоров по договору о прекращении производства оружейных материалов.

Спустя 13 лет после подписания ДВЗЯИ настало время его вступления в силу. Второе ядерное испытание, проведенное КНДР, осужденное резолюцией №1874 Совета Безопасности ООН, напомнило о необходимости всеобщей юридически обязывающей нормы по запрещению ядерных испытаний. Решимость президента Барака Обамы добиваться ратификации ДВЗЯИ является особенно обнадеживающим фактором. Кроме этого, такая ратификация может побудить 8 других государств, от которых зависит вступление договора в силу, также последовать примеру США. Совместно с нашими европейскими партнерами мы приступили к активным коллективным действиям в этом направлении. Кроме того, с сентября 2009 г. Франция совместно с Марокко возглавляет министерскую конференцию по XIV статье Договора.

После десятилетнего ожидания в 2009 г. Конференция по разоружению согласовала рабочую программу. Это означает, что переговоры по договору о запрещении производства оружейных ядерных материалов могут начаться.

На протяжении около 16 лет Франция решительно выступает за проведение переговоров по такому договору. В своем выступлении в Шербурге в марте 2008 г. президент Франции напомнил об этом приоритете.

Известно, что непосредственной целью договора о ЗПРМ не является сокращение существующих ядерных арсеналов. Однако, подобно тому, как ДВЗЯИ установил предел качественному усовершенствованию ядерного оружия, так и договор о ЗПРМ установит универсальный суммарный юридически обязывающий количественный предел ядерных арсеналов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие шаги Франция может предложить уже сегодня, без договора о ЗПРМ?

ГЛИНАСТИ: В 2008 г. президент Французской Республики предложил в Шербурге незамедлительно ввести мораторий на производство оружейных ядерных материалов. Четыре ядерные державы уже дали свое согласие на такой мораторий. Отныне необходимо, чтобы другие ядерные державы однозначно заявили о своем присоединении к нам.

Однако в связи с этим мы не должны ограничиваться одним лишь ядерным разоружением. Наша фундаментальная цель – сделать так, чтобы новый мир был более безопасным. Это означает, что мы должны суметь оперативно отреагировать на серьезные вызовы, затрагивающие нашу безопасность, – в первую очередь, поведение государств, осужденных ООН за нарушение своих международных обязательств. Не стоит себя об-

манывать: сокращая еще больше ядерные арсеналы, мы не сможем убедить страны-нарушители в необходимости отказаться от своих действий. Напротив, обострение кризиса распространения, которое мы наблюдаем сейчас и которое могло бы усугубиться, если нам не удастся остановить Иран и КНДР, является обратным стимулом к продолжению ядерного сокращения.

Как подчеркнул президент Николя Саркози в Шербурге, международное сообщество должно действовать сплоченно и решительно против ядерного распространения. Именно потому, что мы хотим мира, мы не должны быть снисходительны к тем, кто нарушает международные нормы. Именно потому, что гражданская атомная энергетика может развиваться лишь при взаимном доверии, мы должны пресечь намерения тех, кто будет стремиться использовать ее в иных целях.

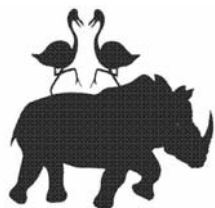
Необходимо и впредь реагировать самым решительным образом на кризисы распространения, действовать в пользу упрочения системы гарантий МАГАТЭ и универсального признания Дополнительного протокола. Однако мы обеспокоены также и другими угрозами: увеличение некоторых ядерных арсеналов, биологическое распространение, химическое распространение, а также распространение баллистических и крылатых ракет. Мы должны каждый день работать над предупреждением распространения самым конкретным образом: путем усиления экспортного контроля, контроля за доступом к наиболее чувствительным областям знания, вводя запрет на торговлю, повышающую риск распространения, квалифицируя деятельность по незаконному распространению как преступление и пресекая ее финансирование.

Не ограничиваясь лишь ядерными проблемами, мы должны решать в более широком смысле весь комплекс стратегических вопросов. И действительно, как мы знаем, некоторые страны озабочены не только ядерными арсеналами, но и противоракетной обороной и потенциалами обычного вооружения. Не следует забывать о том, что 90% убиваемых в современных конфликтах людей погибают от огнестрельного оружия, распространение которого необходимо ограничивать. Мы должны решительно продвигаться по пути разоружения, не ограничивая своего анализа и своего видения целей.

Ядерное разоружение является только частью более общей проблемы. Это одна из составляющих глобального действия, направленного на снижение риска ядерного конфликта или возможного теракта. Но оно порождается общим климатом, другими инициативами по достижению мира и коллективной безопасности. Следуя статье VI ДНЯО, мы не должны сужать свой кругозор.

Примечание

¹ Интервью составлено на основе выступления Посла Жана де Глиниасти на конференции «Многосторонние подходы к ядерному разоружению: планируя следующие шаги», организованной ПИР-Центром 3 июля 2009 г. при финансовой поддержке Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (NTI) и МИД Норвегии.

Виктор Заварзин:

«ОТНОШЕНИЯМ РОССИИ И НАТО НУЖНА ПЕРЕЗАГРУЗКА»

Отношения России и Североатлантического Альянса вновь в центре внимания и политиков, и СМИ. Какова позиция России по наиболее чувствительным вопросам взаимоотношений с НАТО? Как в Москве оценивают перспективы диалога по проблемам европейской безопасности? В каких сферах можно было бы наращивать сотрудничество с Брюсселем?

Председатель комитета по обороне Государственной Думы Федерального Собрания РФ Виктор Михайлович Заварзин отвечает на наши вопросы.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Еще недавно мы слышали дипломатические заявления о том, что происходит *разморозка* в отношениях России и НАТО. Сегодня складывается ощущение, что они почти вернулись в 2000 г. Когда можно рассчитывать на восстановление полноценной работы Совета Россия–НАТО?

ЗАВАРЗИН: Наш настрой на восстановление диалога в формате Совета Россия–НАТО (СРН) будет зависеть от того, насколько члены Альянса готовы, а главное – смогут на деле учитывать озабоченности России, вести разговор на честной и равноправной основе.

Цепь недавних событий – провокационный шаг Альянса по проведению учений по программе «Партнерство ради мира» в Грузии, вызывающее решение о лишении аккредитации при штаб-квартире НАТО двух российских дипломатов – показывает, что Брюссель по-прежнему пытается продвигать политически ангажированную, деструктивную повестку дня.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Действительно ли, как заметил заместитель председателя Правительства РФ С.Б. Иванов, РФ и НАТО достигли потолка в своем взаимодействии и необходима новая стратегическая переоценка ситуации в этой сфере?

ЗАВАРЗИН: Последние события еще раз наглядно продемонстрировали, что просто вернуться к *статус-кво* в СРН недостаточно. Нужно действительно *перезагрузить* его функционирование, изменить на подлинно равноправную философию сотрудничества. Особенно важно восстановление доверия, включая откровенный разговор о необходимости соблюдения нашими партнерами основных принципов работы СРН, согласованных при его создании. Прежде всего, речь идет о недопустимости попыток обеспечить свою безопасность в ущерб безопасности других.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: На юбилейном саммите НАТО обсуждались вопросы новой концепции безопасности Альянса. По мнению России, на каких принципах стоило бы строить этот документ?

ЗАВАРЗИН: Мы обращаем особое внимание на принятые лидерами стран – членов НАТО решения относительно начала работы над новой стратегической концепцией Альянса. Россия будет внимательно смотреть, в каких конкретных шагах станут реализовы-

И
Н
Т
Е
Р
В
Ь
Ю

ваться одобренные на саммите установки по трансформации НАТО, включая заявленную приверженность целям и принципам Устава ООН.

Важно понять, как деятельность Альянса будет вписана в усилия международного сообщества по укреплению глобальной и региональной стабильности, каким будет алгоритм взаимодействия с ООН и другими многосторонними организациями, какие задачи будут поставлены перед силовым потенциалом Альянса, будут ли они соответствовать нормам международного права.

Наш подход сводится к тому, что в базовых документах НАТО необходимо исключить двусмысленность по вопросу о том, в каких ситуациях возможно применение силы. В интересах стабильности должен быть обеспечен безусловный примат имеющихся норм международного права. Немало вопросов возникает и в связи с намерениями наделить Альянс функциями в сфере энерго- и кибербезопасности.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Имеются ли возможности для продвижения инициативы, выдвинутой Д.А. Медведевым? Или мы опять станем свидетелями строительства разделительных линий под предлогом обеспечения евроатлантической безопасности?

ЗАВАРЗИН: Многосторонний диалог по инициативе разработки и заключения Договора о европейской безопасности (ДЕБ) набирает обороты. Реакция заинтересованности на данное предложение на СМИД ОБСЕ в Хельсинки (декабрь 2008 г.), Мюнхенской конференции по безопасности (февраль 2009 г.), Форуме сотрудничества по вопросам безопасности и заседании Парламентской Ассамблеи ОБСЕ в Вене (февраль 2009 г.) свидетельствует о том, что большинство европейцев в принципиальном плане готовы к совместной работе по поиску нового консенсуса в сфере евроатлантической безопасности.

Очень важно не упустить имеющееся сегодня *окно возможностей* для выхода на новое качество стратегического взаимодействия в *треугольнике* Россия–Европа–США, навертать накопившееся в Евро-Атлантике за последние годы отставание в сфере *жесткой безопасности*.

Главная цель – разработать такой юридически обязывающий документ, который бы основывался на полном уважении интересов каждого государства на евроатлантическом пространстве, признании их равноправия в том, что касается обеспечения безопасности. Никто не должен укреплять свою безопасность за счет безопасности других. Этот принцип неделимости безопасности и должен быть закреплен в Договоре.

Заключение Договора позволило бы обеспечить качественно новый уровень военно-политической защищенности всех государств, причем наиболее дешевым способом. Это – позитивная альтернатива односторонним решениям, порождающим симметричные или асимметричные ответы, новому витку гонки вооружений.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие конкретные шаги по продвижению этой инициативы можно было бы предпринять?

ЗАВАРЗИН: Старт переговорам по Договору могло бы дать проведение форума на высшем уровне с участием всех евроатлантических государств и всех действующих в сфере безопасности Евро-Атлантики международных организаций (включая Евросоюз, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ, СНГ), всех стран, которые входят в эти организации. Все будут в выигрыше: наша инициатива не предполагает *маргинализации* или отчуждения какой-либо из стран или международных организаций.

Для налаживания субстантивного диалога ключевым является наличие взаимного доверия – его недостаток лежит в основе многих сегодняшних проблем на панъевропейском пространстве. Вместе с тем, очевидна контрпродуктивность попыток обусловить начало разговора по ДЕБ уступками России по тем или иным конкретным вопросам текущей панъевропейской повестки дня.

Для проработки идеи ДЕБ полезно задействовать все имеющиеся на нашем пространстве многосторонние диалоговые форматы. Весомый вклад могла бы внести ОБСЕ, хотя мы и не рассматриваем ее площадку в качестве *эксклюзивной*. В рамках Организации наиболее подходящим форматом для обсуждения инициативы ДЕБ является Ежегодная конференция по обзору проблем в области безопасности, которая была специ-

ально создана в 2002 г. для регулярного рассмотрения всего комплекса вопросов *жесткой безопасности*, включая военно-политические аспекты, урегулирование конфликтов и противодействие новым вызовам и угрозам.

Важный вклад в разработку ДЕБ призвано внести и экспертное сообщество, авторитетные неправительственные организации и академические круги. Политологический трек является полезным для более предметного разговора как по проблемам безопасности в Евро-Атлантике в целом, так и по российской инициативе в частности.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Один из камней преткновения в отношениях с НАТО – это ДОВСЕ. Скоро будет два года, как договор приостановлен. Чего ждать дальше? Готовит ли Россия какие-то привлекательные альтернативы? Или мы планируем выйти из ДОВСЕ, как и грозились сделать летом 2007 г.?

ЗАВАРЗИН: Обстановка вокруг ДОВСЕ остается непростой. Договор по-прежнему является заложником тех, кто увязывает его судьбу с решением *замороженных конфликтов* на территории бывшего СССР.

Российская Федерация со своей стороны придерживается четкой линии, в основе которой лежит выдвинутая в июне 2007 г. на Чрезвычайной конференции по ДОВСЕ программа действий по восстановлению жизнеспособности договорного режима.

Мы неоднократно проявляли дополнительную гибкость, выдвинули ряд инициатив с целью поиска развязок по фланговому вопросу, пониманию термина *суущественные боевые силы*, интенсификации многостороннего диалога и так далее.

Сегодня приходится констатировать, что партнеры предпочитают многие наши озабоченности на данном этапе не обсуждать, а по ряду наиболее *острых* элементов пакета не готовы к компромиссу на основе взаимного учета интересов сторон.

В связи с этим хотелось бы еще раз подчеркнуть: режим ДОВСЕ нужен России в той же степени, что и другим участникам Договора. Нереалистично рассчитывать, что российская сторона предпримет конкретные шаги навстречу западным партнерам в обмен лишь на обещания *рассмотреть* наши озабоченности в неопределенном будущем. *Пакетное решение* в окончательном виде должно включать конкретные формулировки обязательств по всем мерам, необходимым для восстановления жизнеспособности договорного режима в новых условиях, а не только по тем аспектам, где что-то требуется от российской стороны. Завершение моратория зависит от вступления в силу или, по крайней мере, начала временного применения Соглашения об адаптации ДОВСЕ и принятия упомянутых мер на основе российских предложений.

В России заинтересованы в предметном, ориентированном на результат диалоге без пауз и контрпродуктивных увязок с вопросами, не имеющими отношения к контролю над вооружениями. Работа предстоит немалая, и мы считаем необходимым интенсифицировать поиск развязок. В связи с этим мы приветствовали немецкое предложение о проведении в Берлине 10 июня 2009 г. встречи представителей государств – участников ДОВСЕ.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Много говорят о том, что Россия должна провести четкую *красную линию* и показать НАТО *предел* своего терпения. Есть ли набор четких мер, которые Россия готова предпринять в случае вступления в НАТО Украины или Грузии?

ЗАВАРЗИН: Наше негативное отношение к расширению НАТО известно, и оно не зависит от какой-либо конъюнктуры. Мы исходим не из абстрактных факторов или предрасудков холодной войны, а основываемся на позиции, продиктованной неблагоприятными политическими и военными последствиями, которые возникают в связи с очередными волнами расширения. Учитываем их в отношении попыток дальнейшего втягивания в организацию Грузии и Украины.

В этом контексте нельзя не выразить тревогу в связи с проведением в Грузии учений под эгидой программы НАТО «Партнерство ради мира» (ПРМ). Рассчитываем, что НАТО впредь воздержится от подобных шагов в Грузии, в том числе и по линии ПРМ. Они вполне могут быть восприняты режимом М.Н. Саакашвили как *поощрительные сигналы* со стороны НАТО, сильное внешнее *покровительство*.

В нынешних условиях очевидно, что появление в Закавказье такого военно-политического фактора, как НАТО, может серьезно дестабилизировать региональную ситуацию.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: С чем связана столь острая реакция России на учения НАТО в Грузии?

ЗАВАРЗИН: У М.Н. Саакашвили сформировался комплекс вседозволенности и безнаказанности. Это и подтолкнуло его к преступной аванюре в Южной Осетии. Причина коренится, не в последнюю очередь, в решениях прошлогоднего саммита НАТО, где безапелляционно записано, что Грузия будет членом блока. К сожалению, Альянс не извлек уроков из трагических событий августа 2008 г.

Несмотря на сохраняющиеся в Тбилиси реваншистские устремления, курс на ремилиитаризацию, агрессивное и провокационное поведение на границах Абхазии и Южной Осетии, ряд стран НАТО оказывают энергичное содействие в восстановлении военного потенциала агрессора.

Под прикрытием рассуждений о *плановости и рутинности* в Грузии проводятся учения НАТО. Это не может расцениваться иначе как прямое моральное (и не только) поощрение недавнего агрессора и недружественный жест против России.

Проведение учений подогревает напряженность в регионе, в частности, на грузино-югоосетинской и грузино-абхазской границах, причем как раз в тот момент, когда в Южной Осетии будут проводиться всеобщие парламентские выборы. Именно в этом контексте мы рассматриваем недавнее высказывание заместителя министра обороны США Джозефа Бенкерта о том, что «учения направлены на защиту суверенитета Грузии».

Примечательно, что в рамках этих мероприятий ведется отработка оперативной совместимости с грузинскими войсками, целого ряда задач, связанных с повышением боевого потенциала грузинских вооруженных сил. При этом сценарий учений носит довольно двусмысленную *антикризисную* окраску.

Подобные учения также дискредитируют в целом программу «Партнерство ради мира», которая вместо укрепления безопасности и сотрудничества превращается в фактор роста региональной напряженности.

В свете изложенного ясно, что решение Альянса о проведении учений в Грузии никак не способствует укреплению доверия и сотрудничества между Россией и НАТО.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: И все-таки сферы сотрудничества имеются. В каких областях Россия и НАТО взаимодействуют наиболее успешно? Как можно наращивать этот потенциал?

ЗАВАРЗИН: По-прежнему считаем полезной совместную работу с НАТО в борьбе с современными глобальными угрозами безопасности – терроризмом, воинствующим сепаратизмом и наркотрафиком. Площадка СРН успешно использовалась для согласования возможных мер коллективного реагирования на эти и другие общие вызовы.

Мы готовы взаимодействовать с НАТО на афганском треке: мирный и стабильный Афганистан – в долгосрочных интересах безопасности России. Очевидно, что поражение международных сил содействия безопасности и реванш талибов создали бы серьезный конфликтный потенциал на наших южных рубежах.

Начинает действовать оформленная на саммите СРН в Бухаресте в апреле 2008 г. договоренность о транзите невоенных грузов через территорию России – осуществлена первая доставка грузов невоенного характера для нужд американского контингента в Афганистане в составе международных сил.

Мы заинтересованы в продолжении реализации проекта СРН по содействию подготовке кадров для антинаркотических структур Афганистана и транзитных стран Центральной Азии. Это дает дополнительную возможность для налаживания доверительных контактов и обмена опытом, что позволяет эффективнее противодействовать наркоугрозе с территории Афганистана.

Роланд Тимербаев

О ЗАПРЕЩЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА РАСЩЕПЛЯЮЩИХСЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Запрещение производства расщепляющихся материалов для оружейных целей в течение многих десятилетий рассматривается мировым сообществом как реально значимый шаг, ведущий к достижению двойной цели – укреплению режима ядерного нераспространения и приближению к миру без ядерного оружия.

В обстановке наступившего в последнее время возрождения живого интереса к ядерному разоружению, особенно в связи с предстоящей в 2010 г. обзорной конференцией по ДНЯО, возобновившиеся поиски решения проблемы оружейных делющихся материалов, безусловно, представляются актуальными.

Положительно то, что президенты России и США Д.А. Медведев и Барак Обама в своем совместном заявлении по результатам встречи 1 апреля 2009 г. высказались, что выражают «поддержку международным переговорам по выработке договора, который положит конец производству расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия».

Впервые вопрос о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ) стал предметом обсуждения на международном уровне еще в 1957 г., когда США при участии других западных держав – Великобритании, Франции и Канады – внесли на рассмотрение Лондонского подкомитета Комиссии ООН по разоружению рабочий документ о частичных мероприятиях по разоружению, в котором предусматривалось, что государства – участники конвенции обязуются использовать «все будущее производство расщепляющихся материалов, внутри государства или за границей, под международным контролем исключительно на не связанные с изготовлением оружия цели, включая накопление запасов»¹.

Советский Союз, по вполне понятным на тот период причинам, без какого-либо энтузиазма подошел к американскому предложению о решении проблемы ЗПРМ в качестве отдельной меры ограничения вооружений. В заявлении советского правительства, которое было оглашено в Лондонском подкомитете, указывалось, что прекращение производства расщепляющихся материалов для военных целей «только тогда будет иметь реальное значение для устранения угрозы атомной войны, когда будет неразрывно связано с запрещением атомного оружия, изъятием его из вооружений государств и уничтожением запасов этого оружия»². Следует также заметить, что британцы, формально поддерживая своего заокеанского союзника, на деле относились к американскому предложению негативно³.

Тем не менее, Соединенные Штаты в конце 1957 г. настояли на принятии Генеральной Ассамблеей ООН резолюции, в которой предлагалось, чтобы на переговорах по разоружению был предоставлен приоритет «прекращению производства расщепляющихся материалов, предназначенных для изготовления оружия, и обращению, под эффективным международным контролем, всего будущего производства расщепляющихся мате-

А
Н
А
Л
И
З

риалов на цели, не связанные с производством оружия»⁴. Советская делегация проголосовала против этой резолюции.

Как мы видим, уже на самом начальном этапе возникал вопрос об увязке прекращения производства расщепляющихся материалов с проблемой накопленных запасов таких материалов, а ныне этот вопрос превратился чуть ли не в главный камень преткновения в решении проблемы оружейных ядерных материалов.

ПЕРВЫЙ ШАГ

И все же в середине 1960-х гг. Соединенными Штатами и Советским Союзом по предварительной договоренности были предприняты весьма скромные, но показательные шаги в направлении некоторого снижения темпов производства оружейных ядерных материалов – плутония и урана-235.

Президент США Линдон Джонсон объявил 20 апреля 1964 г., что производство плутония будет сокращено на 20%, а обогащенного урана – на 40%⁵. На следующий день Н.С. Хрущев заявил, что советское правительство приняло решение прекратить строительство двух новых крупных атомных реакторов по производству плутония, в течение ближайших нескольких лет существенно сократить производство урана-235 для ядерного оружия и направлять больше расщепляющихся материалов для использования в мирных целях⁶.

Премьер-министр Великобритании Алек Дуглас-Хьюм также объявил о некоторых мерах, проводимых в его стране по сокращению производства расщепляющихся материалов для оружейных целей.

Насколько эти заявления на деле способствовали снижению темпов увеличения запасов расщепляющихся материалов тремя державами, сказать весьма затруднительно, ведь производство этих материалов продолжалось, а гонка ядерных вооружений в тот период набирала новые высоты. Сам Линдон Джонсон в своем заявлении от 20 апреля 1964 г. сказал: «Это не разоружение. Это не декларация мира. Но это является обнадеживающим знаком...». С этим нельзя не согласиться. После Карибского кризиса, чуть не приведшего к ядерной катастрофе, начались поиски путей разрядки международной напряженности и подходов к ограничению ядерных вооружений. В 1963 г. были заключены соглашение об установлении линии прямой связи между Москвой и Вашингтоном и договор о прекращении ядерных испытаний в трех средах. Начались переговоры о заключении Договора о нераспространении ядерного оружия, а в конце 1960-х гг. СССР и США приступили к переговорам об ограничении стратегических наступательных и оборонительных вооружений.

РЕЗОЛЮЦИЯ ООН 1993 ГОДА

После окончания холодной войны (в конце 1980-х – начале 1990-х гг.) большинство государств, обладающих ядерным оружием, приступили к процессу прекращения производства ядерных материалов для целей оружия. В Таблице 1 содержатся данные на этот счет, которыми располагает экспертное сообщество.

Таблица 1. Завершение производства ядерных материалов для военных целей⁷

	Завершение производства плутония	Завершение производства ВОУ
Китай	1991	1987–1989
Франция	1994	1996
Индия	продолжается	продолжается
Израиль	продолжается?	?
Северная Корея	?	?
Пакистан	продолжается	продолжается
Россия	1997	1987–1988
Великобритания	1989	1963
США	1988	1992

В этих условиях стало возможным придать новый стимул достижению международного соглашения (в виде договора или конвенции) о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия, или ЗПРМ (Fissile Material Cutoff Treaty или FMCT). И в 1993 г. Генеральная Ассамблея ООН единодушно приняла резолюцию в пользу разработки «недискриминационного, многостороннего и поддающегося эффективному международному контролю договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств». При этом Генеральная Ассамблея ООН обратилась с просьбой к МАГАТЭ оказывать помощь в рассмотрении мер контроля в отношении такого договора⁸.

С тех пор и по настоящее время проблема ЗПРМ находится в компетенции женеvской Конференции по разоружению (КР).

ДИСКУССИИ ПО ЗПРМ НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

В марте 1995 г. КР удалось принять так называемый доклад Шеннона (по имени представителя Канады, назначенного координатором по ЗПРМ) относительно создания специального переговорного комитета, в котором определен мандат спецкомитета. Хотя мандат для переговоров базировался на формуле резолюции ГА ООН и предусматривал заключение договора о ЗПРМ, он, по настоянию таких стран, как Пакистан, Египет, Иран, Алжир, допускал, что это «не препятствует какой-либо делегации поднять вопрос о рассмотрении любых других вопросов», включая проблему накопленных запасов расщепляющихся материалов⁹. Таким образом, решение о мандате для переговоров носило компромиссный характер и учитывало позиции тех государств, которые ратовали за решение вопроса о запасах.

Специальный комитет по ЗПРМ был создан на КР в августе 1998 г., однако он до сих пор не смог приступить к своей работе. В соответствии с правилами КР в начале каждого года требуется заново принять повестку дня и определить мандаты соответствующих спецкомитетов для проведения практической работы. Однако к настоящему времени, то есть уже свыше 10 лет, КР не удается договориться ни о том, ни о другом. Если США, Россия, Великобритания, Франция и некоторые другие страны призывают КР к скорейшему началу переговоров о ЗПРМ, то другие государства выступают за приоритетное рассмотрение иных вопросов разоружения, таких как недопущение милитаризации космоса, ядерное разоружение, предоставление гарантий безопасности неядерным государствам.

В 2004 г. администрация США круто изменила свою позицию по ЗПРМ, отказавшись от своей прежней приверженности к установлению контроля за выполнением соответствующего договора, а в 2006 г. американская делегация внесла в КР свой проект договора о ЗПРМ, основанный на этом отрицательном отношении к контролю. В объяснительной записке к проекту указывалось, что в нем «опускаются положения о проверке, что совместимо с позицией США на этот счет о том, что так называемая *эффективная проверка* по ДЗПРМ не может быть достигнута. Требованием эффективной проверки является способность с высокой степенью уверенности устанавливать соблюдение. Соединенные Штаты заключили, что даже за счет обширных проверочных механизмов и положений – столь обширных, что это ущемляло бы коренные интересы национальной безопасности ключевых подписавших сторон, и столь дорогостоящих, что многие страны с колебаниями относились бы к их осуществлению, – мы все же не имели бы высокой уверенности в своей способности отслеживать соблюдение ДЗПРМ»¹⁰.

Что касается самого проекта договора¹¹, то в нем предлагалось, чтобы его стороны «не производили расщепляющийся материал для использования в ядерном оружии или других ядерных взрывных устройствах или не использовали любой расщепляющийся материал, произведенный впоследствии, в ядерном оружии или других ядерных взрывных устройствах». Под расщепляющимся материалом США предложили понимать оружейный плутоний¹² и уран с обогащением на 20% или более по изотопам урана-233 и 235, отдельно или в комбинации.

Таким образом, американский проект никак не затрагивал накопленных запасов расщепляющихся материалов.

В отношении контроля речь в проекте шла только об использовании «национальных средств и методов», а любые вопросы, возникающие в отношении осуществления положений договора, урегулировались бы посредством консультаций между сторонами и при необходимости путем обращения в Совет Безопасности ООН. Как полагают, возражения в американских правительственных агентствах против контролируемого запрета возникли по двум причинам: *во-первых*, из-за трудностей обнаружения скрытой деятельности по обогащению и переработке, а более интрузивный контроль был бы неприемлем для США; и, *во-вторых*, из-за нежелания ставить под контроль ВОУ, предназначенный для судовых атомных реакторов. Одним из мотивов отказа от контроля было облегчение реализации небезызвестной американо-индийской атомной сделки, заключенной в 2005 г.¹³

Американский проект встретил в КР весьма сдержанное отношение из-за отсутствия в нем положений как о запасах расщепляющихся материалов, так и о контроле за его соблюдением¹⁴. Даже близкие союзники США высказали возражения¹⁵.

Дальнейшего развития проблема ЗПРМ в КР по сей день не получила, несмотря на то, что в 2000 г. Обзорная конференция по ДНЯО в числе 13 практических шагов по разоружению единодушно подтвердила необходимость переговоров в КР на основе упоминавшегося *мандата Шеннона*. В 2009 г. были предприняты интенсивные попытки по налаживанию переговоров в КР по ЗПРМ, но из-за позиции Пакистана, поддержанного Китаем, эти усилия положительного результата пока не принесли.

Новым недавним обстоятельством явилось заявление президента Барака Обамы в Праге 5 апреля 2009 г. о стремлении США к заключению «контролируемого» ДЗПРМ. Это положительный ход со стороны новой американской администрации, важно теперь узнать, во что конкретное он выльется.

ШАГИ ПО УМЕНЬШЕНИЮ ЗАПАСОВ РАСЩЕПЛЯЮЩИХСЯ МАТЕРИАЛОВ

Несмотря на отсутствие многосторонних договоренностей по ЗПРМ, за последние 10–15 лет Россия и США осуществили немало мер по уменьшению запасов расщепляющихся материалов.

Помимо прекращения ими и некоторыми другими ядерными странами производства этих материалов, о чем уже говорилось выше, обе державы предприняли такие шаги в этом направлении, как заключение в 1993 г. соглашения ВОУ-НОУ, согласно которому изымаемый из ядерных боезарядов уран в объеме 500 т *разубоживается* Россией и направляется в США для использования в гражданских атомных реакторах; подписание в 2000 г. соглашения об утилизации плутония, в соответствии с которым каждая сторона преобразует оружейный плутоний в формы, непригодные для ядерного оружия, путем его использования в качестве топлива для реакторов или перевода в иммобилизованные формы, пригодные для геологического захоронения (эта договоренность об утилизации по 34 т плутония пока еще не реализуется); программа Нанна–Лугара по обеспечению безопасности расщепляющихся материалов и сокращению их производства; трехсторонняя инициатива о контроле за излишними ядерными материалами, которая разрабатывалась между Россией, США и МАГАТЭ в 1996–2002 гг.¹⁶; совместная работа по переводу исследовательских реакторов с использования ВОУ на НОУ (программа GTRI).

Тем не менее, все эти меры, при всей их важности, не вносят равновесного вклада в решение задачи сокращения количества расщепляющихся материалов и тем самым в укрепление режима ядерного нераспространения и продвижение в направлении создания мира без ядерного оружия.

Приводимые ниже *Диаграммы 1 и 2*¹⁷ о наличии в различных странах мира расщепляющихся материалов, составленные на основании официальных заявлений, а также оценок неправительственных экспертов, говорят сами за себя.

Диаграмма 1. Запасы высокообогащенного урана по странам
(данные по России приблизительно с погрешностью в 300 МТ)

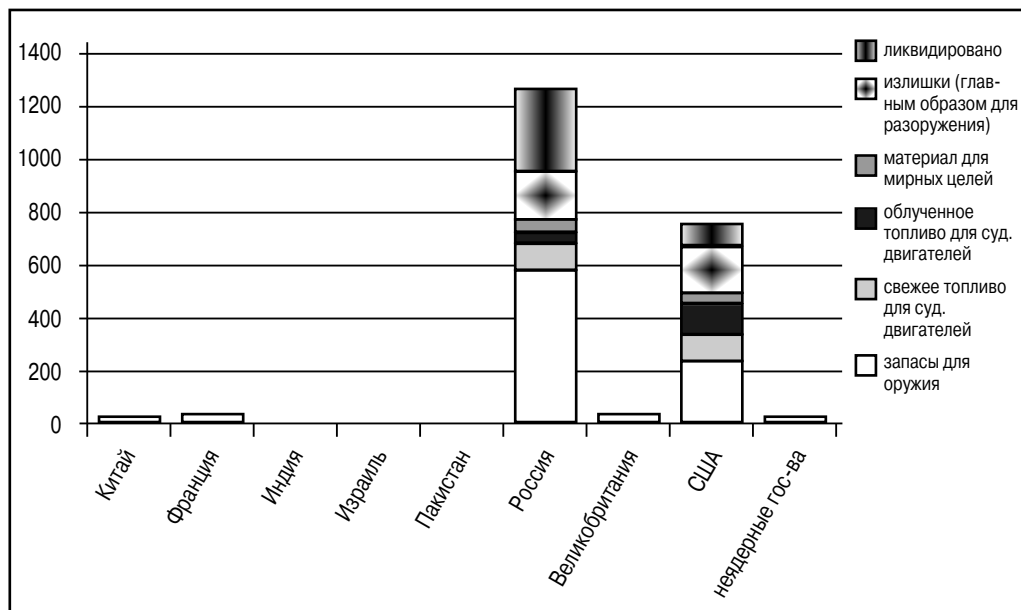
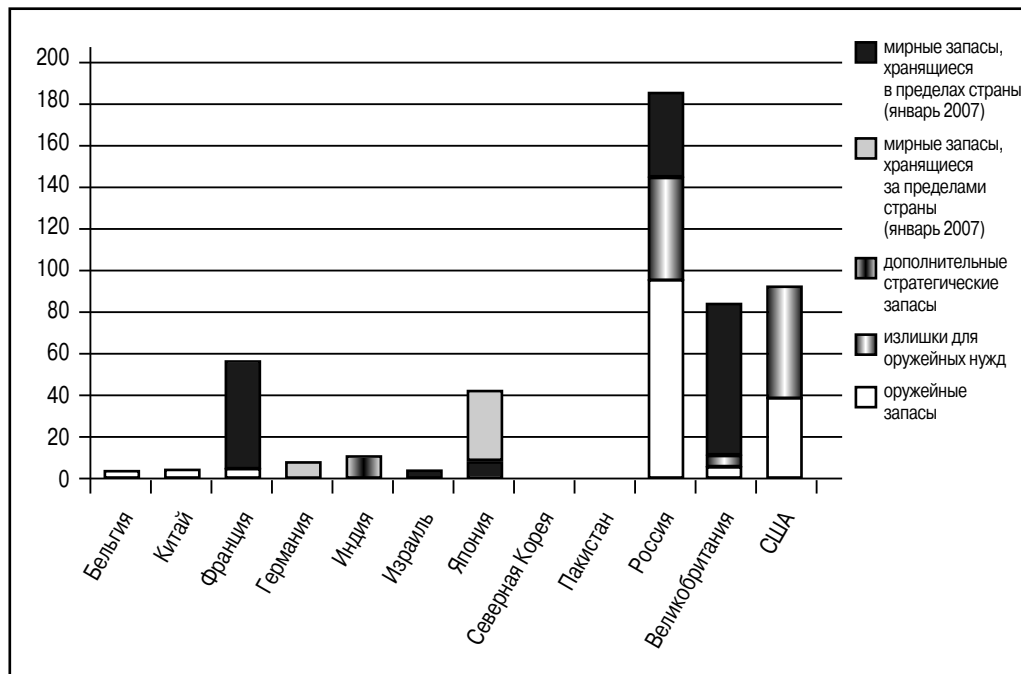

Диаграмма 2. Запасы плутония по странам

В целом, по оценке Международной группы по расщепляющимся материалам (International Panel for Fissile Materials, или IPFM), созданной в 2006 г., общемировые запасы высокообогащенного урана в середине 2008 г. достигали 1670 т с погрешностью в 300 т, а плутония – 500 т, половину которого составляет гражданский и объем которого постоянно растет¹⁸.

Из этих данных, свидетельствующих о существующих внушительных размерах оружейных материалов, с очевидностью следует, что требуются радикальные шаги по уменьшению, а в дальнейшем и полному устранению той угрозы для мира, которую представляет накопление расщепляющихся материалов, пригодных для ядерного оружия.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ЗПРМ, ВЫДВИГАЕМЫЕ ЭКСПЕРТАМИ РАЗНЫХ СТРАН

Существует несколько предложений правительственных и неправительственных экспертов о возможных путях решения проблемы ЗПРМ. В последнее время появились следующие предложения, обратившие на себя внимание.

В 2001 г. Аннет Шапер из Франкфуртского научно-исследовательского института проблем мира (Германия) предприняла попытку нарисовать схему контроля за выполнением договора о ЗПРМ, базирующуюся на системе гарантий МАГАТЭ и включающую всеобъемлющую систему гарантий (INFCIRC/153), Дополнительный протокол (INFCIRC/540), регулируемый доступ (managed access) для ядерных государств, учитывающий необходимость соблюдения секретности, а также использование национальных технических средств контроля и другие меры.

Предлагалось также возложить на Постоянную консультативную группу Агентства по осуществлению гарантий (SAGSI) или аналогичную группу специалистов задачу разработки необходимых критериев гарантий для договора о ЗПРМ. В частности, предлагалось более детально определить функции МАГАТЭ по контролю за ядерным топливом для судовых атомных установок, чем это предусматривается в типовом соглашении о гарантиях INFCIRC/153 (пункт 14)¹⁹.

Представляет определенный интерес предложение Австралии, выдвинутое в 2006 г. В австралийском рабочем документе были высказаны соображения о том, как можно было бы добиться прогресса в решении проблемы ЗПРМ. Учитывая сложность разработки методов и процедур контроля, австралийцы предложили «альтернативный подход, весьма успешно продемонстрированный за счет ДНЯО, который состоит в том, чтобы отразить в базовом договоре основные политические обязательства, а проверочную систему изложить во вторичном соглашении или в серии соглашений...»²⁰.

В связи с этим следует напомнить, что ДНЯО, который был открыт для подписания 1 июля 1968 г. и вступил в силу 5 марта 1970 г., в своей статье III обязывает все неядерные государства-участники заключить с МАГАТЭ соглашения о гарантиях в отношении всей своей ядерной деятельности. При этом соглашения должны вступить в силу не позднее 180 дней после присоединения к договору. Однако МАГАТЭ не было тогда в состоянии заключить такие соглашения, поскольку существовавшая до заключения договора система гарантий была предназначена только для контроля за *отдельными* атомными объектами, а по ДНЯО требовалась *всеобъемлющая* система.

После вступления договора в силу был создан комитет Совета управляющих Агентства, который лишь к марту 1971 г. разработал проект типового соглашения о всеобъемлющих гарантиях, утвержденный затем Советом (INFCIRC/153). И лишь после этого начались переговоры между неядерными участниками договора и Агентством, многие из которых продолжались годами. Так, соглашение о гарантиях между странами ЕВРАТОМа и МАГАТЭ вступило в силу в феврале 1977 г., а важные дополнения к нему, без которых контроль на практике просто не мог осуществляться (так называемые приложения об установках – facility attachments), и того позже – в марте 1979 г.²¹. А немало стран до сих пор вообще не заключили соглашений о гарантиях²².

Международная группа IPFM, состоящая из специалистов ряда стран, как ядерных, так и неядерных, сопредседателями которой являются Фрэнк фон Хиппель (США) и Рамах Раджамаран (Индия)²³, в феврале 2009 г. обнародовала подготовленный ею проект договора о ЗППМ²⁴.

В проекте этой группы экспертов предлагается запретить производство оружейного плутония и урана с обогащением на 20% и более по изотопам 233 и 235. Контроль за выполнением договора возлагается на МАГАТЭ, при этом Агентству придаются некоторые дополнительные функции. Все будущее производство расщепляющихся материалов для гражданских целей ставится под гарантии МАГАТЭ, чтобы предотвратить их использование для оружия.

Проект договора предусматривает не только запрет на будущее производство расщепляющихся материалов, но и содержит определенные меры и в отношении их накопленных запасов. В том, что касается запасов этих материалов, проект предлагает, чтобы государства в самом начале определились, какие ранее накопленные материалы они оставляют для оружия, а какие материалы они ставят под международные гарантии. Таким образом, согласно проекту требуется до вступления в силу договора отделить материалы военного предназначения от материалов для гражданских целей. В соответствии с проектом необходимо, чтобы государства объявили и поставили под гарантии МАГАТЭ расщепляющиеся материалы, которые являются излишними для военного использования, а также материалы, которые в будущем станут излишними в результате односторонних, двусторонних или многосторонних мер по разоружению.

Что касается материалов, которые в дальнейшем будут использоваться в качестве топлива для судовых атомных энергетических установок или иных реакторов военного назначения, то должна быть разработана соответствующая система гарантий МАГАТЭ. Работа над тем, как обеспечить надлежащий контроль Агентства за ВОУ для судовых атомных реакторов без раскрытия конфиденциальных данных об этом материале, как говорится в статье Аренда Меербурга и Фрэнка фон Хиппеля в *Arms Control Today* за март 2009 г., уже проводится в Принстонском университете США и в Окриджской национальной лаборатории.

Еще одна идея о том, как поступить с проблемой запасов накопленных расщепляющихся материалов, была предложена Робертом Айнхорном и Мэтью Банном²⁵.

Авторы этого предложения, которое они назвали «Инициативой по контролю за расщепляющимися материалами» («Fissile Material Control Initiative», или FMCI), высказываются за то, чтобы наряду с договором о запрете на будущее производство расщепляющихся материалов осуществлялась бы и предлагаемая ими *инициатива*, которая фокусировалась бы на накопленных запасах этих материалов. Они дополняли бы друг друга и проводились бы в жизнь одновременно. Более того, как полагают Айнхорн и Банн, если бы переговорам о ДЗППМ угрожал тупик, то можно было бы продолжать осуществление *инициативы* независимо от заключения договора, и это, по их мнению, могло бы даже способствовать заключению ДЗППМ, поскольку повышение прозрачности в отношении имеющихся запасов позволило бы ослабить те озабоченности по поводу такого договора и предусматриваемого в нем контроля, которые могут испытывать некоторые государства.

В чем же состоит суть предлагаемой *инициативы по контролю за расщепляющимися материалами*?

Эта инициатива мыслится как многосторонняя договоренность относительно общемировых запасов расщепляющихся материалов – как военных, так и гражданских, которыми располагают все страны, ядерные и неядерные, будь то участники или не участники ДНЯО. Основная цель – уменьшение рисков для безопасности путем содействия улучшению учета и физической защиты и повышению их прозрачности, постепенного и необратимого перевода материалов, не предназначенных для оружейных целей, под международное наблюдение и гарантии, превращения их запасов, не требующихся более для ядерного оружия, в ядерные материалы, непригодные для оружия.

Предлагается, чтобы участвующие в *инициативе* страны присоединились к совместному заявлению о некоторых руководящих принципах, которые могли бы предусматривать следующее.

Участники инициативы будут делать регулярные уведомления о своих запасах расщепляющихся материалов, по возможности как можно более детальные; обеспечивать, чтобы таковые материалы подлежали учету и физической защите в соответствии с высокими стандартами безопасности; тем из них, которые обладают ядерным оружием, регулярно объявлять количества расщепляющихся материалов, которые ранее предназначались для их программы ядерного оружия, но сейчас стали излишними для своих потребностей в оружии; таковым государствам поставить подобные излишние материалы под мониторинг или гарантии МАГАТЭ как можно скорее; участники инициативы поставят весь гражданский ВООУ и весь гражданский плутоний под гарантии Агентства; участники распространят на ВООУ для судовых энергетических установок и других невзрывных военных целей специально разработанную систему учета для предотвращения переключения ВООУ на программы ядерного оружия, которая не должна будет раскрывать чувствительную информацию; участники инициативы будут добиваться минимизации и эвентуального исключения использования ВООУ для гражданских целей, а также стремиться к уменьшению накопления запасов гражданского плутония; они будут превращать свои излишние запасы расщепляющихся материалов в формы, которые не будут более пригодными для ядерного оружия; и, наконец, они будут ежегодно докладывать о прогрессе в выполнении этих руководящих принципов.

Что касается оформления договоренности о руководящих принципах, то предлагается, чтобы она носила добровольный, юридически не обязывающий характер и была разработана не на КР, а небольшой группой государств, которые затем вступили бы в неформальные контакты с другими странами с расчетом на вовлечение в нее ключевых государств (конечно, крайне желательно и даже необходимо участие всех ядерных стран, как участников, так и не участников ДНЯО, и тех государств, которые располагают предпочтениями по обогащению урана и репроцессингу). При этом предполагается создание какого-то небольшого механизма для обмена информацией. Большую роль в осуществлении *инициативы* будет играть МАГАТЭ. Роберт Айнхорн подчеркивает, что весь процесс мог бы быть постепенным, «эволюционным»²⁶.

Изложенные предложения экспертов представляют интерес и могли бы в той или иной мере быть использованы для дальнейшей работы над решением проблемы ЗПРМ.

КАК ИДТИ ДАЛЬШЕ?

Более чем 50-летняя история международного обсуждения проблемы ЗПРМ убедительно свидетельствует о том, что решение этой важной задачи может иметь реальный шанс на успех с точки зрения его восприятия мировым сообществом только в том случае, если наряду с запрещением будущего производства расщепляющихся материалов для оружейных целей будет сделан сдвиг в направлении уменьшения или, по крайней мере, какого-то регулирования или хотя бы транспарентности уже накопленных запасов этих материалов. В противном случае любые разговоры о ЗПРМ будут рассматриваться как стремление к сохранению неравенства между одной группой государств и другими странами, как очередная попытка дискриминации²⁷, и нынешний тупик будет продолжаться.

Все усилия по продвижению решения проблемы упираются не только в вопрос о запасах, но и в возникающие многочисленные трудности с разработкой мер транспарентности и контроля. Очевидно, что попытки добиваться бесконтрольной договоренности, как это осознала и новая американская администрация, совершенно бесперспективны. Но и контроль был и остается весьма крепким орешком для решения.

Большинство специалистов считают, что за основу контрольной системы целесообразно взять гарантии МАГАТЭ. Да и в основополагающей резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1993 г. содержалась просьба к МАГАТЭ оказать содействие в решении проб-

лемы проверки ЗПРМ. Но Агентство, имеющее уставные функции и большой опыт в обеспечении контроля за недопущением переключения ядерных материалов с мирного использования на военное, не располагает разработанными методами и процедурами для контроля за оружейными расщепляющимися материалами, за ВОУ для судовых атомных энергетических установок и т.п.

Но все же небольшой опыт у МАГАТЭ имеется. В 1990-х гг. Агентство смогло посредством применения гарантий удостовериться в том, что ядерные материалы, ранее находившиеся в ядерных боезарядах ЮАР, изъяты из оружейной программы и больше не используются для военных целей. В те же годы по решению Совета Безопасности ООН под контролем Агентства была ликвидирована атомная военная программа Ирака.

В 1996–2002 гг. США, Россия и МАГАТЭ в соответствии с так называемой *трехсторонней инициативой* разрабатывали процедуры контроля за излишними оружейными расщепляющимися материалами, при этом был предложен метод *информационных барьеров* для исключения раскрытия чувствительной информации. Для проверки этого метода были в основном согласованы меры по применению контроля в хранилище ядерных материалов на российском предприятии *Маяк* и американском хранилище материалов KAMS на объекте *Savannah River*²⁸. Однако эта работа не была завершена.

Таким образом, некоторые заделы у МАГАТЭ имеются, но для решения задач контроля по ДЗПРМ этого явно недостаточно. Придется разрабатывать новую систему гарантий и контроля, но это не потребует внесения каких-либо изменений в Устав Агентства. Устав предоставляет ему в этом отношении достаточно широкие полномочия.

В статье II Устава определенно говорится, что «Агентство обеспечивает, чтобы помощь, предоставляемая им, или по его требованию, или под его наблюдением или контролем, не была использована таким образом, чтобы способствовать какой-либо военной цели», а в статье III.A.5 Агентству предоставлено право «устанавливать и проводить в жизнь гарантии, имеющие своей целью обеспечить, чтобы специальные расщепляющиеся и иные материалы, услуги, оборудование, технические средства и сведения, предоставляемые Агентством, или по его требованию, или под его наблюдением или контролем, не были использованы таким образом, чтобы способствовать какой-либо военной цели и распространять, по требованию сторон, применение этих гарантий на любые двусторонние или многосторонние соглашения или, по требованию того или иного государства, на любые виды деятельности этого государства в области атомной энергии».

Разработка новой системы контроля для ДЗПРМ, в которую были бы инкорпорированы не только система гарантий по ДНЯО и Дополнительный протокол о гарантиях, но также – что самое сложное – и определенный согласованный контроль и за запасами, и за ВОУ для судовых атомных энергетических установок, и, возможно, какие-либо другие элементы проверки, несомненно, потребует значительных усилий и времени. Придется существенно укрепить инфраструктуру МАГАТЭ, обеспечить его новым современным оборудованием, снабдить способностью мониторинга с помощью спутников, подготовить новые кадры и расширить штат инспекторов и т.д. А это повлечет за собой неизбежное увеличение бюджета организации.

Поэтому напрашивается вывод о том, что наиболее прагматичным решением было бы заключение базового договора, который устанавливал бы юридически обязывающую международно-правовую норму о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия и о постепенном сокращении запасов таких материалов. Договор должен также содержать принципиальное положение о проверке выполнения указанных обязательств, разумеется, с учетом того, что такая проверка ни в коей мере не должна способствовать распространению материалов и технологий, ведущих к созданию ядерного оружия. Под надлежащими гарантиями должен будет находиться и энергетический плутоний.

Что касается порядка установления контроля, то тут наиболее реальным является постепенный, поэтапный подход, начинающийся с системы гарантий по ДНЯО, Дополни-

тельного протокола и распространяющийся в дальнейшем на более сложные и чувствительные компоненты ядерного топливного цикла.

Заключение договора о ЗПРМ будет иметь смысл только в том случае, если его участниками станут все государства, обладающие ядерным оружием, независимо от того, являются ли они членами ДНЯО или нет, а также и другие страны, особенно те из них, которые располагают ядерными технологиями и промышленными возможностями. Очевидно, первоначальный проект договора следовало бы согласовать в более или менее узком кругу ключевых государств, а не в широком и трудно управляемом форуме, вроде КР, а затем вынести его на более широкое рассмотрение. Лидирующую роль в этом процессе могли бы взять на себя Россия и США как государства, обладающие наибольшими запасами оружейных расщепляющихся материалов.

Договоренность о проведении международных переговоров по этому или иному сходному по целям договору о ЗПРМ способствовала бы успешному проведению Обзорной конференции по ДНЯО 2010 г., укреплению международного режима ядерного нераспространения, продвижению вперед в деле устранения угрозы ядерного оружия. 🐼

Примечания

¹ Док. DC/SC.1/66/Rev.1 от 29 августа 1957 г. Сборник основных документов по вопросу о разоружении. Том II (1957–1958 гг.). М.: МИД СССР, 1961. С. 171–179.

² Там же. С. 151–171.

³ Astrid Forland. Coercion or Persuasion? The Bumpy Road to Multilateralization of Nuclear Safeguards. *The Nonproliferation Review*. March 2009. Volume 16, No. 1. P. 52.

⁴ Резолюция ГА ООН 1148(XII) от 14 ноября 1957 г.

⁵ Док. Комитета 18 государств по разоружению ENDC/132. Изложение опубликовано: *Правда*, 21 апреля 1964 г.

⁶ Док. ENDC/131, *Правда*, 21 апреля 1964 г.

⁷ Таблица приводится в работе: M. Bunn. Fissile Material Control Initiative (2009), любезно предоставленной автору настоящей публикации. Она составлена на основе имеющихся официальных заявлений, экспертных оценок и известного исследования: David Albright, Frans Berkhout, and William Walker, Plutonium and Highly Enriched Uranium 1996: World Inventories, Capabilities and Policies, SIPRI, Oxford University Press, 1997, pp. 38, 68, 76, 80. Считается, что США прекратили производство высокообогащенного урана для оружия в 1964 г., но продолжали производить ВОУ для судовых атомных реакторов до 1992 г. Россия, прекратив в конце 1990-х гг. направление плутония на оружейные цели, продолжала его наработку, поскольку три промышленных реактора (в Северске и Железногорске) имели двойное назначение – производство плутония и обеспечение топливом и электроэнергией населения близлежащих городов. Последний из этих реакторов – в Железногорске – завершил наработку плутония в мае 2009 г. См.: Выработка ядерных оружейных материалов на ГХК прекратится в мае, 2009, 8 апреля, <http://www.newslab.ru/news/281547> (Последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

⁸ A/RES/48/75L от 16 декабря 1993 г.

⁹ Док. CD/1299 от 24 марта 1995 г.

¹⁰ Док. CD/1782 от 22 мая 2006 г.

¹¹ Док. CD/1777 от 19 мая 2006 г.

¹² Оружейным плутонием считается плутоний, за исключением того плутония, изотопный состав которого включает 80% или более плутония-238. Впрочем, согласно Министерству энергетики США, практически при любой комбинации изотопов плутония может быть изготовлено ядерное взрывное устройство См.: Nonproliferation and Arms Control Assessment of Weapons-Usable Fissile Material Storage and Excess Plutonium Disposition Alternatives, U.S. Department of Energy, DOE/NN-0007, Washington, D.C., January 1997, pp. 37–39, www.ipfmlibrary.org/doe97.pdf (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

¹³ Einhorn R.J. Controlling Fissile Materials Worldwide. A Fissile Material Cutoff Treaty and Beyond. In: Reykjavik Revisited. Eds. G. Shultz, S. Andreasen, S. Drell and J. Goodby. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2008. P. 281–182.

¹⁴ Подробнее о реакции в КР на проект США см.: Rissanen Jenni. Time for a Fissban or Farewell? *Disarmament Diplomacy*, Issue № 83, Winter 2006.

¹⁵ Einhorn R.J. Ibid.

¹⁶ К ноябрю 2001 г. США и Россия были на грани согласования типового соглашения о контроле, но оба правительства прервали переговоры после того, как администрация Буша объявила, что не поддерживает 13 шагов по разоружению, одобренных Обзорной конференцией по ДНЯО 2000 г., среди которых содержалась поддержка трехсторонней инициативы. Россия тоже не проявила готовности продолжать инициативу. В 2002 г. стороны официально объявили, что инициатива была успешной, и теперь дело остается за ее выполнением на основе индивидуальных соглашений. См.: Shea Thomas E. The Trilateral Initiative: a Model for the Future? *Arms Control Today*, May 2008.

¹⁷ Bunn M. Fissile Material Control Initiative, 2009.

¹⁸ Global Fissile Material Report 2008, <http://www.fissilematerials.org> (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

¹⁹ Schaper Annette. Principles of the verification for a future Fissile Material Cutoff Treaty (FMCT). Peace Research Institute Frankfurt. PRIF Reports No. 58. January 2001.

²⁰ Док. CD/1775 от 17 мая 2006 г.

²¹ Fischer David. History of the International Atomic Energy Agency. The First Forty Years. Vienna: The Agency, 1997. P. 254–258.

²² Как заявил Генеральный директор МАГАТЭ Мухаммед эль-Барадей на сессии Генеральной Конференции Агентства 14 сентября 2009 г., 25 государств – участников ДНЯО не заключили соглашений о гарантиях. См.: IAEA Director General Dr. Mohamed ElBaradei. Looking to the Future. IAEA, 2009, September 15, <http://www.iaea.org/NewsCenter/Statements/2009/ebsp2009n011.html> (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).

²³ В нее также входят А.С. Дьяков (Россия), Х. Голдемберг (Бразилия), П. Худбхой (Пакистан), М. Калиновски (Германия), Дзюнмин Канг (Южная Корея), П. Льюис (Ирландия и Великобритания), Ли Бин (Китай), М. Мерли (Норвегия), И. Мариньяк (Франция), М. Марин Бош (Мексика), А. Меербург (Нидерланды), А. Найар (Пакистан), Ж. дю Прэ (Южная Африка), М. Рамана (Индия), О. Рейнстад (Норвегия), Х. Саландер (Швеция), А. Шапер (Германия), М. Шнейдер (Франция), Шен Дингли (Китай), Т. Сузуки (Япония), У. Уокер (Великобритания).

²⁴ Подробный анализ проекта договора содержится в статье: Arend Meerburg and Frank N. von Hippel. Complete Cutoff: Designing a Comprehensive Fissile Material Treaty. *Arms Control Today*. March 2009.

²⁵ Einhorn R.J. Controlling Fissile Materials Worldwide. A Fissile Material Cutoff Treaty and Beyond. In: Reykjavik Revisited. Eds. G. Shultz, S. Andreasen, S. Drell and J. Goodby. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2008. P. 279–311; Bunn M. Fissile Material Control Initiative, 2009.

²⁶ Einhorn R.J. P. 309.

²⁷ В резолюции ООН 1993 г., говорилось о необходимости заключения не только контролируемого, но и недискриминационного договора о ЗПРМ.

²⁸ Shea Thomas E. Op. cit.

ЭЛЕКТРОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Электронный новостной бюллетень *Ядерный Контроль* представляет собой еженедельную подборку материалов российских средств массовой информации по проблемам нераспространения ядерного оружия и средств его доставки. Формат бюллетеня позволяет сконцентрироваться в первую очередь на проблемах, связанных с мирным и военным использованием атома, а также с разоружением. Материалы бюллетеня публикуются в следующих разделах:

- ❑ **Календарь.** Обзор основных событий недели в области атомной энергетики, мирного и военного использования атома, ракетной техники.
- ❑ **Ракетное и ядерное досье.** Ключевые события в *зеркале* российских СМИ в ракетной и ядерной сферах. В разделе публикуются аналитические и информационные статьи, посвященные вопросам контроля над вооружениями, ОМУ-терроризма, экспортного контроля, ядерной энергетики и другим актуальным проблемам международной безопасности.
- ❑ **Мнение.** Интервью и выступления известных политиков и ведущих российских экспертов по вопросам внешней политики и глобальной безопасности в преломлении к вопросам ядерной энергетики, ядерного оружия и средств его доставки, а также материалы эксклюзивного характера от агентства *ПИР-ПРЕСС*, которые представляют собой комментарии и оценки сотрудников ПИР-Центра по наиболее актуальным проблемам.
- ❑ **Информация ПИР-Центра.** Представляет собой *бортовой журнал* ПИР-Центра, в котором Вы найдете информацию о текущей деятельности и новых проектах Центра.

Бюллетень уделяет внимание проблемам создания и нераспространения ядерного оружия и предоставляет свою трибуну не только политикам, военным и экспертам по профильным вопросам, но также дает слово своим читателям. *Бюллетень выходит еженедельно по четвергам.*

Вы можете подписаться на электронный бюллетень на сайте интернет-представительства ПИР-Центра по адресу **<http://pircenter.org/subscription>**

По всем вопросам, связанным с электронным новостным бюллетенем Ядерный Контроль, следует обращаться к редактору Надежде Теллер по электронной почте teller@pircenter.org.

Джозеф Сиринционе

ЯДЕРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБАМЫ – КАКОВЫ ШАНСЫ НА УСПЕХ?

Президент Барак Обама поставил на повестку дня одну из наиболее всеобъемлющих, прогрессивных и амбициозных по историческим меркам программ в области разоружения и контроля над вооружениями. Своим заявлением, сделанным совместно с президентом Д.А. Медведевым 1 апреля 2009 г., он положил начало трансформации американской ядерной политики. Однако для воплощения этой программы в жизнь президенту потребуются заручиться активной поддержкой со стороны российских лидеров, а также преодолеть серьезное сопротивление своему плану в самих Соединенных Штатах¹.

Президент Барак Обама разработал этот план еще во время своей избирательной кампании, воспользовавшись опытом многолетнего сотрудничества в Сенате с лидерами как демократов, так и республиканцев. В общем и целом намечаются неплохие перспективы формирования и укрепления двухпартийного консенсуса относительно ключевых пунктов плана Барака Обамы. Это стало возможным благодаря нескольким факторам. В их число входят нарастание ядерной угрозы, провал предыдущих стратегий в данной области, разработка новых концепций, а также приверженность новому подходу, которую демонстрирует как сам новоизбранный президент, так и другие государственные лидеры. Следующие год-полтора станут решающими в деле воплощения этих планов в жизнь.

РАСТУЩАЯ ЯДЕРНАЯ УГРОЗА

Существует четыре основных источника ядерной угрозы: ядерный терроризм, опасность, исходящая от существующих ядерных арсеналов, попытки новых государств получить ядерное оружие и слабость режима нераспространения. Все эти четыре области взаимосвязаны, и события в одной из них влияют на все остальные. К примеру, отсутствие прогресса в сокращении существующих запасов ядерного оружия усугубляет риск того, что это оружие приобретут новые государства, что, в свою очередь, делает более вероятным попадание ядерных материалов в руки террористов. Для предотвращения катастрофических ядерных сценариев требуются активные шаги.

Ядерный терроризм

Пристальное внимание, особенно со стороны американских СМИ, сейчас направлено на ядерные и ракетные программы Ирана и Северной Кореи. Однако наиболее серьезную угрозу в данный момент для нас представляет собой ядерный Пакистан с его нестабильным правительством и активными террористическими группировками. Пакистан сейчас имеет достаточно ядерного материала для производства 60–100 боеголо-

вок и продолжает быстро наращивать ядерные мощности. Правительство в стране шаткое, в армии и службе безопасности велико влияние фундаменталистов, а значительные территории в приграничных провинциях находятся под контролем боевиков Талибана.

Если текущий или какой-либо будущий конфликт приведет к окончательной дестабилизации Пакистана, то Аль-Каиде, которая уже пустила в этой стране прочные корни, возможно, удастся заполучить ядерные материалы для производства атомной бомбы, а может даже, и уже готовое ядерное оружие. И хотя подобный сценарий остается маловероятным, последствия его были бы настолько серьезными, что он вызывает крайнюю озабоченность. Как сказал Роберт Галуччи, будучи деканом факультета международных отношений Джорджтаунского университета, «проблема Пакистана может выйти из-под контроля в любой момент – она могла выйти из-под контроля еще вчера»².

Ядерные арсеналы

В мире существует около 23 тыс. ядерных боеголовок, и 96% из них принадлежат США и России. Запуск хотя бы одной боеголовки из этих многих тысяч – по ошибке, неосторожности или вследствие несанкционированного применения – приведет к гибели целого города. У США и России в состоянии высокой боеготовности находится около трех тысяч ядерных боеголовок, которые могут быть запущены по команде в течение 15 мин.

Эти ядерные арсеналы стали тяжелым бременем и для США, и для России. Любая неосторожность может привести к катастрофе. Как сказал сенатор Сэм Нанн, «сотни ядерных ракет готовы к запуску в любой момент. Мы каждую минуту зависим от того, что русская система предупреждения о нападении не даст сбой. А Россия точно так же зависит от нашей системы предупреждения. Так больше продолжаться не может. Необходимо увеличить время предупреждения»³.

Новые ядерные державы

Наиболее тяжелую проблему для режима нераспространения представляют собой Иран и Северная Корея. Их успехи в ядерной области являются серьезной угрозой для безопасности соседних государств и для всего дела нераспространения. Основная опасность заключается не столько в вероятности использования ядерного оружия Ираном или Северной Кореей – неотвратимый удар возмездия сделает такой шаг самоубийством. Гораздо большую опасность несут в себе провоцируемая иранской и северокорейской программой региональная нестабильность и стремление соседних государств разработать свои собственные средства ядерного сдерживания.

Эта смертельно опасная цепная реакция уже началась на Ближнем Востоке, где соседи Ирана приступили к работе над созданием собственных ядерных щитов. За последние три года с десятком ближневосточных государств заявили о своей заинтересованности в развитии гражданской ядерной энергетики и исследовательских программ. Египет, Турция, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты начинают вести собственные ядерные разработки. При наличии соответствующих стимулов со временем эти энергетические программы могут дать начало распространению ядерного оружия по всему Ближнему Востоку.

Укрепление режима нераспространения

Четвертый основной источник ядерной угрозы – расшатывание системы взаимосвязанных договоров и соглашений, известной как режим ядерного нераспространения. Этому режиму за последние 40 лет удалось если и не предотвратить, то, по крайней мере, серьезно затормозить горизонтальное распространение ядерного оружия. Однако многие наблюдатели отмечают, что режим может рухнуть (особенно в случае продолжения вышеупомянутых тенденций).

Новая позиция, которую заняли Соединенные Штаты, уже привела к позитивным результатам в данной области. Ее весьма положительно восприняли члены комитета по подготовке очередной Конференции по рассмотрению действия ДНЯО, которая состоится в 2010 г. Ей также удалось вывести из тупика Конференцию по разоружению, что открывает путь к переговорам по Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия и дает надежду на достижение в течение нескольких следующих лет консенсуса по воздвижению новых барьеров на пути ядерного распространения.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОЛЛАПС

Широкое признание получил тот факт, что стратегия предыдущей администрации по предотвращению ядерного распространения, так называемая *доктрина Буша*, не смогла снизить уровень ядерной угрозы, а в некоторых случаях лишь усугубила существующие проблемы. Политика Буша исходила из того, что величайшую опасность представляет собой сочетание терроризма, стран-изгоев и оружия массового поражения. Проблему эту предлагалось решать прямым военным вмешательством с целью свержения враждебных режимов, не дожидаясь, пока исходящая от них угроза успеет в полной мере материализоваться. Впервые эта стратегия была применена в Ираке.

Когда заместителя госсекретаря США Джона Болтона спросили, какие уроки из войны в Ираке должны извлечь Иран и Северная Корея, он ответил, обращаясь к этим двум странам: «Вы следующие на очереди»⁴. Официальная позиция была такая: мы с диктаторами дел не имеем – мы их уничтожаем.

Архитекторы войны в Ираке ожидали, что смена режима в Багдаде приведет к смене режима в Сирии, Иране, Северной Корее и других государствах. Однако случилось прямо противоположное. Непродуманное вторжение в Ирак превратилось в трясину, в которой надолго увязла политическая и военная машина Соединенных Штатов. Режимы, которые являлись косвенной целью *доктрины Буша*, освободились от сдерживающего влияния своих региональных конкурентов и перестали опасаться американской мощи. Они еще больше осмелели и ускорили работу над своими ядерными программами. И Иран, и Северная Корея добились за последние 5 лет больших ядерных успехов, чем за предыдущие 10.

НОВЫЙ МОМЕНТ

После того как стал очевиден провал политики Буша, начало набирать обороты новое движение, провозгласившее цель полного уничтожения ядерного оружия на планете. Так, Р.М. Тимербаев пишет о «в целом позитивном влиянии» различных новых кампаний по разоружению, включая инициативу так называемых *четырёх всадников* (республиканцев Джорджа Шульца и Генри Киссинджера и демократов Уильяма Перри и Сэма Нанна)⁵, совместной Австрало-японской комиссии, а также новой международной кампании под названием *Глобальный ноль (Global Zero)*⁶. Голос этих групп все громче звучит в ходе дискуссий на данную тему, опираясь на общественную поддержку идеи контролируемого ядерного разоружения.

Уже сейчас наблюдаются серьезные сдвиги в Европейской политике контроля над вооружениями. Ведущие британские, норвежские, итальянские, французские и немецкие государственные деятели – как действующие, так и отставные – высказывают свою поддержку цели постепенного ядерного разоружения. Премьер-министр Великобритании Гордон Браун⁷, министр обороны Дез Браун⁸ и министр иностранных дел Дэвид Милибэнд⁹ пообещали свое сотрудничество и партнерство в деле глобального ядерного разоружения. Министр иностранных дел Норвегии Гар Стор тоже заявил о своей поддержке, а также пообещал обеспечить значительное правительственное финансирование на проведение конференций и других инициатив¹⁰. От Италии поддержку высказали пятеро ведущих государственных деятелей¹¹, а также государственный секретарь Министерства иностранных дел Энзо Скотти¹². От Германии в пользу идеи высказались канц-

А
Н
А
Л
И
З

лер Ангела Меркель¹³, министр иностранных дел Франк-Вальтер Штайнмайер¹⁴ и четыре других видных государственных деятеля¹⁵. Со стороны Франции о работе по разоружению заявил президент Николя Саркози¹⁶. В письме от имени Совета Европейского Союза на имя Генерального Секретаря ООН Пан Ги Муна Саркози провозгласил цели и план действий¹⁷ Евросоюза, направленный на достижение всеобщего ядерного разоружения¹⁸. Подобный европейский консенсус обеспечит мощную международную поддержку инициативам президента Обамы в области разоружения.

ПРАГА В ПЕРСПЕКТИВЕ

Выступая в Праге 5 апреля 2009 г., Обама сделал следующее заявление: «Сегодня я четко и с полной уверенностью провозглашаю стремление Америки добиваться уничтожения всего ядерного оружия на планете с целью укрепления мира и стабильности». Это эпохальное заявление предвещает фундаментальные сдвиги в ядерной политике и стратегии Соединенных Штатов. Президент подчеркнул, что достижение провозглашенной им долгосрочной цели потребует терпения и упорства. Американские СМИ отреагировали довольно скептически: несколько комментаторов обвинили Барака Обаму в наивности, а некоторые высказались еще более резко.

Как уже отмечал Р.М. Тимербаев на страницах этого журнала¹⁹, в мире и ранее выдвигались инициативы, причем на самом высоком уровне, по уничтожению всего ядерного оружия на планете. Даже в самих Соединенных Штатах уже был прецедент, когда подобная инициатива исходила от действующего президента. В ноябре 1945 г., через два месяца после сброса атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки, президент Гарри Трумэн подписал декларацию, призывающую к «уничтожению всего входящего в состав национальных арсеналов ядерного оружия, а также всех других типов вооружений, которые могут быть применены для массового уничтожения»²⁰. А президент Джон Кеннеди, в свою очередь, отмечал, что «мир будет в безопасности только тогда, когда он избавится от этого оружия, которое, казалось бы, обеспечивает нашу безопасность в данный момент, но при этом ставит под угрозу само выживание человечества в будущем»²¹. Как это ни парадоксально, убежденным сторонником идеи устранения ядерного оружия был и президент Рональд Рейган. Осознав исходящую от этого оружия опасность, Рональд Рейган сказал в 1983 г.: «Я уверен, что выступаю от имени всех людей на планете, когда говорю, что наша мечта – увидеть тот день, когда ядерное оружие будет навсегда стерто с лица Земли»²². На саммите в Рейкьявике в 1986 г. Рональд Рейган и М.С. Горбачев были очень близки к соглашению о полном разоружении в течение 10 лет²³. Однако эта возможность позднее была упущена – дальнейшие переговоры были сорваны из-за неготовности Рональда Рейгана отказаться от программы стратегической оборонной инициативы (СОИ).

Таким образом, предыдущие президенты уже выдвигали подобные инициативы, но успехом ни одна из них не увенчалась. Однако план Обамы отличается от более ранних инициатив тем, что в нем долгосрочная стратегическая цель сочетается с подробной программой действий в ближайшей перспективе. Кроме того, в силу вышеперечисленных факторов на этот раз американский президент, похоже, может рассчитывать в осуществлении этого плана на искреннее партнерство со стороны российского президента. При этом идея контроля над вооружениями сейчас пользуется значительно большей поддержкой в высших оборонных кругах самих Соединенных Штатов.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ

План Обамы начинается с восстановления сотрудничества с Россией. Как отмечает бывший сенатор-республиканец Чак Хейгел, «без сотрудничества между США и Россией, которым принадлежит 95% ядерного оружия на планете, мало что можно сделать для предотвращения распространения этого оружия. К счастью, атмосфера в Москве сейчас радикально изменилась. Передатчики выключили, вместо них включили приемники – и то же самое произошло в Вашингтоне. Есть готовность слушать друг друга»²⁴.

В своем апрельском совместном заявлении Барак Обама и Д.А. Медведев пообещали предпринять первые шаги в направлении разоружения, а также изложили подробности *пошагового процесса* сокращения вооружений²⁵. Заявление это было на редкость недвусмысленным. Оба лидера четко охарактеризовали свои намерения и планы совместных проектов. Как они сами признали, их слова еще только предстоит воплотить в действия – но уже сама тональность этих слов резко отличается от характерной для прошлых лет уклончивой и самодовольной дипломатической риторики.

Прежде всего, дискуссия на ядерную тему на этот раз имела четко очерченные рамки. В отличие от прошлых заявлений времен Дж. Буша, она начиналась не с предупреждений об опасности попадания ядерного оружия в руки новых государств или террористов, а с темы собственных ядерных арсеналов и собственных обязательств. С самого начала было заявлено о приверженности идее безъядерного мира, а вопросам контроля над вооружениями и разрешения конфликтов вновь была отведена ведущая роль.

Барак Обама и Д.А. Медведев взяли на себя обязательство найти замену договору СНВ от 1991 г. (переговоры на эту тему начались 24 апреля) и договорились рассмотреть первые результаты этого процесса на июльском саммите. Эти заявления не производят впечатления пустых дипломатических формальностей. Каких-либо точных цифр пока не названо, но это вполне оправданно. Перед тем как поставить четкую цель дальнейшего сокращения количества боеголовок, предстоит еще провести переговоры. В качестве такой цели часто упоминается цифра в 1500 развернутых боеголовок, что существенно меньше ограничения в 1700–2200 боеголовок, оговоренного в подписанном Бушем Московском договоре (СНП).

Оба лидера призвали к проведению *совместной оценки* ракетной угрозы – в пользу этого уже давно высказываются многие эксперты²⁶. Явно просматривается стремление и американского, и российского президента к достижению компромисса по вопросу противоракетной обороны в Европе. Обама признает, что та система, которую так спешно стремился развернуть в Европе Буш, не работает. А Медведев, в свою очередь, признает, что существует возможность развернуть подобную оборонную систему таким образом, чтобы она не представляла угрозы для России. Апрельским заявлением, возможно, положено начало более конструктивному подходу с обеих сторон.

Оба президента пообещали добиться вступления в действие Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Россия этот договор уже ратифицировала. Джордж Буш и республиканские лидеры это сделать отказались, однако теперь Обама пообещал довести дело до конца. Его заявление положило начало серьезной работе новой американской администрации в данном направлении – и подтверждением серьезности ее намерений стало недавнее назначение вице-президента Джо Байдена ответственным за обеспечение ратификации договора.

Однако, кроме конкретных пунктов совместного заявления, важен еще и его общий тон. За расплывчатыми дипломатическими формулировками часто скрываются разногласия и отсутствие конкретных намерений. Примером этого служит совместное заявление Джорджа Буша и В.В. Путина по результатам саммита *Большой восьмерки* в 2006 г.²⁷. Однако для апрельского заявления характерен очень конкретный язык, который четко очерчивает цели, задачи и программу действий. В первом же параграфе заявления говорится о «конкретной повестке дня» и «твердом намерении работать сообща», «дать совместный ответ на глобальные вызовы современности» и «открыто и искренне разрешать противоречия в духе взаимоуважения». Уже в третьем параграфе говорится, что два президента «взяли на себя обязательство от имени наших двух стран добиться уничтожения ядерного оружия во всем мире». Вместо таких конкретных слов с легкостью можно было бы заявить о «поддержке идеи» или о «стремлении работать во имя достижения этой цели». Однако были выбраны формулировки, которые указывают на реальность поставленной цели и на решимость ее достичь. Это является подтверждением нового искреннего подхода, ориентированного на результат.

Еще одним подтверждением искренности намерений являются слова о «плане действий», и также постоянные упоминания о «совместной» работе, «координированных»

подходах, «новых толчках» и так далее. К концу совместного заявления его тематика выходит за рамки вопросов безопасности. Говорится о «желании развивать сотрудничество не только между двумя правительствами, но и между двумя народами», а также очерчиваются планы научного сотрудничества, студенческих и культурных обменов.

Последние сомнения в искренности намерений двух президентов развеивает последний параграф совместного заявления: «Пришло время взяться за работу и перейти от добрых слов к достижению конкретных результатов».

ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ ПРОГРЕССА

Такой новый подход неизбежно столкнется с противодействием как в Соединенных Штатах, так и в России – на это указывают циничный тон комментариев в части американских СМИ, а также некоторые заявления со стороны российского внешнеполитического аппарата. Однако официальные лица обеих стран энергично работают над воплощением новых договоренностей в жизнь. Российский министр иностранных дел С.В. Лавров заявил, что надеется на скорое достижение соглашения по двусторонним сокращениям боеголовок. «Американский подход мне представляется весьма конструктивным», – заявил он. О стабильном прогрессе в ходе переговоров сообщают также заместитель госсекретаря Роуз Геттемюллер и российский дипломат А.И. Антонов.

Совместное заявление с Д.А. Медведевым, а также пражская речь Барака Обамы положили начало попытке трансформации ядерной политики Соединенных Штатов. Началась борьба за воплощение в жизнь программы перемен. Вопрос заключается в том, сможет ли Обама довести начатое до конца?

ЧЕТЫРЕ ОСНОВНЫХ ПРЕПЯТСТВИЯ

Во-первых, глобальный экономический кризис создает сложную атмосферу для воплощения в жизнь амбициозных планов новой администрации. Дальнейшее ухудшение экономической ситуации способно вытеснить из повестки дня любые реформаторские начинания, в том числе и планируемые радикальные изменения в ядерной политике.

Во-вторых, необходимо будет преодолеть сопротивление приверженцев жесткой линии в ядерной политике, имеющих финансовую или идеологическую заинтересованность в сохранении существующего положения дел в данной области. Эта группа будет оказывать серьезное противодействие любым переменам – однако влияние ее на военную и стратегическую политику продолжает ослабевать.

В-третьих, существует проблема более серьезная – отсутствие единства в самой администрации. Можно ожидать усиления трений между так называемыми трансформационалистами, которые разделяют президентское видение безъядерного мира, и инкременталистами, которые не верят в возможность полного устранения ядерного оружия и обращения вспять ядерного распространения. Среди инкременталистов нет несерьезных людей. Однако предлагаемые ими полумеры не способны обеспечить реальную безопасность. Слишком уж осторожный подход там, где требуются решительные действия, может привести к провалу президентской инициативы. Однако умелое политическое маневрирование, лидерские качества президента и активное участие неправительственных организаций помогут смягчить разногласия по данному вопросу, выстроить широкую коалицию в поддержку программы перемен и одержать победу над реакционными силами.

И, в-четвертых, последнее препятствие – цинизм. Это, возможно, наиболее серьезная проблема, поскольку она характерна для очень многих экспертов и комментаторов в средствах массовой информации. Циники из консервативной части политического спектра считают, что ядерное разоружение вообще нежелательно. Такое мнение регулярно высказывают критики идеи разоружения из Американского Института Предприимательства и других оплотов неоконсерватизма.

Многие из числа центристов полагают, что ядерное разоружение недостижимо. Именно таких взглядов придерживается большинство редакторов и журналистов. Они приводят демагогические, непрофессиональные и пустопорожние аргументы в пользу того, что устранить ядерное оружие так же невозможно, как уничтожить весь порох на планете. Такую позицию обычно занимают те, кто желает казаться умудренными жизнью реалистами, не прикладывая при этом особых усилий.

Цинизм существует также и на левом фланге политического спектра. Здесь циники считают, что ядерное разоружение и желательно, и достижимо, но не верят, что новый президент способен справиться с этой задачей. Они постоянно недовольны президентскими кандидатами на любые посты, они вечно критикуют любые правительственные решения за недостаточный радикализм, а сам президент, по их мнению, недостаточно привержен идее разоружения.

Преодоление такого цинизма является важнейшей задачей. Ведь из-за него просто опускаются руки у политиков, которые не желают казаться наивными и слабыми, и исчезает вера в саму возможность разоружения у его сторонников, которые не хотят тратить силы и время на безнадежное, по уверениям циников, дело.

Цинизм этот, нужно сказать, иногда оправдан. Но им ни в коем случае нельзя подменять настоящие аргументы и логику. Нельзя позволить предвзятости подменить собой анализ. Обама это хорошо понимает. В своей пражской речи он заявил, что «фатализм – наш смертельный враг». «Я знаю, что некоторые сомневаются в нашей способности воплотить такие широкие планы в жизнь, – сказал он. – Некоторые сомневаются в самой возможности истинного международного сотрудничества ввиду неизбежных разногласий между разными странами. Слыша разговоры о безъядерном мире, некоторые считают, что не стоит ставить перед собой цель, которой, по их мнению, невозможно достичь». Ответ Барака Обамы таким пессимистам следующий:

«Мы знаем, к чему ведет такая позиция. Если народы и страны думают только о своих отличиях, это лишь еще дальше отдаляет их друг от друга. Если мы не будем активно стремиться к миру, то мы никогда его не достигнем. Мы хорошо знаем, что будет, если позволить страху возобладавать над надеждой. Отвергать и игнорировать призывы к сотрудничеству легко, но политика эта трусливая. Именно с этого начинаются войны. Именно на этом заканчивается прогресс человечества».

Обама взывает к нашей общей истории: «Я знаю, что призыв взяться за оружие затрагивает людские души глубже, чем призыв это оружие сложить. Именно поэтому мы должны объединить голоса, которые призывают к миру и прогрессу».

НОВЫЙ РЕАЛИЗМ

В общем и целом, ситуация сейчас развивается в пользу Барака Обамы. Растущее понимание провала политики предыдущей администрации все больше подкрепляется новым консенсусом относительно того, что разоружение и нераспространение – две стороны одной медали. Разоружение способствует укреплению единства, которое необходимо для предотвращения распространения ядерного оружия. А нераспространение, в свою очередь, укрепляет климат безопасности, который позволяет развиваться делу разоружения.

Сейчас вновь происходит исторический поворот мнения большинства американского оборонного истеблишмента в пользу разоружения и контроля над вооружениями.

Политика контроля над вооружениями стала новой политикой реализма. В Нью-Йорке, Женеве, Вене, Москве и Вашингтоне нарастает понимание того, что времени больше терять нельзя, подталкивая политиков к возобновлению усилий в данном направлении, формированию новых альянсов и достижению новых договоренностей.

Можно привести два примера того, как американские консерваторы, которые всего несколько лет назад называли международные соглашения *иллюзией безопасности*, сейчас оказывают поддержку соглашениям по сокращению вооружений.

Первый пример – позиция Джеймса Шлезингера, бывшего республиканского министра обороны и энергетики, который недавно выразил свою поддержку планам подписания нового договора с Россией. «Сейчас вызрела необходимость и сложился благоприятный момент для возобновления совместных с Россией усилий в области контроля над вооружениями, а это, в свою очередь, создает условия для продолжения сокращений ядерных арсеналов», – заявила американская Комиссия по оценке стратегического положения (US Strategic Posture Commission), в которой Джеймс Шлезингер является сопредседателем. Когда-то он возглавлял кампанию против дальнейшего сокращения ядерных вооружений и участвовал в формулировании альтернативного подхода, за который выступала администрация Джорджа Буша. В своей статье под заголовком «Конец контроля над вооружениями?», вышедшей в 2000 г., он писал: «Целью контроля над вооружениями должно являться сдерживание тех, кто желает заполучить ядерное оружие». В соответствии с этой позицией, угроза исходит от других государств, и для предотвращения распространения ядерного оружия Соединенным Штатам нужен большой и мощный ядерный арсенал.

Однако в начале мая 2009 г. Джеймс Шлезингер изменил свою позицию. Комиссия, в которой он был сопредседателем вместе с бывшим министром обороны Уильямом Перри, заявила в своем докладе Конгрессу, что «Соединенные Штаты должны использовать дополнительные возможности сотрудничества в политической сфере, такие, к примеру, как контроль над вооружениями и нераспространение».

Второй пример – Brent Скаукрофт, *вечный реалист* и представитель другого крыла Республиканской партии. Он никогда не был принципиальным противником договоренностей с Россией в области сокращения вооружений, однако в 1999 г. он выступал против договора о запрещении ядерных испытаний. Однако в мае 2009 г. Brent Скаукрофт тоже изменил свою позицию. Рабочая группа Совета по международным отношениям (Council on Foreign Relations Task Force), которую он возглавлял совместно с Уильямом Перри, рекомендовала Сенату ратифицировать тот самый договор о запрещении ядерных испытаний, в целесообразности которого он ранее сомневался. В докладе группы также говорится, что «в американо-российских отношениях назрел момент для нового официального соглашения в области контроля над вооружениями, которое бы отражало текущие оборонные потребности и реальное положение дел и которое бы привело к более глубоким сокращениям вооружений».

Чарльз Кертис из Инициативы по сокращению ядерной угрозы сравнивает подобные перемены с оттаиванием покрытых льдом морей. Каждый день в этих морях открываются все новые проходы в Европу, Россию и Азию.

Не следует преувеличивать масштабы сдвига в позиции сторонников жесткой линии. Джеймс Шлезингер, к примеру, продолжает выступать против ядерного разоружения. Brent Скаукрофт остается сторонником сохранения Соединенными Штатами крупного ядерного арсенала. Однако в позиции обоих политиков (а также многих их коллег) произошли значительные подвижки. Хотя они и не поддерживают окончательную цель, провозглашенную Бараккой Обамой, они, тем не менее, являются сторонниками предлагаемых им предварительных шагов.

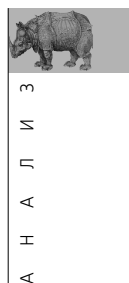
Стратегия Обамы, по-видимому, заключается в следующем. Продолжая курс на полное ядерное разоружение в далекой перспективе, в ближайшее время он сконцентрирует свои усилия на обеспечении широкой поддержки непосредственных шагов, успех которых укрепит веру в реальность полного разоружения. Это означает, что вся стратегия зависит от успеха непосредственных шагов. Первые результаты станут ясными уже в ближайшее время. Обама твердо настроен на проведение в течение следующих 12 месяцев активной кампании по данному вопросу, который для него находится во главе повестки дня. Если ему удастся обеспечить поддержку со стороны как демократов, так и республиканцев, то результаты должны быть следующие:

- подписание договора на замену истекающего в этом году договора СНВ, а также дальнейшее сокращение количества стратегических ядерных вооружений по сравнению с уровнем, оговоренным в Московском договоре;

- начало переговоров по новому договору, который бы ограничил размер американских и российских ядерных арсеналов на уровне не более 1000 боеголовок;
- ратификация ДВЗЯИ в Сенате США;
- новый пересмотр ядерной стратегии США, который бы уменьшил роль ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности и начал приведение ядерных сил Соединенных Штатов в соответствие с угрозами XXI в.;
- успешное проведение Конференции по рассмотрению действия ДНЯО в 2010 г., результатом которой стало бы укрепление барьеров на пути распространения;
- достижение значительного прогресса в ходе переговоров о контролируемом запрете на производство ядерных материалов военного назначения;
- сдерживание и даже свертывание северокорейской ядерной программы;
- ощутимый прогресс в ходе переговоров по сдерживанию иранской ядерной программы;
- ускоренная программа по контролю и, по возможности, уничтожению всех не входящих в состав основных арсеналов ядерных материалов и боеголовок, импульс которой должен придать исторический глобальный саммит по предотвращению ядерного терроризма.

Американская администрация, правительства других стран и многие независимые неправительственные организации уже начали выработку стратегии, нацеленной на достижение вышеперечисленных результатов. Работа по отдельным пунктам уже началась. Успешное выполнение всех этих пунктов или хотя бы большинства из них будет означать реальный прогресс в деле укрепления мира и безопасности на планете.

Однако это не решит всех проблем. Напряженная работа на этом не закончится. Она, фактически, никогда не закончится. Однако всего лишь год назад вероятность достижения вышеперечисленных результатов была близка к нулю, тогда как сейчас существует хороший шанс на то, что Обаме удастся добиться выполнения большинства или даже всех этих пунктов к середине 2010 г.

Примечания

¹ Статья написана при содействии ассистента Фонда Плаушерс Бенджамина Лорке.

² Галуччи Роберт. Презентация Фонда Плаушерс в Посольстве Италии в Вашингтоне, Округ Колумбия. 2009, 20 мая.

³ Нанн Сэм. Презентация Фонда Плаушерс в Посольстве Италии в Вашингтоне, Округ Колумбия. 2009, 20 мая.

⁴ Crock Stan. Bush Dusts Off Bill's Pyongyang Playbook, *Business Week*. 2005, September 20, http://businessweek.com/bwdaily/dnflash/sep2005/nf20050920_2248_db016.htm (последнее посещение – 27 июля 2009 г.).

⁵ George Pratt Shultz, Henry Kissinger, William Perry, Sam Nunn. A World Free of Nuclear Weapons. *The Wall Street Journal*. 2007, January 4.

⁶ Тимербаев Роланд. О путях движения к миру без ядерного оружия. *Индекс Безопасности*, № 1 (88), Том 15, Весна 2009, с. 19–30.

⁷ Браун Гордон. Речь в Торгово-промышленной палате, Дели, Индия. 2008, 21 января.

⁸ Браун Дэвид. Основы многостороннего разоружения. Конференция ООН по разоружению, Женева, 2008, 5 февраля.

⁹ Miliband David. A World Without Nuclear Weapons. *The Guardian*. 2008, December 8.

- ¹⁰ Støre J.G. Envisioning a World Free of Nuclear Weapons. *Arms Control Today*. June 2008.
- ¹¹ D'Alema M., Fini G., La Malfa G., Parisi A., Calogero F. For A World Free of Nuclear Weapons. *Corriere Della Sera*. 2008, July 24.
- ¹² Scotti E. Speech by Secretary of State Scotti. UN Conference on Disarmament, Geneva, 2009, March 3.
- ¹³ Merkel Angela. Speech by Federal Chancellor Angela Merkel. International Security Conference, Munich, 2009, February 7.
- ¹⁴ Schmidt H., Weizsacker R. von, Bahr E., Genscher H.-D. Toward a Nuclear-Free World: A German View. *International Herald Tribune*, 2009, January 9; Steinmeier F.-W. A Fresh Start for Disarmament Policy. *Süddeutsche Zeitung*. 2009, February 4.
- ¹⁵ Steinmeier F.-W. A Fresh Start for Disarmament Policy. *Süddeutsche Zeitung*. 2009, February 4.
- ¹⁶ Sarkozy Nicolas. Presentation of SSBM *Le Terrible*, Cherbourg, 2008, March 21.
- ¹⁷ Statement on Strengthening International Security, (Doc. 16751/2/08, REV 2, COR 1). Council of the European Union (Political and Security Committee), 2009, December 8, Brussels, <http://www.consilium.europa.eu/App/NewsRoom/loadDocument.aspx?id=985&lang=en&directory=en/esdp/&fileName=104674.pdf> (последнее посещение – 27 июля 2009 г.).
- ¹⁸ Sarkozy Nicolas. Letter to UN Secretary-General Ban Ki-Moon, 2008, December 5.
- ¹⁹ Тимербаев Роланд. О путях движения к миру без ядерного оружия. *Индекс Безопасности*, № 1 (88), Том 15, Весна 2009, с. 19–30.
- ²⁰ Truman H.S., Attlee C.R., King W.L.M. Declaration on the Atomic Bomb by President Truman and Prime Ministers Attlee and King, 1945, November 15.
- ²¹ Kennedy J.F. State of the Union Address. Washington, D.C., 1962, January 11.
- ²² Reagan Ronald. Address Before the Diet. Tokyo, Japan, 1983, November 11.
- ²³ Hanley C. Gorbachev, Schultz Find Reykjavik Revived in Rome. *Associated Press*, 2009, April 28.
- ²⁴ Hagel C. *Ploughshares Fund* Panel Presentation at Embassy of Italy. Washington, D.C., 2009, May 20.
- ²⁵ Медведев Д.А., Обама Барак. Совместное заявление Президента РФ Дмитрия Медведева и Президента США Барака Обамы. Лондон, 2009, 1 апреля.
- ²⁶ Моделью подобных оценок является новая американско-российская оценка иранской ракетной и ядерной программы: Iran's Nuclear and Missile Potential: A Joint Threat Assessment by U.S. and Russian Technical Experts, 2009, May, <http://www.ewi.info/announcements/news/index.cfm?title=News&view=detail&nid=716&aid=7747> (последнее посещение – 27 июля 2009 г.).
- ²⁷ Буш Джордж, Путин В.В. Совместное заявление Президента Джорджа Буша и Президента Владимира Путина. Санкт-Петербург, 2006, 18 июля, <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/07/print/20060717-2.html> (последнее посещение – 27 июля 2009 г.).

Наталья Калинина, Вадим Козюлин

ГЛИНЯНЫЕ НОГИ РОССИЙСКОГО ОПК

Российские эксперты по-разному оценивают состояние отечественной оборонной промышленности. Пессимисты указывают на моральное и физическое старение производств, исчерпание советских заделов в военных технологиях, катастрофическое старение инженерных кадров, потерю качества продукции, неспособность своевременно исполнить заказы.

Но имеются и оптимисты, которые отмечают стабильное увеличение экспорта российских вооружений, существенный рост государственного оборонного заказа, структурную реформу оборонно-промышленного комплекса (ОПК), техническое переоснащение ряда предприятий, планы руководства страны по перевооружению армии к 2015 г., намерения властей создать авианосный флот¹. Российская армия стала чаще проводить учения, визиты российских кораблей и самолетов в дальние уголки планеты становятся регулярными.

Каково же реальное положение дел в оборонной промышленности и что ждет российскую оборонку в будущем?

А
Н
А
Л
И
З

ВТС КАК ИСКУССТВО ДЫШАТЬ ПОД ВОДОЙ

«Владимир Путин дал поручение проработать вопрос о повышении эффективности экспорта вооружения. Необходимо увеличить доходы государства от экспорта вооружения, с тем чтобы дополнительно полученные средства были использованы на проведение реформ в стране (...).»

Независимая газета, 15 августа 2000 г.²

Начиная с 1992 г., когда Министерство обороны СССР прекратило финансирование советского военно-промышленного комплекса (ВПК), оборонные предприятия были вынуждены выживать.

Финансирование *оборонки* прекратилось практически сразу: в одночасье производство в ОПК сократилось на 70–80%. Гигантская часть советской экономики лишилась и заказов, и средств к существованию. Вооруженные силы фактически перестали быть заказчиком отечественного ВПК, отныне обращаясь к промышленности разве что за ремонтом и продлением ресурса стареющей техники.

Получил хождение новый термин – *конверсия*. Под этим девизом государство призывало оборонные предприятия переходить на выпуск мирной продукции. Заводы, осваивавшие ракетные технологии, стали открывать для себя новые миры: кто мир кухни, кто мир мебели. Кастрюли, чайники, садовый инвентарь, своим видом наводившие на мысль о гранатах и ракетах, стоили дорого и с трудом находили путь к потребителю.

Те из предприятий, чьи площади размещались ближе к покупателю, познали простое счастье рантье. Платы за аренду сдаваемых коммерческим организациям помещений иногда хватало на выплату зарплат рабочим. Жители столицы и не догадывались, что появление удивительного для той поры бытового магазина *Бауклотц* совпало по времени с исчезновением цеха, собиравшего систему противозвушной обороны *С-300*. Собственно, и вооруженные силы России этого тоже не заметили: российские заказы на *трехсотку* с тех пор прекратились.

По сравнению с 1992 г. производство военных самолетов уменьшилось в 17 раз, военных вертолетов – в 5 раз, авиационных ракет – в 23 раза, боеприпасов – более чем в 100 раз.

Но ни конверсия, ни сдача в аренду не могли решить проблему острой нехватки финансирования ОПК. В эпоху Б.Н. Ельцина российская власть призналась, что экспорт вооружений – это почти единственное средство выживания *оборонки*, а стало быть, и средство обеспечения национальной безопасности государства. Выжили не все, главным образом, те, кто услышал и верно понял слова руководства страны. Отныне судьба оборонной промышленности была крепко связана с экспортом вооружений.

За эти годы Россия прошла быстрый курс избавления от имперских амбиций: в самом начале 1990-х гг. россияне отказывались продавать на внешнем рынке наиболее высокотехнологичные вооружения, приберегая их для собственной *непобедимой и легендарной*. Да и позднее, еще 10 лет назад, Китай не мог добиться согласия на продажу ему новейших противокорабельных ракетных комплексов, скоростных подводных ракет. Постепенно россияне сняли запреты, а позже даже стали создавать наиболее современные вооружения под заказ и на деньги зарубежного импортера. Российский ОПК спрятал гордость до лучших времен и пустился во все тяжкие: многие из создаваемых сегодня новейших вооружений российская армия не увидит никогда – они предназначены для того, кто платит и заказывает музыку.

Заделы советских разработчиков вооружений были велики, но и они оказались конечны. Если в конце 1990-х гг. журналисты, описывая образцы российских вооружений, еще традиционно добавляли «не имеющие аналогов в мире», то в новом веке эта фраза вышла из употребления. Теперь стали писать «не уступающие передовым зарубежным образцам». Специалисты знают цену этим эпитетам: по многим военным технологиям Россия еще находится на уровне 1970–1980-х гг.

Таблица 1. Экспорт ПВН в 1999–2009 гг.³

Год	Общий объем российского экспорта, млрд долл. США	ВТС		
		Объем экспорта, млрд долл. США	Доля от общего экспорта, %	Объем экспорта, млрд руб. ⁴
1999	75,6	3,393	4,49	91,61
2000	105,0	3,681	3,51	103,66
2001	101,9	3,705	3,64	111,67
2002	107,3	4,810	4,48	150,79
2003	135,9	5,568	4,09	170,83
2004	183,2	5,855	3,19	168,68
2005	243,8	6,126	2,51	173,24
2006	303,6	6,464	2,13	175,76
2007	354,4	7,40 ⁵	2,08	191,29
2008	471,6	8,35 ⁶	1,77	207,49
2009 (прогноз)		8,56 ⁷	–	–

Приведенные в *Таблице 1* данные отражают незначительный вклад доходов от военно-технического сотрудничества (ВТС) в экономические параметры страны (поставки продукции военного назначения (ПВН) не превышают 2% от общего объема экспорта).

В 1990 г. реальная доля российской наукоемкой продукции в мировом экспорте составляла 6%, в 2000 г. – около 1%, в 2007 г. – около 0,5%, в 2008 г. – около 0,2%. То есть за 18 лет доля российского высокотехнологичного продукта в мировом экспорте сократилась в 30 раз.

Эта цифра может вызывать удивление, но только не у специалистов. Вот возрастной портрет одного из подмосковных конструкторских бюро: первым руководителям – под 80 лет, начальникам отделов – под 70, средний возраст разработчиков – 67 лет. Моложе 60 лет нет ни одного. Раньше по каждому направлению трудились группы разработчиков. Теперь осталось по одному на направление⁸. Молодые специалисты, не видя перспектив в родной стране, уезжают за рубеж. Иностранные работодатели отслеживают перспективных специалистов уже с третьего курса института: в Московском военно-техническом университете им. Баумана на некоторых факультетах количество выехавших на работу за границу выпускников достигает 75%, из Московского государственного университета за рубеж отправляется трудиться до 85% студентов биологического факультета. Молодых специалистов трудно винить в отсутствии патриотизма. Министерство обороны России не предлагает ни целевых стипендий, ни перспективной работы в будущем.

Каждый год авторитетные ученые и педагоги советуют абитуриентам не идти учиться на юристов, экономистов, журналистов и политологов – рынок труда переполнен безработными специалистами с дипломами этих профессий. И ежегодно абитуриенты следуют этому совету с *точностью до наоборот*. В этом тоже есть логика: где те заводы, которым нужны молодые инженеры? В какой отрасли (за исключением добычи-транспортировки углеводородов и разработки программного обеспечения) выпускник технического вуза может рассчитывать на достойную зарплату, карьерный рост и социальное обеспечение для себя и своей семьи?

Государственная корпорация *Ростехнологии* пытается решить кадровую проблему, создавая в ведущих вузах страны кафедры, где будут готовиться специалисты для данной корпорации. Но, как ни посмотри, госкорпорация готовит им стезю чиновников, а не промышленников.

Согласно озвученной Д.А. Медведевым еще до избрания президентом РФ на экономическом форуме в Красноярске Программе социально-экономического развития России до 2020 г., ежегодно Россия должна увеличивать экспорт высокотехнологичной продукции на 15–20%, чтобы к 2020 г. он составил 60–100 млрд долл. США (сейчас 6–8 млрд долл. США)⁹. Трудно сказать, когда эти планы показались бы более далекими – в 1990-х гг. или сегодня.

Некоторые государства мира сумели приспособить свою оборонную промышленность к рыночным условиям: оборонные предприятия Израиля вынуждены экспортировать $\frac{3}{4}$ производимых вооружений, чтобы $\frac{1}{4}$ продукции могли достаться израильским вооруженным силам. ОПК Израиля, небольшой и технологичный, вполне востребован и заточен под внешний рынок. Но нельзя забывать, что его успехи в значительной степени объясняются используемыми израильскими американскими технологиями, а также усилиями двух тысяч частных посреднических израильских компаний, которые активно торгуют оружием по всему миру. В то же время большинство стран НАТО отдают абсолютное преимущество своим национальным силам. К примеру, у нашего постоянного конкурента – США – объем внутренних закупок в 7–10 раз превышает объемы экспорта¹⁰.

Российский ОПК не сопоставим с израильским по размеру, для него мировой рынок вооружений просто тесен. И, чтобы отвоевать на нем место под солнцем, Россия, как обычно, избрала свой путь – государственная монополия в лице единого госпосредника.

Компании-госпосредники экспорта российских вооружений, проводники государственной монополии на экспорт российского оружия, получили в руки полный инструмента-

рий для наращивания объемов продаж. В их интересах начали работать дипломатические представительства, спецслужбы, а иногда и сам президент страны на высшем уровне лоббирует экспортные сделки.

БОЛЬШЕ РЫНКОВ, ХОРОШИХ И РАЗНЫХ

«Что касается новой системы ВТС, созданной по указанию президента России, то свою эффективность в современных условиях она убедительно доказала. Ее оптимальная приспособленность к мировому рынку вооружений позволила в короткие сроки, в условиях перманентного спада промышленного производства и финансового дефицита достичь, без прикрас, феноменальных результатов. Не зря, видимо, многие из наших западных конкурентов заимствуют элементы российского ВТС и внедряют их у себя. Все это порождает уверенность в будущих успехах России на мировом рынке оружия».

*Б.Н. Кузык, помощник президента Б.Н. Ельцина
по вопросам военно-технического сотрудничества
с зарубежными странами, апрель 1998 г.¹¹*

Принято считать, что для рынка вооружений характерна высокая конкуренция. В самом деле, иногда участники тендеров на поставку оружия вынуждены прибегать к серьезно-му демпингу, идти на передачу заказчику чувствительных технологий либо, наоборот, прибегать к политическому давлению на него с тем, чтобы получить желаемый заказ. Известны случаи подкупа, сговора, черного пиара – словом, того, что наша пресса именует *вытеснением с рынка и нечестной конкуренцией*.

Однако имеются и примеры противоположного свойства: когда экспортеры вооружений покидают рынок, оставляя его соперникам в полное распоряжение. Трудно представить, чтобы один-единственный продавец безраздельно владел внушительной частью мирового рынка, например, мяса или бытовой электроники, диктуя цены и правила. Но в торговле оружием иногда происходит именно так: по различным политическим мотивам – распространение демократии, борьба за права человека – страны Запада вводят санкции против неугодных государств. Как правило, в первую очередь эти санкции предусматривают ограничения на поставку оружия.

Ядерные испытания, проведенные Индией в 1998 г., привели к (пусть и непродолжительному) ограничению поставок оружия в эту страну. События на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., когда китайские власти подавили демонстрацию студентов, стали поводом для введения запрета на поставку западных вооружений в Китай. Список государств, которые лишены права покупать оружие в Европе и США, довольно широк: помимо Китая, в него по разным причинам входят Иран, Венесуэла, Куба, Сирия, Мьянма, Узбекистан, Белоруссия и др. Этот перечень удивительным образом совпадает со списком государств – традиционных партнеров России по ВТС. Российские экспортеры вооружений получили китайский, иранский, венесуэльский, сирийский и некоторые другие рынки из рук США и ЕС в безвозмездное пользование. Образно говоря, эти рынки обнесены высокими заборами, а по периметру страны Запада развернули сложную систему экспортного контроля. Но в заборах зияют огромные дыры. Из России к этим дырам протоптаны не тропы, а проложены магистрали.

Общий объем ежегодно закупаемого этими странами российского оружия составляет более половины от российского экспорта вооружений. То есть страны Запада фактически добровольно передали России монополию на экспорт оружия этим государствам, создав для РФ почти идеальные условия, свободные от конкуренции, свойственной мировому рынку.

Около 10 лет назад руководство Великобритании, возможно, осознав абсурдность такой политики, выступило в поддержку давно продвигаемой в мире группой энтузиастов инициативы принятия Международного договора о торговле оружием (МДТО). По за-

мысли идеологов этого договора, международное сообщество должно строго ограничить поставки оружия государствам, нарушающим права человека. Под категорию нарушителей может попасть добрая половина российских партнеров по ВТС, да, собственно, и сама Россия находится в зоне риска.

6 декабря 2006 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 61/89, озаглавленную «На пути к договору о торговле оружием: установление общих международных стандартов в отношении импорта, экспорта и передачи обычных вооружений». По задумке инициаторов, договор должен быть юридически обязательным; базироваться на четких принципах, определяющих повод для отказа в экспорте вооружений; предусматривать эффективный механизм применения и контроля над исполнением договора с наказанием для нарушителей. Резолюция была принята 153 голосами *за*, что, в целом, отражает заинтересованность подавляющей части международного сообщества в разработке такого документа.

В ближайшее время для МДТО наступит *момент истины*, и России придется явно выступить против этой инициативы, чего российская сторона пытается избежать, ибо это негативно скажется на имидже страны. Пока же Россия господствует на этом рынке, хотя на звание *властелина дырявых заборов* сегодня претендуют Китай, Израиль, Индия, Иран, КНДР.

РАЗБОРКИ НА ТЕМУ ОТВЕРТЧНОЙ СБОРКИ

«С этим нужно вести борьбу. Мы не учились защищаться, поэтому позволили растащить эти технологии по всему миру, и теперь во многих странах выпускают подделки, которые явно уступают российским образцам».

*М. Т. Калашников,
президент Союза российских оружейников*

За последнее десятилетие новая беда поселилась в сердцах российских специалистов по ВТС и беспокойных обывателей – кража российских военных технологий. Действительно, воруют. Один из последних вопиющих примеров: по соглашению, подписанному в 1996 г., Китай приобрел право на отверточную сборку 200 истребителей Су-27СК под местным наименованием *J11*. Но, получив 95 комплектов деталей, 180 двигателей *АЛЗ1Ф* и все необходимое оборудование, китайцы в ноябре 2004 г. заявили, что больше не нуждаются в российских технологических комплектующих для сборки Су-27¹². Три года российские оборонщики удивлялись: как китайские авиаторы могут летать, не заказывая в России запасных частей? Наконец, в начале 2007 г. Китай представил свою *разработку* – истребитель *J11В*, в котором специалисты признали копию Су-27. Китайский меньший брат российской *Сушки* быстро поступил в продажу, первым покупателем стал Пакистан. В качестве опций китайские производители предлагают набор вооружений – клонов российских ракет – включая новейшую российскую ракету *P-77*. Она продается под китайским названием *PL12*.

Подобные истории многочисленны: Китай, КНДР, Болгария, Румыния и даже Пакистан выпускают и предлагают на экспорт клоны российских вооружений, созданных на базе технологий, переданных Советским Союзом либо полученных методом *обратного инжиниринга*. Российские власти пытаются судиться с производителями *контрафактов*, но судебные тяжбы редко бывают успешны. Трудно найти управу на болгарский завод *Арсенал*, когда производимые им *Калашниковы* в огромных количествах для армии в Афганистане закупает Пентагон.

Частично эта проблема осталась России в наследство от СССР, в свое время твердой рукой дарившего военные заводы зарубежным братьям-коммунистам и прочим сочувствующим. Но случай с китайским истребителем *J11В* – уже из новейшей истории российского ВТС. Китайцы применяют стандартную тактику: начав с отверточной сборки, они перенимают все секреты производства компонентов. Но разве это сугубо китайский прием? Не так ли создавал свою экономическую и военную мощь Советский Союз?

Чистая отверточная сборка может дать лишь иллюзию развития отечественной промышленности. Пример тому – российская автомобильная промышленность, увядающая под натиском иностранных сборочных производств. В Ижевске сборочный цех южнокорейских автомобилей *КИА* так и называют – *конец ижевскому автопрому*. Иностранным автопроизводителям ничего не нужно от ижевских автомобильных мастеров, их судьба – просто исчезнуть.

С другой стороны, проблема клонов – это удел отстающих, остановившихся в развитии и теряющих позиции в разработке новых вооружений инженерных школ. Ведь те же *новейшие* ракеты *Р-77* поступили на вооружение российских ВС еще в 1994 г., то есть 15 лет назад.

Вспоминается рассказ представителя киевского завода *Арсенал*, который ездил в Пекин для чтения лекций китайским студентам: «Два года назад я читал им лекции и видел в глазах пустоту. Они не понимали ни слова. Однако китайцы быстро учатся: уже сегодня многое схватывают и задают правильные вопросы. Думаю, что года через три-четыре нам их будет нечему учить». Этот разговор состоялся 10 лет назад.

Среди аналитиков США принято считать, что в период холодной войны американская боевая техника опережала советскую на 10 лет, а китайскую – на 25 лет. Сегодня, по мнению американцев, китайцы по многим показателям уже опередили россиян.

И уже множатся сигналы о том, что те, кого мы 10 лет назад числили в подмастерьях мирового оружейного цеха, сегодня освоили наработанный инженерным сообществом материал и сами создают вооружения, которые превосходят российские аналоги. Нас ожидают скорые неприятные сюрпризы.

ТОРГОВЫЕ КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

«Мы ставим задачу не отсекаать, а, наоборот, привлекать частные инвестиции в эту сферу. Мы будем строить дело так, чтобы за счет привлечения частных инвестиций диверсифицировать производство предприятий ВПК».

В.В. Путин, и. о. президента РФ на Всероссийском совещании работников ВПК, 22 марта 2000 г.¹³

Непродолжительные колебания российской политики в вопросе о подчиненности экспорта оружия в конце 2000 г. завершились тем, что была создана государственная система управления ВТС с абсолютным доминированием в ней президентской вертикали. Такой порядок сохраняется и поныне. Не станем углубляться в зарубежный опыт решения проблемы конкуренции отечественных компаний на внешнем рынке. Россия победила внутреннюю конкуренцию путем полной централизации торговли оружием в государственных руках: в 2000 г. количество компаний-госпосредников было сокращено с трех до одной.

Последовавшая борьба двух тенденций – расширение круга экспортеров против сокращения их числа – завершилась убедительной победой сторонников второго направления. Если к концу 2006 г. право выхода на внешний рынок имели 23 субъекта ВТС (из которых 5 могли поставлять собственные готовые изделия и 18 – запасные части, а также осуществлять ремонтные и сервисные работы), то в январе 2007 г. право поставлять *финальную* ПВН осталось только у государственного посредника – ФГУП *Рособоронэкспорт*¹⁴. Остальным четырем субъектам ВТС, поставлявшим *финальную* продукцию (ФГУП *РСК МиГ*, ГУП *Конструкторское бюро приборостроения*, ОАО *ВПК НПО машиностроения* и ФГУП *Конструкторское бюро машиностроения*), осталось право лишь завершить выполнение старых контрактных обязательств без заключения новых договоров.

Сторонники жесткой централизации любят вспоминать – соперничество нескольких продавцов российского оружия на рынке приводило к тому, что экспортеры перебивали друг у друга цены, порой предлагая продукцию одного завода. Но можно также вспом-

нить, что Комитет по военно-техническому сотрудничеству (КВТС) России, в 2004 г. переименованный в Федеральную службу по военно-техническому сотрудничеству (ФСВТС) РФ, создавался в первую очередь как раз для устранения этой нездоровой конкуренции: простыми разрешительно-запретительными мерами он вполне мог справиться с проблемой. Углубляющаяся централизация экспорта вооружений в руках одного предприятия делает существование ФСВТС все менее обоснованным.

Принято считать, что устранение конкуренции среди экспортеров вооружений путем образования единственной компании-госпосредника привело к росту объемов экспорта. В действительности объемы продаж росли и до образования *Рособоронэкспорта*, когда госпосредников по экспорту оружия в России было три: в 1998 г. – 2,4 млрд долл. США, в 1999 г. – 3,5 млрд долл. США, в 2000 г. – 4 млрд долл. США, то есть более чем в полтора раза за два года. Этот успех редко удавалось повторить в последующие годы.

Став *окном в мир*, а точнее – своеобразным бутылочным горлышком для всей оборонной промышленности России, *Рособоронэкспорт* превратился и в крупнейший источник финансов для увядающей российской *оборонки*. Через счета госкомпании во многие регионы страны, крепко завязанные на военное производство, приходила жизнь.

Со временем миссия госкомпании шагнула много дальше, чем просто экспорт вооружений. В представлении сотрудников ФГУП *Рособоронэкспорт* и представителей власти она стала восприниматься как спасение ОПК, а может быть, и обеспечение безопасности всей страны. Настало время повисить планку.

Таблица 2. Сравнение объемов¹⁵ гособоронзаказа¹⁶ и экспорта ПВН¹⁷ (без учета ремонта и модернизации старой техники)

Название	2006		2007		2008	
	ГОЗ	Экспорт	ГОЗ	Экспорт	ГОЗ	Экспорт
Танки	30	30	31	164	62	Данные Регистра ООН еще не опубликованы
Бронемашины	153	114	131	74	216	
Автомобили	3000	нет данных	4000	нет данных	4500	
Ракеты и пусковые установки (с дальностью не менее 25 км)	1 дивизион <i>Искандер-М</i> (9 ПУ)	1093	1 дивизион <i>Искандер-М</i>	1498	4 ПУ <i>Искандер-М</i>	
Артиллерийские системы	нет данных	100	нет данных	16	152	
Боевые самолеты	1	14	2	40	18	
Боевые вертолеты	3	21	–	15	5	
Боевые корабли	–	2	–	–	4	

Создание Государственной корпорация *Ростехнологии* стало логическим продолжением процесса централизации власти над *оборонкой*: вершина ФГУП *Рособоронэкспорт* отпочковалась и принялась увеличиваться в объемах, поглощая и удочеряя десятками как убыточные, так и вполне прибыльные фирмы: новая суперкомпания объединила под своей крышей 340 оборонных организаций (440 предприятий), попутно *проглотив* многих вчерашних конкурентов по ВТС. *Рособоронэкспорт*, прародитель нового образования, стал считаться его дочкой. Возникло то, что некоторые наблюдатели назвали *коммерческое министерство*.

Так, монополизировав экспорт оружия, верхушка *Рособоронэкспорта* (РОЭ), ставшая верхушкой ГК *Ростехнологии*, монополизировала и право решать судьбу российского

ОПК. Вчерашние экспортеры-монополисты стали монополистами-управленцами и получили *карт-бланш* на реформу всей оборонной промышленности. Сегодня будущее ОПК России зависит только от компетентности и профессионализма выходцев из РОЭ – новых сверхчеловеков из *Ростехнологий*.

Первая часть бизнес-плана, начерченного для российского ОПК руководством *Ростехнологий*, имела все черты коммерческой операции: из 350 переданных в новую корпорацию предприятий часть подлежала реализации на рынке (в ведение ГК *Ростехнологии* передается 15 833 объекта недвижимости и 1243 земельных участка). Вырученные средства должны были пойти на модернизацию оставшихся наиболее перспективных предприятий.

Однако мировой финансовый кризис нанес удар по этой части проекта: недвижимость обесценилась, даже самые лакомые промышленные площади утратили привлекательность на предстоящие три-четыре года. Теперь корпорация *Ростехнологии* будет вынуждена опираться на российский бюджет: государственную программу вооружений, государственный оборонный заказ, федеральные целевые программы и средства от ВТС, вырученные предприятиями, входящими в корпорацию.

В настоящее время *Ростехнологии* заняты реформой доставшегося гигантского воздушно-патронного хозяйства: в собственности корпорации отошли несколько гражданских авиакомпаний, 157 разнообразных промышленных предприятий ОПК и 173 НИИ и КБ. Ростеховцы реализуют концепцию создания 19 холдингов в четырех отраслях промышленности:

- промышленность боеприпасов и спецхимии – 5 интегрированных структур и 57 организаций;
- радиоэлектронная промышленность – 7 интегрированных структур и 144 организации;
- промышленность обычных вооружений – 4 интегрированные структуры и 43 организации;
- авиационная промышленность – 3 интегрированные структуры и 62 организации.

Все 19 холдингов будут монополистами в своей сфере.

Подобная реформа ОПК назрела еще 15 лет назад. Государство делает запоздалый шаг в правильном направлении. Но есть опасение, что лавры ФГУП *Рособоронэкспорт* могут сыграть злую шутку. Лишенная конкурентов госкомпания стала источником кислорода для успешных и лучом надежды для неудачливых предприятий. Но достаточно ли опыта работы в компании-монополисте на сравнительно бесконкурентном рынке, чтобы быть столь же успешными в деле, далеком от торговли? Торговцам оружием свойственно смотреть на оборонщиков свысока: *оборонка* кормится из рук госпосредника. Иное дело самим стать во главе оборонной отрасли и взвалить на себя заботы по выбиванию финансирования и социальному обеспечению трудового коллектива.

Конечно, один из больших плюсов создания корпорации *Ростехнологии* заключается в том, что руководители ВТС смогут взглянуть на проблему послепродажного обеспечения российских вооружений не с точки зрения экспортера, а с позиций производителя, который вынужден преодолевать многочисленные бюрократические преграды для экспорта своей продукции. Ремонт и модернизация – это огромный сегмент мирового оружейного рынка, который, к примеру, составляет главную часть доходов для оружейников Израиля. В то же время в бизнес-планах российских экспортеров эта область обычно стояла далеко не на первом месте, поскольку требовала кропотливой и хлопотной работы.

«На сегодняшний день менеджмент *Ростехнологий* не зарекомендовал себя как успешная команда управленцев, – считает старший аналитик ИК *ЦентрИнвест* В.Ю. Рожанковский. – Взять то же ВСМПО *Ависма*: после того как *Ростехнологии* получили контроль

над этой корпорацией, она умудрялась показывать отрицательную прибыль даже в период роста цен на титановую губку (один из основных видов продукции *Ависмы*)». По мнению В.Ю. Рожанковского, корпорация страдает от избыточной централизации управляющего аппарата: все решения спускаются из Москвы, а на местах никто ничего не решает¹⁸.

Сегодня корпорация занята структурными реформами. Но с завершением реформирования настанет время налаживать производство и разрабатывать новые вооружения. Без серьезного финансирования это будет затруднительно. Надежды на российские частные инвестиции в ОПК едва ли возможны. В этой части, наверное, следует обратить внимание на традиционный алгоритм действий команды *Ростехнологий*. Здесь просматриваются два отработанных приема:

- обращение за поддержкой в госбюджет (тенденция хорошо прослеживается на многократных государственных вспомоществованиях *АвтоВАЗу*);
- создание совместных предприятий с более успешными иностранными коллегами.

Примеров множество:

- продажа доли *ВАЗа* компании *Renault*;
- передача 25% акций компании *Гражданские самолеты Сухого* итальянской компании *Alenia Aeronautica*¹⁹;
- строительство завода по совместной сборке вертолетов *Augusta* компаниями *Ростехнологии* и *Augusta*²⁰;
- создание СП между компанией *Boeing* и титановой корпорацией *ВСМПО-Ависма* по обработке технических деталей для самолетов²¹;
- создание совместного предприятия (СП) с итальянским машиностроительным холдингом *Finmeccanica* по производству компонентов из углеволокна²²;
- создание итальянской компанией *SELEX Sistemi Integrati* и ОАО *Российская электроника* консорциума по производству систем безопасности особо охраняемых объектов;
- создание СП по производству шин с компанией *Pirelli*²³;
- создание СП с *Hyundai* по производству тяжелых двигателей на базе Ярославского тракторного завода²⁴;
- продажа десятипроцентного пакета акций *КАМАЗа* германскому концерну *Daimler*²⁵.

О возможности привлечения иностранного капитала высказывался глава *Рособоронэкспорта* А.П. Исайкин: «Оборонно-промышленный комплекс уже давно работает не на полную мощность. Объяснение этому – кризис военной промышленности 1990-х гг., который, естественно, ударил больше всего по предприятиям ОПК. Процесс выхода из этого кризиса длительный, он требует привлечения значительного количества финансовых средств, – отметил генеральный директор *Рособоронэкспорта*. – Привлечь инвесторов, включая частных, может быть даже нерезидентов. Самое главное, чтобы это были стратегические партнеры»²⁶.

И хотя в основном руководители российской *обороны* сегодня по инерции утверждают, что иностранному капиталу нет места в российском ОПК, президент Д.А. Медведев на заседании Комиссии по ВТС 11 июня 2009 г. сделал знаковое заявление:

«Далеко не все объекты военно-технического сотрудничества мы сегодня готовы делать сами. Притом, что у нас очень хороший потенциал, тем не менее, кооперация всегда необходима. В условиях кризиса в том числе она позволяет снизить и финансовые

затраты, активизировать наши научно-технические связи. Поэтому наша задача – перевести такого рода работу в практические рамки»²⁷.

Возможно, рамки такого сотрудничества формирует сегодня ГК *Ростехнологии*. Хотелось бы верить, что в скором будущем мы станем свидетелями появления новых совместных производств вооружений с Индией, Францией, Германией и Израилем.

ПЕРВАЯ БЕСПИЛОТНАЯ ЛАСТОЧКА

«Для укрепления ведущих позиций на мировом оружейном рынке необходимо разрабатывать и производить новейшие конкурентоспособные образцы вооружения и военной техники. ... Стимулировать такую политику призвана, в том числе, и Национальная премия Золотая идея».

М.А. Дмитриев, директор Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству»²⁸

Сделка по приобретению израильских беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) *Гермес* для нужд Минобороны вскрыла хронические болезни современной российской армии и оборонки.

Советские инженеры были едва ли не первыми, кто начал создавать беспилотники. Еще в начале 1960-х гг. на вооружение советской армии начали поступать БПЛА *Ла-17Р*, созданные на основе воздушной мишени, и *Ту-123* (комплекс дальней фото- и радиоразведки ДБР-1 *Ястреб*) на основе крылатой ракеты. В начале 1980-х гг. Советский Союз производил беспилотники уже сотнями.

Годы после распада СССР совпали с быстрым развитием отрасли БПЛА по всему миру. Сформировалась группа лидеров, и России в ней не оказалось: первые места в разработке занимают США, Великобритания, Израиль, Франция, ФРГ, Швеция²⁹.

Ситуация усугубилась тем, что в 2002 г. авиация сухопутных войск была передана в состав ВВС России. Этим шагом в Минобороны был упразднен потенциальный пользователь БПЛА, сложилось парадоксальное положение: в то время как во всем мире программы создания беспилотников быстро завоевывали признание и получали существенное финансирование, в нашей стране интерес к этой теме сохраняли только энтузиасты. Более того, воинское начальство было убеждено, что в реальной войне беспилотники будут не нужны.

Сегодня те, для кого предназначаются БПЛА, – сухопутные войска – растеряли специалистов, которые могли бы сформулировать грамотный заказ российской оборонки. В тонкостях использования беспилотников, вероятно, могли бы разобраться представители ВВС. Но они не видят необходимости в БПЛА: самолет без человека – *это мы не проходили*.

Более 30 лет российские военные не заказывали беспилотных самолетов. За это время состарились не только те, кто понимал тактику применения этого оружия и мог бы сформулировать технические требования к нему. Наша промышленность отстала от современных требований: соответственно двигатели, фотоматрицы, системы связи и навигации – все это нужно не совершенствовать, а создавать заново.

Возможно, российские военные правы и приобретение израильских вооружений позволит, по словам заместителя министра обороны РФ В.А. Поповкина, «отработать принципы их применения», а российской промышленности – *снять мерку* с основных узлов и агрегатов.

Эта сделка приоткрыла для широкой общественности частичку правды о проблемах с боевым оснащением российской армии. Информации о них было немало и ранее, но все-таки казалось, что однажды усилием воли страна будет в состоянии их преодолеть. БПЛА стали первой непреодолимой проблемой: российская армия признала, что

родной ОПК не сможет выполнить требования военного заказчика, а оборонная промышленность получила подтверждение деградации кадрового состава вооруженных сил. Эта покупка в какой-то мере символизирует закат российского ОПК и разлад взаимопонимания между военными и оборонщиками, властью и российским ОПК, российскими военными и властями.

С материалами по теме «Беспилотные летательные аппараты» можно ознакомиться в разделе «Ресурсы по темам – Беспилотные летательные аппараты» на сайте интернет-представительства ПИР-Центра по адресу www.pircenter.org/view/UAV

Мы еще слышим заверения о том, что разовая закупка послужит на пользу отечественным разработчикам, но здравый смысл подсказывает обратное: ведь вместо современных технологий, которые могли бы реально продвинуть наш ОПК, у компании *Elbit Systems* был куплен не очень свежий образец, а деньги, которых так ждали российские разработчики БПЛА, отправлены в Израиль. Можно ли верить, что следующая партия беспилотников будет российской?

БПЛА – это не единственный пробел в перечне технологий, утерянных или не созданных в России. Из этого следует заключить, что российским военным либо российским разработчикам вооружений предстоит еще не раз обратиться к заграничным производителям за помощью.

Собственно, это процесс уже приобрел характер устойчивой тенденции: пока за рубежом отовариваются МЧС, МВД и спецслужбы. Российские оборонные предприятия также покупают импортные комплектующие: французские матрицы тепловизоров для танков и вертолетов, израильские электронные приборы для самолетов – подобные закупки превращаются в рутину. Израильский БПЛА *Гермес* выдается из этого ряда, поскольку впервые российское Министерство обороны приобрело законченную систему вооружений. Приобрело при том, что чуть ли не дюжина российских производителей (от малых компаний, созданных продвинутыми авиамоделистами, до *Конструкторского бюро Сухого*) имеют собственные разработки летательных аппаратов.

Как говорят арабы, то, что случилось однажды, может никогда не повториться, но то, что случилось дважды, обязательно произойдет и в третий раз. Российская компания-специэкспортер *Рособоронэкспорт* рискует превратиться в компанию-специимпортера.

КРИЗИС БАЛЬЗАКОВСКОГО ВОЗРАСТА

«В течение последних 15 лет со стороны государства практически не вкладывались финансовые средства в техническое перевооружение предприятий ОПК. За это время в мире появились новые технологии, а наши предприятия работают по старинке».

*В.Н. Путилин,
первый заместитель председателя
Военно-промышленной комиссии при Правительстве РФ³⁰*

Как бы ни старались российские чиновники преуменьшить масштабы бед в российской оборонной промышленности, плачевная ситуация в оборонке проявляется в многочисленных неудачах, которые преследуют российский оружейный экспорт в последние годы. Режим сохранения гостайны позволяет скрывать масштабы проблем, возникающих при производстве оружия для российской армии. Но о проколах в экспортных поставках становится известно из зарубежных источников.

Вот лишь несколько наиболее заметных примеров:

- В 2008 г. Алжир возвратил России 15 истребителей *МиГ-29*, поставленных в 2006–2007 гг. *МиГи* были забракованы алжирцами из-за наличия «бывших в употреблении или низкого качества отдельных узлов и деталей в составе самолетов». Сначала российские специалисты пытались объяснить возврат политиче-

скими мотивам. Но в 2009 г. группа российских поставщиков некачественных деталей для сборки алжирских самолетов понесла уголовное наказание³¹.

- ВВС Индии отказались от приобретения российских самолетов-топливозаправщиков *Ил-78*, которые эксплуатировались в стране с 2003 г. под предлогом того, что они не соответствуют предъявляемым требованиям. Вместо них будут приобретены самолеты *Airbus A330 MRTT*, производимые европейской компанией *EADS*. Индийские военные высказывают претензии в отношении российской системы экспорта оборонной продукции³².
- Задержка в поставке авианосца *Адмирал Горшков* для ВМС Индии и перерасход средств при его подготовке к передаче стали причиной конфликта между сторонами. Первоначально согласованная сумма контракта была увеличена с 1,5 млрд долл. США (вместе с оснащением палубными самолетами и другим вооружением) до 2,9 млрд долл. США, а срок завершения работ передвинут с 2008 г. на 2012 г.³³. Причиной поправок стали изначально неверная оценка стоимости работ и снижение покупательной способности доллара. Индия пока не согласилась на доплаты, переговоры продолжаются несколько лет.
- Подписанный еще в 2005 г. контракт между ФГУП *Рособоронэкспорт* и китайским правительством на 1 млрд долл. на поставку в Китай 38 военно-транспортных самолетов *ИЛ-76 МД* и *ИЛ-78 МК* находится под угрозой срыва³⁴. Причина – финансовые и организационные проблемы на российской стороне. Ситуацию взял под личный контроль премьер-министр В.В. Путин.
- Строительство трех фрегатов проекта *11356* за 1,6 млрд долл. для ВМС Индии сопровождалось конфликтами из-за стоимости, сроков и качества работ: ввиду проблем с ЗРК *Штиль* передача фрегатов была задержана на год³⁵.

Качество продукции военного назначения снижается. Это уже не секрет, об этом говорят – прежде всего, зарубежные заказчики нашей продукции – все громче. В 2006 г. зарубежные покупатели российской ПВН предъявили 1586 претензий: 443 – по авиационной технике, 646 – по системам ПВО, 144 – по обычным вооружениям и 353 – по военно-морским изделиям³⁶. Затраты на устранение дефектов в ходе производства, испытания и эксплуатации ПВН доходят до 50% от общего объема затрат на ее изготовление, в то время как в экономически развитых странах этот показатель не превышает 20%³⁷.

Ситуацию усугубляет рост экспортных цен на производимую продукцию без существенного улучшения боевых и эксплуатационных характеристик ПВН, что обусловлено ростом себестоимости продукции (увеличение заработной платы, цен на энергоресурсы, материалы, сырье и комплектующие изделия).

Если указанные тенденции будут нарастать, то **Россия рискует окончательно утратить конкурентоспособность на мировом рынке торговли оружием по критериям качество–цена–время**. Много лет иностранные покупатели хвалили наше вооружение именно за это: цена российского изделия была на 30–40% ниже зарубежных аналогов при примерно равных характеристиках. Сегодня эти плюсы российского оружия грозят обернуться минусами³⁸.

Неприятные факты находят объяснение в цифрах.

О том, что Россия занимает скромное место в мировом обороте оружия, свидетельствуют рейтинговые оценки 100 крупнейших мировых производителей ПВН, ежегодно публикуемые авторитетным американским еженедельником *Defense News*, в котором в первой десятке российских предприятий нет. Лучшее место в этом рейтинге по итогам 2007 г. из национальных компаний занимает Концерн ПВО *Алмаз-Антей* (24-е место), далее следует холдинг *Сухой* (37-е место), НПК *Иркут* (47-е место), ОАО *Тактическое ракетное вооружение* (50-е место), ОАО *Вертолеты России* (62-е место), *Уфимское моторостроительное производственное объединение* (72-е место), ОАО *Аэрокосмическое оборудование* (80-е место), *Конструкторское бюро приборостроения* (81-е место)

и ММПП *Салют* (84-е место)³⁹. По прогнозу итогов за 2008 г. в рейтинг-100 (но не в первую двадцатку) попадут Концерн ПВО *Алмаз-Антей* и некоторые авиастроительные предприятия, входящие в ОАО *Объединенная авиационная корпорация*.

По разным причинам, в основе большинства из которых лежит тяжелое состояние ОПК, существенного роста экспорта ПВН в ближайшие годы не предвидится, что очевидно из динамики данных по объемам заключаемых контрактов: в 2006 г. этот объем составлял 14,43 млрд долл. (в США – 18,45 млрд долл.), в 2007 г. – 6,74 млрд долл. (в США – 40,41 млрд долл.), в 2008 г. – 6,03 млрд долл. (в США – 59,34 млрд долл.)⁴⁰. По этому критерию Россия в 2008 г. откатилась со второго на четвертое место. Второе место заняла Франция (13,86 млрд долл.), третье – Германия (8,85 млрд долл.). В первую десятку также вошли Австралия, Италия, Израиль, Нидерланды, Великобритания и Китай. Общий объем заключенных контрактов в 2008 г. составил 101,314 млрд долл., из которых доля России составляет всего 5,95%.

Таблица 3. Экспорт ПВН в 1999–2009 гг. в рублях*

Год	Объем экспорта, млрд руб. ⁴¹	Доля прироста от рублевого эквивалента, %
1999	91,61	
2000	103,66	13
2001	111,67	7
2002	150,79	35
2003	170,83	13
2004	168,68	-1,6
2005	173,24	2,7
2006	175,76	1,5
2007	191,29	8,8
2008	207,49	8,5

* Данные по общему объему экспорта представлены по методологии платежного баланса.

Приведенные в *Таблице 3* данные не учитывают инфляционные процессы, и если в среднем принять инфляцию за 10% (а реально она существенно выше), то прирост в рублевом эквиваленте не перекрывает даже инфляционных потерь. И вместо номинального роста объема экспорта следует говорить о его стагнации.

Еще менее оптимистичным выглядит ежегодный прирост объемов экспорта, если проанализировать издержки, связанные с экспортом ПВН: прежде всего, из этих миллиардов долларов следует вычесть закупки по импорту комплектующих изделий, которые используются при производстве оружия на экспорт. А закупаются, как правило, недешевые изделия, то есть то, что определяет основные тактико-технические характеристики оружия: средства наведения (из Израиля), авионика (из Франции), авиадвигатели (из Украины). К примеру, в производстве самолетов типа *Су-27* и *Су-30* на разных уровнях кооперации участвуют, кроме российских, порядка 70 предприятий 8 стран СНГ: Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Узбекистана и Украины. Издержками такой кооперации является достаточно выраженная импортная зависимость: сегодня Россия *самостоятельно* может производить далеко не всю номенклатуру ПВН, поставляемую в вооруженные силы РФ и в другие страны. С учетом намерений Украины вступить в НАТО ситуация с импортом комплектующих изделий становится еще более проблематичной.

Тяжелое состояние ОПК, создающее кризисную ситуацию и для сферы ВТС, оставляет мало надежд на скорое оздоровление (стоимость экспортных контрактов, заключенных

в 2006 г., составляла 17,8 млрд долл.; в 2007 г. – 8,5 млрд долл.). Портфель заказов на 2008 г. составляет 10,97 млрд долл. (при условии, что сроки поставок не будут перенесены), на 2009 г. – 7,96 млрд долл., а на 2010 г. – 6,36 млрд долл.⁴².

По мнению экспертов, объем продаж оружия на уровне 5–6 млрд долл. в год является предельным для РФ. Он будет сохраняться (и даже снижаться) до выхода предприятий ОПК на новые уровни технологий и продажу современных видов оружия, востребованных мировым оружейным рынком⁴³.

Главная причина – износ основного оборудования, достигший 75%, и чрезвычайно низкий уровень перевооружения: темпы обновления оборудования составляют не более 1% в год при минимально необходимой потребности 8–10%⁴⁴.

ПЕНКА С СУХОГО ПАЙКА

«Никто под страхом смерти не расскажет вам, какие предприятия и из каких банков не получили выделенные средства. Но вы же понимаете, если деньги задерживаются, эта заминка между пунктами А и Б работает конкретно в чью-то пользу».

Эксперт Объединенной авиастроительной корпорации, пожелавший остаться анонимным⁴⁵

Существенно осложняют и без того бедственное положение российской оборонки поразившая все институты государства коррупция и отсутствие финансовой дисциплины. В ОПК коррупция проявляется в *откатах* и заказных тендерах, когда на поставку продукции единственного производителя устраивается конкурс.

Стало обычным, что ежегодный план по гособоронзаказу никогда не бывает выполнен на 100%. И одной из первых причин становится невыполнение государством обязательств по срокам финансирования ГОЗ: предприятия вынуждены подолгу выпрашивать положенные им согласно контрактам средства. Стандартная ситуация – платежи начинают поступать ближе к середине года, когда все производственные планы уже нарушены. В текущем 2009 г. для того, чтобы положенные по гособоронзаказу средства поступили из бюджета на российские предприятия, понадобилось личное вмешательство президента РФ.

Вот типичные истории, рассказанные представителями оборонных предприятий:

- «Номерные заводы специально создавались для ремонта кораблей ВМФ. А сейчас любая московская фирма может выиграть конкурс, видимо, за откаты, а потом ее представители приезжают и ищут контрагентов – наши заводы, оставляя себе соответствующий навар»⁴⁶.
- «С какой целью Минобороны проводит конкурсы и аукционы на продукцию, которую выпускает один производитель? Готовится конкурсная документация, подводятся итоги, а в результате – одна заявка от нашего завода. Мы теряем на этом соревновании с самими собой до двух месяцев. Столько же времени уходит и на тройное согласование цен»⁴⁷.

Не случайно определенный рост оборонного заказа в России совпал по времени с гигантским ростом цен на комплектующие и конечную продукцию. Отдельные агрегаты для самолетов подорожали за три года в несколько раз. Первый заместитель начальника вооружения ВС РФ генерал-лейтенант В.Г. Михеев отмечает, что в конце 2006 г. закупочная стоимость танка, произведенного на *Уралвагонзаводе*, составляла 42 млн руб., а в январе 2007 г. – уже 58 млн руб.⁴⁸.

В 2008 г. Счетная палата выявила ряд финансовых нарушений, связанных с расходованием средств федерального бюджета на национальную безопасность, на сумму почти

3 млрд руб., из них нецелевого использования – более 695 млн руб. Свыше 462 млн руб. в результате этих проверок возвращено в бюджет⁴⁹.

АСИММЕТРИЧНАЯ ЗАГОГУЛИНА

«Экспорт вооружений обеспечивает предприятиям российского ОПК выживание на минимально приемлемом уровне, но не дает возможности динамично развивать производство, оперативно реагировать на потребности мирового рынка, в том числе в аэрокосмической области. Будем надеяться, что в связи с постоянно увеличивающимся гособоронзаказом положение улучшится».

*А.В. Денисов,
первый заместитель руководителя Федеральной службы
по военно-техническому сотрудничеству⁵⁰*

Сегодняшняя Россия – это далеко не тот Советский Союз, который был готов почти в одиночку противостоять всему капиталистическому миру, мог взвалить на себя большую часть военных расходов стран Варшавского договора. Нужно помнить, что ВПК СССР составлял до 80% промышленного производства страны, а гражданские отрасли промышленности и сельское хозяйство были лишь придатками этого гигантского комплекса. Едва ли найдутся желающие вернуть такой порядок вещей.

Собираясь грозить потенциальному противнику асимметричными ударами, нужно учитывать, что нынешний военный бюджет России составляет лишь 3–4% от мировых военных расходов, тогда как бюджет Пентагона равняется 47% глобальных трат на поддержание армий мира (и это без учета военных расходов остальных стран НАТО, равных 21%).

В 2006 г. правительство России сформировало государственную программу развития вооружений (ГПВ) до 2015 г. с объемом финансирования 4,939 трлн рублей (186 млрд долл.). Из этого объема 63% (около 117 млрд долл.) предназначаются на закупку новых вооружений, а 27% (69 млрд долл.) – на НИОКР⁵¹. К 2015 г. в Силах общего назначения новыми и модернизированными образцами будут оснащены 45 танковых батальонов (1400 танков), 173 мотострелковых и парашютно-десантных батальона (4109 БМП и БМД, 3008 БТР всех типов), пять ракетных бригад (60 ракетных комплексов *Искан-дер*), 9 зенитно-ракетных частей (18 дивизионов зенитно-ракетной системы *С-400*). ВВС должны получить более 1000 боевых комплексов фронтовой и армейской авиации, ВМФ – «несколько десятков кораблей, в том числе пять атомных стратегических подводных ракетноносцев»⁵².

Амбициозная десятилетняя российская программа вполне сопоставима с годовыми военными расходами США: в 2007 г. американский бюджет предусматривал 134 млрд долл. на военные закупки и 77 млрд долл. – на научные исследования и разработки. В настоящее время ведется очередной пересмотр параметров ГПВ, и какие там будут цифры с учетом финансового кризиса, пока не ясно.

Военные расходы РФ по размеру сопоставимы с расходами Китая или Великобритании, и значит, в ближайшие годы мы не будем в состоянии тратить десятки миллиардов долларов на разработку системы противоракетной обороны или объединение всех российских военных через командную сеть «Боевые системы будущего». Нам и спутниковая навигационная система ГЛОНАСС пока что обременительна. Впрочем, как и аналогичная система *Galileo* для европейцев: дороговато.

По этой же причине обнародованные планы по строительству шести российских авианосцев вызывают сомнения: цена строительства одного американского авианосца – 4,5 млрд долл. Учитывая эпопею *Адмирала Кузнецова*, можно предположить, что наш будет немногим дешевле. Содержание авианосца *Invincible* обходится британской казне ежегодно в 60–70 млн фунтов стерлингов (то есть порядка 110 млн долл.)⁵³. Значит,

А
Н
К
Л
И
Э

шесть авианосцев будут обходиться российской казне примерно в 660 млн долл. ежегодно.

Таблица 4. **Военные расходы, национальные закупки и экспорт РФ в 2000–2009 гг.***

Год	Общие военные расходы России, млрд руб.	Национальные военные закупки, млрд руб.	Доля национальных военных закупок в общих военных расходах, %	Доля военных национальных закупок в экспорте, %
2000	201,248	19,473	9,68	18,78
2001	291,464	32,326	11,1	28,95
2002	322,721	29,437	9,12	19,52
2003	442,477	77,313	18,3	45,26
2004	589,787	121,929	20,7	72,28
2005	658,965	119,840	18,2	169,18
2006	815,933	116,116	14,2	166,07
2007	942,042	143,083	15,2	74,72
2008**	1186,92	225,5	18,99	92,01
2009**	1300,0	332,0	25,54	129,3

* По заявлению заместителя министра обороны РФ В.А. Поповкина, в 2009 г. Министерство обороны России закупит 49 новых и модернизированных самолетов (среди них, вероятнее всего, будут самолеты, возвращенные Алжиром; в конце 2008 г. были сообщения, что Минобороны выделятся дополнительно 20 млрд руб. для закупки авиатехники), 31 вертолет и 304 боевых бронемашин⁵⁴.

** Данные за 2008–2009 гг. рассчитаны, исходя из выступлений вице-преьера С.Б. Иванова, который сказал, что общие военные расходы в 2008 г. на 26% выше, чем в 2007 г., а закупки составляют 19% от общих расходов. В 2009 г., по его же заявлениям, военные расходы составят 1300 млрд руб., из которых закупки вооружений и военной техники в рамках ГОЗ предусмотрены в объеме 332 млрд руб.⁵⁵.

При таких *расходах* на военные закупки российская армия долго еще будет догонять, но уже не США и страны НАТО, а *третий мир*.

Тем не менее, удел российского ОПК – рачительное и эффективное расходование невеликих по мировым меркам средств (особенно невеликих, если принять в расчет размеры территории, которую на эти средства надлежит защищать). Это означает, что, прежде всего, российской *оборонке* понадобится научиться бережливости.

В 1913 г. производительность труда в России была в 9 раз ниже, чем в США, и в 4 раза ниже, чем в Германии⁵⁶. Удивительно, но нынешняя производительность труда в России в 5 раз ниже, чем в США, и в 4 раза ниже, чем в Германии⁵⁷. То есть сегодня, как и 100 лет назад, среднестатистический российский работник производит в несколько раз меньше продукции, чем его западный коллега. Неэффективная российская промышленность нуждается в реформировании, и сегодня мы наблюдаем попытки эту реформу если не закончить, то хотя бы в очередной раз начать.

При разработке вооружений нужно также исходить из необходимости экономии средств. Наступает время для унифицированных решений. В 2008 г. на эксплуатации Военно-воздушных сил РФ находились 2800 самолетов и вертолетов. Значительная их часть будет служить еще десятилетие, а то и два. А.Н. Шулунов, в прошлом президент Лиги оборонных предприятий, говорит: «Сегодня ВВС заказывает индивидуальный модернизационный пакет для каждого типа самолета: *МиГ-29, МиГ-31, Су-24, Су-25*,

Су-27, Су-30. Это расточительно. Необходимо изготовить набор стандартных для всех типов самолетов средств, которые можно использовать в зависимости от потребности на любом типе самолета. Серийное производство таких наборов позволит значительно удешевить и упростить модернизацию»⁵⁸.

У российских вооруженных сил нет другого пути, как перейти на модульный способ построения вооружений. Это когда в различных системах вооружения используются стандартные блоки – словно детали детского конструктора *Lego*: типовые системы навигации, связи, радиолокации, радиоэлектронной борьбы, унифицированные системы вооружений. Только массовое серийное производство способно при скромном военном бюджете обеспечить обороноспособность такой гигантской страны, как Россия, и поддерживать ее ВС на современном техническом уровне. Состав средств, используемых на отдельной боевой единице, может изменяться, но при этом они должны браться из одной *корзины*, сформированной на основе современной отечественной компонентной базы (отсутствие такой базы – еще одна важнейшая проблема).

Для этого заказчиком вооружений и военной техники должны быть не десятки ведомств, а единый орган, обладающий квалифицированными техническими специалистами, способными разглядеть возможности объединения потока заказов с применением унифицированных решений.

Такой подход, а не система фиктивных тендеров, позволит оптимизировать процесс закупок и сберечь финансовые средства. Попытки создания такого органа были – несколько лет назад было образовано Федеральное агентство по поставкам вооружения, военной, специальной техники и материальных средств (Рособоронпоставка), которое до настоящего времени себя никак не проявило.

Вероятно, гигантские оборонные заводы и конструкторские бюро в большинстве своем уже изжили себя. Как показывает практика США, создание новой техники и технологий, создание новых материалов и особенно разработка «технологий для технологий будущих поколений» осуществляются и концентрируются в значительной мере в руках двух групп: *во-первых*, это государственные *бесприбыльные корпорации*, американские университеты, колледжи и государственные и частные лаборатории и федеральные контрактные центры; *во-вторых*, это мелкие фирмы (ассоциации, партнерства, кооперативы, смешанные предприятия, венчурные компании). За последние 30–40 лет на долю мелких и средних специализированных фирм в промышленности США пришлось основная масса открытий и изобретений. Это в пять раз превышает долю крупных компаний. На стадии чистых исследований и предпроектного проектирования на долю малых предприятий приходится от 25–30 до 35–40% всей суммы заказов Пентагона и НАСА на новую гражданскую и военную технику и программы НИОКР. Законодательство США содержит положения о значительной государственной поддержке малого бизнеса, в частности об обязательной (до 50%) квоте малого бизнеса в контракте, полученном корпорацией-подрядчиком⁵⁹.

Сегодня большая часть *оборонки* существует в режиме выживания: 45% оборонных предприятий работают по ГОЗ с нулевой рентабельностью, еще 45% – с рентабельностью до 8%, и только некоторые предприятия имеют рентабельность до 15%. Редкий завод в подобной ситуации позволит себе обратиться в банк за кредитом под 20% годовых. А.Н. Шулунов говорит: «Предприятия, работающие по ГОЗ, получают дефлятор 6%. Это при текущей инфляции в 9–14%. Но вооружения производятся на материале, который закупается по рыночной цене. Поэтому *оборонка* заведомо будет в убытке, она не может уложиться в эти 6%. Закупочные цены высоки и не зависят от того, работаешь ты на ГОЗ или нет. Вывод прост: надо разбираться с ценами»⁶⁰.

Обратимся за опытом к США: там на оборонную продукцию также установлены фиксированные цены. Казалось бы, тот, кто работает на госзаказ США, должен быть примерно в таком же невыгодном положении, как и его российские коллеги: ведь бюджетный заказ не приносит сверхприбыли. Но для американского военного подрядчика в США действует целая система налоговых и иных льгот и преференций. Она позволяет американской *оборонке* получить ту прибыль, которую другие компании получают на откры-

том рынке. Система оборонзаказа в этой стране основана на федеральной контрактной системе, которая дает работу свыше 300 тыс. человек, занятых решением правовых, экономических и организационно-управленческих задач. Соединенные Штаты развивали эту систему на протяжении 80 лет⁶¹. По сравнению с ними Россия находится лишь на первом этапе пути.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российский оборонно-промышленный комплекс находится в глубоком системном кризисе. На протяжении 17 лет после распада СССР выживание оборонной промышленности зависело от экспорта вооружений. Этот ресурс почти исчерпан.

Как считают аналитики Федерации американских ученых, «если Россия в ближайшее время не предпримет резкого увеличения военных расходов, ее вооруженные силы станут похожи на армию Папы Римского – на вид красиво, но ни для кого не опасно»⁶².

Сегодняшний российский ОПК – это все еще огромная часть советского ВПК с той лишь разницей, что советская промышленность создавалась для производства современной боевой техники, а российская существует для того, чтобы выпускать в основном устаревшие советские образцы. Эта система нуждается в глубокой и дорогостоящей реформе.

Внутренний оборонный заказ должен стать источником оздоровления *оборонки*. Его объемов, скорее всего, будет недостаточно, чтобы превратить российский ОПК в компактную и эффективную часть российской экономики. **Российскому руководству понадобится большая воля, чтобы преодолеть косность прошлого и решить три проблемы оборонной промышленности: кадры, финансирование, технологии.**

Примечания

¹ Через 2–3 года планируется начать строительство 5–6 авианосцев, которые составят основу боевой мощи Северного и Тихоокеанского флотов.

² Политика: коротко. *Независимая Газета*, 15 августа 2000 г. http://www.ng.ru/politics/2000-08-15/1_brief.html (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

³ Анализ подготовлен в рамках исследовательского проекта ИМЭМО РАН «Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации с иностранными государствами и перспективы упрочения политических экономических позиций страны в многополярном мире» при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 09-03-00807 а/Р).

⁴ Пересчет в рубли произведен по среднему курсу за год по данным Центробанка: 1999 г. – 27,0; 2000 г. – 28,16; 2001 г. – 30,14; 2002 г. – 31,35; 2003 г. – 30,68; 2004 г. – 28,81; 2005 г. – 28,28; 2006 г. – 27,19; 2007 г. – 25,85; 2008 г. – 24,85. См.: Основные экономические показатели в 2008 году, Центральный банк РФ, http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=macro/macro_08.htm&pid=macro&sid=оер (последнее посещение – 28 июля 2009 г.).

⁵ Данные ФСВТС России. *Военно-Техническое Сотрудничество*. 2008, № 43, с. 7.

⁶ Заявление Президента РФ Д. Медведева на заседании Комиссии по ВТС. *АРМС-ТАСС*. 2009, 10 февраля.

⁷ Портфель заказов экспортной российской продукции военного назначения превысил 34 млрд долларов. *АРМС-ТАСС*. 2009, 24 февраля, <http://armstass.su/?page=article&aid=67106&cid=25> (последнее посещение – 28 июля 2009 г.).

⁸ Выступление Владимира Федоткина, члена Комитета Госдумы по бюджету и налогам. «Правда» о прошедшем в Госдуме круглом столе. *Сайт КПРФ*. 2009, 30 апреля, <http://kprf.ru/dep/66105.html> (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

⁹ Орлова Мария. Четыре «И» президента, или чего ждать к 2020 году. *Умное Производство*. http://www.umpro.ru/index.php?page_id=17&art_id_1=66&group_id_4=37 (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

¹⁰ См.: Conventional Arms. Overview. *Peace and Security through Disarmament*, <http://disarmament.un.org/cab/milex.html> (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

¹¹ Коротченко Игорь. Россия стремится выйти в мировые лидеры по торговле оружием. *Независимое Военное Обозрение*, <http://www.yabloko.ru/News/Npaper/9804/13.htm> (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

¹² Мясников Виктор. Русские суши по-китайски. *Общая Газета*. 2008, 22 апреля, <http://www.og.ru/articles/2008/04/22/28741.shtml> (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

¹³ Антонова Ольга. Программное выступление и.о. Президента по вопросам ВПК. *Время Новостей*. 2000, 22 марта, с. 2.

¹⁴ Указ Президента России от 18 января 2007 г. № 54 «О некоторых вопросах военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами», <http://www.gosprom.gov.ru/documents.php?id=146> (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

¹⁵ Обнародованы цифры военных закупок России. *Коммерсантъ*. 2009, 8 мая, <http://kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=1167377> (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

¹⁶ Литовкин Дмитрий. Станет ли гособоронзаказ-2009 локомотивом выхода из кризиса? *Финансовые Известия*. 2009, 6 мая, <http://www.finiz.ru/economic/article1255056> (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

¹⁷ Регистр обычных вооружений ООН, http://disarmament.un.org/UN_REGISTER.NSF (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

¹⁸ «Ростехнологии» создают холдинг с СИБУРОм и «Реновой». *Газета.ру*. 2009, 27 февраля, <http://m.gazeta.ru/?f=23&n=2950116> (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

¹⁹ Компания «Гражданские самолеты Сухого» превратилась в российско-итальянское СП. *PrimaMedia*. 2009, 7 апреля, <http://primamedia.ru/news/09.04.2009-95346> (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

²⁰ Россия и Италия построят завод по сборке вертолетов. *Вести*. 2009, 7 апреля, <http://www.vesti.ru/doc.html?id=272514> (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

²¹ Boeing и «Ависма» планируют открыть СП в июле. *ИТАР-ТАСС*. 2009, 7 апреля, http://www.gazeta.ru/news/business/2009/04/07/n_1349634.shtml (последнее посещение – 15 июня 2009 г.).

²² «Ростехнологии» и «Финмекканика» подписали соглашение о совместной деятельности. *АРМС-ТАСС*. 2008, 7 ноября, <http://www.army.lv/?s=670&id=14847> (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

²³ Прибыль Pirelli упала более чем в три раза. *Motonews*. 2009, 22 апреля, <http://www.motonews.ru/news.moto?id=4379> (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

²⁴ «Ростехнологии» и Hyundai будут выпускать двигатели в Ярославле. *Умное Производство*. 2009, 27 февраля, <http://www.etver.ru/lenta/index.php?newsid=40867> (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

²⁵ Щеглов Алексей. Daimler докатился до России. *BFM.RU*. 2008, 12 декабря, <http://www.bfm.ru/news/2008/12/12/daimler-porodnitsja-s-kamazom.html> (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

²⁶ Юзбашев Виктор. Привлечение инвесторов выведет российский ОПК из кризиса. *Независимая Газета*. 2008, 12 февраля.

²⁷ Заседание комиссии по военно-техническому сотрудничеству. Заявление Д.А. Медведева. *Новости Дня*. 2009, 11 июня, http://zvezdanews.ru/video/day_events/0031974/ (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

²⁸ Дмитриев Михаил: «Осваивать новые перспективные рынки можно, лишь предлагая современные образцы военной техники, не имеющие аналогов в мире». *Оружие России*. <http://www.arms-expo.ru/site.xp/049051124049049049051.html> (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

²⁹ См.: Павлушенко Михаил, Евстафьев Геннадий, Макаренко Иван. Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития. *Научные записки «ПИР-Центра», Права человека*, 2004, № 2 (26).

³⁰ Путилин Владислав. Мы идем по пути Запада. *ВПК.name*. 2008, 29 января, <http://www.ncit.ru/news.php?ord=31> (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

- ³¹ За некачественные детали к МиГам дали условные сроки, *ВПК.name*. 2009, 9 апреля, http://vpk.name/news/27037_zh_nekachestvennyie_detali_k_migam_dali_uslovnnyie_sroki.html (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).
- ³² ВВС Индии отказались от российских самолетов-заправщиков Ил-78 в пользу Airbus. *Накануне.ру*. 2009, 26 мая, <http://www.nakanune.ru/news/2009/05/26/2157612> (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).
- ³³ Николаев Андриан. Россия теряет Индию? *Военный Паритет*. 2008, 15 января.
- ³⁴ Литовкин Виктор. Военно-экспортный тупик. *Независимая Газета*. 2008, 29 января, http://www.ng.ru/economics/2008-01-29/1_tupik.html (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).
- ³⁵ Сафонов Виктор. Экспорту оружия не хватает мозгов. *Политический Журнал*. 2005, 16 мая, <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=101&tek=3473&issue=102> (последнее посещение – 16 сентября 2009 г.).
- ³⁶ Система управления российским ОПК не обеспечивает качество вооружений. *Военно-Техническое Сотрудничество*. 2007. № 42, с. 33.
- ³⁷ Интервью с генеральным директором ОАО Рособоронэкспорт А.П. Исайкиным. *Военно-Техническое Сотрудничество*. 2008. № 7, с. 9.
- ³⁸ По словам генерального директора ОАО *Рособоронэкспорт* А.П. Исайкина, цены на ПВН еще остаются на 10–15% ниже мировых, но использовать этот фактор становится все труднее и труднее. См.: Интервью с генеральным директором ОАО *Рособоронэкспорт* А.П. Исайкиным. *Военно-Техническое Сотрудничество*, 2008, № 7, с. 9.
- ³⁹ Кедров И. *Военно-Промышленный Курьер*, 2008, 27 августа.
- ⁴⁰ См.: *Рынки вооружений*, 2009. Том 9, № 2, с. 3.
- ⁴¹ Пересчет в рубли произведен по среднему курсу за год по данным Центробанка: 1999 г. – 27,0; 2000 г. – 28,16; 2001 г. – 30,14; 2002 г. – 31,35; 2003 г. – 30,68; 2004 г. – 28,81; 2005 г. – 28,28; 2006 г. – 27,19; 2007 г. – 25,85; 2008 г. – 24,85. См.: Основные экономические показатели в 2008 году, *Центральный банк РФ*, http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=macro/macro_08.htm&pid=macro&sid=оер (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).
- ⁴² Шварев Владимир. Итоги России в сфере военно-технического сотрудничества в 2007 году. *Военно-Техническое Сотрудничество*. 2008. № 5, с. 78.
- ⁴³ См.: *Военно-Техническое Сотрудничество*. 2006. № 32, с. 57.
- ⁴⁴ Чemezov Сергей. Государственные инвестиции в ОПК и ВТС России. *Военно-Техническое Сотрудничество*. 2006, № 44, с. 91.
- ⁴⁵ Литовкин Дмитрий. Станет ли гособоронзаказ-2009 локомотивом выхода из кризиса? *Финансовые Известия*. 2009, 6 мая. <http://www.finiz.ru/economic/article1255056> (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).
- ⁴⁶ Оборонные заводы перешли в нападение. *Коммерсантъ*, 2009, 15 мая. <http://www.kommer-sant.ru/doc.aspx?DocsiD=1168834&NodesID=7> (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).
- ⁴⁷ «Правда» о прошедшем в Госдуме круглом столе. *Сайт КПРФ*, 2009, 30 апреля, <http://kprf.ru/dep/66105.html?print> (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).
- ⁴⁸ Россия во всеоружии. *Российская Газета*. 2007, 31 октября, № 243 (4506).
- ⁴⁹ «Правда» о прошедшем в Госдуме круглом столе. *Сайт КПРФ*. 2009, 30 апреля, <http://kprf.ru/dep/66105.html?print> (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).
- ⁵⁰ Интервью руководства ФСВТС России. *Сайт ФСВТС*. 2005, 5 ноября, <http://www.fsvts.gov.ru/db/kvts-portal/450C1F9DB645DFC2C32571E70031909A/ddb/heap/doc.html> (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).
- ⁵¹ 2 июня 2009 г. Военно-промышленная комиссия (ВПК) при правительстве России «в основном одобрила проект Государственной программы развития вооружений на 2007–2015 годы» (ГПВ-2015). Об этом информировал представителей российских СМИ заместитель председателя комиссии генерал-полковник Владислав Путилин. Как объявил генерал, на финансирование программы в течение срока ее реализации будет выделено 4 939 400 млн руб. 63% от этих средств планируется израсходовать на закупки новых образцов ВВТ. См.: Иванов Владимир, Мясников Виктор. Избранные от ОПК обеспечили себе безбедную жизнь. *Независимое Военное*

Обозрение, 2006, 9 июня, <http://nvo.ng.ru/printed/88272> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

⁵² Там же.

⁵³ Future Aircraft Carrier – CVF. *Navy Matters*. 2003, 17 января, <http://navy-matters.beedall.com/cvf3-2.htm> (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

⁵⁴ См.: *Военно-Техническое Сотрудничество*. 2009, № 15, с. 8.

⁵⁵ Данные о военных расходах и закупках см.: *Conventional Arms. Overview. Peace and Security through Disarmament*, <http://disarmament.un.org/cab/milex.html> (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

⁵⁶ Юрий Мухин. Царская Россия в цифрах. <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/vprint/35730> (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

⁵⁷ Авторский коллектив ИМЭМО РАН. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. *Юристь*. 2003. <http://www.ereport.ru/articles/weconomy/russia3.htm> (последнее посещение – 16 сентября 2009 г.).

⁵⁸ Интервью А.Н. Шулунова авторам статьи.

⁵⁹ Рубвальтер Дмитрий. Формирование государственного рынка и механизмы его регулирования. *Экономическая Наука Современной России*. 2001, № 1, http://www.slou-party.ru/persons/pers_pages/rubvalter/Rubv-2.html (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

⁶⁰ Интервью А.Н. Шулунова авторам статьи.

⁶¹ Рубвальтер Дмитрий. Формирование государственного рынка и механизмы его регулирования. *Экономическая Наука Современной России*. 2001, № 1, http://www.slou-party.ru/persons/pers_pages/rubvalter/Rubv-2.html (последнее посещение – 29 июля 2009 г.).

⁶² Russia – A New Cold War?? *GlobalSecurity.org*, <http://www.globalsecurity.org/military/world/russia/intro.htm> (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

Э
И
Л
А
Н
А

Агентство США по уменьшению угрозы Активная зона Атомная подводная лодка Атомная электростанция Атомная энергия Атомы для мира Атомэнергопром Баллистическая ракета Безъядерный статус Монголии Боевая часть Боевой блок Бразильско-аргентинское агентство по учету и контролю ядерных материалов Бустирование Бушерская АЭС Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб Всеобъемлющие гарантии Высокообогащенный уран Головная часть Государственная корпорация «Росатом» Государство, не обладающее ядерным оружием Государство, обладающее ядерным оружием Группа ядерных поставщиков Грязная бомба Дейтерий Делящиеся материалы Де-факто ядерные государства Димона Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой

Энциклопедия «Ядерное Нераспространение»

ПИР-Центр и издательство «РОССПЭН» выпустили в свет первую в России краткую энциклопедию «Ядерное Нераспространение».

В состав энциклопедии входят более 250 статей по ключевым вопросам истории и современности ядерного оружия и режима нераспространения:

- основные типы стратегических вооружений;
- ядерные программы и объекты более 30 стран;
- международные переговоры и соглашения по ограничению вооружений и разоружению;
- становление и функционирование национальных и международных институтов ядерной безопасности и нераспространения;
- центральные понятия ядерной физики.

Каждое понятие имеет перевод на английский язык, все статьи сопровождаются литературной справкой по теме.

Авторами издания являются известные отечественные военные и дипломаты, ученые-международники и физики-ядерщики: доцент МГИМО (У) МИД РФ И.А. **Ахтамзян**, генерал-лейтенант (в отст.) Г.М. **Евстафьев**, генерал-полковник (в отст.) В.И. **Есин**, генерал-лейтенант (в отст.) В.Ф. **Лата**, заместитель генерального директора МАГАТЭ (1996–2003) профессор В.М. **Мурогов**, заместитель министра иностранных дел СССР (1989–1992) А.А. **Обухов**, Чрезвычайный и Полномочный Посол Р.М. **Тимербаев** и др. Подготовка издания к печати осуществлена под общей редакцией исполнительного директора ПИР-Центра А.В. **Хлопкова**.

Энциклопедия предназначена для студентов и преподавателей, дипломатов, юристов, журналистов, инженеров – всех, у кого под рукой должна быть точная и полная информация о ядерном нераспространении.

Издание осуществлено при поддержке ОАО *Техснабэкспорт* и Фонда Форда.

Дополнительную информацию об Энциклопедии можно получить у А. Зильхарнеева по электронной почте zulkharneev@pircenter.org или по телефону +7(495) 987-19-15. Организации и частные лица могут направить предварительные заявки на приобретение Энциклопедии в издательство «РОССПЭН» по телефону/факсу +7(495) 334-82-42 или по электронной почте market@rosspen.ru

Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения
Договор о морском дне
Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне
Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии
Договор о нераспространении ядерного оружия
Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела
Договор о космическом пространстве
Договор о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Африке
Договор о сокращении наступательных потенциалов
Договор об Антарктике
Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии
Дополнительный протокол к соглашению о всеобъемлющих гарантиях МАГАТЭ
Европейский центр ядерных исследований
Европейское сообщество по атомной энергии
Единица разделительной работы

Максим Минаев

АМЕРИКАНО-БРИТАНСКОЕ ОБОРОННОЕ ПАРТНЕРСТВО В ПЕРВОЙ ДЕКАДЕ XXI ВЕКА

Соединенные Штаты Америки и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии являются традиционными военно-политическими союзниками с 1940-х гг. Их сотрудничество активно развивается во всех сферах, в том числе и в оборонном сегменте.

США выступают ведущими поставщиками новейших и высокотехнологичных образцов военной техники для вооруженных сил (ВС) Соединенного Королевства, однако это не означает, что военно-техническое сотрудничество (ВТС) между странами носит лишь односторонний характер. Британская сторона вместе со своими североамериканскими партнерами активно участвует в программах по разработке и созданию новейших образцов вооружения. При этом двусторонняя кооперация Соединенных Штатов и Великобритании не всегда означает, что стороны в равной степени пользуются ее результатами. Так, филиалы британских компаний на американской территории часто участвуют в проектах создания новых вооружений, которые предназначены исключительно для потребностей армии США. В то же самое время американские компании активно привлекаются для разработки оружия, поставляемого затем сугубо британским ВС.

Сотрудничество Великобритании и США в оборонной сфере представляет собой комплексную систему отлаженных военно-промышленных контактов, охватывающих широкий спектр производственных циклов по созданию различных видов вооружений, значительная часть которых поставляется для нужд обеих держав.

В практическом смысле для Соединенного Королевства оборонное сотрудничество концентрируется в двух основных плоскостях – в области приобретения американских систем вооружения и сфере совместного участия в создании новых образцов оружия. Британская сторона активно участвует в научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах (НИОКР) с американскими оборонными концернами. Активное партнерство в сфере НИОКР развивают и министерства обороны двух стран. Так, с 1997 г. совместные усилия Пентагона и Минобороны Великобритании нашли отражение в более чем 100 соглашениях по обмену технологиями и 30 отдельных проектах (1/2 всех НИОКР, проводившихся в Научно-технической лаборатории обороны, входящей в состав британского военного ведомства¹).

Активное сотрудничество в области оборонных исследований и проектных разработок прямо отразилось на содержательной стороне оборонного партнерства между двумя странами. На протяжении 1990-х гг. объем американского экспорта военной продукции в Великобританию составлял 500 млн долл. ежегодно. С конца 1990-х гг. эта цифра возросла до 1,1 млрд долл. В свою очередь совокупная стоимость британского экспорта в США на протяжении второй половины 1990-х – первой половины 2000-х гг. составляла в среднем порядка 350 млн долл.

А
Н
А
Л
И
З

Кроме того, с начала 2000-х гг. последовательно расширялось присутствие американских и британских компаний на рынках друг друга. Своими филиалами, созданными на основе приобретенных британских активов, располагают в Соединенном Королевстве такие оборонные концерны, как *Lockheed Martin*, *Raytheon*, *General Dynamics* и *Northrop Grumman*. С 2001 г. американские предприятия военно-промышленного комплекса (ВПК) купили в Великобритании 27 оборонных компаний на общую сумму в 5,1 млрд долл., что составило 50% от всех американских инвестиций в оборонные отрасли зарубежных государств. В свою очередь британские концерны приобрели в США 50 военно-промышленных и авиационно-космических предприятий за 7,3 млрд долл. (3/4 всех иностранных инвестиций на американском оборонном рынке)².

ПРАВОВАЯ БАЗА ОБОРОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

При взаимном проникновении на рынки друг друга и тесной оборонной кооперации британская сторона с начала 2000-х гг. проводила последовательную политику с целью расширения доступа к американским оборонным технологиям. Она заключалась как в подписании новых двусторонних документов с американской стороной, так и внесении соответствующих корректировок в действующее британское законодательство.

В феврале 2000 г. американская администрация и британский кабинет министров подписали Декларацию принципов военно-технического сотрудничества и промышленной кооперации (*Declaration of Principles for Defense Equipment and Industrial Cooperation*). Ее ключевой целью являлось преобразование системы экспортного контроля двух стран для упрощения системы двусторонней оборонной торговли и работы над совместными военными программами.

В мае того же года администрация президента Билла Клинтона объявила об Инициативе по обеспечению безопасности при торговле оружием (*Defense Trade Security Initiative*, DTSI направленной на упрощение американской системы экспортного контроля для ключевых военных союзников, и в первую очередь Великобритании. Целью DTSI являлось обеспечение для британской стороны лицензионных изъятий из режима Руководства по международной торговле оружием (ITAR) для упрощения экспортных поставок несекретного характера. Обе стороны надеялись посредством данной инициативы добиться ускорения обмена оборонными технологиями, что было особенно важно для британского ВПК, зависящего от американских разработок.

Помимо двусторонних шагов, Лондон пошел и на односторонние меры с целью расширения оборонного взаимодействия с Вашингтоном. В частности, возможности для более широкой оборонной кооперации с США были заложены в Законе об экспортном контроле (*Export Control Act*, принят 24 июля 2002 г.).

Конечным документом, который должен был завершить структурирование новой упрощенной системы двустороннего партнерства в сфере ВПК, стало Соглашение о кооперации в области оборонной торговли (*UK/US Defence Trade Cooperation Treaty*), подписанное 21 июня 2007 г. Этот документ создавал условия для осуществления американского военного экспорта в Британию без соответствующего лицензирования и контроля со стороны Государственного департамента. На основе договора Великобритания должна была получить упрощенный доступ к американским оборонным технологиям. Ответным шагом становилась большая открытость британского рынка военно-промышленной продукции для американских компаний. Таким образом, Лондон рассчитывал добиться повышения собственной обороноспособности.

Договор и рекомендации к нему со стороны Комитета Палаты общин по обороне подтверждают, что Великобритания намерена упростить приобретение оружия, которое не производится на ее предприятиях³. С одной стороны, такая позиция свидетельствует о стремлении британского руководства ориентироваться на приобретение новейших систем вооружения, а с другой – является косвенным свидетельством отсутствия желания развивать собственную военно-промышленную инфраструктуру, несмотря на прекращающееся участие в военных операциях в различных регионах мира. Система

«свободных рук» в военной торговле с США на основе Соглашения о кооперации в области оборонной торговли фактически создает условия для британского правительства по инициированию действий по отказу от целого ряда направлений собственного оборонного производства, которые по тем или иным критериям уступают американским аналогам.

При этом важно учитывать, что соглашение не создает дополнительных условий для доступа британских компаний к американскому оборонному рынку. Их филиалы на территории Соединенных Штатов, в соответствии с американским законодательством, остаются все также ограниченными в технологическом обмене с головными компаниями, расположенными в Соединенном Королевстве. То есть от уже сложившейся формы присутствия британских корпораций на американском рынке в виде *структуры из двух олов* (закрывающейся в существовании двух равнозначных центров управления в США и Великобритании) отказываться не приходилось.

Однако формирование новой базы американо-британского сотрудничества в области ВПК натолкнулось на препятствие со стороны Конгресса США. В 2003, 2004 и в 2005 гг. Капитолий последовательно отказывал запросам администрации предоставить отмену ограничений по ИТАР, а в 2007 и 2008 гг. пошел на затягивание рассмотрения Соглашения о кооперации в области оборонной торговли⁴.

В итоге этот ключевой для американо-британского оборонного партнерства документ на январь 2009 г. так и не был ратифицирован американскими парламентариями. Позиция Конгресса объясняется опасениями возможной утечки информации о важных военных технологиях, которые могут стать достоянием третьих стран (прежде всего, членов Европейского Союза, с которыми Великобритания также развивает активное оборонное сотрудничество). Подобные суждения не лишены основания, так как стремление добиться максимально комфортного режима приобретения американской оборонной продукции у Великобритании связано с намерением сохранять и развивать ВТС со странами ЕС.

Несмотря на серьезное доминирование, преимущественно, британской заинтересованности в продукции и технологиях американского ВПК, было бы неверно считать, что Соединенные Штаты не проявляют интереса к системам вооружения, создаваемым оборонными корпорациями Соединенного Королевства. Напротив, у американской стороны существует спрос на британскую продукцию. Также весьма заметен вклад филиалов британских компаний, расположенных на американской территории, в создание вооружений для ВС США. Великобритания – второй по величине поставщик систем вооружения в США после Канады, что свидетельствует о высокой двусторонней содержательности военно-промышленного взаимодействия.

РОЛЬ ВПК США В РАЗВИТИИ ОБОРОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

Структурообразующим сегментом оборонного взаимодействия между Соединенными Штатами и Великобританией является сфера стратегических ядерных вооружений, правовые рамки которой регламентирует Соглашение о сотрудничестве по использованию ядерной энергии в военных целях (Agreement for Cooperation on the Uses of Atomic Energy for Mutual Defence Purposes), подписанное 3 июля 1958 г. (в 2004 г. срок его действия был в очередной раз продлен на 10 лет, до 2014 г.⁵).

С конца 1990-х гг. Лондон последовательно делал ставку на поддержание высокого уровня боеспособности сил ядерного сдерживания – атомных ракетных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) типа *Вэнгард*. И ключевую роль в этом направлении играли поставки американских межконтинентальных баллистических ракет (МБР).

Головная подлодка типа *Вэнгард* вошла в состав Королевских военно-морских сил (ВМС) 14 августа 1993 г., а последняя, четвертая (получившая название *Венджес*

(S31)), вступила в строй 12 февраля 2001 г. Все они оснащены американскими МБР подводного базирования *Трайидент II D5* (решение об их приобретении было принято кабинетом Маргарет Тэтчер в марте 1982 г.), разработанными американской компанией *Lockheed Martin Space Systems* (каждая британская ПЛАРБ располагает 16 ракетами).

В настоящее время весь процесс технического контроля над состоянием ракет и предоставление необходимых комплектующих осуществляются совместно американской и британской сторонами (разработчиками МБР в лице *Lockheed Martin Space Systems* и *Babcock International Group*, с 2007 г. владеющей Базой технического обслуживания атомных субмарин в Плимуте), а сами *Трайидент II D5* являются единственными носителями британского ядерного оружия.

Ситуация с ядерным оружием Великобритании такова, что в случае прекращения эксплуатационной поддержки со стороны *Lockheed Martin Space Systems* период самостоятельного обслуживания британской стороной этих ракет не превысит 18 мес.⁶. Чрезмерная зависимость от США в сфере оружия ядерного сдерживания обеспечила Британии лидирующее положение в области ОМУ в Европе, но стала решающим фактором отсутствия самостоятельности в вопросе эксплуатации и использования ядерных вооружений.

В 2004 г. в связи с устареванием *Трайидент II D5* в британском политическом и экспертном сообществах началось активное обсуждение вопроса об их замене или модернизации (предыдущий класс американских ракет *UGM-27 Поларис АЗТК*, состоявших на службе королевских ВМС, прошел в первой половине 1980-х гг. модернизацию по программе *Шевалин*)⁷. Решение проблемы в обоих случаях подразумевало активное участие американской стороны, так как британская промышленность не располагала для этого необходимым потенциалом. Подобная позиция свидетельствовала о желании Лондона поддерживать не только текущий уровень потенциала своих ядерных вооружений, но и создать все условия для того, чтобы он отвечал новейшему уровню разработок в сфере ОМУ. Располагая лишь одним компонентом ядерного сдерживания, Великобритания сохранила ставку на то, чтобы он мог служить средством максимального устаревания для вероятных противников, а также эффективно поддерживать статус ядерной державы (принципы такой политики в области стратегических ядерных вооружений были заложены в основу британской оборонной стратегии в период премьерства Маргарет Тэтчер в 1980-х гг.).

В комплексе с проблемой создания замены ПЛАРБ *Вэнгард* (формально время их снятия со службы приходится на 2023–2024 гг., однако дозаправка и модернизация ядерных реакторов в 2004–2005 гг., увеличившие срок жизни их активной зоны, позволяют повысить период эксплуатации данных субмарин еще на 15 лет⁸) тема замены *Трайидент II D5* стала рассматриваться как ключевой вопрос американо-британского оборонного партнерства.

Во многом это было связано с тем, что спроектированные во второй половине 1990-х гг. новые многоцелевые атомные подводные лодки (АПЛ) типа *Астьют* (первая из которых вступит на боевое дежурство в 2009 г.) не рассматривались в качестве носителей МБР с ядерными боеголовками. В качестве варианта представителями Минобороны Соединенного Королевства предлагалось воспользоваться американскими многоцелевыми АПЛ типа *Вирджиния*, первая из которых была введена в состав ВМС США 23 октября 2004 г. Такое решение позволяло не дожидаться начала разработок по созданию нового типа субмарин и разместить на новых американских АПЛ возможную замену *Трайидент*. Другое дело, что подобный шаг оставлял бы Великобританию не только без собственных баллистических ракет, но и, что принципиально важно, без необходимых для них атомных подлодок класса ПЛАРБ (так как использовать предлагалось многоцелевые АПЛ), что должно было способствовать еще большему усилению зависимости страны в ядерной сфере от Соединенных Штатов при снижении совокупного потенциала британских средств ядерного сдерживания.

После продолжительных и весьма напряженных дискуссий в Палате общин британское правительство решило пойти на создание нового типа атомных субмарин, отказавшись

от возможности закупки их у США. Причем ставка была сделана не на разработку очередного типа многоцелевых АПЛ, а на создание полноценных ПЛАРБ нового поколения.

4 декабря 2006 г. об этом заявил премьер-министр Тони Блэр, предложив при этом сократить число ядерных боеголовок на 20% – с 200 до 160⁹. 14 марта 2007 г. Палата общин поддержала предложение лейбористского кабинета об инициировании программы по созданию нового типа подводных лодок. Предполагается, что на его разработку и строительство уйдет порядка 17 лет, а общая сумма расходов составит от 15 до 20 млрд ф. ст.¹⁰. Строительство первой ПЛАРБ должно быть завершено к 2024 г. При этом новые атомные субмарины будут оснащены модернизированным вариантом МБР *Трайидент II D5* на основе американской программы *Service Life Extension Programme (SLEP)* (в 2002 г. американская администрация приняла решение о сохранении этого типа ракет на боевом дежурстве до 2042 г., а их модернизация началась с 2007 г.). Новая модификация МБР этого типа получила обозначение *Трайидент II D5-A*. Британии участие в программе США обойдется в 250 млн ф. ст. Срок боевого дежурства новых атомных субмарин истечет в 2050 г.¹¹. При этом США планируют использовать уже имеющиеся у них на вооружении ПЛАРБ типа *Огайо* с МБР *Трайидент II D5-A* до 2042 г., когда на смену им придет качественно новая система, включающая как ПЛАРБ, так и МБР.

Своим решением Великобритания оставила в неизменности устоявшийся формат сотрудничества с Америкой в области ядерных вооружений, сохранив самостоятельность своего атомного подводного флота при полной зависимости в области ракетоносителей. В то же время Лондон оказался привязан к графику разработок американских МБР. Тот факт, что срок службы новых британских ПЛАРБ истечет позже появления новой американской МБР, заставил лейбористский кабинет искать гарантий совместимости этой МБР с технологическими решениями, использованными на *Трайидент II D5*, с целью безболезненной замены последних. Формально такая гарантия от Белого дома была получена в декабре 2006 г.¹². Однако сложно прогнозировать, что будущие администрации пойдут на сознательное ограничение конструкторских решений только лишь на основе письменных договоренностей между президентом Джорджем Бушем-младшим и Тони Блэром, особенно если к моменту создания новой МБР общая технологическая конструкция *Трайидент II D5* окажется устаревшей. А это, в свою очередь, заставит Великобританию пойти на дополнительные финансовые расходы и форсировать разработку и строительство очередного нового типа ПЛАРБ.

Показательно, что главными претендентами на разработку замены *Вэнгард* выступают британские компании – *BAE Systems Submarine Solutions* и *Rolls-Royce Marine Power Operations Ltd*. При этом *BAE* представила две проектные разработки уже в сентябре 2007 г. на лондонской выставке *DSEi*. Первый проект, получивший название *Concept 35*, основан на развитии и усовершенствовании решений, использованных при создании ПЛАРБ *Вэнгард* и АПЛ *Астют*, а второй проект *Advanced Hull Form (AHF)* представляет собой принципиально новую разработку в области проектирования атомных субмарин¹³.

Демонстрируя самостоятельность в создании ПЛАРБ, Лондон осознанно пошел и на сохранение эксплуатационных сроков МБР, принятых Вашингтоном. В таком ходе есть как свои плюсы, так и минусы. С одной стороны, сохранение ставки на американские ракетоносители позволяет британской стороне получать максимальную выгоду от американских разработок в этой области в *режиме on-line*, что сохраняет за ней статус ключевой ядерной силы в Западной Европе. Однако с другой стороны, существует опасность того, что *Трайидент II D5-A* не будут сняты с вооружения и после 2042 г. Так, в прогнозе британского Центра внешней политики указывается, что Соединенные Штаты просто не смогут разработать к этому сроку качественно новый тип МБР, что заставит продлить НИОКР еще на одно-два десятилетия. Причем ввод в строй новой ракеты может состояться не раньше 2070 г.¹⁴. В этом случае технологический срок жизни *Трайидент* будет продлен еще на 28 лет, что заметно снизит потенциал британской системы ядерного сдерживания (следует отметить, что США это обстоятельство заденет меньше, так как в 2008 г. на долю ракет данного типа приходилось около 32% американских развернутых ядерных боеголовок).

Принятие решений о новом типе ПЛАРБ и новой баллистической ракете наглядно продемонстрировало степень значения Соединенных Штатов для оборонного потенциала Великобритании. Своим текущим положением в области стратегических наступательных вооружений Лондон всецело обязан Вашингтону. При этом факт ограниченной самостоятельности в сфере боевого применения ядерного оружия одними лишь ракетоносителями не ограничивается.

Разработка и испытание ядерных боеголовок также определяются фактором сотрудничества с США. В тесной зависимости от своих американских коллег находится ядерный оружейный комплекс (ЯОК) Соединенного Королевства. Так, до всеобъемлющего запрещения испытаний ядерного оружия в 1996 г. все британские боеголовки испытывались на ядерном полигоне в штате Невада. Дизайн британской боеголовки для *Трайидент II D5* (с эксплуатационным «потолком» до середины-конца 2020-х гг.) был разработан на основе американской термоядерной боеголовки *W-76*, а американская Национальная лаборатория Сандия до настоящего времени продолжает поставлять для этого типа боеголовок системы взведения, предохранения и подрыва¹⁵.

Роль США ощутима и в вопросе разработки новых типов боеголовок. В частности, порядка 33% технических мощностей Научно-исследовательского центра (НИЦ) ядерного оружия в Олдермастоне предоставлено американским концерном *Lockheed Martin*. Он же возглавляет консорциум, управляющий центром (сотрудниками которого являются порядка 90 граждан США).

В связи с дискуссией о проектировании новой МБР вместо *Трайидент II D5* для Минобороны Соединенного Королевства особое значение приобретают разработки новой ядерной боеголовки, которые британская сторона с 2004 г. проводит в сотрудничестве с американцами. Исследования по проекту новой боеголовки – «надежной сменной боеголовки» (*Reliable Replacement Warhead – RRW*) проходят в Олдермастоне. Для этих целей НИЦ прошел полную модернизацию стоимостью 300 млн ф. ст. От США в этом проекте первоначально участвовали Национальные лаборатории Лос-Аламос и Лоуренса Ливермора. Предполагалось, что британские и американские ученые предложат самостоятельные варианты боеголовок, при этом специалисты из Олдермастона в 2006–2007 гг. опережали своих заокеанских коллег. После фактического замораживания Конгрессом программы *RRW* в Соединенных Штатах в 2008 г. (окончательное решение по этому вопросу администрация президента Барака Обамы должна принять в течение 2009 г.) Британия остается единственной страной, вовлеченной в проект. Нельзя исключать, что в случае окончательного выхода американцев из игры к британским исследованиям более активно подключится *Lockheed Martin*, что в состоянии сыграть решающую роль в успехе программы.

В рамках реализации проекта *RRW* Лондон в состоянии предложить созданную боеголовку для модернизированного варианта *Трайидент* (совершенно точно, что британские боеголовки будут использованы на *Трайидент II D5-A*, прошедших через программу *SLEP*¹⁶), и сделать этого намного раньше, чем закончится разработка боеголовки под эту ракету в США. Такой ход может не только создать альтернативу американским решениям (хотя в выигрыше останется и *Lockheed Martin*), но и в состоянии заметно повысить статус Великобритании в двустороннем партнерстве с Америкой в области ядерных вооружений.

Второй по степени значимости для британской стороны после ядерных вооружений стало оборонное сотрудничество с США в военно-морской сфере. Военно-морская промышленность Соединенного Королевства по праву считается гордостью ВПК страны, так как практически полностью обеспечивает потребности Королевского военно-морского флота (ВМФ). Этот сектор ВПК традиционно считается весьма самостоятельным и в наименьшей степени зависимым от кооперации с иностранными компаниями. В военно-морской области американо-британское партнерство развивалось хотя и активно, но в четко ограниченных секторах.

Тем не менее, с конца 1990-х гг. значение США в этом сегменте последовательно возрастает. С момента своего прихода к власти лейбористы отстаивали программу по усилению

потенциала ВМС, для чего была сделана ставка на расширение координации усилий с американской стороны. В этом отношении весьма примечательно, что американские компании внесли ощутимый вклад в оснащение британских ВМС баллистическими и крылатыми ракетами (КР), а также современными видами авиационной боевой техники.

Так, реализация проекта создания многоцелевых АПЛ *Астьют* (оператором проекта выступило структурное подразделение корпорации *BAE – BAE Systems Submarine Solutions*) связана с активным использованием американских технологий и вооружений. На новых субмаринах использована электронная система опознавания *свой-чужой*, разработанная американской *Raytheon Systems Ltd*. Также новые АПЛ оснащены американскими крылатыми ракетами (КР) морского базирования *BGM-109 Томгавк* (производства *Raytheon*) и противокорабельными ракетными комплексами подводного базирования *UGM-84 Гарпун* (производства *Boeing Integrated Defense Systems*).

При этом впервые поставки КР *Томгавк* Королевскому ВМФ были сделаны в 1998 г. (на основе соглашения, достигнутого в 1995 г.), а в 2004 г. правительства двух стран пришли к договоренности о продаже британской стороне нового поколения тактических КР, получивших название *Tactical Tomahawk* или *TacTom* (главными отличиями новой модификации стала возможность перенацеливания ракеты на новый объект во время полета).

Испытания этой модификации завершились в январе 2007 г., а уже в октябре того же года первая партия *TacTom* из 64 ракет поступила на вооружение Королевских ВМС. При этом весь объем поставок в Великобританию будет завершен к июлю 2009 г.¹⁷. Предполагается, что ими, помимо многоцелевых АПЛ, будут оснащены и эскадренные миноносцы с управляемым ракетным оружием (УРО) типа 45 (эсминцы типа *Даринг*), строительство которых началось в 2003 г. (первый из шести эсминцев УРО данного типа войдет в состав Королевского флота летом 2009 г.).

В этом проекте также ощутимо американское присутствие. Так, корпорация *Northrop Grumman* совместно с *Rolls-Royce* выступила в качестве основного разработчика газовой турбины *WR-21* мощностью 21,5 МВт, являющейся ключевым компонентом главной энергетической установки эсминца, а *Raytheon* предоставил радары *S-band* и *X-band*. На вооружении у этого типа эсминцев состоят два 20-миллиметровых зенитных артиллерийских комплекса *Mark 15 Phalanx CIWS*, также производящихся *Raytheon*. Предполагается, что эсминцы типа 45 будут оснащены и ракетными комплексами морского базирования *RGM-84 Гарпун* (производства *Boeing Integrated Defense Systems*) для надводных кораблей.

Наконец, американская оборонка участвует в реализации крупнейшего военно-морского проекта британского ВПК – программе CVF (*Carrier Vessel Future*). Ее целью является создание авианосцев типа *Куин Элизабет*, первый из которых вступит в строй между 2014 и 2016 гг. Они должны заменить три легких авианесущих корабля типа *Инвизибл* (головной авианесущий корабль этого типа *Инвизибл* (R05) выведен из состава флота 3 августа 2005 г.) в 18 тыс. т, оснащенных самолетами вертикального взлета и посадки (СВВП) *Харриер GR9*. Два авианосца (*Куин Элизабет* и *Принс оф Уэллс*) полным водоизмещением по 65 тыс. т будут нести по 40 самолетов и вертолетов, причем основу авиагруппы составят американские истребители-бомбардировщики пятого поколения *F-35B* с укороченным разбегом и вертикальной посадкой (*Short Take-Off and Vertical Landing – STOVL*). Эти авианосцы станут самыми большими боевыми кораблями в истории Королевского флота, а их предварительная стоимость должна составить от 3,8 до 4 млрд ф. ст.¹⁸.

Для реализации программы CVF был создан международный консорциум, куда вошли Минобороны Соединенного Королевства, британские компании *BVT Surface Fleet*, *BAE Systems Submarine Solutions*, *Babcock Marine* и французская *Thales Group*. С февраля 2005 г. в проекте участвует британская дочка американской инженерно-конструкторской компании *Kellog Brown & Root – Kellog Brown & Root UK Ltd*, являющаяся «физическим интегратором» проекта, ответственным за контроль над процессом строительства. Несмотря на то, что окончательные договоренности между британским правительством

и участниками проекта были достигнуты в июле 2007 г., официальный контракт на создание авианосцев был подписан лишь спустя год – 3 июля 2008 г.¹⁹.

С CVF тесно связаны два других крупных проекта, являющихся наиболее наглядной демонстрацией американо-британского партнерства в области перспективных военно-морских и военно-воздушных систем вооружения. Речь идет о создании многоцелевого истребителя-бомбардировщика пятого поколения *F-35 Лайтнинг II* и программе «Воздушная разведка на море» (*Maritime Airborne Surveillance and Control – MASC*).

Создание нового истребителя-бомбардировщика стало крупнейшим совместным проектом военно-промышленных комплексов США и Великобритании в 2000-е гг. В его рамках британские компании *Rolls-Royce* и *British Aerospace* выступили в роли главных партнеров американской стороны в лице *Lockheed Martin* и *Northrop Grumman* (с общими вложениями в проект порядка 2 млрд долл.), а корпорация *BAE Systems* явилась основным подрядчиком американской компании *Lockheed Martin Aeronautics Company*²⁰. Предполагается, что истребитель, разработанный для нужд военно-воздушных сил (ВВС) и ВМС США, американского Корпуса морской пехоты (КМП), Королевского флота и Королевских ВВС Великобритании (модификация *F-35B* с укороченным разбегом и вертикальной посадкой), вступит на боевое дежурство в 2011 г. Всего Лондон планирует приобрести 138 самолетов этого типа, из которых 72 будут размещены на двух авианосцах типа *Куин Элизабет*.

Программа «Воздушная разведка на море» заключается в оснащении этих крупнейших кораблей Королевского ВМФ средствами дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛО). Предполагается, что каждый авианосец будет располагать четырьмя системами ДРЛО. Спор за то, чья система будет использоваться, ведут британо-итальянская компания *AgustaWestland* и два американских концерна – *Bell Helicopter* и *Northrop Grumman*. Причем наибольшие шансы на успех есть у систем, предлагаемых *Bell Helicopter* и *Northrop Grumman*. В первом случае речь идет о палубном самолете ДРЛО *E-2D Адвансед Хокай*, во втором – о модифицированной версии многоцелевого военно-транспортного самолета *V-22 Оспрей*. Предлагаемый им противовес в лице морского палубного вертолета *Мерлин НМ1* обладает ограниченными возможностями для автономных действий на большом удалении от авианосной ударной группы (АУГ), а также не может похвастаться продолжительностью срока эксплуатации. Свою роль играет и предполагаемое использование на палубах авианосцев типа *Куин Элизабет* катапульт, которые более удобны для самолетов.

С созданием новых типов ДРЛО для британских ВВС, но уже без привязки к программе CVF, связана разработка системы «Воздушной разведки и управления нанесением ударов» (*ASTOR – Airborne Stand-Off Radar*). В ее реализации конкурентов проекту *Raytheon* не нашлось. Самолеты дальнего наблюдения и целеуказания *Сентинел R1* (*ASTOR*) (всего Королевские ВВС получат пять машин) создаются американской корпорацией на базе транспортного самолета *Бомбардир Глобал Экспресс* (производитель – канадская *Bombardier Aerospace*)²¹. РЛС (радиолокационная станция) *ASTOR*, получившая название *SAR/MTI*, создана на базе РЛС *ASARS-2* американского самолета-разведчика *U-2*. Ввод в строй системы *ASTOR* (двух первых самолетов из пяти запланированных) был осуществлен 1 декабря 2008 г. А достижение полной оперативной возможности системы намечено на ноябрь-декабрь 2010 г. Стоимость одного самолета *Сентинел R1* вместе со станцией управления системы *ASTOR* (для которой использованы шестиколесные автомобили *Пинцгауер* производства *BAE Systems Land Systems*) составляет 282 млн долл.

Модернизация *Трайдент II D5*, строительство новых ПЛАРБ, авианосцев и систем ДРЛО, участие в создании истребителей пятого поколения – ключевые направления американо-британского военно-промышленного сотрудничества в первой декаде XXI в., которые сохраняют свое значение до 2020 г. И именно эти проекты станут краеугольными центрами всей оборонной системы Великобритании, определяющими ее претензии на совместную с Соединенными Штатами глобальную вовлеченность. Вполне естественно, что привлечение для их реализации американских оборонных компаний, а также прямое использование разработок ВПК США – ход, демонстрирующий текущий высокий

уровень не только двустороннего оборонного взаимодействия, но и военно-политического сотрудничества в целом.

Наряду с созданием принципиально новых систем вооружения американские компании совместно с представителями британского ВПК принимают участие и в производстве уже состоящих на службе единиц вооружения. Так, с 1990-х гг. британская *BAE Systems* совместно с *Boeing* продолжают выпуск и модификацию штурмовика вертикального взлета и посадки *Харриер*. *Boeing* выпускает модель *AV-8B+ Харриер II* для КМП США, а британский концерн производит модификации *Харриер GR9* и *GR9A* для Королевских ВВС и Королевской морской авиации. *Харриер GR9* является модификацией *Харриер GR7*. От своего предшественника его отличает более совершенное вооружение, в частности, тактические ракеты класса *воздух-земля AGM-65 Мэйверик* и управляемые авиационные бомбы *GBU-27 Павевай III*, выпуском которых занимается *Raytheon*. Последний этап модернизации этих самолетов, проводившийся *BAE Systems* совместно с *Raytheon*, завершился в 2007 г. В его рамках штурмовики оснастили новыми фюзеляжами и новейшими управляемыми авиабомбами *Павевай IV*, победившими в тендере, проведенном в октябре 2001 г. Агентством по закупке ВВТ и снаряжения Минобороны Великобритании. Стоимость программы модернизации составила 20 млн ф. ст.²². Технически эти самолеты могут оставаться на вооружении до 2018 г., после чего их должны полностью заменить *F-35 Лайтнинг II*.

Активно британское военное ведомство закупает образцы вооружений, доказавшие эффективность своего применения в ходе эксплуатации американскими ВС. Так, многоцелевой истребитель *Еврофайтер Тайфун*, созданный совместными усилиями *BAE Systems*, *Европейской авиапромышленной и космической военной компанией (EADS)* и итальянской *Alenia Aeronautica* и поступивший на службу Королевских ВВС в 2003 г., помимо всего прочего, оснащается авиационной модификацией ракеты *AGM-84 Гарпун*, производимой *Boeing Integrated Defense Systems*, противорадиолокационными ракетами *AGM-88 HARM* и ракетами системы «воздух-воздух» *AIM-120 AMRAAM*, выпускаемыми *Raytheon*.

В 1998–1999 гг. *Boeing* поставил британской армейской авиации восемь ударных вертолетов *WAH-64 Апач*, а последующие 59 машин были собраны по лицензии из американских деталей в Британии компанией *Westland Helicopters* (с 2000 г. – *AgustaWestland*) в период с 2000 по 2004 гг.²³. Данная модель сменила вертолеты *Линкс AH7* в качестве основного тактического ударного вертолета авиации сухопутных войск.

В 2001 г. Минобороны Великобритании заключило с *Lockheed Martin Aeronautics Company* контракт на приобретение 25 тактических военно-транспортных самолетов *C-130J Геркулес II*, являющихся результатом модернизации ветерана *C-130* – наиболее массового военно-транспортного самолета в мире²⁴. От предшественника, также состоявшего на вооружении Королевских ВВС, *C-130J* отличается на 15–20% меньшей взлетно-посадочная дистанция, на 50% лучшая скороподъемность, на 21% большая крейсерская скорость и на 40% – практическая дальность.

Общая характеристика экспортных закупок британским военным ведомством систем вооружения, созданных ВПК США, заключается в ставке на максимальную институционализацию приобретений. Из общего потока американской оборонной продукции Лондон приобретает только такие системы, которые позволяют поддерживать баланс между их технологичностью и практической значимостью. Такая политика дает возможность поддерживать относительно высокий уровень оснащения ВС (по современным европейским меркам) наиболее эффективными системами вооружения при ограниченном потенциале военного бюджета²⁵.

ЗНАЧЕНИЕ БРИТАНСКИХ ОБОРОННЫХ КОМПАНИЙ ДЛЯ ВПК США

Несмотря на огромное значение американских военно-промышленных корпораций для обеспечения британского оборонного потенциала, было бы неверно полагать, что сотрудничество между США и Великобританией – линия с односторонним движением.

Бизнес-структуры, представляющие Соединенное Королевство, играют не менее важную роль на рынке США, чем их американские коллеги на британском.

Крупнейшим проектом американского ВПК 1990 – начала 2000-х гг. с активным привлечением британской стороны стало создание многоцелевого истребителя пятого поколения *F-22 Рэптор*. В ходе реализации этого проекта (общая стоимость которого составила 65 млрд долл. при цене одной машины в 137,5 млн долл.) главное производственное объединение *BAE Systems* в США – *BAE Systems Inc.* выступило подрядчиком головных производителей в лице *Lockheed Martin* и *Boeing*. Усилия британской компании были сосредоточены в сфере авионики проекта. В частности, *BAE Systems Inc.* предоставила для нового самолета приемник радарных сигналов *AN/ALR-94* и систему предупреждения о ракетной атаке *AN/AAR 56 MAWS*.

О степени доверия к британцам свидетельствует тот факт, что *BAE Systems Electronics & Integrated Solutions* оказалась единственной иностранной компанией, принявшей участие в создании истребителя, оператором которого с 15 декабря 2005 г. являются исключительно ВВС США (решением Конгресса самолет запрещено экспортировать за рубеж).

В настоящее время корпорация *BAE Systems* выступает в качестве ключевого субъекта британского ВПК на американском оборонном рынке. Она занимает первое место среди иностранных поставщиков оборонной продукции для американских вооруженных сил (на предприятиях корпорации на территории Соединенных Штатов работает порядка 25 тыс. сотрудников) и пятое место среди всех поставщиков оборонной продукции для Пентагона²⁶. С 2000 г. ее американский филиал *BAE Systems North America* (с 2005 г. переименован в *BAE Systems Inc.*) ведет активную политику по расширению своих производственных мощностей в Соединенных Штатах посредством поглощения американских оборонных и коммуникационных предприятий. В апреле 2000 г. британцы за 510 млн долл. приобрели компанию *Lockheed Martin Control Systems*, специализирующуюся на создании систем электронного контроля для самолетов и космических аппаратов, к которой в ноябре того же года было присоединено еще одно подразделение *Lockheed Martin* – *Lockheed Martin Aerospace Electronic Systems*. В октябре 2004 г. *BAE* завершила сделку по приобретению за 600 млн долл. *DigitalNet Holdings Inc.*, работающую в сфере информационных технологий и коммуникаций. В марте 2005 г. корпорация приобрела американскую *United Defense Industries* (за 4,2 млрд долл.)²⁷, а в июле 2007 г. купила *Armor Holdings* (занимается созданием специализированной техники и военной униформы) за 4,532 млрд долл., что стало самым большим иностранным поглощением американской оборонной компании в истории²⁸.

BAE Systems Inc. включает три самостоятельных подразделения в лице *BAE Systems Customer Solutions*, *BAE Systems Electronics and Integrated Solutions* и *BAE Systems Land and Armaments*. Они поставляют для американских ВС, ВВС и ВМС системы радиоэлектронной борьбы, электронной идентификации и навигации, комплексы наведения, универсальные пусковые установки вертикального пуска *Mk-41*, орудие *Mk 45 Lightweight gun* (является основной противокорабельной артиллерийской установкой ВМС США). Также *BAE Systems Inc.* производит боевые машины пехоты (БМП) *M2/M3 Брэдли* (основная БМП американских ВС), легкий бронетранспортер (БТР) *M113*, военно-транспортную технику, системы корабельной артиллерии, ракетные установки, артиллерийские системы и танки (самоходные артиллерийские установки *M109A6 Паладин*, легкий танк *M8 Буфорд*).

После работы над проектом *F-22 BAE Systems Inc.* продолжает активно участвовать в дальнейшей разработке новейших систем вооружения для ВС США. Среди наиболее значимых проектов следует отметить программу создания перспективных эсминцев типа *Цумвальт* (постройка двух головных кораблей, которые должны войти в состав ВМС США в 2013–2014 гг., оценивается в 3,3 млрд долл., а эсминцев последующей серии – по 2,2 млрд долл.). Совместно с *Raytheon*, *BAE Systems Inc.* разработала для данного типа кораблей новейшие установки вертикального пуска типа *Mk-57*. Помимо этого эсминцы *Цумвальт* будут оснащены 155-миллиметровой артиллерийской системой *AGS*

(Advanced Gun System) с новым боеприпасом большой дальности *LRLAP*, также созданными *BAE Systems Inc*²⁹.

Среди других британских концернов, играющих заметную роль на рынке США, можно отметить уже упоминавшиеся *Rolls-Royce* и *British Aerospace*, а также *QinetiQ*, *Martin Baker* и *Smith Industries*. Некоторые из них выступают подрядчиками американских оборонных проектов (как, например, *Rolls-Royce*), другие, вслед за *BAE Systems*, вовлечены в процесс экспансии на американском оборонном рынке. Так, компания *QinetiQ*, созданная на основе британского Агентства передовых оборонных исследований (DERA), в сентябре 2004 г. приобрела сразу два американских оборонных актива – *Foster-Miller Inc.* (за 163 млн долл.) и *Westar Aerospace and Defense Inc.* (за 130 млн долл.)³⁰. Расширение производственных мощностей в США создало базу для активного участия *QinetiQ* в совместных оборонных проектах с американскими компаниями ВПК. В частности, в июле 2008 г. *QinetiQ* объявила о заключении с *Boeing* соглашения, предусматривающего совместное проектирование высотного беспилотного летательного аппарата (БПЛА) *Vulture* с высокой автономностью в рамках программы, курируемой Агентством передовых оборонных исследовательских проектов Минобороны (DARPA) США стоимостью 3,8 млн долл.³¹.

Весьма активно британские оборонные компании продолжают привлекаться и в качестве подрядчиков американских корпораций. Так, например, в январе 2005 г. *Lockheed Martin* получила контракт от американской администрации на создание 23 вертолетов для эскадрильи КМП США, представляющей собой Воздушный флот президента страны. Сумма контракта составила 6,1 млрд долл.³². Основным подрядчиком в рамках данного проекта стала британо-итальянская компания *AgustaWestland*, на базе вертолета *EH101* которой будет совместно выпускаться лицензионная модель *VH-71 Кестрел*, разработанная специально для президентской эскадрильи. Тестовые испытания нового вертолета начались в Великобритании в июле 2007 г. Планируется, что он вступит на службу в 2010 г., заменив собой используемые в настоящее время *VH-3D* и *VH-60N Уайтхок*.

Британский сегмент двустороннего оборонного сотрудничества между США и Соединенным Королевством в большей степени характеризуется принципом *селективного вовлечения*. Охват британскими корпорациями американского рынка военной промышленности относительно ограничен и четко регламентирован, взаимодействие между сторонами развивается лишь в тех сферах, где американские корпорации не могут рассчитывать исключительно на свой технологический потенциал. Однако при этом британские игроки фактически контролируют целые отрасли производства отдельных систем вооружения (например, БМП) и имеют возможности для активного поглощения оборонных активов своих заокеанских партнеров, пусть и используя для этого свои филиалы.

ВЫВОДЫ

Детальное рассмотрение американо-британского сотрудничества в военно-промышленной сфере демонстрирует уникальный уровень взаимодействия между оборонными секторами промышленности обеих держав. Связано это прежде всего с характером *особых* политических отношений Лондона и Вашингтона, сложившихся сразу же после Второй мировой войны и сохранивших свой статус до наших дней. Тесное взаимодействие двух государств на политическом уровне прямо проецируется на их оборонные контакты, которые также можно характеризовать как *особые* и сравнимые по своему потенциалу лишь с оборонным сотрудничеством между США и Канадой.

Для Великобритании такая формула партнерства является залогом поддержания максимально высокого уровня собственного военного потенциала, обеспечивая стратегический отрыв в области вооружений от стран континентальной Европы (по своему уровню с Великобританией может сравниться только Франция). Платой за доступ к новым технологическим разработкам и системам вооружения выступает потеря самостоятельности в целом ряде сегментов ВПК (таких как создание межконтинентальных баллистических ракет, МБР), однако в условиях стабильного партнерства с Соединенными Штата-

ми это обстоятельство не создает очевидных ограничений для обеспечения национальной безопасности страны.

В новейший период *особых* отношений в первой декаде XXI в. (который по праву считается вторым *золотым веком* американо-британского взаимодействия после 1980-х гг.³³) сложившаяся модель оборонного сотрудничества была не просто сохранена, но и качественно расширена. Одновременно с принятием принципиальных решений по изменению правовой базы партнерства, целью которых является упрощение обмена технологиями и результатами НИОКР по обе стороны Атлантики, стороны пошли на дальнейшее наращивание оборонных связей.

Военно-техническое сотрудничество, несмотря на его определенные издержки (это касается, в первую очередь, ограничений на предоставление новейших американских разработок для нужд британской стороны), имеет для ВПК Соединенного Королевства весомый статус. Оно позволяет ему участвовать в создании целого ряда американских высокотехнологических разработок, разрабатывая на их основе собственные системы вооружения. Британской *оборонке* партнерство с американской стороной дает возможность постоянно находиться в *тонусе*, что позитивно воздействует как на ее производственный и технологический потенциал, так и на экспортные возможности.

Для американских корпораций оборонное сотрудничество с Соединенным Королевством позволяет участвовать в контроле над рядом сегментов британского ВПК (например, ЯОК) и располагать доступом к предлагаемым ими технологическим решениям. Также компании американской оборонной промышленности за счет своего присутствия на британском рынке выступают в роли активных участников проектов по созданию перспективных систем военно-морского и военно-воздушного вооружения, действуют в роли головных предприятий, курирующих стратегические проекты по оснащению британских ВС.

И хотя наряду с партнерством оборонные концерны двух стран активно конкурируют за рынки сбыта и контракты по созданию новых систем вооружения, общий формат сотрудничества в сфере ВПК позволяет США и Великобритании проводить во многом согласованную политику в области создания перспективных образцов оружия, которая сохраняет за ними статус ключевых производителей вооружений мирового масштаба.

Примечания

¹ Chao Pierre, Niblett Robin. *Trusted Partners: Sharing Technology within the U.S.-UK Security Relationship. CSIS Working Paper. May 2006. P. 20.*

² Defense Mergers & Acquisitions Database. Infobase. Companies. November 2008.

³ См.: UK/US Defence Trade Cooperation Treaty. Third Report of Session 2007–08. House of Commons. Defence Committee. 11 December 2007; UK/US Defence Trade Cooperation Treaty: Government Response to the Committee's Third Report of Session 2007–08. Third Special Report of Session 2007–08. House of Commons. Defence Committee. 3 March 2008.

⁴ ITAR Fallout: Britain to Pull out of F-35 JSF Program? *Defense Industry Daily*. 2005, 7 December, <http://www.defenseindustrydaily.com/itar-fallout-britain-to-pull-out-of-f35-jsf-program-01587> (последнее посещение – 12 февраля 2009 г.); Bromund Ted R. The Defense Trade Cooperation Treaties with the United Kingdom and Australia Advance the American Interest. The Heritage Foundation Research No. 2090. September 29, 2008. P. 1–2.

⁵ Amendment to the Agreement between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the United States of America for Cooperation on the Uses of Atomic Energy for Mutual Defence Purposes. Washington, 14 June 2004. Treaty Series No. 1 (2005). P. 3.

⁶ Plesch Dan. *The Future of Britain's WMD*. L.: Foreign Policy Centre, 2006. P. 13.

⁷ *The Future of the British Nuclear Deterrent*. House of Common Library Research Paper 06/53. 3 November 2006. P. 10–11.

- ⁸ Schank John F., Riposo Jessie, Birkler John, Chiesa James. The United Kingdom's Nuclear Submarine Industrial Base. Vol. 1. Sustaining Design and Production Resources. RAND Corporation. 2005. P. 20.
- ⁹ UK nuclear weapons plan unveiled. Monday, 4 December 2006. *BBC News*, http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/6205174.stm (последнее посещение – 10 февраля 2009 г.).
- ¹⁰ Trident plan wins Commons support. Thursday, 15 March 2007. *BBC News*, http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/6448173.stm (последнее посещение – 10 февраля 2009 г.).
- ¹¹ The Future of the United Kingdom's Nuclear Deterrent. UK Ministry of Defence. December 2006. P. 31.
- ¹² Dunne Paul, Perlo-Freeman Samuel, Ingram Paul. The real cost behind Trident Replacement and the Carriers. BASIC Research Report 2007.3. October 2007. P. 6.
- ¹³ Scott Richard. From the deep: successor submarine concepts surface. *DSEi Show Daily*. 2007, 13 September. P. 1.
- ¹⁴ Plesch Dan. The Future of Britain's WMD. L.: Foreign Policy Centre, 2006. P. 26.
- ¹⁵ Ibid. P. 15.
- ¹⁶ The Future of the United Kingdom's Nuclear Deterrent. UK Ministry of Defence. December 2006. P. 30–31.
- ¹⁷ World-Class Missile Achieves In-Service Date. UK Royal Navy. 4 April 2008, <http://www.royalnavy.mod.uk/server/show/ConWebDoc.12161/changeNav/6568> (последнее посещение – 11 февраля 2009 г.).
- ¹⁸ Dunne Paul, Perlo-Freeman Samuel, Ingram Paul. The real cost behind Trident Replacement and the Carriers. BASIC Research Report 2007.3. October 2007. P. 8; Evans Michael. Go-ahead for £4bn aircraft carriers. *The Times*. 2007, 26 July, <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/politics/article2141406.ece> (последнее посещение – 8 февраля 2009 г.).
- ¹⁹ Norton-Taylor Richard. £4bn MoD deal for giant aircraft carriers fuels concerns over defence spending. *The Guardian*. 2008, 4 July, <http://www.guardian.co.uk/politics/2008/jul/04/defence.military> (последнее посещение – 8 февраля 2009 г.).
- ²⁰ Lockheed Martin Team wins Joint Strike Fighter Competition. Lockheed Martin UK (Press Releases). 26 October 2001, <http://www.lockheedmartin.co.uk/news/68.html> (последнее посещение – 11 февраля 2009 г.).
- ²¹ ASTOR, (Airborne Stand-Off Radar). Raytheon UK. Products & Programmes, <http://www.raytheon.co.uk/products/astor/index.html> (последнее посещение – 11 февраля 2009 г.).
- ²² Harrier Replacement Rear Fuselage Programme Concluded Successfully. BAE Systems. News Releases. 31 July 2007, http://www.baesystems.com/Newsroom/NewsReleases/autoGen_10773163045.html (последнее посещение – 11 февраля 2009 г.).
- ²³ British Army Receives 67th Apache In Ceremony Held At The Farnborough Air Show 2004. AgustaWestland. Press Release 2004. 21 July 2004, http://www.agustawestland.com/communication_det.php?id_news=137&yu=2004 (последнее посещение – 10 февраля 2009 г.).
- ²⁴ Lockheed Martin Completes C-130J Deliveries for 2001. Lockheed Martin UK. (Press Releases). 20 December 2001, <http://www.lockheedmartin.co.uk/news/76.html> (последнее посещение – 11 февраля 2009 г.).
- ²⁵ По европейским меркам Великобритания обладает весьма серьезным оборонным бюджетом, который в 2008–2009 фин. гг. составил 68,911 млрд долл., однако это не идет ни в какое сравнение с военными расходами США, которые в 2008 фин. г. составляли 583,28 млрд долл.
- ²⁶ Calingaert Michael. The Special Relationship – Economic and Business Aspects: American Perspective // U.S.-UK Relations at The Start of The 21st Century. Carlisle: Strategic Studies Institute, 2006. P. 25.
- ²⁷ BAE Systems to buy US rival UDI. Monday, 7 March, 2005. *BBC News*, <http://news.bbc.co.uk/2/hi/business/4324733.stm> (последнее посещение – 12 февраля 2009 г.).
- ²⁸ BAE Systems PLC Announces Proposed Acquisition of Armor Holdings Inc. (Press Release). BAE Publications. 7 May 2007. P. 1.
- ²⁹ Long Range Land Attack Projectile (LRLAP). BAE Systems. Products & Services, http://www.baesystems.com/ProductsServices/l_and_a_sea_lrap.html (последнее посещение – 12 февраля 2009 г.).

³⁰ QinetiQ's acquisitions of US-based Foster-Miller and that of Westar both get the regulatory «green light». QinetiQ News Centre. 09 November 2004, http://www.qinetiq.com/home/newsroom/news_releases_homepage/2004/4th_quarter/ratification.html (последнее посещение – 12 февраля 2009 г.).

³¹ QinetiQ to support Boeing on DARPA programme to develop Ultra-Long-Endurance Aircraft Technologies. QinetiQ News Centre. 14 July 2008, http://www.qinetiq.com/home/newsroom/news_releases_homepage/2008/3rd_quarter/qinetiq_to_support.html (последнее посещение – 12 февраля 2009 г.).

³² Lockheed Martin wins presidential helicopter contract. USA Today. Politics. 2005, 28 January, http://www.usatoday.com/news/washington/2005-01-28-presidential-helicopter_x.htm (последнее посещение – 12 февраля 2009 г.).

³³ Harris Robin. Beyond Friendship – The Future of Anglo-American Relations. Washington D. C.: Heritage Foundation, 2006. P. 18.

Александр Голиков

СОВРЕМЕННАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ БИОТЕХНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

«Почему вы производите карго, а мы – нет?»

Джаред Даймонд

Мало кто в ответ на вопрос «что является основой безопасности страны?» без особых раздумий не скажет – сильная армия. Не удивительно – на протяжении уже более двух веков только ленивый не повторил вслед за Наполеоном Бонапартом, что народ, который не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую. Автоматически возникает образ сильной армии как главного фактора безопасности страны – экипированные войска, современная техника, выученный личный состав. Это правильно, но сильная армия в обеспечении национальной безопасности – всего лишь надводная часть айсберга. Только немногие представляют себе и систему обеспечения – снабжение, управленческий аппарат, службу технической поддержки, систему медицинского обслуживания, не говоря о гражданских предприятиях, разрабатывающих и производящих технику и технологии. Эти службы по численности своего состава в современных условиях в разы превосходят численность личного состава армейских подразделений, иначе вряд ли армия будет дееспособна и эффективна. Все это, даже безупречно организованное, немногого стоит, если не поддерживается стабильной, не зависящей от внешних источников, системой продовольственного обеспечения страны. Отто фон Бисмарк придал наполеоновскому трюизму завершенность: кто не хочет кормить чужую армию, должен кормить свою. Именно слова «должен кормить» несут основную смысловую нагрузку. И это «кормить» является ключевым элементом в концепции национальной безопасности, в большой степени основывающейся на устойчивом развитии страны и повышении конкурентоспособности национальной экономики¹.

Эпиграфом к этой статье взяты слова из книги Джареда Даймонда «Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ» – вопрос, который в 1970 г. ему задал один общественный деятель Папуа-Новой Гвинеи: «Почему так получается, что вы, белые люди, придумали и сделали так много карго и привезли его в Новую Гвинею, а у нас, черных людей, своего карго очень мало?»². «Карго» в данном случае – это все изобретения, промышленные и потребительские товары, привозимые в страну грузовым транспортом. Действительно, почему так сложилось, что небольшое число стран заняло доминирующее положение в мире как с точки зрения промышленного производства, так и с военной? Ответ на этот вопрос дает рассмотрение роли сельского хозяйства в обществе.

Изначально вся *продовольственная политика* сводилась к охоте и собирательству. Очевидно, что на этом этапе речи о доминировании тех или иных этносов идти не может, так как вне зависимости от расовых или этнических различий уровень способов охоты

А
Н
А
Л
И
З

и собирательства был одинаково высок у всех и достиг совершенства, отличаясь только объектами промысла.

Достаточно простой анализ позволяет сделать вывод о том, что началом, приведшим к современному *status quo* в международной роли стран, послужил переход к технологическому подходу в обеспечении себя продовольствием – переход от охоты и собирательства к технологии производства продовольствия и непродовольственных продуктов земледелия и животноводства. Основным стимул для развития любой технологии (особенно в условиях *открытого* ненасыщенного рынка) – непрерывный рост прибыли по механизму: все больше продукции по непрерывно снижающимся ценам при постоянно уменьшающейся себестоимости, что достигается за счет совершенствования производственной технологии и оптимизации затрат. Неосознанная реализация этого принципа даже на самой ранней стадии развития этносов привела к возникновению сельского хозяйства как отдельной и самостоятельной отрасли, обеспечивающей жизнь общества. При этом высвободилась значительная часть людских ресурсов, которые могли быть и были профессионально использованы в других сферах деятельности: производственной – ремесла, обработка металлов, строительство и непромышленной – наука, инфраструктура, искусство... Возникновение армии как инструмента экспансии или, напротив, защиты от внешней угрозы потребовало и сейчас требует системного и гарантированного продовольственного обеспечения.

И сейчас уже не столь важно, что некоторые этносы находились в более выгодном географическом положении, способствовавшем их переходу от охоты и собирательства к одомашниванию и селекции животных и растений и к ирригационному земледелию. Важно то, что в большой степени именно те страны, которые относятся к сельскому хозяйству как к *высокой* технологии и постоянно эту технологию совершенствуют, целенаправленно инвестируя в нее, продолжают доминировать на мировой арене и укреплять свое лидерство.

Место сельскохозяйственной технологии и ее роль в жизни и развитии страны предельно точно выражены Генри Фордом еще в начале XX в.: «Основные функции – земледелие, промышленность и транспорт. Без них невозможна общественная жизнь. Они скрепляют мир. Обработка земли, изготовление и распределение предметов потребления столь же примитивны, как и человеческие потребности, и все же более животрепещущи, чем что-либо. В них квинтэссенция физической жизни. Если погибнут они, то прекратится и общественная жизнь... [сейчас] Фермер надеется на счастье и на своих предков... Что фермер держится – это доказывает только, как изумительно прибыльно само по себе сельское хозяйство... Как только земледелец научится смотреть на себя, как на промышленника, со всем свойственным этому последнему отвращением к расточительности в отношении материала и рабочей силы, цены на продукты сельского хозяйства так упадут и доходы так повысятся, что каждому хватит на пропитание, и сельское хозяйство приобретет репутацию наименее рискованной и наиболее выгодной профессии...»³.

Рассматривая роль сельскохозяйственных технологий в национальной безопасности, сразу стоит отметить, что под *современными биотехнологиями* подразумеваются только те технологии, которые подпадают под определение статьи 3, параграфа i Протокола биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии ООН:

«*Современная биотехнология* означает применение:

- методов *in vitro* с использованием нуклеиновых кислот, включая рекомбинантную дезоксирибонуклеиновую кислоту (ДНК) и прямую инъекцию нуклеиновых кислот в клетки или органеллы, или
- методов, основанных на слиянии клеток организмов с разным таксономическим статусом, которые позволяют преодолеть естественные физиологические репродуктивные или рекомбинационные барьеры и которые не являются методами, традиционными для выведения и селекции»⁴.

Таким образом, *современные сельскохозяйственные биотехнологии* практически тождественны применению генной инженерии и использованию генетически модифицированных организмов. Несмотря на то, что уже более 10 лет эти технологии широко используются в мире, отношение к ним общества весьма неоднородно и неоднозначно – от всецелого принятия до полного отрицания. Вместе с тем, именно эти технологии и производственные продукты обладают огромным потенциалом в обеспечении стабильности и безопасности продовольственного и сельскохозяйственного рынков.

Основных факторов, критических для безопасности страны с точки зрения системы гарантированного обеспечения ее продовольствием и непродовольственной сельскохозяйственной продукцией, не так уж и много. Это в первую очередь:

- выбор стратегических сельскохозяйственных культур;
- сохранение максимально возможного резерва производственных возможностей, минимизация зависимости от климатических условий, патогенов, вредителей, других сфер производства и максимально возможное сохранение окружающей природной среды;
- вопросы прав собственности и геополитика;
- проблема агротерроризма.

ВЫБОР СТРАТЕГИЧЕСКИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР

Ключевой момент – обеспечение независимости страны от внешних источников снабжения. Важность его была оценена еще правительством императора Николая I в первой трети XIX в. Понимая сложность международной обстановки и неизбежность крупномасштабной военной конфронтации с международной коалицией, правительство озабочилось тем, чтобы максимально возможно обеспечить страну продовольствием в случае продолжительных военных действий, военной и экономической блокады. В результате мы имеем картофель, выбранный стратегической культурой в 1830-е гг., со всей его значимостью для жизни страны и региона. Несмотря на то, что переход к использованию стратегических монокультур вряд ли может протекать совершенно гладко, без социальных последствий (ярчайший экстремальный пример – *картофельные бунты* в России в 1830–1840-х гг. как протест против внедрения *нового* и непривычного, для подавления которых приходилось задействовать даже армию), именно такие монокультуры составляют основу продовольственной безопасности страны. В основу выбора стратегических культур ложатся простые критерии – они должны быть стабильно урожайны, максимально эффективны экономически для производителя, способны выдерживать достаточно длительное хранение и, что крайне важно, быть ценным источником и продовольствия, и кормов для животных. Конечно, должны сохраняться и культуры, исконно традиционные для страны, но это в большей степени социальная компонента.

Мировая практика уже определила ряд таких стратегических культур. Это, в первую очередь, зерновые (пшеница, рис, кукуруза), соя, рапс, сахарная свекла, хлопчатник⁵. Именно эти культуры являются основными объектами для генно-инженерного модифицирования. Так, генетически модифицированные культуры выращивались в 2008 г. в 25 странах на площади 125 млн га, причем основные площади были заняты под биотехнологические сою (53%), кукурузу (30%), хлопчатник (12%) и рапс (5%)⁶. При этом в США доля генетически модифицированной сои в общем производстве сои достигла 85%, а кукурузы – более половины. Создана и готова к коммерческому выпуску и биотехнологическая пшеница, устойчивая к гербициду, успешно прошедшая испытания на пищевую безопасность. Она, однако, сознательно не используется в связи с тем, что это привело бы к резкому и кардинальному переделу мирового рынка пшеницы с совершенно непредсказуемыми социально-экономическими потрясениями, опасными для стабильности как собственно в странах – производителях пшеницы, так и международной.

Использование биотехнологических сельскохозяйственных культур приносит производителям и, соответственно, их странам ощутимую экономическую выгоду. Так, прямой доход фермеров в 2005 г. только на четырех основных культурах (соя, кукуруза, хлопчатник и рапс) вырос на величину около 5 млрд долл. США, а с учетом второго урожая сои в Аргентине – 5,6 млрд. И этот дополнительный доход равнялся 3,5–4% от общей стоимости мирового производства этих культур⁷.

СОХРАНЕНИЕ МАКСИМАЛЬНО ВОЗМОЖНОГО РЕЗЕРВА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Эффективная продовольственная безопасность не может определяться просто избытком в конкретный момент или наличием средств для закупки нужной продукции – она, скорее, определяется способностью страны в течение достаточно долгого времени гарантированно обходиться за счет своего внутреннего ресурса. А это неизбежно приводит к необходимости постоянно иметь в наличии резерв производственных мощностей, что означает в первую очередь интенсивное использование уже существующих сельскохозяйственных угодий с максимально возможным сохранением запаса залежных и целинных земель. Такой подход немаловажен и для эффективной природоохранной политики. Использование биотехнологических культур позволяет в полной мере интенсифицировать производство. Так, производительность при выращивании генетически модифицированных растений выросла за последние 10 лет в среднем на 31%⁸. Румынский опыт показывает, что выращивание генетически модифицированной сои может привести к росту производительности на 33% с традиционной соей и позволяет сократить число обработок полей химическими средствами защиты растений почти в три раза. С начала 2007 г. вступил в силу запрет на выращивание биотехнологической сои в Румынии (вызванный исключительно политическими причинами, связанными со вступлением страны в ЕС), и экономические убытки страны после введения запрета оцениваются в 100 млн долл. США ежегодно⁹.

В России потери на полях (еще до сбора урожая) в среднем составляют почти половину от всей потенциально производимой продукции – до 20% урожая теряется из-за сорняков, до 14% – из-за вредителей и до 15% – из-за патогенов¹⁰. В 2004 г. правительство Приморского края отказалось от выращивания кукурузы в связи с недостатком средств и возможностью справиться с давлением сорняков и насекомых-вредителей (несмотря на прекрасные климатические условия для выращивания данной культуры). Использование генетически модифицированных растений, устойчивых к насекомым-вредителям, возбудителям заболеваний и гербицидам¹¹, позволит кардинально улучшить производительность сельского хозяйства при экономии средств и рабочего времени.

Важнейшим ресурсом, обеспечивающим жизнь (не только биологическую, но и производственную, а также быт), являются пресная вода и ее запасы, включая эффективность использования водных ресурсов. Водные ресурсы и сельское хозяйство – связь очевидная, но этот тандем является еще и важным фактором, влияющим на безопасность и стабильность стран. Достаточно вспомнить недавний пограничный конфликт из-за водных ресурсов, необходимых для полива сельскохозяйственных полей, возникший между Таджикистаном и Киргизией, едва не переросший в вооруженное столкновение. Или смену президента Мадагаскара в марте 2009 г., в немалой степени связанную с водными проблемами... в Южной Корее. В связи с растущими проблемами продовольственного снабжения Южной Кореи и недостаточностью водных ресурсов для собственного производства концерн *Daewoo* подписал соглашение с Мадагаскаром о лизинге не менее половины сельскохозяйственных земель Мадагаскара с целью производства зерна для Южной Кореи. Недовольство условиями соглашения в большой степени привело к падению популярности президента. Недаром новое руководство страны в первую очередь дезавуировало соглашение с *Daewoo*¹².

Сельское хозяйство является крупнейшим потребителем пресной воды – оно требует не менее половины всей пресной воды, потребляемой в мире, а по прогнозам Продо-

вольственной и Сельскохозяйственной Организации Объединенных Наций, к 2030 г. эта доля возрастет до 60%. Для производства ежедневного пищевого рациона в расчете на одного человека расходуется до 5 тыс. л воды (производство 1 кг говядины требует 15 тыс. л; 1 кг основных зерновых – в среднем около 2 тыс. л воды). Не случайно одним из главных и достаточно успешных направлений сельскохозяйственной биотехнологии является создание растений, устойчивых к недостатку воды и растущих на засоленных почвах. Применение биотехнологических культур способствует использованию безотходной обработки земли, что позволило США только в одном 2002 г. сэкономить до 3,5 млрд долл. на очистке дренажных и ирригационных систем, сточных вод, питьевой воды. Сельское хозяйство вообще и пашня в частности являются одним из главных источников углекислого газа, попадающего в атмосферу в результате человеческой деятельности. Применение генетически модифицированных культур позволило только в 2005 г. снизить выбросы углекислого газа в атмосферу (за счет меньшего использования техники при обработке полей химическими средствами защиты растений и распространения безотходной обработки почвы) на 9 млн т, что равнозначно удалению с дорог почти 4 млн автомобилей¹³.

ВОПРОСЫ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ И ГЕОПОЛИТИКА

Обеспеченность производства собственными технологиями – основа продовольственной, да и не только продовольственной безопасности любой страны. И недаром Конвенция о биологическом разнообразии ООН призывает, чтобы странам, «...дающим генетические ресурсы, был предоставлен доступ к технологиям и к передаче технологий, использующих эти ресурсы, по взаимному согласию, включая технологии, защищенные патентами, и другую интеллектуальную собственность»¹⁴.

Вопросы собственности лежат в основе одного из главных аргументов противников сельскохозяйственной биотехнологии, равно как и антиглобалистов – «фермеры и страна потеряют в безопасности, попадая в зависимость от иностранных и транснациональных корпораций – основных производителей семян биотехнологических растений и средств защиты для них». Но, с одной стороны, на то и глобализация, что дает выбор, у кого покупать. И хотя основных производителей не много, но они разные и жестко конкурируют между собой, а с другой стороны, страны, сделавшие свой выбор в пользу сельскохозяйственной биотехнологии, находят свой способ обеспечения технологической независимости. Индия, например, главным образом использует механизм совместных предприятий, что дает в конечном итоге индийский продукт. КНР, объявив несколько лет назад сельскохозяйственную биотехнологию приоритетным направлением обеспечения национальной безопасности, осуществляет масштабные инвестиции в нее и запрещает иностранное инвестирование. Благо, КНР не испытывает недостатка в квалифицированных кадрах в лице репатриантов, которых направленно привлекает к генно-инженерным разработкам.

Механизмы создания прав собственности могут быть разными, но очевидно, что страна может ощущать себя полностью *защищенной* в том случае, когда главная часть используемых ею технологий принадлежит ей. Это повышает конкурентоспособность страны и может служить эффективным геополитическим инструментом. Недаром та же КНР расширила свое международное влияние именно через сельскохозяйственные технологии, став крупным донором Продовольственной и Сельскохозяйственной Организации Объединенных Наций, и выделила 30 млн долл. США в виде трастового фонда для поддержки совершенствования сельского хозяйства в развивающихся странах (в рамках программы «Задачи развития в Миллениуме»). В рамках соглашения КНР обеспечит экспертную техническую и образовательную помощь развивающимся странам, включая помощь сельскохозяйственными материалами и малым оборудованием¹⁵. Используя свои разработки в области биотехнологии растений, КНР укрепляет и региональное влияние. Так, Пакистан близок к тому, чтобы разорвать соглашение о намерениях с *Monsanto Company* о закупке и разработке технологии генетически модифицированного хлопчатника и приобрести аналогичную технологию у КНР, которая предлагает более выгодные финансовые условия. Не будет большой ошибкой предположить и то, что

существенное геополитическое влияние США, в особенности в развивающихся странах, связано с тем, что именно они являются крупнейшим поставщиком международной гуманитарной продовольственной помощи, сельскохозяйственных технологий и семян и основным сельскохозяйственным экспортером. Очевидно, что геополитическое влияние и сельскохозяйственный экспорт являются связанным синергическим механизмом – чем больше экспортируешь продовольствия и кормов, тем больше геополитическое влияние, а чем больше твое влияние, тем больше у тебя возможность промотировать именно свою продукцию, повышая свою конкурентоспособность, а следовательно, и безопасность.

ПРОБЛЕМА АГРОТЕРРОРИЗМА

Возможность террористической атаки сельскохозяйственных целей (агротерроризм) как угроза национальной безопасности серьезно рассматривается и изучается многими странами, особенно после 11 сентября 2001 г. Агротерроризм определяется как намеренное интродуцирование возбудителей заболеваний животных и растений с целью создания атмосферы страха, нанесения экономического ущерба и/или подрыва общественного порядка и стабильности¹⁶.

Вряд ли сельское хозяйство является первичной мишенью террористов, поскольку такая атака будет лишена главного – шокового фактора – уничтожения людей и материальных объектов *здесь и сейчас*, однако оно обладает уязвимостью. Потому растения, устойчивые к инструментам террористов – патогенам и вредителям, могут быть эффективным защитным средством. К тому же создание генетически модифицированных организмов всегда сопровождается разработкой и созданием диагностикумов и методов качественного и количественного определения ДНК, что является крайне важным для целей мониторинга и раннего обнаружения.

Конечной целью агротерроризма не является уничтожение животных и растений, это только средство причинения экономического вреда, главная и конечная его цель – создать атмосферу социальной напряженности и подорвать веру в правительство и его действия. И это – главная угроза стабильности и безопасности страны. Каждый имеет право на свое отношение к тем или иным технологиям, но зачастую происходит так, что оппонирование сельскохозяйственной биотехнологии основывается на мифических, а зачастую и ложных рисках с тем, чтобы было *доступней* обывателю. Огульной критике подвергаются решения органов государственной власти, призванных охранять здоровье и благополучие граждан, основанные на коллегиальных выводах профессиональных экспертов. Растиражированная средствами массовой информации в виде устрашающих сенсаций, эта *критика* превосходит террористической цели – сеет страх и недоверие к решениям правительства. И здесь крайне важную роль должно сыграть государство. Эта роль заключается в создании и реализации программы образования населения, что явится важнейшим вкладом в укрепление собственной же безопасности. Многие страны понимают это и действуют. Так, в сентябре 2008 г. КНР приняла решение об инвестировании 3,5 млрд долл. США в параллельные программы разработки и создания генетически модифицированных растений и образования потребителей¹⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Является ли сельскохозяйственная биотехнология панацеей для продовольственной и национальной безопасности? Вряд ли. Но она является очень сильным инструментом обеспечения этой безопасности. Особенно при сочетании с уже существующими традиционными технологиями.

При кажущейся доступности эффективное использование этой технологии не так просто: требуется соблюдение многих условий – страна не сможет эффективно использовать технологию без развитой биологической науки, сильной системы семеноводства и системы прав на интеллектуальную собственность. О роли образования общества

и общественных коммуникациях уже говорилось выше. Кроме того, как и любые живые организмы, обладающие свойствами, не присущими им изначально, сельскохозяйственные животные и растения требуют кропотливой и всесторонней оценки риска – как они будут взаимодействовать с окружающей средой, какое влияние на здоровье человека будут оказывать при их употреблении в пищу.

Очень точно современное отношение к потенциалу биотехнологии и к механизму ее использования было отражено в заключительном коммюнике лидеров стран G8 в Хоккайдо в июне 2008 г. – «ускорить исследования и создание и открыть доступ к новым сельскохозяйственным технологиям с целью увеличения сельскохозяйственного производства; мы будем продвигать научно обоснованный анализ риска, включая анализ вклада тех сортов, которые созданы при использовании биотехнологии».

Примечания

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет Безопасности Российской Федерации. 2009, 12 мая, № 537, <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (последнее посещение – 18 июня 2009 г.).

² Diamond Jared. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1997. P. 14.

³ Форд Генри. *Моя жизнь, мои достижения*. Л.: Время, 1924. С. 6–7.

⁴ Cartagena Protocol on Biosafety to the Convention on Biological Diversity.: UNEP, 2001. <http://www.cbd.int/biosafety/protocol.shtml> (последнее посещение – 18 июня 2009 г.).

⁵ Хлопчатник – не только важнейший источник волокна и масла. Его семена являются стратегическим резервом кормов для животных.

⁶ James Clive. *Global Status of Commercialized Biotech/GM Crops: 2008*. ISAAA Brief No. 39. ISAAA: Ithaca, NY., 2008.

⁷ Brookes G., Barfoot P. *GM Crops. The First Ten Years – Global Socio-Economic and Environmental Impacts*. ISAAA Brief No. 36. ISAAA: Ithaca, NY, 2006. P. 7.

⁸ Ibid.

⁹ Otiman I.P., Badea Elena Marcela, Buzdugan L.. Roundup Ready Soybean, a Romanian Story. *Bulletin UASVM Animal Science and Biotechnologies*, 65 (1-2), 2008. P. 352–357.

¹⁰ На основании данных отчета Отделения защиты растений РАСХН, 2003.

¹¹ Гербициды (от латинского *herba* – трава и *caedo* – убиваю) – химические вещества, применяемые для уничтожения растительности.

¹² *The Economist*, April 11th–17th, 2009. P. 52.

¹³ Brookes, G., Barfoot P. *GM Crops. The First Ten Years – Global Socio-Economic and Environmental Impacts*. ISAAA Brief No. 36. ISAAA: Ithaca, NY, 2006. P. 15.

¹⁴ Convention on Biological Diversity, Article 16. UN, 1992. <http://www.cbd.int/convention/articles.shtml?a=cbd-16> (последнее посещение – 18 июня 2009 г.).

¹⁵ Food and Agriculture Organization of the United Nations. <http://www.fao.org/news/story/en/item/10802/icode/> (последнее посещение – 18 июня 2009 г.).

¹⁶ *Agroterrorism: threats and preparedness*. CRS Report for Congress. Congressional Research Service, Updated March 12, 2007. Order Code RL32521

¹⁷ *GMO Compass*. http://www.gmo-compass.org/eng/news/stories/381.china_plans_invest_gm_crops_rd_consumer_education.html (последнее посещение – 18 июня 2009 г.).

ПРОГРАММА СТАЖИРОВОК ПИР-ЦЕНТРА ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН СНГ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПИР-Центр активно привлекает молодых талантливых специалистов из высших учебных заведений и исследовательских организаций России и других стран СНГ для реализации научного потенциала в рамках программы стажировок.

Ключевыми составляющими стажировки являются:

- подготовка научного доклада по одной из актуальных проблем международной безопасности;
- проведение встреч и интервью с научными сотрудниками и советниками ПИР-Центра, правительственными экспертами, представителями российских академических кругов по теме научной работы стажера;
- участие молодых специалистов в лекционных курсах, семинарах, конференциях, организуемых ПИР-Центром и другими ведущими московскими научно-исследовательскими организациями;
- информационно-аналитическая работа в рамках одного из действующих научных проектов.

Наиболее яркие и актуальные работы молодых специалистов находят отражение на страницах периодического издания ПИР-Центра *Индекс Безопасности*.

ПИР-Центр обеспечивает стажера компьютеризированным рабочим местом, постоянным доступом к Интернету и информационным ресурсам ПИР-Центра, средствами на проезд от места проживания в Москву и обратно, ежемесячной стипендией.

*По всем вопросам, связанным с программой стажировок, следует обращаться к координатору образовательных проектов Альберту **Зульхарнееву** по тел.: +7 (495) 987-1915 или по электронной почте zulkharneev@pircenter.org*

В 2002–2009 гг. в ПИР-Центре прошли стажировку аспиранты и студенты Алтайского государственного университета, Волгоградского государственного университета, Воронежского государственного университета, Дальневосточного государственного технического университета, Института Дальнего Востока РАН, Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, Нижегородского государственного университета, Новосибирского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Томского государственного университета, Тюменского государственного университета, Уральского государственного университета и др.

Юрий Федоров

ТУРКМЕНИЯ: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН?

В последние полтора-два года стратегическое значение Туркмении заметно возросло. В октябре 2008 г. британская компания *Gaffney, Cline & Associates* опубликовала результаты аудита нескольких новых месторождений на востоке страны. Похоже, природного газа в Туркмении на 6–7 трлн куб. м больше, чем предполагалось ранее¹. В обзоре мировой энергетики за 2009 г. корпорация *British Petroleum*, известная осторожным подходом к оценкам запасов нефти и газа, увеличила доказанные запасы газа в этой стране до 7,94 трлн куб. м, что более чем в три раза превышает предыдущие оценки². По запасам газа Туркмения может оказаться на шестом или седьмом месте в мире, обогнав Алжир, Нигерию и даже Саудовскую Аравию. Эти ресурсы становятся предметом обостряющегося соперничества России, Китая и европейских государств. От позиции Ашхабада во многом зависит судьба газопровода *Набукко*, имеющего большое значение для энергетической безопасности Европы, а также создание стратегических транспортных коридоров: Черное море–Грузия–Азербайджан–Туркмения, откуда одно ответвление идет в Афганистан, а другое в Узбекистан и далее – вплоть до Китая. Иными словами, Туркмения является своего рода *воротами* в глубинные области Центральной Азии. Наконец, это государство граничит с Ираном и Афганистаном, с которыми связаны наиболее болезненные проблемы современной мировой политики. Таким образом, выйдя из международной изоляции, в которую ее погрузил предыдущий режим, Туркмения стала важным *игроком* на геополитической сцене южной периферии бывшего СССР.

События в Туркмении противоречат концепции, по которой уход лидера авторитарного режима в стране с фрагментированной элитой неминуемо оборачивается острыми конфликтами кланов, соперничающих за власть и влияние. Эти столкновения чреваты нестабильностью, перерастающей в экстремальных случаях в паралич государственной власти, хаос и насилие. Эксперты Международной группы по урегулированию кризисов, одной из наиболее квалифицированных исследовательских организаций, писали в 2004 г.:

«Внезапная смерть Ниязова может породить альтернативные сценарии. Отсутствие консолидированной политической элиты, способной договориться относительно преемственности, а также недостаток эффективных государственных институтов порождают опасность ожесточенного противостояния, которое может дестабилизировать страну. Вероятность этого возрастает в связи с раздробленной структурой общества. ... Лидеры кланов нередко чувствуют себя ущемленными в вопросах правительственных назначений и распределения ресурсов. ... Вариант компромисса, по всей видимости, маловероятен ввиду конкуренции в высших эшелонах власти, а также в связи с тем, что находящаяся в изгнании оппозиция, заручившись потенциальной иностранной поддержкой, постарается, вероятно, вмешаться в ход событий»³.

А
Н
А
Л
И
З

Этот прогноз не оправдался. Поэтому анализ факторов политической стабильности в Туркмении позволит оценить перспективы страны, а также уточнить сценарии развития событий в Узбекистане и Казахстане, где приближается уход высших лидеров.

НОВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ РОЛЬ ТУРКМЕНИИ

В результате прихода к власти Гурбангулы Бердымухаммедова вместо апатичной страны, обособленной от внешнего мира, в Центральной Азии появился режим, внешнеполитическая активность которого привлекает серьезное внимание. Так, в 2007 г. Туркмению посетило более 300 официальных иностранных делегаций, а президент Бердымухаммедов совершил более 10 зарубежных визитов. В 2008 г. эти показатели заметно возросли. В Туркмении были приняты 422 официальные иностранные делегации, 14 из которых возглавлялись главами государств и правительств. Бердымухаммедов совершил в 2008 г. 15 визитов. По итогам официальных встреч и переговоров на высшем уровне в 2008 г. были подписаны 85 двусторонних договоров и соглашений. Не менее активна внешняя политика Ашхабада в 2009 г. Но дело не в цифрах, хотя и они достаточно красноречивы.

Ашхабад энергично реализует *многовекторную* стратегию, устанавливая и развивая отношения с возрастающим числом стран, которые, в свою очередь, заинтересованы в отношениях с Туркменией. При этом соблюдается принцип *постоянного нейтралитета*. В частности, Туркмения не участвует в ОДКБ и ШОС, а в 2005 г. объявила об изменении своего статуса в СНГ, став его ассоциированным членом. Фактически, это был разрыв с организацией, которую в Ашхабаде считают неэффективной и находящейся под влиянием Москвы. Одновременно туркменское руководство категорически опровергает периодически появляющиеся сообщения о планах создания на территории страны американских военных баз, возможного участия в гипотетической военной акции против Ирана и так далее. Однако по информации Министерства обороны США, в аэропорту Ашхабада производится дозаправка самолетов, доставляющих в Афганистан невоенные грузы, и там находится небольшой американский военный персонал⁴.

Главная внешнеполитическая задача Ашхабада – диверсифицировать маршруты экспорта газа, ликвидировав монополию России на транспортировку туркменского газа за пределы страны. Там хорошо помнят, что в 1997 г. *Газпром* прекратил закупки туркменского газа, после чего его производство упало практически до уровня внутреннего потребления, а техническое состояние газодобывающей промышленности было подорвано. В этом плане наибольшее значение придается строительству газопровода в Китай, который должен начать функционировать к концу 2009 г.⁵ В 2008 г. было решено увеличить со временем ежегодные поставки газа в Китай с 30 до 40 млрд куб. м в год. Китайско-туркменские отношения не ограничиваются этим проектом. В 2008 г. в Туркмении было зарегистрировано 49 китайских инвестиционных проектов с общим капиталом примерно 1,3 млрд долл. США и около 1,5 млрд юаней⁶. В июне 2009 г. было объявлено, что Китай предоставит Туркмении кредит в 4 млрд долл. для освоения гигантского газового месторождения Южный Йолотень⁷. Сотрудничество с Пекином рассматривается в Ашхабаде, помимо всего прочего, как способ сократить экономическую и, главное, транспортную зависимость от России.

Российско-туркменские отношения складываются сложно. Туркменское руководство болезненно отреагировало на российскую агрессию против Грузии в августе 2008 г. Заявление туркменского МИДа в связи с событиями в Южной Осетии было выдержано в подчеркнуто нейтральных тонах. «Туркмения выражает глубокую озабоченность и сожаление в связи с трагическими событиями, произошедшими в Южной Осетии, повлекшими массовые человеческие жертвы среди мирного населения, – говорилось в нем. – Туркмения поддерживает международные усилия по созданию атмосферы диалога в целях недопущения возобновления военного конфликта и решения гуманитарных вопросов, связанных с последствиями этой трагедии»⁸. Иными словами, Ашхабад не поддержал российскую трактовку войны против Грузии, что по канонам восточной дипломатии означает ее фактическое осуждение.

Москва стремится предотвратить военно-политическое сотрудничество Ашхабада с США, НАТО и Турцией, а также самостоятельный выход Туркмении на европейский газовый рынок. Российская дипломатия играет на инстинктивном недоверии туркменского истеблишмента к западным странам. В Ашхабаде раздражены позицией последних по вопросу прав человека, опасаются, что рано или поздно они поддержат демократические перемены в Туркмении, хотя пока оснований для таких перемен нет. Кроме того, военно-политическое сближение с Западом может вызвать патологическую реакцию Москвы вплоть, как показывают августовские события на Кавказе, до военной интервенции. Этого туркменская элита хотела бы избежать.

Обостряются противоречия между Москвой и Ашхабадом в энергетической области. Россия пытается сорвать строительство газопровода *Набукко*, добивается сооружения Прикаспийского газопровода и модернизации газопровода Средняя Азия–Центр с тем, чтобы максимально сохранить газотранспортную зависимость Туркмении от России. Это вызывает растущее недовольство туркменского руководства. Свидетельства тому – непропорционально резкая реакция Ашхабада на аварию на газопроводе Средняя Азия–Центр 9 апреля 2009 г., безрезультатные переговоры в Москве в конце марта 2009 г. по Прикаспийскому газопроводу, отказ Бердымухаммедова от присоединения к этому газопроводу будущего внутреннего туркменского трубопровода Восток–Запад, а также объявление международного тендера на его строительство.

Но наибольшую важность имеет нормализация отношений Туркмении с Узбекистаном и Азербайджаном, которые были основательно испорчены бывшим туркменским президентом Сапармуратом Ниязовым. В частности, в конце 2002 г. в разгар внутривнутриполитического кризиса в Туркмении Ниязов обвинил узбекское руководство во вмешательстве во внутренние дела страны, выслал узбекского посла и придвинул к границе войска. И хотя узбекско-туркменское противостояние было несколько смягчено после встречи Сапармурата Ниязова и узбекского президента Ислама Каримова в Бухаре в 2004 г., отношения между двумя странами были весьма напряженными вплоть до появления в Ашхабаде нового руководства. Теперь же Каримову присвоено звание Почетный старейшина туркменского народа. Этого титула он был удостоен «за заслуги в развитии дружественных отношений» между двумя странами, а также «за особый вклад в повышение уровня политических, экономических и культурных отношений» между Туркменией и Узбекистаном.

Еще важнее динамика отношений с Азербайджаном. Дипломатические отношения с Баку были разорваны во второй половине 1990-х гг. в результате конфликта из-за разграничения секторов в Каспийском море. После смены власти в Ашхабаде эти отношения восстановлены: лидеры двух государств посещают друг друга, подписаны соглашения, регулирующие двусторонние отношения в различных областях. Но до сих пор не решен вопрос о прохождении линии границы в Каспийском море. Эта проблема в очередной раз обострилась летом 2009 г., став одним из препятствий для осуществления проекта *Набукко*.

Нормализация отношений Туркмении с Узбекистаном и – в перспективе – с Азербайджаном имеет принципиальное значение. Она открывает возможность, пока теоретическую, формирования своего рода *стратегического пояса*, включающего в себя совокупность двусторонних и многосторонних экономических и военно-политических соглашений, а также систему коммуникаций и трубопроводов, охватывающую Грузию, Азербайджан, южную часть Каспия, Туркмению и Узбекистан. В их числе могут быть транскаспийские трубопроводы, соединяющие будущие гигантские казахстанские морские нефтепромыслы в районе Кашагана и не менее впечатляющие газовые месторождения Туркмении с терминалами вблизи Баку. Если это произойдет, международно-политическая ситуация в южной части бывшего Советского Союза радикально изменится. Гораздо более заметную роль может играть ГУАМ, или, в случае возвращения в эту организацию Узбекистана, ГУУАМ. Тогда возникнет реальная перспектива создания Великого шелкового пути, соединяющего Китай и Европу.

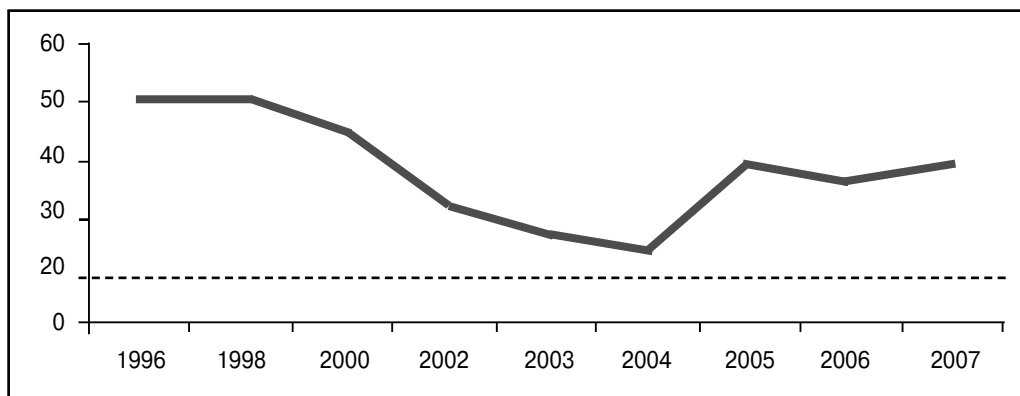

ТУРКМЕНСКИЕ КЛАНЫ И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Туркмения может стать одним из центральных элементов новой системы международных отношений, формирующейся в Центральной Азии и Каспийском регионе. Но реализация этой возможности во многом зависит от развития событий в самой Туркмении. После прихода к власти Бердымухаммедова в центре внимания оказался вопрос о демократизации или, по крайней мере, *декомпрессии* туркменского режима. Вопрос этот, по сути дела, бессодержателен. Никакой демократизации в Туркмении не происходит и, судя по всему, не намечается. В практическом плане на первое место сегодня выходит проблема стабильности режима Бердымухаммедова.

Многие полагают, что режим Ниязова отличался некоторой *окаменелой* стабильностью. Однако время от времени борьба за власть в Туркмении заметно обострялась, и положение Ниязова было не таким прочным, как это могло казаться со стороны. В частности, динамика индекса политической стабильности, рассчитываемого экспертами Мирового банка, показывает, что в 1998–2004 гг. политическая стабильность в Туркменистане снизилась примерно в два раза⁹. Это свидетельствует о серьезном политическом кризисе. К 2005 г. она возросла, но не достигла уровня середины 1990-х гг.

Диаграмма 1. Индекс политической стабильности в Туркменистане в 1996–2007 гг.¹⁰

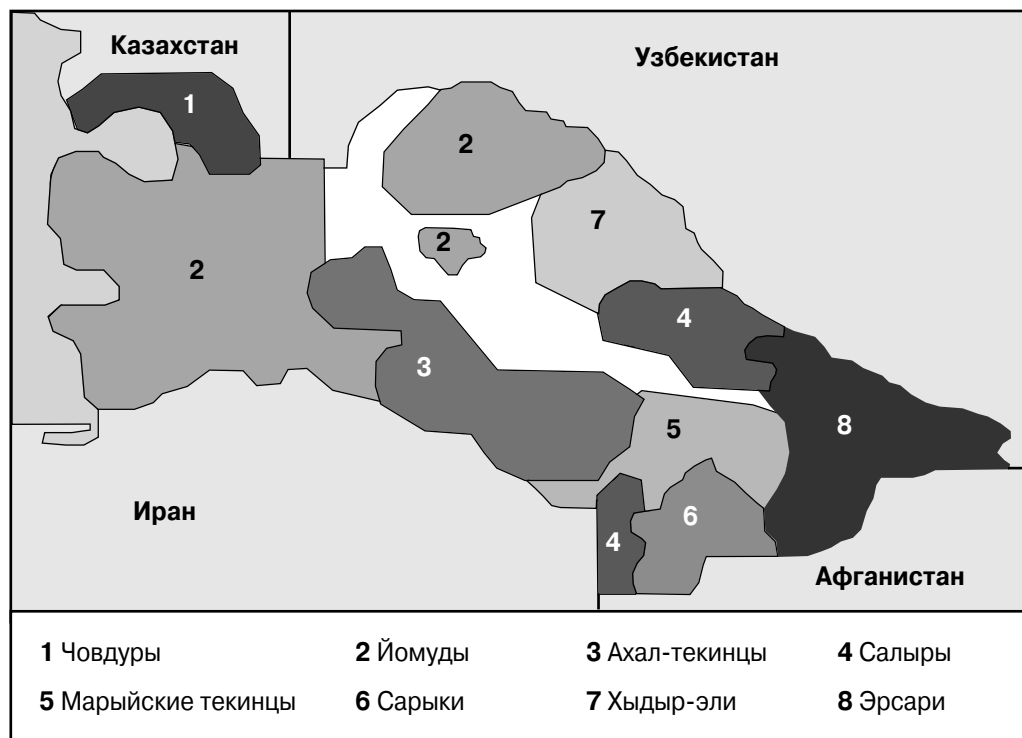

Индекс политической стабильности (*Диаграмма 1*) отражает лишь общую направленность социальных изменений, но не раскрывает их причины и механизмы. В авторитарных государствах стабильность достигается, с одной стороны, подавлением протестных выступлений масс, с другой – сохранением баланса между соперничающими элитными группировками, чтобы ни одна из них не заняла доминирующее положение в бюрократической системе. Иными словами, авторитарный лидер должен, скорее, выступать в роли своего рода *верховного арбитра*, регулирующего отношения между конкурирующими кланами, а не как глава узкой правящей клики, имеющей монополию на власть. В противном случае возникает скрытая нестабильность, которая может обрести открытые формы по мере ослабления властных потенций правящей верхушки.

Перспективы нынешнего режима в Туркмении во многом обусловлены его предысторией. Государственность в Туркмении возникла лишь после гражданской войны 1918–1922 гг. Тогда же началось не завершившееся полностью формирование туркменской нации. Сегодня имеет место множественная самоидентификация: люди воспринимают себя и как туркмен, и как представителей определенного племени, и как членов тех или иных семейно-родственного кланов, землячеств и др. Крупный специалист по Туркмении Шохрат Кадыров назвал туркмен *нацией племен*. Он писал: «Советские туркмены как нация зародились в 1924 г., когда впервые появляется само понятие «Туркменистан». До того туркмены идентифицировали себя преимущественно по признаку кланового родства, а не по признаку общности территории. У них не было опыта централизованного управления племенными федерациями»¹¹.

Среди примерно 20 племен, образующих туркменскую нацию, основную роль играют теке (текинцы), составляющие около 40% населения, йомуды и эрсари. Эти племена находятся в сложных, иногда конфликтных отношениях. За власть и влияние конкурируют ахал-текинцы, населяющие столичный Ахалский велаят (в прошлом Ашхабадская область), и марыйские текинцы, живущие в Марыйском велаяте (в прошлом Марыйская область). Как и в других обществах, разделенных на этнические и племенные группы, земляческие и родственные кланы, внутренняя политика в Туркмении во многом сводится к соперничеству верхушечных слоев такого рода общностей за политическую власть, контроль над бюрократическим аппаратом и привлекательными экономическими объектами.

Карта 1. Расселение основных племен Туркменистана¹².

Политика Москвы в республиках бывшего СССР строилась на основе известного принципа *divide et impera*. В Туркмении, как пишет Шохрат Кадыров, «на первом этапе советская метрополия укрепляла свои позиции, опираясь на сильное племенное землячество (ахалтекинское). После того, как власть Москвы окрепла (послевоенный период), ставка была сделана на ослабление сильного племени путем передачи главных постов в партии, правительстве и парламенте фигурантам из периферийных землячеств»¹³. Логика такой политики прозрачна – относительно слабые кланы нуждаются в поддержке центра для сохранения своей власти, а сильные, например, принадлежащие к ахал-текинцам столичного региона, вынуждены обращаться к центру для того, чтобы отстаивать свои интересы в условиях, когда власть принадлежит конкурентам из других племен, землячеств и кланов. От этой практики Москва отказалась лишь в 1985 г., назначив первым секретарем ЦК компартии принадлежащего к ахал-текинцам Сапармурата Ниязова. Он начал массивную смену кадров, обосновывая ее обновлением аппарата в целях перестройки, но на деле расставляя на сколько-нибудь значимые посты лояльных людей из Ахалского велаята.

Авды Кулиев, бывший первым министром иностранных дел Туркмении после 1991 г., составил список 23 крупных семейно-родственных кланов, контролировавших основные

сегменты туркменской экономики и бюрократического аппарата в последние годы советской власти. Большинство из них состояли из представителей ахал-текинцев (9 кланов) и йомудов (7 кланов). Йомудские кланы, в свою очередь, подразделялись на три более мелких родоплеменных группировки, выделяемых по географическому признаку: кизил-арватскую, близкую к ахал-текинской, балканскую и ташаузскую. Марыйские текинцы были представлены двумя кланами: эрсари, населявшие нынешний Лебапский вelayat (в прошлом Чарджоуская область), и салыры¹⁴.

После краха СССР Ниязов создал авторитарный режим, считавшийся одним из наиболее жестоких и одновременно карикатурно-нелепых. До конституционной реформы 2008 г. формально высшей властью был Халк маслахаты (Народное собрание), состоявший из примерно 2500 членов и собиравшийся раз в год. В состав Халк маслахаты входили по должности президент, члены правительства и другие высшие чиновники, руководители территориальных органов власти, общественных организаций и политических партий. Но фактически вся власть в стране принадлежит президенту, который является также главой правительства. Поскольку все члены Халк маслахаты назначались на свои посты президентом, именно последний *де-факто* формировал этот, по Конституции, высший орган власти. Меджлис (парламент), в котором насчитывалось 50 депутатов, никакой роли не играл.

Ниязов систематически *выдавливал* из властных институтов представителей элитных кланов, сформировавшихся в советский период. Главным инструментом внутренней политики стали регулярные чистки и ротации кадров, в результате которых доминирующее положение в органах власти заняли выходцы из Ахалского вelayata, в массе своей не принадлежащие к туркменской элите позднего советского периода. Помимо всего прочего, такая политика противопоставляла ахал-текинскую элиту всем другим кланам и тем самым вынуждала ее спланиваться вокруг президента, который являлся главным и, возможно, единственным гарантом ее политического и даже физического выживания. «Целью Ниязова, – писал оппозиционный туркменский веб-сайт *Эркин Туркменистан*, – является не возвеличивание ахалтекинцев и, тем более, не превращение Туркменистана в государство ахалтекинцев, а противопоставление их другим племенам, чтобы вызвать ненависть к ним со стороны других племен. Ниязов в какой-то степени достиг своей цели. Туркменские племена в настоящее время с недоверием относятся к ахалтекинцам. Это недоверие подогревается некоторой частью региональной, то есть родоплеменной элиты, являющейся носителем сепаратистских идей»¹⁵.

Лишь немногие из ближайшего окружения Ниязова не принадлежали к ахалтекинцам. Среди них главную роль играли начальник службы безопасности президента Акурад Реджепов¹⁶, выходец из Чарджоуской области (ныне Лебапский вelayat), и, как считали многие эксперты, негласный патрон чарджоуской группировки, помощник президента Виктор Храмов и заместитель управляющего делами аппарата президента Александра Жадан. Эти персонажи входили в узкий круг приближенных Ниязова, которым удалось уцелеть в круговерти кадровых чисток, заканчивавшихся нередко длительным тюремным заключением или неожиданными смертями. К концу 1990-х гг. верхние слои большинства региональных и семейно-родственных кланов, в прошлом игравших видную роль в стране, были либо лишены влияния, либо репрессированы, либо вынуждены бежать из страны. В частности, в середине 1990-х гг. Туркмению покинули Валерий Отчерцов¹⁷, близкий к Ниязову партийный аппаратчик, бывший после 1991 г. одним из главных *архитекторов* режима, и один из ключевых туркменских деятелей первой половины 1990-х гг. Назар Суюнов, занимавший пост вице-преьера¹⁸.

НОМЕНКЛАТУРНАЯ ОППОЗИЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 2000–2003 ГГ.

К 2000 г. напряженность между Ниязовым и значительной частью государственного аппарата, озабоченного регулярными чистками, достигла критического уровня. Принятое в декабре 1999 г. решение Халк маслахаты и Совета старейшин об утверждении Ниязова пожизненным президентом еще более обострило обстановку, поскольку перечеркнуло возможность смены лидера легальным путем. Линия Ниязова на вытеснение *старых*

кадров не могла не вызывать сопротивление бывших советских номенклатурных кланов и связанных с ними группировок первого поколения элиты независимой Туркмении, которым угрожала потеря привилегированных позиций и нередко свободы.

Ведущую роль в возникшей к концу 1990-х гг. номенклатурной оппозиции играл Борис Шихмурадов¹⁹, бывший первый заместитель Ниязова по Совету обороны и безопасности Туркменистана, вице-премьер и министр иностранных дел, входивший до 1997–1998 гг. в узкий круг наиболее близких президенту фигур. Осенью 2001 г. Шихмурадов бежал из страны. Видимо, у него имелись сторонники в бюрократическом аппарате и службах безопасности Туркмении, которые он курировал в 1990-е гг. В опубликованном в мае 2002 г. интервью Шихмурадов сделал несколько любопытных заявлений. Он заявил, что с 1998 г. вел «вялотекущую борьбу с Туркменбаши», обвинил его в узурпации власти, имея в виду решение о пожизненном президентстве, обозначив тем самым начальные моменты и некоторые спусковые механизмы развития кризиса. По его словам, у эмиграции «налажена система взаимодействия с людьми внутри страны ... Наши люди, – подчеркнул Шихмурадов, – есть во всех влиятельных группах как ашхабадской, так и региональной элиты»²⁰. О существовании внутренней оппозиции Ниязову говорили и другие лидеры эмиграции. В частности, весной 2002 г. Авды Кулиев заявил, что сигнала к решительному выступлению против Ниязова ждут 4 тыс. человек²¹.

Возможно, это не слишком сильно расходилось с действительностью. О нарастании недовольства в туркменской элите свидетельствуют действия самого Ниязова. Так, летом 2001 г. был утвержден список номенклатурных работников, которым был запрещен выезд из Туркмении²². Это было одной из мер борьбы с номенклатурной оппозицией. В 2000–2001 гг. из Туркмении бежало немало чиновников и дипломатов высокого уровня. Большая часть из них перешла в оппозицию Ниязову и добивалась его свержения.

Наиболее веским доказательством эскалирующего кризиса была беспрецедентная кадровая чистка 2001–2003 гг. Она глубоко затронула не только бюрократию, но и основу основ деспотического режима – органы безопасности и армию. В июне 2001 г. тогдашний шеф туркменских чекистов Мухаммед Назаров стал советником президента и куратором всех силовых ведомств. Осенью 2001 г. под удар Комитета национальной безопасности попал туркменский МИД. Но уже в марте 2002 г. сам Назаров был смещен со всех постов и посажен в тюрьму. Судьбу Назарова разделили два его заместителя, а к началу апреля 2002 г. было арестовано около 60 высокопоставленных сотрудников Комитета национальной безопасности (КНБ). Шефом госбезопасности был назначен министр внутренних дел Поран Бердыев, но в октябре 2002 г. он был смещен с этого поста, а через месяц убит при подозрительных обстоятельствах²³.

Не избежало крупных неприятностей руководство армии. Весной 2001 г. был осужден заместитель министра обороны генерал-полковник А.С. Солтанов. Он был обвинен в том, что помогал Шихмурадову продавать военную технику талибам²⁴. В июне 2001 г. новым министром обороны Туркмении был назначен заместитель шефа КНБ, начальник военной контрразведки Гурбанберды Бегенджов. В марте 2002 г. он был заменен Реджепбаем Овезовым, возглавлявшим до этого меджлис²⁵. В мае 2003 г. под суд попал в прошлом близкий соратник Ниязова, второй человек в армии, начальник Генерально-го штаба генерал-лейтенант Сердар Чарыяров²⁶.

Это – лишь отдельные примеры вакханалии отставок и приговоров видным деятелям режима, которую вряд ли можно объяснить интригами придворных клик, соперничающих за доступ к диктатору. Она, скорее, свидетельствует о панике, охватившей Ниязова в результате роста оппозиционных настроений, в том числе в силовых ведомствах. Другой причиной могло быть падение режима талибов в Афганистане. В отличие от других центральноазиатских властителей, Ниязов поддерживал с талибами тесные отношения. Туркменские спецслужбы и МИД организовали в 1990-х гг. переброску наркотиков из Афганистана в Россию и далее в Европу²⁷. Ниязов всерьез опасался, что его связи с талибами и вовлеченность в наркобизнес могут побудить США и, не исключено, Россию сделать ставку на оппозицию и привести ее к власти. Действительно, появились основания для свержения режима, уличенного не только в сотрудничестве с исламскими экстремистами, но и в торговле наркотиками.

Напряженность достигла апогея в конце 2002 г. 25 ноября 2002 г. рано утром кортеж Ниязова был обстрелян. По одним сведениям, были ранены, а по другим – убиты двое нападавших. Сам Ниязов заявил, что «убийцы перестреляли друг друга» и сразу же после инцидента назвал имена лиц, явившихся, по его мнению, организаторами нападения: Шихмурадов; бывший вице-премьер и глава Центрального банка Худайберды Оразов; бывший посол в Турции Нурмухаммет Ханамов и бывший заместитель министра сельского хозяйства Сапармурат Ыклымов. Все они находились в эмиграции и входили в высший совет оппозиционного Народно-демократического движения Туркменистана²⁸. В тот же день туркменские спецслужбы арестовали 16 человек, обвиненных в участии в покушении. В содействии им сразу же были обвинены российские спецслужбы, но через несколько дней было сказано, что оппозиционеры получали помощь и поддержку не из России, а из Узбекистана. Узбекский посол Абдурашид Кадыров был объявлен *персоной нон грата*, а на границу с Узбекистаном была переброшена мотострелковая дивизия²⁹. В конце декабря 2002 г. было объявлено об аресте Шихмурадова. Официальная версия гласит, что Шихмурадов скрывался в посольстве Узбекистана и добровольно сдался властям. Некоторые источники утверждают, что он был арестован в Москве или в Киеве и передан Ниязову. Но наиболее распространенным является мнение о том, что он был вынужден вернуться в Туркмению, чтобы спасти от пыток и гибели находящихся там родственников.

Невиданная быстрота расследования (согласно сообщениям властей, организаторы были установлены уже через несколько часов после покушения) свидетельствует, что, скорее всего, оно было инсценировано властями для обоснования новой волны репрессий. Были арестованы более 60 человек, главным образом, представители первого поколения постсоветской элиты. Среди них: бывший начальник пограничной службы Акмурад Кабулов, Сапармурат Сеидов, в середине 1990-х гг. руководивший КНБ, бывший глава МИД Батыр Бердыев, бывший глава Дашогузской области Язгельды Гундогдыев и бывший заместитель председателя КНБ Оразмухаммед Бердыев³⁰.

Политический кризис 1999–2003 гг. завершился победой Ниязова, хотя и не полной. Он репрессировал, вытолкнул в эмиграцию или запугал ведущие фигуры первого поколения постсоветской элиты, составлявшие верхушку семейно-родственных и земляческих кланов. На освобождавшиеся посты в бюрократическом аппарате назначались, главным образом, выходцы из Ахалского региона. Однако полной уверенности в лояльности новых выдвинутых и переживших бурный период 1999–2003 гг. аппаратчиков *первой волны* у Ниязова не было. Хотя масштаб репрессий сократился, чистки и хаотическая ротация кадров продолжались. В частности, в 2005 г. под суд попали тогдашний министр нефти и газа Ильяс Чарыев, Реджеп Сапаров, занимавший в 1992–2002 гг. пост вице-преьера, а затем – руководителя администрации президента, а также вице-премьер, курировавший стержневую в туркменской экономике нефтегазовую отрасль, Еллы Курбанмурадов. Сапаров и Курбанмурадов играли в первой половине нынешнего десятилетия ключевые роли в аппарате и рассматривались как возможные преемники Ниязова, что, видимо, сыграло печальную роль в их судьбе. В 2006 г. в тюрьме оказалась Генеральный прокурор Туркмении Курбанбиби Атаджанова, занимавшая этот пост в течение 10 лет и считавшаяся фанатичной поклонницей диктатора.

Ядро оппозиции сохранилось в эмиграции в России и некоторых европейских странах. Это позволяло Москве влиять на Ниязова, шантажируя его перспективой формирования некоего туркменского правительства в изгнании. Не исключено, что опасения Ниязова относительно поддержки Россией оппозиционных кругов стали одной из причин, побудивших его заключить в 2003 г. соглашение о колоссальных поставках газа в Россию вплоть до 2028 г. Но самое главное, что сложившаяся в советский период система *сдержек и противовесов*, основанная на балансе различных родоплеменных элит, бюрократических клик и экономических лобби, была деформирована в результате усиления позиций ахал-текинских кланов. Это заложило предпосылки новых политических конфликтов и нестабильности, поскольку дискриминированные группировки вряд ли смиряются с сокращением политического влияния и ущемлением экономических интересов.

ОПЕРАЦИЯ ПРЕЕМНИК В ТУРКМЕНСКОМ СТИЛЕ

По официальной версии, Ниязов умер от сердечного приступа в 1 час 10 минут 21 декабря 2006 г. Иногда утверждают, что туркменский диктатор был убит ближайшим окружением. Это утверждение, не исключено, тоже имеет некоторые основания. Высшая туркменская номенклатура вполне могла пойти на устранение непредсказуемого, капризного и жесткого диктатора, действия которого угрожали самому ее существованию. Блестящая формула мадам де Сталь о том, что «политический строй России есть самодержавие, ограниченное удавкой», справедлива по отношению к любому деспотическому режиму. Есть и конкретные факты. В частности, последний раз Ниязова видели живым 15 декабря 2006 г. 17 декабря 2006 г. в Ашхабаде были собраны высокопоставленные пограничные офицеры. На следующий день они спешно выехали на места, чтобы закрыть пограничные переходы³¹. Но – и это самое главное – трудно избавиться от впечатления, что окружение Ниязова было готово к его смерти и действовало быстро, согласованно и решительно, словно по заранее разработанному и хорошо продуманному плану.

Дальнейший ход событий широко освещался прессой, но основные моменты стоит обозначить. Они важны для понимания развития ситуации в последующие месяцы. Статья 60 Конституции Туркменистана в редакции 2003 г. предусматривала, что в случае неспособности президента исполнять свои обязанности «до избрания нового Президента его полномочия переходят к Председателю Меджлиса. Выборы Президента ... должны быть проведены не позже двух месяцев со дня перехода его полномочий к Председателю Меджлиса. Лицо, исполняющее обязанности Президента Туркменистана, не может баллотироваться кандидатом в Президенты»³². Иными словами, временно исполняющим обязанности президента должен был стать тогдашний спикер парламента Овезгельды Атаев, причем баллотироваться на пост президента он не смог бы. Однако через несколько часов после смерти Ниязова Атаев был арестован и на следующий день смещен со своего поста. Ему инкриминировалось смешное по туркменским понятиям деяние: запретив сыну жениться на девушке «по мотивам племенной вражды», он спровоцировал ее на попытку самоубийства. Через несколько месяцев Атаев был осужден на пять лет тюремного заключения.

Реальная власть оказалась в руках Государственного совета безопасности, своего рода хунты, который иногда вежливо называли *инициативной группой*. В нее входили министр национальной безопасности Гельдымухаммет Ашырмухаммедов, министр внутренних дел Акмаммет Рахманов, министр обороны Агагельды Мамметгельдыев, руководитель Государственной пограничной службы Байрам Аловов, генеральный прокурор Мухамметгулы Огшукков и руководитель службы безопасности президента Акмурад Реджепов. Иногда в эту группу включали министра иностранных дел Рашида Мередова. Неформальным лидером хунты считался Реджепов.

По закону Государственный совет безопасности не имел властных полномочий. Он был создан в разгар политического кризиса начала десятилетия как совещательный орган при президенте. Но именно на экстраординарном совещании Государственного совета безопасности и Кабинета министров было решено утвердить временно исполняющим обязанности президента Бердымухаммедова, бывшего на тот момент вице-премьером и министром здравоохранения, а также немедленно созвать заседание Халк маслахаты и рекомендовать ему поддержать кандидатуру Бердымухаммедова. 26 декабря 2006 г. Халк маслахаты выполнил эту рекомендацию, а также изменил положение конституции, запрещавшее исполняющему обязанности президента баллотироваться кандидатом в президенты. Кроме того, были отобраны кандидаты в президенты, среди которых, разумеется, оказался Бердымухаммедов. Как и ожидалось, он одержал победу на выборах 11 февраля 2007 г. подавляющим большинством голосов.

Альтернативные президентские выборы поначалу воспринимались как признак демократизации. На самом деле, они свидетельствовали не столько о склонности к демократии, сколько о политическом инстинкте то ли самого Бердымухаммедова, то ли всей *инициативной группы* и о стремлении создать позитивный имидж нового лидера за рубежом. При этом Бердымухаммедов ничем не рисковал. Его *соперники* были тщательно

отобраны, хорошо понимали свою роль в предстоящем спектакле и отнюдь не стремились выиграть выборы. Строго говоря, ни у кого из них не было шансов на победу, даже если бы выборы проходили честно. Не было шансов на победу и у лидеров находящейся в эмиграции оппозиции, если бы у них была возможность участвовать в выборах. Туркменский эмигрантский веб-сайт Объединенной демократической оппозиции Туркменистана опубликовал в начале 2007 г. любопытные наблюдения: «Поначалу многие люди очень хотели, чтобы в выборах участвовала и оппозиция. Но после интервью с представителями оппозиции, показанных по российскому телевидению, ... очень многие стали говорить, что эти люди ничего хорошего стране не принесут. ... Люди опасаются, что оппозиция может привести страну к цветной революции и последующему хаосу, что еще больше ухудшит их жизнь»³³.

Спокойная смена власти объясняется сочетанием нескольких факторов. В результате массовых чисток были устранены или вытолкнуты на обочину политической и экономической жизни лидеры семейно-родственных кланов, землячеств и бюрократических группировок, способные в иной ситуации составить конкуренцию *инициативной группе* туркменских силовиков, захвативших власть 21 декабря 2006 г. После ареста в 2005 г. Сапарова и Курбанмурадова в стране не осталось деятелей, достаточно влиятельных, чтобы претендовать на высший пост. Кроме того, поначалу сама *инициативная группа* оказалась достаточно сплоченной. А потому кто-либо, находящийся в здравом уме, вряд ли рискнул бы противодействовать согласованным действиям руководителей всех силовых ведомств. Но если бы между ними были открытые конфликты, то в борьбу за власть могли бы вступить различные землячества, кланы и региональные группировки. Наконец, бюрократический аппарат был *измотан* неопределенностью своего положения в результате кадровой политики Ниязова. Ввязываться в борьбу за власть означало бы еще более усугубить нестабильность, чреватую для большинства чиновников негативными последствиями.

Другой вопрос – почему преемником был выбран именно Бердымухаммедов? Одна версия состоит в том, что *инициативная группа* остановилась на нем именно потому, что он не имел собственной силовой базы и опоры в бюрократическом аппарате. В эмигрантских кругах его пренебрежительно называли *стоматологом*, имея в виду образование и должность начальника стоматологического центра, которую он занимал в середине 1990-х гг. Утверждалось даже, что его возвышение связано с тем, что он лечил зубы Ниязову. Последнее вызывает серьезные сомнения. Туркменский диктатор вряд ли доверил бы свои зубы директору местного стоматологического центра, имея возможность пригласить квалифицированных врачей из-за границы.

Предполагалось, что Бердымухаммедов не мог составлять конкуренцию членам хунты, но одновременно перекрывал возможность выдвижения на высшую власть кого-либо из них самих. Это позволяло сохранить баланс сил в высшем эшелоне и предотвратить открытую борьбу за власть, по крайней мере, в ближайшие месяцы после смерти Ниязова. Иными словами, Бердымухаммедов рассматривался как фигура, устраивающая силовиков именно в силу своей слабости. Такая ситуация типична для авторитарных режимов. Но, как показывает история, многие персонажи, считавшиеся слабыми и временными, переигрывали своих соперников и надолго утверждались на политическом Олимпе. Именно это произошло в Туркмении.

Представление о том, что Бердымухаммедов – фигура слабая и не способная к самостоятельным действиям, не учитывала особенности его пути к власти. Он был назначен на пост министра здравоохранения в мае 1997 г., а вице-премьером – в апреле 2001 г.³⁴. Иными словами, к началу 2007 г. он имел почти десятилетний стаж пребывания в высших эшелонах туркменской иерархии. Для того чтобы удержаться в этом качестве и не попасть под маховик репрессий, требовались не только недюжинные изворотливость, приспособленчество и склонность к интригам, но также умение разбираться в людях, в том числе и в самом Ниязове, выстраивать тактические коалиции, находить слабости у соперников и соратников и пользоваться ими, наконец, ум. Последующие события показали, что Бердымухаммедов оказался намного сильнее тех, кто помог ему

подняться на высшую ступень власти. Однако вопрос о том, насколько стабилен его режим, остается открытым.

ПСЕВДОРЕФОРМЫ

После прихода Бердымухаммедова к власти многие аналитики стали искать в его заявлениях и действиях признаки демократических реформ. С одной стороны, это связано с искренним и вполне справедливым убеждением в том, что лишь демократизация может вывести туркменское общество из авторитарного тупика. С другой стороны, для западных и даже некоторых российских политиков, заинтересованных в сотрудничестве с Туркменией, важно убедить себя и других, что там происходят позитивные перемены, улучшается ситуация с соблюдением прав человека и т.п.

Никаких демократических реформ в Туркмении не происходит. После смерти Ниязова были лишь отменены некоторые его наиболее одиозные решения, болезненно сказывавшиеся на и без того тяжелом положении населения и усугублявшие технологическую отсталость Туркмении. Восстановлены десятилетнее школьное образование и полный курс обучения в высших учебных заведениях. Увеличено число студентов, обучающихся в России, Турции и некоторых других странах. Воссоздана Академия наук Туркменистана, ликвидированная Ниязовым в 1993 г. Намечается восстановить сеть поликлиник и стационаров в районных центрах и отдельных аулах, хотя на практике это сдерживается острой нехваткой медицинских кадров. Сохранены государственные субсидии населению, в том числе на бесплатное получение определенных объемов газа, воды и электроэнергии. Принято решение о льготном отпуске бензина. Восстановлены пенсии, ликвидированные Ниязовым для некоторых категорий населения, введено пенсионное обеспечение для лиц, не имевших трудового стажа. В Ашхабаде открыто несколько интернет-кафе, работающих под контролем Министерства национальной безопасности. Открываются библиотеки в районных центрах. Государственным организациям разрешено выписывать научно-популярные литературу и печатные издания из России и некоторых других стран. Вновь открыт театр оперы и балета, закрытый Ниязовым с тем объяснением, что балет ему непонятен. Появились пункты по обмену валюты. Были помилованы 11 из 60 с лишним человек, осужденных по делу о покушении на Ниязова, в том числе бывший верховный муфтий Туркмении Насрулла ибн Ибадулла³⁵.

Это практически полный список предпринятых Бердымухаммедовым мер по смягчению режима и облегчению жизни населения. Их можно назвать *рационализацией* режима, имея в виду избавление от самых иррациональных и нелепых проявлений. Они никоим образом не свидетельствуют ни о демократизации политической системы, ни об осуждении прошлого режима. Демонтаж культа личности Ниязова принял характер *десакрализации* персонально бывшего лидера, а не созданного им режима. В неприкосновенности остались основные механизмы жесткого идеологического и полицейского контроля над населением. В частности, сохранилось положение, объявляющее всех, кто сеет сомнения в правильности политики президента, изменниками родины³⁶. Иллюстрацией нынешних туркменских нравов стало чтение направляемых за границу писем на глазах у отправителей. Разумеется, перлюстрация почтовых отправлений имела место в Туркмении, как и практически во всех странах с авторитарными режимами, при Ниязове. Однако открытого просмотра отправлений до этого момента не осуществлялось³⁷. Остаются в тюрьмах ведущие деятели *номенклатурной оппозиции*, в том числе Шихмурадов.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАССИВНОСТЬ МАСС

Сколько-нибудь полные сведения, характеризующие социально-экономическое положение населения, либо засекречены туркменскими властями, либо просто отсутствуют, поскольку такого рода проблемами власти не интересуются. Однако можно уверенно предположить, что Туркмения относится к самым бедным странам мира. Так, по данным

Всемирного банка, в 1988 г. среднедушевой доход 62% населения был менее 4,3 долл. США в день. К 1998 г. состояние дел ухудшилось. По сопоставимым данным почти 80% населения имели среднедушевой доход менее 4,3 долл. в день, 44% – менее 2,15 долл. в день и 25% – менее 1,15 долл. в день³⁸.

В условиях массовой застойной нищеты даже минимальное улучшение положения население воспринимает как подарок судьбы и правительства, что стабилизирует режим. При этом для туркменского менталитета идеи демократии и прав человека мало знакомы и чужды. Шохрат Кадыров писал о «социальной недоразвитости, незрелости национального самосознания, которые президентская власть усугубила». «Туркменское общество, – подчеркнул он, – как и многие аграрные этносы, наивно и консервативно. Все советское время, исключая период басмачества, оно молчало и приспосабливалось»³⁹. В сочетании с крайне низким уровнем жизни это предопределяет пассивность населения, его сосредоточенность на проблемах выживания и обеспечения минимального материального благополучия, а не на крупных социальных и политических вопросах, позволяет манипулировать настроениями масс со стороны власть предержащих.

Кроме того, в результате идеологической индоктринации во время правления Ниязова в Туркмении сформировался значительный слой молодых людей, не имеющих адекватного представления о внешнем мире, воспринимающих происходящее сквозь призму примитивных националистических мифов. Для этой весьма активной категории населения, ставшей одной из социальных опор власти, постсоветская Туркмения является идеальным государством. В свою очередь, немногочисленные носители демократических взглядов были либо репрессированы, либо эмигрировали, либо вынуждены скрывать свои убеждения.

КАДРОВЫЕ ПЕРЕСТАНОВКИ

Политическая пассивность масс означает, что стабильность режима зависит от состояния дел в элите. В начале 2007 г. некоторые исследователи писали о неизбежной замене *аинституционального* режима неограниченной личной власти, созданного Ниязовым, *олигархической структурой*, в которой ключевые решения будут «результатом сложных согласований интересов внутри коллективного руководства»⁴⁰. Последняя более стабильна, чем моноцентрическая система, в которой власть концентрируется в руках одного человека и узкой группы его доверенных лиц. Однако в Туркмении сохранилась прежняя архитектура власти. Происходящие изменения затрагивают, прежде всего, персональный состав правящей группировки. Практика Ниязова постоянной перетряски кадров продолжается, хотя судебные преследования и аресты высших чиновников являются сегодня исключением из правил.

Не оправдались предположения, что после смерти Ниязова власть будет принадлежать руководителям силовых ведомств, обеспечившим выдвижение Бердымухаммедова и переназначенным им сразу после инаугурации в феврале 2007 г. *Инициативная группа* была ликвидирована в первые месяцы 2007 г. В мае 2007 г. был арестован начальник Службы безопасности президента Реджепов, считавшийся главным действующим лицом событий декабря 2006 – февраля 2007 гг. Началась чехарда кадровых перестановок и отставок в силовых ведомствах. 9 апреля 2007 г. был уволен министр внутренних дел Акмамед Рахманов. На его место был назначен Ходжамырат Аннагурбанов, до января 2007 г. возглавлявший отдел полиции одного из районов Ашхабада. 8 октября 2007 г. Аннагурбанов был освобожден от должности и лишен звания подполковника полиции. Вместо него был назначен бывший до этого ректором Военной академии Оразгелди Аманмырадов⁴¹. Он продержался на этом посту до мая 2009 г., когда был заменен Исендером Муликовым⁴².

Похожие события происходили в Министерстве национальной безопасности (МНБ). В феврале 2007 г. при формировании нового правительства после президентских выборов министром национальной безопасности был переназначен Гельдымухаммет Ашырмухаммедов⁴³. В октябре 2007 г. он *по состоянию здоровья* в возрасте 50 лет был отстранен от должности. Руководителем МНБ был назначен Чарымырат Аманов, ранее за-

нимавший должность заместителя председателя службы по регистрации иностранных граждан⁴⁴.

В марте 2008 г. генеральный прокурор Туркменистана Мухамметгулы Огшуков, занимавший эту должность с апреля 2006 г., был заменен Чары Ходжамырадовым, бывшим до того председателем Верховного суда. Объясняя причины отставки Огшукова, Бердымухаммедов упомянул нечистоплотность и своекорыстие работников прокуратуры⁴⁵. В свою очередь, председателем Верховного суда Туркменистана назначен Яранмырат Язымырадов⁴⁶.

Отставки руководителей МВД, МНБ и генеральной прокуратуры сопровождались кадровыми переменами на более низких уровнях. Были заменены многие заместители министров, начальники управлений МВД и МНБ большинства велаятов и т.д. В целом же, к началу 2009 г. из шести членов *инициативной группы* сохранили свои должности только двое – министр обороны Агагельды Мамметгельдыев⁴⁷ и начальник пограничной службы Байрам Аловов⁴⁸. Оба они были сняты со своих постов 21 января 2009 г. во время очередной перетасовки руководящих кадров. Аловов был уволен со стандартной формулировкой «за серьезные недостатки в работе» и понижен в звании. В отличие от него, бывший министр обороны Агагельды Мамметгельдыев был отправлен на пенсию с почетом и благодарностью за «верное служение Родине»⁴⁹. На место Аловова был назначен Мырат Ысламов, ранее занимавший пост начальника Государственной службы Туркменистана по борьбе с наркотиками⁵⁰. Должность министра обороны занял Яйлым Бердиев, прежде служивший председателем Государственной таможенной службы⁵¹. Судя по отрывочным данным, попавшим в прессу, большинство новых руководителей силовых ведомств сделали карьеру в службе, занимавшейся регистрацией иностранных граждан, то есть контролем за ними. Видимо, по каким-то причинам выходцы из этой организации считаются наиболее лояльными Бердымухаммедову.

Однако в Центральной Азии не менее важными являются должности руководителей экономических ведомств. Как правило, если их руководители находятся на постах более или менее долго, ключевые позиции в этой отрасли занимают близкие к нему или к ней члены соответствующего земляческого или семейно-родственного клана, которые либо фактически приватизируют наиболее привлекательные предприятия, либо манипулируют финансовыми потоками в собственных интересах. В результате распределение постов в правительстве между представителями различных кланов обуславливает экономическое благосостояние соответствующих групп и, следовательно, степень их лояльности или оппозиционности руководству страны.

За полтора года, прошедшие после избрания Бердымухаммедова президентом Туркмении, состав правительства претерпел кардинальные изменения. К апрелю 2009 г. сохранили свои посты в правительстве лишь три человека, назначенные в свое время Ниязовым⁵². Доминирующее положение в кабинете министров, в который, помимо министров, входят также генеральный прокурор, председатель Верховного суда, глава Центрального банка и руководитель пограничной службы, занимают выходцы из Ахалского велаята. В 2008 г. из 37 членов кабинета 27 составляли ахалские текинцы, 3 – уроженцы Марыйского велаята, 3 – Балканского, 1 – Лебапского, 1 – Дашоузского, у 1 в качестве места рождения указана Москва, а о месте рождения еще 1 не сообщается⁵³. Эмигрантские круги утверждают, что многие назначенцы Бердымухаммедова связаны с ним родственными отношениями.

В близкое окружение президента входят несколько лиц, назначенных в большинстве своем на нынешние посты сразу после прихода к власти Бердымухаммедова и сохраняющих их вплоть до сего дня. Среди них – два вице-преьера: министр иностранных дел и одновременно заместитель председателя кабинета министров Мередов⁵⁴ и Хыдыр Сапарлыев, ведающий образованием, наукой, здравоохранением, культурой, средствами массовой информации и общественными организациями⁵⁵. К близким Бердымухаммедову деятелям относятся помощник президента Виктор Храмов, которого иногда называют *вторым человеком* в Туркмении⁵⁶, руководитель аппарата президента и одновременно заведующий общим отделом кабинета министров Иклымберды Паромов⁵⁷,

а также министр национальной безопасности Чарымырат Аманов, находящийся на этом посту с октября 2007 г. Это, по-видимому, означает, что президент им доволен.

Мотивы конкретных кадровых решений, как правило, остаются неизвестными, хотя некоторые слухи все-таки просачиваются сквозь плотные стены правительственных дворцов Ашхабада. Так, в начале 2007 г. по бюрократическим кругам туркменской столицы ходили слухи о том, что осенью 2006 г. Ниязов поручил МНБ собрать компрометирующие материалы с тем, чтобы возбудить уголовное дело против Бердымухаммедова по обвинению в коррупции. По другим слухам, Ашырмухаммедов был против выдвижения Бердымухаммедова на президентский пост и даже сам претендовал на него.

В процессе смены кадров Бердымухаммедов, судя по всему, решает две задачи. *Во-первых*, создание опоры в бюрократическом аппарате, службах безопасности и армии из людей, в личной лояльности которых он не сомневается. *Во-вторых*, ему необходимо подобрать на ключевые должности лиц, не только лояльных, но и при этом имеющих хотя бы минимальную квалификацию в соответствующей области. Последнее далеко не просто. Система высшего образования в Туркмении заметно деградировала после распада СССР. Большинство управленцев высшего и среднего звена славянского происхождения, составлявшие в последние годы советского периода костяк профессионально подготовленных кадров, либо находятся в отставке, либо покинули страну. А туркменская элита первого постсоветского периода, имевшая определенные технические знания и управленческие навыки, была разными путями вытеснена из аппарата управления во время правления Ниязова.

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА 2008 Г.

О сложной ситуации внутри элиты косвенно свидетельствует проведенная в 2008 г. конституционная реформа. В сентябре 2008 г. новая Конституция была утверждена Халк маслахаты. Были введены несколько принципиальных новаций:

- ликвидирован Халк маслахаты, а его полномочия распределены между президентом и Меджлисом;
- президент получил право назначать и снимать хакимов (руководителей исполнительной власти) велаятов, этрапов (районов) и городов, которые ранее, хотя это была пустая формальность, назначались решением не президента, а представительных органов власти;
- закреплена роль Государственного совета безопасности. В том числе, если президент «по тем или иным причинам не может исполнять свои обязанности, впредь до избрания нового Президента на должность временно исполняющего обязанности Президента Туркменистана на основании решения Государственного совета безопасности Туркменистана назначается один из заместителей Председателя Кабинета Министров»;
- президент не обязан согласовывать с Меджлисом кандидатуру министра национальной безопасности, хотя такое согласование предусмотрено для генерального прокурора, министра внутренних дел и председателя Верховного суда;
- число депутатов Меджлиса увеличено с 50 до 125 человек.

Выборы нового состава Меджлиса состоялись в декабре 2008 г. Тогда же прекратил существование Халк маслахаты. Официально его устранение объясняется тем, что это изживший себя, громоздкий и неработоспособный институт. Это справедливо. Но с момента своего создания Халк маслахаты выполнял сугубо декоративные функции. Его громоздкость и неэффективность при Ниязове никого не волновали. При подготовке конституционной реформы в мае 2008 г. Бердымухаммедов говорил не о ликвидации Халк маслахаты, но о существенном ослаблении его – пусть формальной и декоративной – роли в политической системе. Предполагалось сократить число членов Халк мас-

лахаты, и преобразовать его в «совещательный, консультативный орган народного представительства». В случае же чрезвычайной ситуации, по словам Бердымухаммедова, «должен быть задействован Совет государственной безопасности Туркменистана», которому должен быть придан конституционный статус⁵⁸.

Иными словами, весной 2008 г. в высших кругах Туркмении предполагали сохранить Халк маслахаты, пусть в качестве консультативного органа. По логике дела, это отвечало интересам региональных кланов и, возможно, скрытым соперникам Бердымухаммедова. Но последний смог переломить сопротивление и добиться решения о ликвидации Халк маслахаты. Причина этого, скорее всего, состоит в том, что среди двух с половиной тысяч членов этого органа большинство принадлежало представителям региональных и местных элит, следовательно, верхушечным слоям племенных, земельных и семейно-родственных кланов. Разумеется, эти люди назначались на свои посты и, таким образом, становились членами Халк маслахаты решениями президента. Но последний, как правило, не мог назначать представителями тех или иных регионов или районов лиц, не имеющих с этими местами связей.

Это беспокоило Бердымухаммедова. В случае политического кризиса Халк маслахаты мог неожиданно обрести решающее влияние, поскольку формально он является высшей властью в стране. И если в силу каких-либо политических или экономических пертурбаций позиции правящей клики ослабнут, ее соперники вполне могут использовать этот орган для борьбы за власть. К тому же контролировать 2,5 тыс. его членов гораздо труднее, чем 125 членов Меджлиса. Что же касается права президента назначать региональных и районных руководителей, а также без согласования с Меджлисом министров национальной безопасности, обороны и руководителя пограничной службы, то эти обстоятельства комментарию не требуют.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ

В Туркмении происходит смена основных идеологических лозунгов. Если при Ниязове постсоветский период именовался «золотым веком Туркменистана», то с 2008 г. эта страна вступила в «эпоху великого Возрождения». В начале января 2008 г. Бердымухаммедов сменил своего пресс-секретаря, являвшегося одновременно главным редактором официального президентского вестника, и произвел перестановки в руководстве министерства культуры и телерадиовещания. Официальные комментарии сводились к тому, что эти перестановки были связаны с жесткой критикой в адрес редакций средств массовой информации, прозвучавшей на заседании правительства. Бердымухаммедов, в частности, заявил, что «в работе СМИ отсутствуют творческий подход и жанровое разнообразие, мало по-настоящему интересных программ и публикаций»⁵⁹.

О том, что это не случайный эпизод, свидетельствовало происшедшее через несколько дней совещание руководителей средств массовой информации и представителей творческой интеллигенции. Установочная речь президента содержала несколько принципиальных положений. *Во-первых*, заявил Бердымухаммедов, «туркменскому обществу нужна абсолютно новая идеология, опирающаяся на реалии и требования нового времени». Тем самым было признано, что предыдущая доктрина, изложенная в «Рухнаме» и нацеленная на обожествление Ниязова, устарела и требует замены.

Во-вторых, новая идеология должна быть нацелена на обоснование авторитарного патерналистского режима. Основопологающим элементом, по словам президента, должен стать девиз *государство для человека*. Раскрывая это положение, он заявил: «В первую очередь, это, конечно же, сильное государство, которое ... обеспечивая политическую стабильность внутри и вокруг страны, создает благоприятные условия для развития национальной экономики и формирования общества, основными принципами которого являются гуманизм, социальная справедливость и высокая духовность. Сильное государство – это сильная власть плюс хорошо работающие законы, позволяющие надежно защищать безопасность граждан, их права и свободы, обеспечивать возможности для всестороннего развития личности, ее самовыражения и реализации творческого

потенциала»⁶⁰. Смысл этого заявления вполне прозрачен: безопасность граждан в обмен на стабильность, то есть на отказ этих граждан от оппозиционной деятельности.

В-третьих, новая туркменская идеология должна обеспечивать техническую модернизацию страны, освоение достижений мирового научно-технического прогресса, сохраняя при этом национальные корни и самобытность туркменского общества. Это абсолютно понятная установка. Туркменское руководство понимает, что экономические и социальные эксперименты Ниязова подвели страну к критической черте и дальнейшее ее выживание требует существенного повышения образовательного уровня, освоения современных технологий и т.д. Но модернизация должна быть ограничена технической сферой, не затрагивать политическую систему. Отсюда тезис о сохранении национальной самобытности, который обычно используется авторитарными режимами для полемики со сторонниками демократических перемен.

В-четвертых, перед средствами массовой информации были поставлены две задачи. Первая – изменить сознание людей, их отношение к таким понятиям, как ответственность и обязательность, долг перед Родиной и обществом. Вторая – пропагандировать «ту стабильность, что царит во всех областях государственной и общественной жизни, в том числе в работе органов государственной власти и управления, нашу идеологическую открытость, привлекательность национальной экономики для иностранных инвесторов в свете последних инициатив по реформированию государственной системы и созданию единого правового поля»⁶¹.

СОБЫТИЯ СЕНТЯБРЯ 2008 Г.

В сентябре 2008 г. в Ашхабаде произошли события, суть которых не ясна до сих пор, но которые подтверждают, что политическая ситуация в стране далеко не так стабильна, как хотели бы представить власти. Фактическая канва этих событий выглядит следующим образом⁶². В пятницу 12 сентября 2008 г. группа вооруженных людей захватила завод питьевой воды на севере Ашхабада, неподалеку от международного аэропорта и Каракумского канала и, по некоторым сообщениям, около полусотни заложников. В девять часов вечера 12 сентября власти ввели в городе комендантский час и начали штурм завода. В операции, которая продолжалась до вечера 13 сентября, была использована бронетехника, в том числе танки. Весь следующий день в Ашхабаде сохранялись усиленные меры безопасности и проводились массовые облавы. Власти официально признали потери сотрудников правоохранительных органов, но о количестве погибших и раненых не сообщалось. По неофициальным данным, погибло до 20 сотрудников МВД и МНБ. На заседании Государственного совета безопасности 15 сентября 2008 г. (что само по себе является событием чрезвычайным) Бердымухаммедов сообщил, что силы правопорядка уничтожили банду контрабандистов наркотиков.

Эта версия правдоподобна, но требует комментариев. То, что через Туркмению, через пограничный с Афганистаном Марыйский велаят, проходит крупный канал транспортировки наркотиков, хорошо известно. Традиционно его контролируют крупные марыйские кланы вместе с туркменскими пограничными службами и частью правоохранительных органов. Вплоть до указанных событий серьезных проблем у наркоторговцев с властями не было. Поэтому если столкновения 12–13 сентября 2008 г. действительно были между правоохранительными органами и наркодельцами, то причиной этого, скорее всего, были разногласия между марыйскими кланами и центральной властью. Эти разногласия могли касаться как распределения доходов от наркоторговли, так и иметь политический характер.

Другая версия заключается в том, что в сентябре 2008 г. произошло выступление группы исламских экстремистов. Последние намеревались выдвинуть или на самом деле выдвинули требование признать страну Исламским государством Туркменистан. Это должно было произойти на последней сессии Халк маслахаты 26 сентября 2008 г., на которой должна была быть принята новая Конституция Туркмении. Предполагается, что костяк группы прибыл из Афганистана, в ней участвовали боевики Исламского дви-

жения Узбекистана. Появилась информация, что исламисты пользовались поддержкой некоторых офицеров вооруженных сил и органов безопасности Туркмении.

СТАБИЛЬНОСТЬ РЕЖИМА

События 12–13 сентября 2008 г. высветили вопрос, насколько прочным является режим Бердымухаммедова. Это ключевой вопрос, в том числе и потому, что крупные инвестиции, необходимые для увеличения добычи газа, вряд ли будут вложены в страну с высокими политическими рисками.

Фактором стабильности является пассивность масс. Кроме того, в стране практически отсутствует оппозиция. Немногочисленные организации демократического толка, появившиеся в конце 1980-х – начале 1990-х гг., прежде всего, общество Агзыбирлик, были разгромлены органами безопасности Ниязова в 1992–1993 гг. На нелегальном положении находится Коммунистическая партия Туркменистана, из документов которой известно лишь Обращение к народу Туркменистана, опубликованное в 2005 г. Практически все остальные оппозиционные группы базируются за рубежом, в основном в Москве⁶³. Их возглавляют, главным образом, видные деятели *номенклатурной оппозиции*, о реальных возможностях которых в Туркмении ничего не известно. Скорее всего, политические перспективы этих организаций связаны лишь с гипотетическим российским вмешательством в Туркмении с целью создания пророссийского режима. Однако пока это сугубо теоретическая возможность.

Вместе с тем есть обстоятельства, заставляющие сомневаться в подлинной стабильности режима Бердымухаммедова. Весьма симптоматичны перманентные кадровые перемены в бюрократическом аппарате. Они свидетельствуют о трудностях в формировании лояльной Бердымухаммедову группы лиц, на которых он может более или менее уверенно полагаться. Особое значение имеют такого рода перестановки в силовых ведомствах, поскольку в авторитарных режимах лояльность армейских кругов и служб безопасности представляет собой один из ключевых факторов стабильности режима. В целом же Бердымухаммедов продолжает политику Ниязова, предполагающую доминирование собственной группировки в экономической жизни и бюрократической системе. В итоге власть и связанные с ней возможности эксплуатации тех или иных отраслей экономики в личных и клановых интересах концентрируются в руках узкой группы наиболее приближенных к диктатору лиц. Это неизбежно вызывает недовольство отстраненных от власти группировок, а их большинство. В свое время Ниязов обессилил клановые группировки позднего советского периода, как ахалские, так и контролирувавшие иные регионы. Это серьезно ослабило соперников правящей сегодня в Туркмении клики. Однако клановая структура туркменского общества и элиты сохранилась и, соответственно, появляется новая генерация клановых лидеров, которые либо уже вступают, либо вскоре вступят в борьбу за власть. 🐾

Примечания

¹ По результатам аудита низкая оценка запасов газового месторождения Южный Иолотань-Осман на юго-востоке Туркмении составляет 4 трлн кубометров газа, оптимальная – 6 трлн, а высокая – 14 трлн. См.: Соловьев Владимир. Переменник родины. *Коммерсантъ*. 2009, 23 октября.

² BP Statistical Review of World Energy. June 2009, P. 22.

³ Repression and regression in Turkmenistan: A new international strategy. International crisis group. Asia Report N 85, 2004, 4 November, P. 21.

⁴ Deirdre Tynan. Turkmenistan: Ashgabat Hosts US Military Refuelling, Resupply Operations. *Eurasia Insight*. 2009, 7 August, http://www.eurasianet.org/departments/insightb/articles/eav070809_pr.shtml (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

⁵ В Ашхабаде прошли переговоры по газопроводу Туркменистан–Китай. 2009, 9 марта, http://www.turkmenistan.ru/?page_id=3&lang_id=ru&elem_id=14670&type=event&sort=date_desc (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).

⁶ Rewriting Future: China-Turkmenistan Relations Fly High. *NCA Report and commentary*. 2008, September 1, <http://www.newscentralasia.net/Articles-and-Reports/305.html> (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).

⁷ Нурмурадов Амангельды. Туркменистан направит китайский кредит на освоение газового месторождения. *РИА Новости*. 2009, 25 июня, <http://www.rian.ru/economy/20090625/175441022.html> (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

⁸ В Ашхабаде подписаны российско-туркменские соглашения о сотрудничестве. 2008, 30 августа, http://www.gundogar.org/?topic_id=25&year=2008&month=8 (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

⁹ Индекс политической стабильности представляет собой процент государств, политическая стабильность которых, по мнению экспертов, ниже, чем в данном государстве. См.: The World Bank. The Worldwide Governance Indicators (WGI) project. http://info.worldbank.org/governance/wgi/sc_chart.asp# (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

¹⁰ Там же.

¹¹ Кадыров Шохрат. Туркменистан: институт президентства в клановом постколониальном обществе. *Евразия*, <http://turkmeny.h1.ru/analyt/a4.html> (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

¹² Кадыров Шохрат. Туркменистан: четыре года без СССР. 1996. С. 52.

¹³ Кадыров Шохрат. Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра. A Special Report for the Conference «The Turkmenistan: not on Orange revolution but Regional?», Oslo. 2005, 6 June, http://igpi.ru/bibl/other_article/1119947605.html (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

¹⁴ Кулиев Авды. Туркменская элита – взгляд изнутри. *Eurasia Internet*. http://www.eurasia.org.ru/archive/2001/top5/03_20_Elita.htm (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).

¹⁵ Родоплеменная принадлежность не может разъединять нас. *Эркин Туркменистан*. <http://www.erkin.net/news/analitika/rodoplem.html> (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).

¹⁶ Акмурад Реджепов родился (примерно) в 1952 г., в Чарджоуской области (ныне Лебапский велаят). Эрсари. В 1974–1979 гг. учился в Высшей школе КГБ в Москве. В 1979–1980 гг. служил в Управлении КГБ по Чарджоуской области. В 1980–1985 гг. работал в охране первого секретаря ЦК Компартии Туркмении (также выходца из Чарджоуской области) Мухаммедназара Гапурова до снятия последнего с должности в 1985 г. После назначения Ниязова в 1985 г. на должность первого секретаря Компартии Туркмении Реджепов продолжил работу в его охране. В 1990 г. стал руководителем личной охраны Ниязова. Костяк охраны составляли сотрудники КГБ славянских национальностей. В 1991 г. Реджепов стал начальником Службы безопасности президента, получившей статус специальной службы, имеющей право вести оперативно-розыскную деятельность, ставшей наиболее влиятельной спецслужбой Туркмении, доминирующей над Министерством национальной безопасности Туркменистана и другими силовыми и правоохранительными структурами. По разным свидетельствам, насчитывала в своем составе до двух-трех тысяч человек. Сын Реджепова Нурмурад до кончины Ниязова был заместителем посла в ОАЭ. По слухам, курировал финансовые операции Ниязова через структуры в ОАЭ. Большинство туркменских наблюдателей предполагают, что именно Реджепов был руководителем группы лиц, пришедших к власти в Туркменистане после кончины Ниязова, одно время рассматривался как ведущая политическая фигура страны. 15 мая 2007 г. указом президента Бердымухаммедова снят с должности с формулировкой «в связи с переводом на другую работу». Через несколько дней арестован и затем осужден на длительный срок. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

¹⁷ Валерий Георгиевич Отчерцов родился в 1945 г. в Иркутской области. В 1969 г. окончил Ижевский механический институт. В 1969–1978 гг. – освобожденный комсомольский работник, в том числе второй секретарь ЦК ЛКСМ Туркменистана. В 1978–1979 гг. – заместитель заведующего отделом науки ЦК КП Туркменистана. В 1979–1986 гг. – второй секретарь Ашхабадского горкома КП Туркменистана. В 1986–1990 гг. – заведующий отделом организационно-партийной и кадровой работы ЦК КП Туркменистана. С 1990 по 1991 г. – заместитель Председателя Верховного Совета Туркменистана. В 1991–1996 гг. – заместитель председателя кабинета министров Туркменистана. По некоторым данным, одновременно министр экономики и финансов. Освобожден от должности в «связи с отъездом за пределы Туркменистана, по личной просьбе и в связи с семейными обстоятельствами». С 23 августа 1996 г. – советник-посланник по экономическим вопросам посольства в России. С 1997 г. – первый вице-президент группы компаний *ИТЕРА*, одновременно с 1999 г. по настоящее время – президент *ИТЕРА холдинг*. Отчерцову приписывают

следующее высказывание: «Туркмен не понимает, что такое государство, он его не может отличить от колхоза, – ему дай побольше власти, возможность хвастаться и воровать, и он счастлив, – ему больше ничего не надо...». См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

¹⁸ Назар Союнов (Суюнов) родился в 1936 г. в городе Небит-Даг Красноводской области (ныне Балканский велаят). Йомуд. Окончил Азербайджанский институт нефти и химии (1959), Московский институт управления народным хозяйством при Госкомитете науки и техники СССР (1974), АОН при ЦК КПСС (1982). Канд. эконом. наук. В 1965–1967 гг. – главный инженер-первый заместитель председателя Государственного геологического комитета Туркменистана. В 1967–1978 гг. – начальник Управления геологии при Совете министров Туркменистана, председатель Государственного комитета по геологии ТССР. В 1978–1985 гг. – заместитель председателя Совета министров, министр иностранных дел. В 1985–1987 гг. – начальник Управления геологии ТССР. В 1987–1990 гг. – генеральный директор производственного объединения *Туркменгеология*. В 1990–1994 гг. – член Президентского Совета, председатель Комитета по топливно-экономическому комплексу и промышленности при Президентском совете. С 1990 г. – заместитель главы правительства, одновременно министр нефти и газа. В 1994 г. освобожден по собственному желанию в связи «с переходом на другую работу». В 1995 г. покинул страну. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

¹⁹ Борис Шихмурадов родился в Ашхабаде в 1949 г. в семье крупного работника МГБ СССР. Окончил факультет журналистики МГУ и Дипломатическую академию МИД СССР. В 1971–1992 гг. – сотрудник АПН, МИД СССР, работал в посольствах СССР в Пакистане и Индии. В 1992 г. – заместитель, первый заместитель министра иностранных дел Туркмении. С 1992 г. – заместитель председателя кабинета министров Туркменистана. В 1995–1999 гг. – одновременно министр иностранных дел Туркменистана. В июле 2000 – марте 2001 гг. – посол по особым поручениям – специальный представитель президента по вопросам статуса Каспийского моря и урегулирования ситуации в Афганистане, ректор Туркменского национального института спорта и туризма, президент Национального Олимпийского комитета Туркменистана. В марте-ноябре 2001 г. – посол в КНР. В октябре 2001 г., находясь в Москве, принял решение не возвращаться в Туркмению. 1 ноября 2001 г. выступил с официальным заявлением о переходе в открытую демократическую оппозицию Ниязову и создании Народного демократического движения Туркменистана (НДДТ). Был объявлен в розыск Генеральной прокуратурой Туркмении по обвинению в незаконной продаже пяти боевых самолетов *СУ-17*, хищении 9 тыс. автоматов и 1,5 млн патронов. 25 декабря 2002 г. арестован в Ашхабаде. 29 декабря 2002 г. приговорен к 25 годам лишения свободы за попытку государственного переворота и организации покушения на Ниязова. 30 декабря 2002 г. Халк маслахаты заменил этот приговор на пожизненное заключение. Брат Бориса Шихмурадова – Константин, 1951 года рождения, арестован в начале декабря 2002 г. Сын Константина Мурад 1981 года рождения арестован в Ашхабаде 21 марта 2001 г., через четыре дня после отъезда Бориса Шихмурадова в Пекин; осужден на 25 лет лишения свободы за преднамеренное убийство по предварительномуговору. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

²⁰ Сафронов Рустем. Ночь Длинных языков. *Новая Газета*, 2002, 30 мая.

²¹ Там же.

²² Панфилова Виктория. Хан может миловать, а может казнить. *Независимая Газета – Дипкуррьер*, 2004, 21 июня.

²³ Туркменские спецслужбы. *Агентура.ру*, <http://www.agentura.ru/dossier/turkmen> (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).

²⁴ Панфилова Виктория, Кадыров Шохрат. Туркменбаши боится военного переворота. *Независимая Газета*, 2003, 28 мая.

²⁵ Туркменские спецслужбы. *Агентура.ру*, <http://www.agentura.ru/dossier/turkmen> (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).

²⁶ Панфилова Виктория, Кадыров Шохрат. Туркменбаши боится военного переворота. *Независимая Газета*, 2003, 28 мая.

²⁷ Бывший заместитель руководителя Центрального банка Туркмении Аннадурды Хаджаев сообщил о практике хранения крупных партий наркотиков в сейфах Центрального банка и последующей их транспортировке за рубеж через вип-зал Ашхабадского аэропорта. По его словам, этот канал наркотрафика курировали бывший начальник Службы безопасности президента Реджепов и заместитель главы управления делами президента Жадан. Панфилова Виктория. Хан может миловать, а может казнить. *Независимая Газета – Дипкуррьер*, 2004, 21 июня.

- ²⁸ Панфилова Виктория. Кто стрелял в Туркменбаши. *Независимая Газета*, 2002, 27 ноября.
- ²⁹ Джемаль Орхан. Кто стрелял в Туркменбаши? *Новая Газета*, 2003, 20 января.
- ³⁰ Джемаль Орхан. В Ашхабаде приговоры пекут как чуреки. *Новая Газета*, 2003, 23 января.
- ³¹ Мухамедов Батыр. Президент дошел до Кондиций. *Новая Газета*, 2007, 9 августа.
- ³² Конституция Туркменистана (редакция 15 августа 2003 г.), <http://www.centrasia.ru/cnt.php?st=5> (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).
- ³³ Хемраев М. Туркменистан. Как запад страны воспринял кончину Баши (репортаж с мест), 2007, 7 февраля, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1170835860> (последнее посещение – 14 сентября 2009 г.).
- ³⁴ Гурбангулы Бердымухаммедов родился в 1957 г. в Ахалском велаяте. До 1995 г. занимал третьестепенные должности. В 1995 г. назначен директором стоматологического центра министерства здравоохранения и медицинской промышленности Туркменистана. 28 мая 1997 г. назначен министром здравоохранения и медицинской промышленности Туркменистана. Под его руководством были осуществлены крайне одиозные решения, в том числе закрытие районных больниц и поликлиник. 3 апреля 2001 г. назначен вице-премьером, курирующим здравоохранение, образование и науку, с августа 2004 г. сфера его ответственности охватила культуру и средства массовой информации. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).
- ³⁵ Бердымухаммедов помиловал участников покушения на Туркменбаши. *Новая Газета*, 2007, 10 августа.
- ³⁶ Ситнянский Георгий. Туркменистан, *оттепель* по Бердымухаммедову. *Analitica.org*. 2008, 22 января, <http://www.analitika.org/article.php?story=20080118002019400> (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).
- ³⁷ ТИПЧ: Перлюстрация писем. Зачем в Туркмении скрывать очевидное. 2008, 21 июля, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1216621320> (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).
- ³⁸ Highlights on health in Turkmenistan, 2005. World Health Organization, 2006, P.4.
- ³⁹ Кадыров Шохрат. Туркменистан: институт президентства в клановом постколониальном обществе. Цит. соч.
- ⁴⁰ Интересный термин *аинституциональный* был весьма удачно использован российским исследователем А. Казанцевым. Он выдвинул гипотезу о том, что при Г. Бердымухаммедове сложится более олигархическая структура власти. Все важные решения будут не продуктом воли одного человека, а результатом сложных согласований интересов внутри коллективного руководства. Поэтому решения эти будут куда более обязывающими и не будут столь часто меняться. Аинституциональный персонализированный авторитаризм начнет эволюционировать в сторону более институционализованного олигархического авторитаризма. Эта точка зрения не подтверждается, однако, развитием событий в 2007–2008 гг. Казанцев А. Перспективы эволюции политического режима в Туркменистане после Туркменбаши. *Analitica.org*, 2007, 12 февраля, <http://www.analitika.org/article.php?story=20070212060327550> (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).
- ⁴¹ Оразгельды Аманмырадов родился в 1970 г. в Ахалском велаяте. В 1992 г. закончил исторический факультет Туркменского государственного университета имени Махтумкули. С 1995 г. работал в Министерстве национальной безопасности Туркменистана. В 1997–1998 гг. обучался в Академии ФСБ Российской Федерации. В 2007 г. был назначен ректором Военной академии Туркменистана имени Великого Сапармурата Туркменбаши. С 8 октября 2007 г. – министр внутренних дел Туркмении. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).
- ⁴² Об Исендере Муликове известно лишь, что с февраля 2009 г. он был заместителем министра внутренних дел. В феврале-мае 2009 г. – начальник Управления полиции Дашогузского велаята. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).
- ⁴³ Гельдымухаммет Аширмухаммедов родился в 1957 г. в Балканском велаяте. В 1979 г. окончил физический факультет Туркменского государственного университета. В 1982–1992 гг. служил в КГБ ТССР, а затем в КНБ Туркмении. В 1983 г. в Минске, а в 1985 г. в Киеве окончил высшие курсы КГБ. С 1992 по 1997 г. – офицер службы безопасности президента Туркмении. С 1997 по 2002 г. – командующий сухопутными войсками Вооруженных Сил страны. В 2001 г. закончил Академию Генерального штаба КНР. В 2002 г. назначен заместителем председателя КНБ

Туркменистана. В этом же году стал первым заместителем министра внутренних дел страны. С августа 2004 г. – министр внутренних дел Туркмении. С декабря 2004 г. – министр национальной безопасности Туркмении. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

⁴⁴ Аманов родился в 1966 г. в Геоктепинском этрапе Ахалского веляята. В 1990 г. закончил математический факультет Туркменского государственного университета. В 1991–1992 гг. – курсант Высшей школы КГБ СССР. С 1992 г. работал в Комитете национальной безопасности Туркменистана. В феврале 2007 г. назначен заместителем председателя Государственной службы Туркменистана по регистрации иностранных граждан. С мая 2007 г. – начальник Службы безопасности президента Туркменистана. С 8 октября 2007 г. министр национальной безопасности Туркменистана. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

⁴⁵ Чары Ходжамырадов родился в 1962 г. в поселке Бахарлы Ахалского веляята. В 1984 г. окончил юридический факультет Туркменского государственного университета. Занимал незначительные должности вплоть до 1992 г. С 1992 по 1998 г. работал судьей Верховного суда Туркменистана. В 1998–2002 гг. – заместитель председателя, затем – председатель городского суда Ашхабада. С 2002 по 2006 гг. – председатель суда Дашогузского веляята. В 2006–2007 гг. – председатель суда города Ашхабада. В 2007 г. был назначен председателем Верховного суда Туркменистана. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

⁴⁶ Яранмырат Язмырадов родился в 1971 г. в Ахалском веляате. В 1996 г. окончил заочное отделение юридического факультета правоведения Туркменского государственного университета. В 1992–1996 гг. работал в Верховном Суде. В 1996–1997 гг. – судья военного суда Ашхабадского гарнизона. С 1997 по 2007 г. работал в Ашхабадском городском суде и муниципальных органах Ашхабада. С 2007 по 2008 г. – судья городского суда Ашхабада, с 2008 г. – председатель суда Ахалского веляята. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

⁴⁷ Агагельды Маметгельдыев родился в 1946 г. в Ахалском веляате. В 1970 г. окончил военно-медицинский факультет при Саратовском медицинском университете по специальности «лечебно-профилактическое дело». По окончании вуза работал врачом – начальником медпункта отдельного автомобильного батальона Туркестанского военного округа. В 1974–1979 гг. – начальник медпункта воинской части Ограниченного контингента советских войск в Германии (ОКСВГ), начальник медицинской службы зенитно-ракетной бригады ОКСВГ. В 1979–1983 гг. – начальник военно-санатория. С 1983 по 1988 г. – ординатор, старший ординатор военного госпиталя ТуркВО. С 1988 по 1992 г. – преподаватель военной кафедры Туркменского государственного медицинского института. В 1992–1994 гг. – начальник военного санатория. В 1994 г. назначен заместителем министра обороны по тылу. В марте 2002 – сентябре 2003 гг. – начальник Государственной пограничной службы, командующий пограничными войсками Туркмении. В сентябре 2003 г. – январе 2009 г. – министр обороны Туркменистана, секретарь Государственного Совета безопасности. С октября 2004 г. – генерал армии. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

⁴⁸ Байрам Аловов родился в 1969 г. в Ашхабаде. В 1994 г. закончил Московский институт культуры. С 1994 по 1995 г. – сотрудник Комитета национальной безопасности Туркменистана, затем до 1999 г. – сотрудник Службы безопасности президента. С мая 1999 г. – заместитель начальника Государственной пограничной службы Туркменистана по работе с личным составом. Со 2 ноября 2006 г. временно исполнял должность председателя Государственной пограничной службы Туркменистана, командующего пограничными войсками Туркменистана. С 24 февраля 2007 г. – председатель Государственной пограничной службы, командующий пограничными войсками Туркменистана. С ноября 2004 г. – генерал-майор. Снят с должности в январе 2009 г. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

⁴⁹ Освобожден от должности начальник Государственной пограничной службы Туркмении, *Туркменистан.RU*, 2009, 21 января, http://www.turkmenistan.ru/?page_id=3&lang_id=ru&elem_id=14322&type=event&sort=date_desc; Назначен новым министром обороны Туркменистана, *Туркменистан.RU*, 2009, 21 января, http://www.turkmenistan.ru/?page_id=3&lang_id=ru&elem_id=14319&type=event&sort=date_desc (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).

⁵⁰ Место и дата рождения Мырата Ысламова неизвестны. Впервые появился на политической арене в ноябре 2002 г. в роли депутата и руководителя комитета Меджлиса. В марте 2003 г. назначен руководителем Государственной службы регистрации иностранных граждан Туркмении и одновременно заведующим Отделом военных и правоохранительных органов аппарата президента.

В декабре 2006 г., незадолго до смерти Ниязова, был отправлен из Ашхабада в Марыйский велаят первым заместителем хякима велаята, что было очевидным понижением. В январе 2008 г. назначен начальником Государственной службы Туркменистана по борьбе с наркотиками. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

⁵¹ Яйлым Бердиев родился в 1972 г. в этрапе Бахарлы Ахалского велаята. В 1994 г. окончил Туркменский сельскохозяйственный университет. В 1995–2003 гг. работал на различных должностях в Комитете национальной безопасности. В 2003–2006 гг. служил в Государственной службе по регистрации иностранных граждан, последняя должность – заместитель председателя службы. В 2006–2007 гг. – председатель Государственной службы по регистрации иностранных граждан и одновременно заведующий отделом анализа деятельности правоохранительных и военных органов аппарата президента Туркменистана. В 2007–2008 гг. – председатель Государственной службы Туркменистана по регистрации иностранных граждан. В мае–июне 2008 г. – начальник Государственной миграционной службы Туркменистана. С 19 июня 2008 г. по 21 января 2009 г. – председатель Государственной таможенной службы Туркменистана. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

⁵² Эти трое: заместитель председателя кабинета министров, министр иностранных дел Рашид Мередов; министр сельского хозяйства Эсенмырат Оразгельдиев; министр охраны природы Махтумкули Акмырадов.

⁵³ Аман Э. Кто правит Туркменией. Кадровый обзор. 2008, 3 апреля, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1207209120> (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).

⁵⁴ Рашид Мередов родился в 1960 г. в Ашхабаде. Окончил юридический факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Канд. юрид. наук. В мае 2001 г. избран председателем Меджлиса Туркменистана. В июле 2001 г. назначен министром иностранных дел Туркменистана. С 2003 по 2005 г. заместитель председателя кабинета министров Туркменистана. На этом посту был вновь утвержден 18 февраля 2007 г. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

⁵⁵ Хыдыр Сапарлыев родился в 1958 г. в городе Мары. В 1982 г. окончил Туркменский политехнический институт. Канд. тех. наук. До 1998 г. занимался научной и педагогической работой. С 1998 по 1999 г. – помощник Бердымухаммедова. Затем был назначен заведующим Отделом науки и образования кабинета министров, а в 2001 г. – ректором Туркменского политехнического института. В 2004–2005 гг. – министр образования. С октября 2005 г. – посол в Армении. С 16 февраля 2007 г. министр образования, а с марта 2007 г. – заместитель председателя кабинета министров, курирующий сферы образования, науки, здравоохранения, культуры, спорта, а также средства массовой информации, общественные организации. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

⁵⁶ Виктор Михайлович Храмов родился в 1952 г. в Чарджоу (в прошлом – столица Чарджоуской области, ныне – город Туркменабад, столица Лебапского велаята). Окончил Ташкентский политехнический институт. С 1985 г. – помощник Ниязова, назначенного первым секретарем ЦК Компартии Туркмении (по другой версии – был назначен на эту должность предыдущим руководителем Туркмении Гапуровым). В качестве помощника Ниязова контролировал его контакты, готовил обзоры прессы, отвечал за цензуру туркменских средств массовой информации. Предполагается, что роль Храмова для Ниязова существенно возросла после отъезда в Москву Валерия Отчерцова. По некоторым данным, вместе с Отчерцовым, находящимся в Москве, и начальником Службы безопасности президента Реджеповым готовил в конце 1990-х гг. устранение Шихмурадова. Вместе с Реджеповым инициировал арест Курбанмурадова, Сапарова и Чарыева. Отвечал за предвыборную кампанию Бердымухаммедова в 2007 г. Мог стоять за устранением Реджепова в 2007 г. Считается, хотя проверить эти данные невозможно, вторым лицом в Туркмении, отвечающим за внутреннюю политику и пропаганду. Сторонник жесткой линии по отношению к оппозиции. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

⁵⁷ Иклымберды Паромов родился в 1965 г. в Марыйском велаяте. В 1990 г. окончил Туркменский государственный университет. По специальности – учитель истории и обществоведения. В 1990–1995 гг. работал учителем обществоведения Марыйского медицинского училища. В 1995–1996 гг. – работник Комитета национальной безопасности Туркменистана. С 1996 по 1998 г. – заместитель заведующего отделом военных органов кабинета министров Туркменистана. В последующие семь лет работал заведующим спецчастью Общего отдела аппарата президента Туркменистана и кабинета министров Туркменистана и сотрудником Службы безопасности президента. В 2005–2006 гг. – первый заместитель министра иностранных дел страны. С 25 января по 16 мая 2006 г. – управляющий делами аппарата президента. С 16 мая 2006 г. по

14 июля 2007 г. – министр текстильной промышленности Туркменистана. С 14 июля 2007 г. – заведующий аппаратом президента Туркменистана и Общим отделом кабинета министров Туркменистана. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

⁵⁸ Гурбангулы Бердымухаммедов предложил изменить структуру, состав и статут Народного Совета Туркменистана, 2008, 23 мая, http://www.turkmenistan.ru/?page_id=3&lang_id=ru&elem_id=12840&type=event&sort=date_desc (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).

⁵⁹ Назначен новый пресс-секретарь президента и министр культуры Туркменистана. 2008, 12 января, http://www.turkmenistan.ru/?page_id=3&lang_id=ru&elem_id=11975&type=event&sort=date_desc (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).

⁶⁰ Всеобщее благополучие и процветание – через мир, прогресс, достижения цивилизации. *Туркменистан: золотой век*, 2008, 21 января, http://turkmenistan.gov.tm/_rus/2008/01/21/print:page,1,vseobshhee_blagopoluchie_i_procvetanie_cherez_mir_progress_dostizhenija_civilizacii.html (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).

⁶¹ Там же.

⁶² Фактическая сторона событий 12–13 сентября 2008 г. изложена по сообщениям <http://www.gundogar.org>, представившего наиболее полное описание случившегося.

⁶³ 1) Народное демократическое движение Туркменистана, создано в 2001 г. Учредитель Борис Шихмурадов. После его ареста в 2002 г. данных о деятельности нет. 2) Общественно-политическое движение Ватан, дата учреждения неизвестна, руководитель бывший вице-премьер Туркмении Худайберды Оразов. Живет в Швеции. 3) Объединенная демократическая оппозиция Туркменистана, учреждена в 1998 г. Руководитель Авды Кулиев. После кончины Кулиева в апреле 2007 г. приостановила деятельность. 4) Партия Возрождение, лидер – Назар Суюнов, в прошлом – вице-премьер Туркмении. Данных о деятельности нет. 5) Республиканская партия Туркменистана, данных о дате учреждения и учредителях нет. Председатель – Нурмухаммед Ханамов, в 1990 – августе 1994 гг. – председатель Госснаба Туркмении, до февраля 2002 г. посол в Турции. На веб-сайте партии последние новости относятся к началу 2007 г. 6) Русская община Туркменистана, учреждена в 1991 г. Председатель правления: Анатолий Петрович Фомин, живет и работает в Москве. Главная сфера деятельности – помощь в получении российского гражданства. См.: Персоны. *Центр Азия*, <http://www.centrasia.ru/person.php> (последнее посещение – 17 сентября 2009 г.).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Пришло время подписки на 2010 год

Для регулярного получения журнала необходимо оформить платную подписку на его российское (на русском языке) и/или международное (на английском языке) издания:

А. Через агентство «Роспечать» (только на российское издание)

Информация о подписке на российское издание в России и странах СНГ находится в каталоге «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать». Открыта подписка на первое полугодие 2010 г. Стоимость подписки на два номера журнала (одно полугодие) составит **1500 рублей, включая их доставку**. Индекс издания – **80666**. Подписку можно оформить через любое почтовое отделение России и стран СНГ.

В. Став членом Международного клуба Триалог (Москва),

Вы или Ваша организация автоматически становитесь получателем как российского, так и международного издания журнала, а помимо этого, и других информационно-аналитических продуктов ПИР-Центра, получаете приглашения на заседания Клуба и семинары, конференции и другие мероприятия. Для Вас открыто индивидуальное или корпоративное членство. Эта опция идеальна для всех лиц, работающих в Москве, но желающих читать журнал по-английски.

Подробную информацию о Международном клубе Триалог Вы можете получить по тел.: +7 (916) 142-8539, e-mail: trialogue@pircenter.org, а также в разделе «Клуб» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/club>

С. Став членом Centre russe d'études politiques (Genève),

Вы будете получать международное или российское издание журнала по Вашему выбору. Эта опция предназначена прежде всего для тех, кто живет за пределами России и СНГ. Для оформления подписки Вам следует заполнить *онлайн* форму вступления, размещенную на сайте *Centre russe d'études politiques (Genève)* по адресу <http://crep.ch/fr/application.html>. Оплатив годичный членский взнос, Вы становитесь полноправным членом Центра.

Информацию о Centre russe d'études politiques (Genève) можно получить по телефону в Женеве +41 (79) 736-9034 или же по электронной почте join@crep.ch

Д. Оформив корпоративную подписку,

Ваша организация сможет получать от 10 экземпляров журнала с существенной скидкой.

Подробно обо всех вариантах подписки на журнал смотрите в разделе «Подписка» на сайте интернет-представительства ПИР-Центра по адресу: <http://si.pircenter.org>

Дополнительную информацию о подписке, а также о размещении рекламы в нашем журнале Вы можете получить у заместителя главного редактора Евгения Петелина по тел.: +7 (495) 987-1915; e-mail: petelin@pircenter.org

Александр Ковалев

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ АРКТИКИ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

По мере дальнейшего развертывания хозяйственной деятельности человека на море все более актуальными будут вопросы рационального и комплексного использования ресурсов и потенциала Мирового океана, сотрудничества государств в вопросах охраны морской среды, получения научных данных о Мировом океане, контроля за выполнением международных договоров, регулирующих вопросы разведки и разработки живых и неживых морских ресурсов.

Арктика – часть земного шара, ограниченная с юга Северным полярным кругом, площадь которой составляет около 21 млн км². Все известные (открытые) сухопутные образования в Арктике подчинены суверенитету того или иного из государств, граничащих с Северным Ледовитым океаном – России, Дании, Канады и США. К странам, имеющим исторические интересы в данном регионе и граничащим с ним, относят Финляндию, Швецию и Исландию. Причем Финляндия с передачей Советскому Союзу района Печенги (Петсамо) лишилась выхода в Северный Ледовитый океан. Исландия определяет всю территорию страны как входящую в арктическую зону, но претензий на собственный арктический сектор не предъявляет.

Арктический регион с сушей и водными пространствами по своим климатическим и, в первую очередь, ледовым условиям значительно отличается от других частей Мирового океана. Приполярные государства, экономические инфраструктуры и интересы населения которых во многих аспектах связаны с пространственным и ресурсным потенциалом Крайнего Севера, на протяжении десятилетий прилагали усилия по изучению, хозяйственному, культурному и иному освоению региона, его обороне, сохранению экологической сферы и находящихся там природных ресурсов. Этот регион издавна считался сосредоточением политических, правовых, экономических, военно-стратегических, экологических и социальных интересов. Именно эти интересы влияют на характер принимаемых приарктическими государствами законодательных актов и заключаемых ими международных договоров.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В АРКТИКЕ

Экономические интересы России в Арктике связаны с наличием в этом регионе важнейших полезных ископаемых, являющихся определяющими для развития экономики страны в настоящее время и в еще большей степени в ближайшей перспективе. Открытые в Арктике запасы газа промышленных категорий составляют 80% общероссийских. По данным Геологической службы США, потенциальные запасы нефти в Арктике составляют 90 млрд баррелей, газа – 43,7 трлн м³, газового конденсата – 44 млрд баррелей¹. Арктика является основным источником российского никеля, меди, кобальта, пла-

А
Н
А
Л
И
З

тины и апатитового концентрата. Истощение запасов полезных ископаемых в освоенных районах и утрата Россией в связи с распадом СССР целого ряда источников природных ресурсов объективно определяют необходимость расширения в будущем их добычи в арктической зоне. На севере России сосредоточено 90% никеля, 67% леса, 87% рыбы, 80% апатитов, более 95% алмазов, основные запасы золота, серебра, редкоземельных элементов².

Велика роль Арктики и в обороноспособности России, в контроле над космическим пространством, в сдерживании военно-политического присутствия западных держав в северном геополитическом пространстве. Здесь дислоцирована значительная часть вооруженных сил России, в том числе большая часть Тихоокеанского флота – крупнейшие оперативно-стратегические объекты, являющиеся силовой основой решения задач национальной морской политики на соответствующих региональных направлениях. Важную роль для национальной безопасности играют острова Арктического региона, на которых расположены оборонные объекты, пограничные заставы, полярные гидрографические посты, научные станции и экспедиции. Оборонное значение Арктики обусловлено также тем, что в настоящее время только через арктические моря обеспечивается полностью выход в Мировой океан и открывается широкий оперативный простор для действий военно-морского флота. По Северному Ледовитому океану, дальневосточным морям на протяжении более 20 тыс. км проходит граница Российской Федерации, защита и охрана которой проводится органами пограничной службы России в сложнейших природно-климатических условиях.

Уже к 2006 г. Министерство природных ресурсов России разработало Единую государственную стратегию изучения и освоения нефтегазового потенциала континентальных шельфов России, согласно которой развитие нефтегазовых месторождений на шельфах в морях Северного Ледовитого океана становится одним из главных приоритетов на период до 2020 г.³ В 2008 г. был разработан документ «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»⁴, который был обнародован лишь в 2009 г. Документ утвержден президентом Д.А. Медведевым и фактически является арктической стратегией России. Согласно данному документу, Россия намерена создать отдельную группировку войск в Арктике, которая призвана обеспечить безопасность российской части Северного Ледовитого океана «в различных условиях военно-политической обстановки». Также стратегия предполагает, что к 2020 г. регион превратится в «ведущую стратегическую ресурсную базу РФ»⁵.

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ РОССИИ В АРКТИКЕ

Угрозы интересам России и ее национальной безопасности связаны с попытками ряда государств расширить свое политическое и экономическое присутствие в Арктике, помешать реализации национальных интересов России, ослабить и даже устранить ее от участия в исследовании и эксплуатации Мирового океана. Так, Норвегия, США и Германия предпринимают активные меры по исследованию континентального шельфа, примыкающего к арктическому побережью России и находящегося в сфере ее интересов. В частности, Норвегия предъявляет территориальные претензии на участок шельфа, именуемого российскими геологами *Сводом Федьинского*. На этом участке, по прогнозам специалистов, запасы газа аналогичны Штокмановскому месторождению, а нефти – запасам Тимано-Печорской провинции.

В последние годы в российском секторе Арктики нередко можно встретить научно-исследовательские суда под флагом указанных государств, которые собирают геолого-геофизическую информацию, ведут скрытое разведочное бурение. Иностранные исследовательские центры распределили между собой исследование Арктики следующим образом: изучением Баренцева и Карского морей занимается Норвегия, морем Лаптевых и Республики Саха (Якутия) – Великобритания (Институт морской геологии и Институт Северного Ледовитого океана) и США (Полярный научный центр Вашингтонского университета). Целью этих исследований является ослабление позиций России на Севере, в том числе выдвижение предложений об объявлении отдельных его районов за-

поведными и, соответственно, введении запрета на любую промышленную и хозяйственную деятельность. Только в 1998 г. в секторе российских полярных владений было совершено не менее 10 морских научных экспедиций США, Норвегии и Германии. В частности, в июле – августе 1998 г. немецкое научное судно *Polarstern* провело объемные исследования в море Лаптевых вблизи границ 200-мильной экономической зоны Российской Федерации⁶.

Международно-правовой режим арктических территорий формировался в течение столетий и тесно связан с доктриной и практикой международного права в отношении приобретения суверенитета на никому не принадлежащие земли – *terra nullius*. Международно-правовая доктрина и практика международного права твердо придерживались положения, что факт открытия *terra nullius* при оставлении некоторых признаков принадлежности государству-первооткрывателю достаточен для получения правового титула на эту землю⁷. Огромную роль в установлении универсального правопорядка в морских делах, улучшении сотрудничества и координации различных видов деятельности государств на море вообще и в Арктике в частности играет Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.

В связи со снижением уровня конфронтации в мире «Мурманскими инициативами СССР» 1987 г. были определены и сформулированы направления для последующих переговоров с государствами, заинтересованными в решении проблем арктического региона: создание безъядерной зоны на севере Европы; ограничение военно-морской активности в морях, омывающих север Европы; мирное сотрудничество в разведке и разработке ресурсов Севера и Арктики; международное сотрудничество в арктических исследованиях; сотрудничество северных государств по проблеме экологической защиты Арктики; открытие Северного морского пути для международного судоходства.

Одним из ключевых вопросов в процессе обсуждения проблем Арктики с западными странами, в частности с США, является вопрос участия США в освоении континентального шельфа Арктики. Именно в контексте дискуссии по данной теме проявляется тенденция к последовательному формированию в США негативного отношения к реальной и перспективной деятельности России в освоении Арктики. Ключевым вопросом повестки дня становится тема территориальных притязаний на арктический континентальный шельф: действия России в этом направлении вызывают однозначное неодобрение в США.

Более того, курс России, направленный на юридическое закрепление за собой территорий российского арктического шельфа, рассматривается как угроза национальным интересам США. Параллельно военно-политическое руководство США начинает настаивать на необходимости предъявления собственных претензий на территорию арктического континентального шельфа. Постепенно вырабатывается и объем возможных территориальных претензий, который в случае их поддержки на международной арене сделает США ведущим игроком в регионе. Особую заинтересованность в активизации курса США в отношении Арктики высказывали представители политического истеблишмента самого северного штата страны – Аляски. Именно там выдвигаются наиболее грандиозные планы в отношении арктического шельфа. На слушаниях по закону о море сенатор-республиканец от этого штата Лайма Мурковски заявила о том, что «США сможет предъявить свои права на территорию в Арктике около 450 000 км², размером приблизительно с Калифорнию»⁸.

Для обеспечения *ползучего вторжения* в российскую Арктику США подвергают резкой критике экономическую политику федерального центра России в отношении ее арктических регионов. Отмечается, в частности, полная неэффективность использования Москвой методов поддержки этих районов. Лейтмотивом комментаторов является тезис о том, что людям приходится жить в условиях, фактически непригодных для проживания. При этом постоянно упоминается, что на российском Севере широко распространены болезни, хроническая бедность, повальный алкоголизм, ощущается явный недостаток элементарных объектов инфраструктуры и снабжения необходимыми для выживания ресурсами⁹.

В связи с этим следует отметить, что, помимо очевидного эффекта от таких публикаций, связанного с констатацией тяжелой социальной обстановки в конкретных арктических регионах России, американские СМИ фактически формулируют тезис о том, что Россия не может эффективно использовать арктическую территорию, находящуюся под ее юрисдикцией. Подчеркивается отсутствие со стороны российского руководства каких-либо действий, направленных на улучшение ситуации, а также стимулирования частного бизнеса к инвестициям в регион. Тем самым формируется мнение, что только расширение иностранного экономического, гуманитарного, а в перспективе и политического присутствия в российской Арктике может спасти регион от социально-экономической деградации. Таким образом, американцами фактически сформулирована концепция гуманитарной интервенции. В связи с этим в ближайшее время следует ожидать существенной активизации в российских арктических регионах американских или контролируемых США гуманитарных организаций, сориентированных на помощь в сохранении традиционного образа жизни коренных народов Севера, реализации экологических и образовательных программ.

Экологическая тематика также является одним из основных приоритетов внимания США к действиям России в Арктике. Характерно, что в контексте экологии получают развитие негативные оценки в отношении ядерной безопасности в регионе. Так, еще в 1999 г. на слушаниях в Комитете Палаты представителей по банкам и финансам было высказано прямое обвинение России в загрязнении арктических вод радиоактивными материалами: «Существует проблема сбрасывания радиоактивных отходов в арктические воды, что является угрозой не только для США, но и для других стран»¹⁰. Тема защиты окружающей среды традиционно используется для оказания давления на Россию в связи с ее планами по развитию арктической инфраструктуры и строительству объектов нефтегазового комплекса. Так, планы строительства газопровода в российской Арктике преподносятся как удар по местной окружающей среде. Регулярно освещаются и факты более мелких *прегрешений* России в отношении арктической экологии. Явное преобладание негативных элементов в сюжетах о российской Арктике и большое количество озвучиваемых на различных площадках претензий к России позволяют судить о том, что арктическая тема рано или поздно станет предметом жесткого экономического и политического противостояния между США и Россией. В обнародованной в январе 2009 г. новой стратегии США в Арктике отмечается необходимость «усиления сотрудничества между восемью государствами арктического региона, в число которых входят США, Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Россия и Швеция». В отношении РФ отмечается важность двустороннего договора о морских границах, принятого в 1990 г., но не вступившего в силу из-за того, что он до сих пор не ратифицирован Москвой¹¹.

В противостоянии России и Запада, по сути дела, открыт новый, арктический фронт. В частности, США и другие страны Запада крайне негативно оценили установку российского флага на дне океана на Северном полюсе. Весьма характерно в этом отношении заявление представителя Госдепартамента США Тома Кейси: «Я уж не знаю, что они там установили на дне океана – металлический флаг, резиновый или простыню. В любом случае это не дает претензиям русских на океанический шельф законные основания»¹². Еще большее негодование выразил глава МИДа Канады Питер Маккей: «На дворе не XV в. Нельзя проехать по миру, установить какие-то флаги, а потом заявлять: “Это наша территория”»¹³. Однако известно, что цель этой экспедиции, как подчеркнул министр иностранных дел России С.В. Лавров, «не застоять какие-то права России, а доказать, что наш шельф простирается к Северному полюсу»¹⁴. Саму заявку на правообладание шельфовым участком вплоть до полюса Россия намерена подать по результатам 20-летних исследований в Арктике. Заявка будет подана в Комиссию ООН по границам континентального шельфа, которая в последний раз, когда Россия претендовала в 2001 г. на арктический шельф, отклонила заявку как недостаточно проработанную с научной точки зрения.

Вместе с тем, США пока не могут воспрепятствовать планам России и обосновать собственные претензии на арктический континентальный шельф, поскольку Конгресс до сих пор не ратифицировал Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. По этой при-

чине США не являются членом Комиссии по границам континентального шельфа и не имели возможности изучить технические данные по арктическому шельфу. В связи с этим бывший президент США Джордж Буш-младший в мае 2007 г. обратился с требованием ратификации Конвенции 1982 г., «поскольку это гарантирует защиту прав США на значительные морские территории и находящиеся там ценные природные ресурсы». Призыв президента США поддержал сенатор-республиканец Ричард Лугар, который в своем выступлении перед Сенатом сказал: «Если сейчас мы не ратифицируем конвенцию, которую поддерживают Пентагон, военно-морской флот, президент Буш и вся энергетическая промышленность, это нанесет прямой урон интересам США»¹⁵. Однако, несмотря на это, Конвенция по морскому праву 1982 г., предусматривающая общепризнанный механизм определения внешних границ шельфа, никак не может пройти Сенат США. Некоторые сенаторы выступают против ограничений суверенитета, которые этот документ налагает на США, ограничивая, например, уголовную юрисдикцию США на борту иностранных судов, проходящих через территориальные воды США. Еще в конце октября 2007 г. Комитет по иностранным делам Сената США поддержал ратификацию Конвенции и передал этот документ для окончательного ратификационного голосования на заседание Сената. Председателем комитета был нынешний вице-президент США Джозеф Байден, который выступал за ратификацию Конвенции: «С экономической точки зрения Конвенция предоставляет целый ряд выгод, главной из которых являются средства для прочного предъявления наших юридических претензий на ресурсы континентального шельфа США за пределами 200 морских миль. У побережья Аляски наш континентальный шельф может простираться в океан на 600 миль (965 км)»¹⁶. Незадолго до ухода в отставку Джордж Буш-младший издал директиву, в которой содержится распоряжение Сенату в ближайшее время ратифицировать Конвенцию 1982 г.¹⁷.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ АРКТИКИ

Успех в деле юридической защиты различных интересов России в Арктике во многом зависит от четкого уяснения международного режима Арктического морского региона и применения его положений в практической деятельности государства и российских организаций в этом регионе. Прежде всего, всем заинтересованным приарктическим государствам необходимо учитывать, что официальные российские притязания на арктический сектор датируются нотой-депешей российского правительства от 20 сентября 1918 г., в которой сообщалось о том, что частью России являются острова Генриетты, Жаннеты, Беннеты, Геральд, Уединения, Новосибирские, Врангеля, Новая Земля, Колгуев, Вайгач и др., которые составляют территорию России «ввиду того, что их принадлежность к территориям Империи является общепризнанной в течение столетий»¹⁸. Правовым актом, подтвердившим принадлежность Советскому Союзу всех земель и островов в Северном Ледовитом океане, было Постановление Президиума ЦИК СССР «Об объявлении территорией СССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» от 15 апреля 1926 г.¹⁹. Согласно этому постановлению географическое арктическое пространство, в пределах которого все ранее открытые земли и острова, а также земли и острова, которые могут быть открыты, объявлялось территорией Советского Союза. Однако это Постановление ЦИК СССР не затрагивало вопросов правового статуса и правового режима пространств полярного сектора Арктики к северу от побережья СССР до Северного полюса в пределах между меридианом 32°04'35" в.д., проходящим по восточной стороне Вайда-губы, и меридианом 168°49'30" з.д., проходящим в середине пролива, отделяющего острова Ратманова и Крузенштерна от группы островов Диомиды в Беринговом проливе²⁰. Общая площадь полярных владений СССР, таким образом, составила 5,8 млн км². Сами по себе границы полярных секторов не считаются государственными границами, а установление тем или иным государством полярного сектора не предвещает вопроса о правовом режиме входящих в этот сектор морских пространств. Это важно подчеркнуть, поскольку некоторые специалисты считают, что все морские пространства, входящие в российский сектор Арктики, являются внутренними водами России.

Права Советского Союза в арктических регионах, прилежащих к его территории, обеспечивались также рядом других законодательных актов, в частности, законом СССР о государственной границе 1982 г. и Указом Президиума Верховного Совета СССР «О континентальном шельфе Союза ССР» 1968 г. Положения этих нормативно-правовых актов перешли в российское законодательство о государственной границе и континентальном шельфе.

Первопроходцем в юридическом закреплении за собой соответствующей части арктического сектора выступила Канада. Так, еще в 1909 г. правительство Канады, в то время доминиона Британской Америки, официально объявило своей собственностью все земли и острова, как открытые, так и могущие быть открытыми впоследствии, лежащие к западу от Гренландии, между Канадой и Северным полюсом. В 1921 г. Канада объявила, что все земли и острова к северу от канадской континентальной части находятся под ее суверенитетом, а в 1925 г. приняла дополнение к закону о северо-западных территориях, запрещающее всем иностранным государствам заниматься какой-либо деятельностью в пределах канадских арктических земель и островов без особого на то разрешения канадского правительства. В 1926 г. эти требования были подтверждены специальным королевским указом. В настоящее время Канада определяет свою арктическую область как территорию, включающую водосборный бассейн территории Юкон, все земли севернее 60° с.ш. и область прибрежных зон Гудзонова залива и залива Джеймса. Площадь полярных владений Канады составляет 1430 млн км².

В современную арктическую область США входят территории США к северу от Полярного круга и территории к северу и западу от границы, формируемой реками Поркупайн, Юкон и Кусковим, цепь Алеутских островов, а также все смежные моря, включая Северный Ледовитый океан и море Бофорта, Берингово и Чукотское моря. Площадь полярных владений США – 126 млн км².

Норвегия в национальных нормативно-правовых актах не дает определения своих арктических территорий. Но при подписании 13 июня 1997 г. министрами по окружающей среде арктических государств «Руководства по проведению морских работ по нефти и газу в Арктике» Норвегия определила, что для целей этого Руководства ее арктическую территорию образуют районы Норвежского моря севернее 65° с.ш. Площадь полярных владений Норвегии – 746 тыс. км².

Дания включила в свою арктическую область Гренландию и Фарерские острова. Распространение суверенитета Дании на Гренландию было закреплено решением Постоянной палаты международного правосудия в 1933 г. Площадь полярных владений Дании составляет 372 тыс. км². В связи с этим можно отметить, что Гренландия успешно добилась права распоряжаться недрами своего шельфа, который скрывает энергоресурсы на десятки миллионов евро²¹.

США, Норвегия и Дания, в отличие от Канады и России, не принимали специальных актов по арктическим районам, прилегающим к их территориям. Однако законодательство этих стран о континентальном шельфе, экономических и рыболовных зонах распространяется и на арктические районы²².

Сформулированный в документах Канады и СССР принцип учета особых прав и интересов приарктических государств в прилежащих к их побережьям арктических пространствах нашел отражение в так называемой *секторальной теории*. Эта теория нашла применение в практике отдельных государств Арктики. В частности, этой теории придерживается Канада, которая в разное время выдвигала в качестве международно-правового основания своих притязаний на использование арктических вод *секторальную теорию*.

Указанное секторальное разделение Арктики в момент его осуществления не вызывало каких-либо возражений иных неарктических государств и было *де-факто* принято. Это фактическое признание действовало до тех пор, пока развитие науки и техники не позволило государствам приступить к практической разведке и разработке природных ресурсов Арктики. В частности, как было отмечено выше, в последнее время заметно активизировалась научно-исследовательская деятельность ряда государств (ФРГ, Норвегии, США и др.) в Арктике, в том числе и в пределах полярного сектора России. США,

например, продолжают начатую в 1994 г. беспрецедентную программу изучения Арктики при помощи атомных подводных лодок (АПЛ), оснащенных новейшими системами для картографирования морского дна и донных отложений.

Против секторального принципа разделения Арктики выступают, прежде всего, США. Исходя из своих военно-стратегических и иных интересов, США полагают, что реализация секторального принципа всеми приарктическими государствами может существенно ограничить возможности их военно-морских сил в Арктике. США считают, что к водному пространству арктических морей, за исключением 12-мильных территориальных вод, применимы только правовые нормы, регулирующие режим открытого моря. Более того, США оказывают постоянное давление на Канаду с целью изменить ее подходы к секторальной теории и тем самым избежать риска правовой зависимости США от Канады в арктическом секторе Канады. Отдельные канадские юристы и политические деятели под давлением США отказываются от секторального принципа и заявляют о том, что приарктические государства не могут осуществлять верховенство в пределах арктического сектора над морскими пространствами. Проблемные вопросы, которые возникают у Канады в связи с разграничением морских границ с другими приарктическими государствами, в частности с Данией и США, Канада стремится решать, не абсолютизируя секторальный принцип.

Сложность решения проблемы правового режима Северного Ледовитого океана и прибрежных арктических морей обусловлена разными подходами к определению этого участка земного шара. С одной стороны, он может рассматриваться как открытое море со всеми вытекающими из этого понимания международно-правовыми последствиями. С другой стороны, Северный Ледовитый океан в своей значительной части представляет ледяную поверхность и потому может рассматриваться как особый вид государственной территории пяти прилегающих к нему стран мира, которые и разделили океан на полярные сектора, а все земли и острова, а также покрытые льдом поверхности, находящиеся в пределах полярного сектора той или иной страны, входят в состав государственной территории. Это и объясняет разность подходов приарктических государств в применении международно-правовых и внутригосударственных актов при решении все увеличивающихся межгосударственных споров по использованию пространств и ресурсов Арктики.

В основе российской позиции, выступающей за применение секторального принципа при решении этих споров, стоит утверждение, что еще в 1920-е гг. сложилась обычная норма международного права, предусматривающая распределение арктических территорий на секторы по принципу тяготения их к побережьям приполярных государств. Этой обычной нормой устанавливается, что сектор находится под юрисдикцией приарктического государства и на острова и земли, находящиеся в этом секторе, распространяется суверенитет этих государств. Целью секторального разделения Арктики стало вполне обоснованное стремление отдельных приарктических государств, в частности России, исключить из действия общих установлений международного морского права районы, географические и климатические особенности которых делают их особо значимыми для этих государств.

Однако эта обычная норма не нашла подтверждения в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Эта Конвенция установила территориальное море шириной до 12 миль, на которое, равно как и на воздушное пространство над ним, на его дно и недра, распространяется полный суверенитет прибрежного государства, и 200-мильную исключительную экономическую зону, отсчитываемую от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориальных вод. Дно морей и океанов и недра под ними, не находящиеся под чьей-либо юрисдикцией, объявляются общим наследием человечества, то есть все государства мира имеют равные права на разработку их природных ресурсов, и любое из них имеет право подать в ООН и иные специализированные международные органы заявку на разработку глубоководных ресурсов морского дна. В данном случае не исключены подобные действия и в отношении арктической зоны в границах 1926 г.²³ Решение о разработке таких ресурсов принимается Международным органом по морскому дну. Если Россия под давлением западных стран окончательно откажется

от секторального разделения Арктики, то при подсчете площади арктического шельфа, находящегося за пределами национальной юрисдикции, на основе положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., Россия теряет суверенные права на 1,7 млн км² своего арктического сектора.

Однако более внимательное знакомство с положениями Конвенции 1982 г. позволяет *присвоить* арктическим пространствам особый статус. В частности, статья 234 Конвенции не только не отрицает секторального разделения Арктики, но и особо предусматривает, что «прибрежные государства имеют право принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах...». Как известно, отличительной особенностью морей Северного Ледовитого океана является относительно небольшая глубина и то обстоятельство, что они большую часть года (до 9 мес.) покрыты непроходимыми для обычных судов льдами, что не позволяет определить, где заканчивается суша и начинается ледовая поверхность океана.

ДЕЙСТВИЯ РОССИИ ПО ЗАЩИТЕ СВОИХ ИНТЕРЕСОВ В АРКТИКЕ

Принимая во внимание, что, по прогнозам специалистов, к 2015 г. будут практически исчерпаны рентабельные запасы нефти и газа на суше, исключительно важным для мира, и для России в частности, является арктический шельф²⁴. Только одно Штокмановское месторождение, находящееся в северо-восточной части арктического шельфа, содержит столько газа, сколько все месторождения Норвегии. При этом в Баренцевоморском шельфе выявлены пять новых месторождений нефти.

Помимо проблем освоения ресурсов Арктики, связанных с ее весьма суровой природой, полное и эффективное освоение арктического шельфа невозможно без четкого обозначения экономических границ российской части Арктики, в частности, внешней границы арктического шельфа. Нерешенность этой проблемы ведет к интернационализации Арктики, в частности к интернационализации Северного морского пути, контролируемого Россией. США, Германия и Япония уже заявили о необходимости применения к Северному Ледовитому океану общих принципов Конвенции ООН по морскому праву, в том числе на разработку природных ресурсов Арктики.

В декабре 2001 г. Российская Федерация представила в Комиссию ООН по границам континентального шельфа заявку, отражающую итоги многолетних и многофункциональных исследований российских ученых по определению и обоснованию внешней окраины континентального шельфа в Северном Ледовитом и Тихом океанах. Российская заявка была представлена в четком соответствии с критериями, предусмотренными Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. При ее подготовке были выполнены необходимые экспедиционные полевые геолого-геофизические исследования подводной части арктического материка, а также были собраны и обобщены результаты десятка тысяч замеров более чем за 30 лет. В ходе этих исследований практически удалось доказать, что подводные хребты Ломоносова и Менделеева должны рассматриваться как естественные продолжения сухопутной арктической территории, поскольку кора хребтов в этом месте континентального типа, а не океаническая.

Этот момент в высшей степени принципиальный, поскольку в соответствии со статьей 76 Конвенции 1982 г. морское дно и недра подводных районов, если они являются естественным продолжением сухопутной территории, признаются континентальным шельфом.

Таким образом, территория хребта Ломоносова, поднятия Менделеева, котловины Проводников, а также части котловины Макарова и котловины Амундсена, общая площадь которых составляет около 1,2 млн км² являются континентальным шельфом России со всеми вытекающими отсюда последствиями. И именно такую границу континентального шельфа указала Россия в последней заявке в Комиссию ООН по границам континентального шельфа для окончательного юридического закрепления внешней границы континентального шельфа России в Северном Ледовитом океане.

Комиссия, однако, посчитала представленные российскими экспертами материалы не полностью отвечающими ее требованиям и предложила дополнить новыми геолого-физическими данными, в частности, предоставить более детальные данные по глубинам.

Продолжая работу с Комиссией, российская сторона обратила внимание на недопустимость явно завышенных требований, в частности, по проведению высокотратных морских экспедиций в районы полюса относительной недоступности в Северном Ледовитом океане. Кроме того, детальные данные по океаническим глубинам для подтверждения шельфового характера участка дна не требуются, а требование их предоставить нарушает вопросы безопасности страны. От России также требовали предоставить дополнительные данные по геологическому обоснованию того, что континентальный шельф Северного Ледовитого океана действительно является естественным продолжением ее материковой части. Экспертов, в частности, интересует сопряженность с континентальным шельфом поднятия Менделеева и хребта Ломоносова. В 2005 г. российские специалисты выполнили соответствующие работы на поднятии Менделеева в рамках экспедиции «Арктика-5». Результаты проведенных в 2007 г. работ на хребте Ломоносова в зоне его сочленения с прилегающим шельфом моря Лаптевых и Восточно-Сибирского моря будут представлены в Комиссию²⁵.

Подходы и требования Комиссии по границам континентального шельфа объясняются отчасти тем, что до сих пор не определена научная природа хребтов Менделеева и Ломоносова, на природные ресурсы которых претендуют США, Канада, Норвегия и Дания. После передачи российской заявки в Комиссию ООН представители Государственного департамента США сразу же отправили в российский МИД вербальную ноту, в которой было указано, в частности, на недостаточное научное обоснование наших претензий на шельф, на неприменимость используемых российской стороной критериев для обоснования новых внешних границ шельфа.

Очередная заявка России на арктический континентальный шельф должна быть подана в Комиссию ООН по границам континентального шельфа в 2009 г.²⁶

Чтобы принять участие в работе Комиссии ООН по границам континентального шельфа и не допустить ее решения о юридическом признании территорий хребта Менделеева и поднятия Менделеева континентальным шельфом России, США будут всячески пытаться ускорить ратификацию Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

В связи с обширными месторождениями углеводородов на хребтах Менделеева и Ломоносова встает вопрос о том, насколько они доступны с точки зрения существующих технологий. На современном уровне развития техники эти полезные ископаемые можно извлечь, но их себестоимость будет несопоставимо выше рыночной цены. Иными словами, их добыча будет нерентабельной. Однако, учитывая то, что технологии постоянно совершенствуются, а также происходит таяние арктических льдов, будущее остается за арктическим шельфом, тем более что уровень разведанных запасов углеводородов на всех континентах подходит к своему исчерпанию. 🐾

Примечания

¹ Жуйков Денис. Защищая Арктику. *RBC Daily*. 2008, 17 сентября, www.rbcdaily.ru/2008/09/17/focus/380404 (последнее посещение – 25 марта 2009 г.).

² Попова Надежда. Золотая лихорадка на полюсе холода. *Аргументы Недели*. 2007, № 30 (64), 26 июля, <http://www.argumenti.ru/publications/4205> (последнее посещение – 15 апреля 2009 г.).

³ МПР России совместно с заинтересованными ведомствами разработало проект стратегии изучения и освоения нефтегазового потенциала континентального шельфа РФ и комплексный план действий по его реализации. Пресс-служба Министерства природных ресурсов и экологии РФ, 2006, 25 января, <https://www.mnr.gov.ru/part/?act=more&id=1525&pid=11> (последнее посещение – 15 апреля 2009 г.).

- ⁴ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. *Российская Газета*. 2009, 30 марта, <http://www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html> (последнее посещение – 15 апреля 2009 г.).
- ⁵ Там же.
- ⁶ Ковалев А.А. Современное международное морское право и практика его применения. М., 2003. С. 214.
- ⁷ Основные особенности правового режима Арктики в современный период. Морское право и международное сотрудничество. Под ред. А.Л. Колодкина. М., 1990. С. 23.
- ⁸ Экспансия США в русской Арктике – путь к гегемонии, <http://www.nacbez.ru/economics/article.php?id=1447> (последнее посещение – 15 апреля 2009 г.).
- ⁹ Симонов Владимир. Новый передел? Иностранные интересы на нашей арктической территории. *Наша Власть: Дела и Лица*. 2006, № 2, 2 февраля.
- ¹⁰ США готовят ползучее вторжение в российскую Арктику, <http://www.pravda.ru/world/northamerica/usa-canada/70019-5/> (последнее посещение – 15 апреля 2009 г.).
- ¹¹ США обнародовали новую стратегию в Арктике. *Regnum*. 2009, 13 января, <http://www.regnum.ru/news/1109162.html> (последнее посещение – 15 апреля 2009 г.).
- ¹² Ядуга Виктор. Ледовое побоище – раздел Арктики начнется раньше, чем кажется. *РБК Daily*. 2007, 6 августа, <http://www.aup.ru/news/2007/08/06/1209.html> (последнее посещение – 15 апреля 2009 г.).
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Сорокина Надежда. Раздел Арктики станет началом нового передела мира. *Российская Газета*. 2007, 3 августа, <http://www.rg.ru/2007/08/03/arktika1.html> (последнее посещение – 15 апреля 2009 г.).
- ¹⁵ Жуйков Денис. США изучают морское право России. *РБК Daily*. 2007, 1 ноября, <http://www.rbcdaily.ru/2007/11/01/focus/300986> (последнее посещение – 15 апреля 2009 г.).
- ¹⁶ Комитет Сената США одобрил ратификацию Конвенции ООН по морскому праву. *Избранное*. 2007, 31 октября, <http://www.izbrannoe.ru/18495.html> (последнее посещение – 15 апреля 2009 г.).
- ¹⁷ Зайцев Юрий. Битва за Арктику только начинается. *РИА Новости*. 2009, 30 января, <http://www.rian.ru/analytics/20090130/160562921.html>
- ¹⁸ Зонн И.С. Нефтяная матрица Севера. *Независимая Газета*. 2008, 9 декабря, http://www.ng.ru/energy/2008-12-09/12_oil.html (последнее посещение – 15 апреля 2009 г.).
- ¹⁹ Международно-правовой режим арктических морских пространств. *Юридическая Россия*. <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1157296> (последнее посещение – 15 апреля 2009 г.).
- ²⁰ Ковалев А.А. Указ. соч. С. 212.
- ²¹ Балмасов Сергей. Сепаратисты Дании помогут России в битве за Арктику. *Правда*. 2008, 18 апреля, <http://news/politics/1715701> (последнее посещение – 15 апреля 2009 г.).
- ²² Барциц И.И. О правовом статусе российского арктического сектора. *Право и Политика*. 2000. №12.
- ²³ В соответствии с Постановлением Президиума ЦИК СССР «Об объявлении территорий Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» от 15 апреля 1926 г. географические пространства, в пределах которых могут быть открыты земли и острова, объявлялись территорией Советского Союза.
- ²⁴ Дзись-Войнаровский Николай. На всех не хватит. Россия исчерпает важнейшие полезные ископаемые к 2015 г. *Новые Известия*. 2004, 12 ноября.
- ²⁵ Шакирова Галина. Условное топливо непризнанного хребта. *Газета.Ru*. 2007, 2 октября, <http://www.gazeta.ru/business/2007/10/01/2208487.shtml> (последнее посещение – 15 апреля 2009 г.).
- ²⁶ Сычева Валерия. Арктический пирог будут делить «по понятиям». *Итоги*. 2008, 2 июля, №42 (592), <http://www.itogi.ru/archive/2007/42/13919.html> (последнее посещение – 15 апреля 2009 г.).

МНОГОСТОРОННИЕ ПОДХОДЫ К ЯДЕРНОМУ РАЗОРУЖЕНИЮ: ПЛАНИРУЯ СЛЕДУЮЩИЕ ШАГИ

Ядерное разоружение – одна из самых горячих тем 2009 г. Чем глубже эта тема обсуждается на переговорах, тем сильнее приходит понимание того, что ядерное разоружение – многосторонний процесс как в плане участников, которые должны подключаться к процессу переговоров и конкретных действий, так и в плане аспектов, которые данный процесс должен в себя включать. На сегодняшний день уже имеются определенные пункты в повестке дня для ближайшей перспективы – договор по СНВ между Россией и США, Конференция по рассмотрению действия ДНЯО 2010 г., ратификация ДВЗЯИ. Что дальше? Какими могут быть следующие шаги в процессе ядерного разоружения? На что страны готовы пойти далее, а на что нет?

На эти вопросы отвечают участники дискуссии: Посол, директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ А.И. **Антонов**, первый секретарь Посольства Норвегии в Москве Кари Екен **Воллебек**, генерал-лейтенант (в отставке), старший вице-президент ПИР-Центра Г.М. **Евстафьев**, Посол, директор Департамента международного сотрудничества Государственной корпорации *Росатом* М.Н. **Лысенко**, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета А.А. **Малыгина**, директор Центра изучения проблем нераспространения им. Дж. Мартина Монтерейского института международных исследований (США) Уильям **Поттер**, советник начальника Генерального Штаба ВС РФ А.В. **Радчук**, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Председатель Совета ПИР-Центра Р.М. **Тимербаев** и директор Департамента евразийских исследований, старший научный сотрудник Исследовательского фонда *Obsever* (Индия) Нандан **Ункришнан**¹.

УИЛЬЯМ ПОТТЕР (МОНТЕРЕЙСКИЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ): Для ядерного разоружения и нераспространения настали одновременно и самые лучшие, и самые худшие времена. Лучшие в плане нового политического климата в области разоружения, образовавшегося во многом благодаря приходу к власти новой администрации в Вашингтоне, а также благодаря инициативе Джорджа Шульца, Уильяма Перри, Генри Киссинджера и Сэма Нанна. Эта инициатива положила начало серьезному обсуждению возможностей разоружения. Но времена при этом сейчас и самые худшие в плане количества новых и старых ядерных угроз, которые стоят перед нами. При этом одну из самых серьезных угроз представляют негосударственные образования.

3 мая 2010 г. в Нью-Йорке начнется четырехнедельная Конференция по рассмотрению действия ДНЯО. Предыдущая конференция (2005 г.) закончилась полным провалом: делегаты посвятили большую часть своего времени и усилий спорам относительно повестки дня, и в результате никаких значительных договоренностей достигнуто не было. И хотя с тех пор многое изменилось, все равно нет никакой уверенности в том, что на Конференции 2010 г. удастся добиться серьезного прогресса в области разоруже-

ния. Основные факторы следующие: степень осознания ключевыми государственными игроками основных угроз ДНЯО и их собственной национальной безопасности; гибкость позиции во время переговоров, которую страны готовы продемонстрировать вследствие осознания этих угроз; готовность отдельных государств идти против воли подавляющего большинства стран и препятствовать достижению консенсуса; присутствие политической группировки, которая бы послужила мостом между ядерными и безъядерными государствами для нахождения точек соприкосновения по неотложным проблемам ядерного распространения, мирного использования атома и вопросам разоружения; готовность государственных игроков уделить особое внимание региональным вопросам безопасности, особенно на Ближнем Востоке; готовность таких групп, как постоянные члены Совета Безопасности ООН, Евросоюз и Движение неприсоединения, выступить в качестве конструктивных коалиций по поиску взаимопонимания в вопросах нераспространения, мирного использования атома и разоружения или, наоборот, тормозить прогресс и в лучшем случае работать по принципу наименьшего общего знаменателя; способность США и России добиться прогресса в переговорах по сокращению стратегических вооружений.

Так, на конференции в 2000 г. многие ключевые государства осознали, что договор находится в серьезной опасности, и заняли гибкую позицию, которая позволила достичь консенсуса по 13 практическим шагам. Правительство США в то время заняло очень мудрую позицию: поскольку предложения Коалиции новой повестки дня были для США на 95% приемлемы, Вашингтон эти предложения решил поддержать – при этом понимая, что возражения могут последовать со стороны остальных ядерных государств. В результате во время той конференции Соединенные Штаты почти всегда были на стороне большинства, тогда как Китай, Россия и Франция часто оказывались в изоляции и в неприятном положении меньшинства, которое сопротивляется предложениям по разоружению, поддержанным большинством участников. В свою очередь, коалиции тогда удалось смягчить довольно жесткую позицию, занятую некоторыми членами Движения неприсоединения, и найти точки соприкосновения между ядерными и безъядерными государствами.

Еще одним ключевым фактором, способствовавшим успеху конференции 2000 г., стало сделанное постоянными членами СБ ООН в самом начале конференции предложение снять с повестки дня наиболее спорный вопрос – противоракетную оборону. Благодаря такой позиции постоянных членов СБ ООН конференция прошла гладко и закончилась принятием ряда важных решений по разоружению, нераспространению, мирному использованию атома и укреплению самого процесса рассмотрения действия ДНЯО.

А вот в 2005 г. многие страны вовсе не стремились к достижению каких-либо соглашений во время конференции. Это касается в первую очередь Ирана, однако то же самое можно сказать о Соединенных Штатах и Египте: оба государства часто занимали obstructивную позицию. В результате большие трудности возникли уже во время согласования повестки дня, не говоря уже о достижении каких-либо значимых договоренностей.

В связи с этим завершившаяся в мае 2009 г. сессия Подготовительного комитета к Конференции по рассмотрению действия ДНЯО дает определенный повод надеяться, что в 2010 г. участники займут более гибкую позицию. Радует то, что была согласована повестка конференции, а участники вели себя в основном конструктивно. Многие страны с особым удовольствием восприняли менее полемическую и более гибкую позицию делегации США, которую возглавляла Роуз Геттемюллер. Вклад в подготовительную конференцию Великобритании и России

тоже был воспринят как в целом конструктивный. К сожалению, нельзя сказать того же о Китае и Франции, которые, по-видимому, решили играть роль ядерных скептиков. К примеру, Франция делала все от нее зависящее, чтобы заблокировать принятие повестки дня.

С материалами по вопросам разоружения вы можете ознакомиться в разделе «Пути ядерного разоружения» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/disarmament>

А выступления французской делегации по разным вопросам продемонстрировали, что Париж далеко не в восторге от новой американской инициативы о стремлении к безъядерному миру. В связи с этим можно предположить, что заручиться поддержкой Франции по многим передовым предложениям, нацеленным на достижение значительного прогресса в вопросах разоружения на конференции 2010 г., будет сложно. Крайне осторожно вела себя на подготовительной конференции и китайская делегация, которая либо не желала, либо не была готова обсуждать серьезные предложения. Государства ядерного клуба больше не могут рассчитывать на то, что США будут блокировать большинство инициатив по разоружению, и поэтому государства эти могут оказаться в неприятной ситуации, если такие инициативы будут вынесены на обсуждение. Наиболее проблемными для России могут оказаться предложения по дальнейшему сокращению нестратегического ядерного оружия в продолжение инициатив, содержащихся в подписанной на конференции 2000 г. заключительной декларации.

Несомненно, что в мире с большой надеждой ожидают подписания Россией и США еще до начала конференции договора, который заменил бы договор СНВ. Если такой договор будет подписан, то делу разоружения будет придан значительный импульс. Если же российско-американские переговоры застопорятся из-за разногласий по вопросам противоракетной обороны или других технических моментов, то это будет воспринято как серьезное поражение для дела разоружения и поставит под вопрос и другие инициативы в данной области. Поэтому российско-американский переговорный процесс по разоружению является индикатором перспектив серьезного сокращения вооружений в глобальном масштабе. Это процесс может либо придать уверенности в перспективах разоружения, либо продемонстрировать, что конкретных дел за словами, скорее всего, не последует. Поэтому значение результата российско-американских переговоров выйдет далеко за рамки двусторонних отношений.

По той же логике, если администрации Барака Обамы удастся провести ратификацию ДВЗЯИ через Конгресс до открытия конференции, это станет серьезной победой для дела разоружения и укрепления ДНЯО. Вряд ли администрации удастся раздобыть недостающие для ратификации голоса до майской конференции. Хотя, к примеру, в своей речи в Сенате 3 июля сенатор Джон Маккейн довольно позитивно отозвался о ДВЗЯИ. Для ратификации договора поддержка со стороны Маккейна, а также сенатора Ричарда Лугара является крайне важным условием. Администрации Барака Обамы следовало бы немедленно заручиться поддержкой сенатора Лугара, чтобы тот сыграл роль межпартийного лидера в процессе ратификации.

Очень спорным вопросом, который наверняка будет поднят на следующей конференции, станет выполнение (вернее, отсутствие выполнения) резолюции по Ближнему Востоку, принятой на конференции 1995 г. Египет наверняка сделает серьезное рассмотрение этого вопроса необходимым условием для достижения прогресса по всем остальным пунктам повестки дня. В связи с этим весьма удивительно то, что, добившись своего относительно формулировок по ближневосточному вопросу во время подготовительной конференции, Египет, тем не менее, не стал добиваться принятия пересмотренных рекомендаций, предложенных председателем, из-за своих возражений по некоторым другим вопросам разоружения.

На предыдущих конференциях основные дебаты обычно разворачивались по вопросам разоружения. Однако в связи с новым курсом на разоружение, взятым администрацией Барака Обамы, складывается впечатление, что на это раз труднее всего будет найти взаимопонимание по вопросам мирного использования атома. В настоящее время между ядерными государствами и странами Движения неприсоединения лежит огромная пропасть во взглядах на предотвращение распространения чувствительных технологий топливного цикла, роль гарантий по топливу, Дополнительный протокол и прочие инициативы в области нераспространения, которые неприсоединившиеся страны считают нарушением их *неотъемлемых прав* на мирное использование атома. Нужно постараться лучше понять точку зрения неприсоединившихся стран и вовлечь большее количество представителей этого блока в процесс нераспространения. Без этого добиться какого-либо

прогресса в вопросах разоружения, нераспространения, мирного использования атома и предотвращения ядерного терроризма будет практически невозможно.

Хочется верить, что постоянные члены СБ ООН сыграют в 2010 г. более конструктивную роль, чем в 2005 г. Достичь между собой консенсуса этим пяти странам будет нелегко. Однако очень позитивную роль сыграло бы их совместное заявление на такие темы, как юридически обязывающие негативные гарантии безопасности, уменьшение роли ядерного оружия в доктринах национальной безопасности, а также согласование дорожной карты по внедрению ближневосточной резолюции 1995 г. Такое заявление очень помогло бы заручиться поддержкой многих безъядерных государств по вопросам, представляющим важность для государств ядерного клуба. Это и выполнение Резолюции 1540 СБ ООН (а также других мер по борьбе с терроризмом), и всеобщее принятие Дополнительного протокола, а также принятие предложений по многонациональным системам поставок ядерного топлива, таким как создание банка топлива, предложенное Инициативой по сокращению ядерной угрозы, и российские предложения по созданию Международного центра по обогащению урана в Ангарске.

Кроме того, одним из наиболее успешных подходов к разоружению и нераспространению является образование безъядерных зон, хотя этому подходу в последние годы не уделялось особого внимания. Сегодня практически все южное полушарие является зоной, свободной от ядерного оружия. А со вступлением в силу соглашения о центрально-азиатской безъядерной зоне 21 марта 2009 г. такие зоны имеются теперь и в северном полушарии. В ближайшем будущем ожидается вступление в силу и соглашения о безъядерной зоне в Африке, поскольку ратифицировать его осталось лишь одной стране. Единственное, чего недостает этим зонам, – так это поддержки со стороны ядерных государств, а именно подписания этими государствами протоколов, предоставляющих странам-участницам негативные гарантии безопасности.

Важным, но далеко не в полной мере используемым инструментом продвижения инициатив по разоружению и нераспространению является образование. Во многом благодаря усилиям со стороны Японии этот вопрос стал частью процесса рассмотрения действия ДНЯО, где он получил широкую и всестороннюю поддержку. Практически все стороны поддерживают общую концепцию образования в области разоружения и нераспространения. Тем не менее, пока нет особых успехов в переходе от общей поддержки к каким-то конкретным действиям.

А.В. РАДЧУК (ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ ВС РФ): Почти четыре десятилетия сокращение ядерных вооружений было делом двух стран – СССР/РФ и США. Череда двусторонних соглашений в этой области, которая началась в 1972 г. и предположительно продолжится, приучила практически весь мир к тому, что эти две державы, у которых больше всех ядерного оружия, и отвечают за процесс ядерного разоружения. А все остальные к ним подключатся, может быть, когда-нибудь потом, когда эти две страны достигнут каких-то определенных параметров. За время, которое этот процесс двустороннего сокращения идет, ядерные арсеналы России и США сократились практически в пять раз. О том, каковы взгляды и позиции России и США и каково состояние дел, было сказано уже достаточно. Однако мы до сих пор не имеем в полной мере официально заявленной позиции США по новому соглашению так, как это сделал недавно президент России.

Необходимо также учитывать тот факт, что в настоящее время ведется разработка обзора состояния ядерной политики в США, которая должна определить реальную стратегию США в этой области. Ее принятие и утверждение намечено примерно на начало 2010 г. Но в разгар мирового экономического кризиса задачи в области финансов и экономики и другие экономические вопросы, казалось бы, должны интересовать мировое сообщество куда больше. Но как бы его ни отодвигали на второй план, вопрос ядерного разоружения опять оказался в центре внимания.

Прежде всего, это связано с традиционными опасениями, что Россия и США, как и в годы холодной войны, могут прийти к ядерному конфликту с катастрофическими последствиями. Или это связано с такой же уже традиционной привычкой, что именно вопросы взаимодействия в сфере СНВ *вытащат* и все вопросы двусторонних, а затем и мировых

взаимоотношений. А может быть – это надежда на то, что новое соглашение, новые параметры позволят каким-то образом вовлечь другие ядерные страны в процесс ядерного разоружения. Вряд ли на эти вопросы можно ответить однозначно. Поэтому все сегодняшние программы перехода к безъядерному миру, к *ядерному нулю* выглядят достаточно схоластично и умозрительно. Вероятно, потому, что не решают сути проблемы. Проблема той, что до сих пор в современном мире ядерное оружие как крайнее воплощение военной мощи, в частности, и мощи государства вообще, является все еще самым надежным гарантом безопасности. При этом сегодня, когда настали те самые изменения, по образному выражению Элвина Тоффлера, *третья волна* цивилизационного развития, нет ответа и на другой вопрос, без которого нельзя говорить о перспективах ядерного разоружения, – чем же является ядерное оружие сегодня? Это лишь самовоплощение военной мощи, самое грозное и самое мощное, либо это только слабый прототип оружия будущего, как бы переходная ступенька к новому, более страшному и более могущественному оружию. И самое главное – исчерпали ли себя вообще военные способы обеспечения национальной безопасности и разрешения межгосударственных конфликтов? А если нет, то останется ли ядерное оружие и ядерное сдерживание эффективным способом разрешения этих противоречий? Или же оно уйдет вообще из арсенала средств конкурентной борьбы?

Следует признать тот факт, что в течение шести десятилетий существование ядерного оружия обеспечивало глобальный мир. При этом, хоть и весьма специфически, оно работает и сегодня. И это показывает пример Северной Кореи и Ирана, для которых наличие ядерных программ (у Северной Кореи это вылилось в материальное воплощение ядерной программы, а у Ирана пока, по мнению многих, программа вполне умозрительная) является работоспособным инструментом обеспечения своей безопасности или, по крайней мере, средством вовлечения в более-менее конструктивный диалог. Ведь именно это привело к тому, что силового воздействия на эти страны нет. Ведь если бы у Саддама Хусейна было оружие массового уничтожения, не говоря уже о ядерном оружии, вряд ли бы состоялись войны в Персидском заливе. И у Югославии, как все знают, ядерного оружия не было.

По этой причине возникают проблемы и с ДНЯО, и с другими разоруженческими процессами. Но, несмотря на все эти проблемы, разоруженческий процесс пошел. И совсем недавно активизировался. При этом всплеск интереса к идеям безъядерного мира произошел в тот момент, когда на смену ядерному оружию пришло новое высокоточное эффективное оружие, способное решать задачи региональных конфликтов. Почему на смену? Кадры репортажей *CNN*, на которых умные высокоточные крылатые ракеты влетают в форточку окна диктатора, решая вопросы смены режима, внесения демократии в конфликтный регион, выглядят гораздо гуманнее, чем фотографии разрушенных ядерным взрывом Хиросимы и Нагасаки. Несомненно, прогресс есть. Результат перехода от *ядерной кувалды* к *конвенциональному скальпелю* тот же самый: цели и задачи те же, хотя способы различные. При этом интересно, что государства, осуществившие этот переход в сфере инструментария военной силы, во многом сохраняют старые подходы в целеполагании.

Предложение ускорить движение к безъядерному миру заставляет задуматься о результатах такого перехода. Если вспомнить предложение президента Рональда Рейгана о ядерном разоружении, его можно сформулировать следующими тезисами: национальная безопасность не должна зависеть от ядерного оружия, необходимо осознать переход от системы ограничения вооружений к ядерному разоружению, система ПРО является ключом к ликвидации ядерного оружия, необходимо отказаться от доктрин затяжной ядерной войны. Хорошие идеи. Допустим, они воплотились в жизнь. Все это реализовано сегодня тем или иным способом. Однако последствия этого воплощения могут быть различные. Это зависит именно от целеполагания.

От чего же должна зависеть национальная безопасность? От международных механизмов, но они сегодня не работают или работают недостаточно эффективно и избирательно. И до сих пор самым надежным инструментом защиты себя является военная сила. Система ПРО действительно является ключом в этом плане. Но она может работать

как средство для борьбы с носителями не только ядерного оружия, но и обычного оружия, а также является вполне эффективным средством контроля космического пространства. А тот, кто контролирует космос в XXI в., будет контролировать весь мир.

К чему приведет отказ от затяжной ядерной войны? Конечно, если он приведет к отказу от войны вообще, то это будет замечательно. А если, наоборот, к молниеносным точечным микроядерным ударам? А некоторые подобные соображения во время войны в Персидском заливе проскальзывали в прессе. И все это может происходить под прикрытием того самого умного высокоточного оружия, и все это в едином информационно-управляемом пространстве. Но, несмотря на этот довольно тяжелый оперативно-стратегический фон и проблемы, идея назрела, она прорывается то здесь, то там. Фактическая активизация этого процесса началась в январе 2007 г. со знаменитой статьи четырех уважаемых американских авторов, затем было множество выступлений политиков, экспертов, специалистов, обсуждения на конференциях, в прессе. И вот, наконец, в июне 2009 г. генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун выступил с посланием по случаю подготовки к международному дню мира и объявил о начале кампании под названием «Мы должны избавиться от оружия массового уничтожения». Пан Ги Мун заявил, что без энергичных мер человечеству будут продолжать угрожать запасы ядерных вооружений. Правда, так до сих пор и не решена та самая дилемма о том, что же первично, а что вторично: угроза человечеству от ядерного оружия либо наличие угроз человечеству вообще, которое вызывает возникновение и появление ядерного оружия?

Можно сказать, что Россия и США пока свою часть дороги к ядерному разоружению прошли, и не просто прошли, а сформировали определенную дорожную карту этого движения. Поэтому процесс ядерного разоружения в дальнейшем зависит от того, когда на эту дорогу выйдут другие ядерные государства. Судя по нашему сегодняшнему обсуждению, ядерные страны понимают необходимость подобных дорожных карт, у них есть видение подходов к этому процессу. И существует надежда на то, что эти дорожные карты, которые пока нарисованы на маленьких отдельных листиках, в конце концов, сложатся в один толстый и всеобъемлющий атлас, который действительно покажет человечеству дорогу к безъядерному миру и к миру на нашей планете вообще.

КАРИ ЕКЕН ВОЛЛЕБЕК (ПОСОЛЬСТВО НОРВЕГИИ): Норвегия исповедует принцип эффективной многосторонней политики. Ядерное разоружение стоит в нашей повестке дня очень высоко.

Безъядерный мир еще со времен холодной войны является целью норвежской внешней политики. Эта цель вновь получила свое подтверждение в программе действий правительства в области разоружения и нераспространения, поданной в 2008 г. в норвежский парламент. Конечная цель Норвегии – максимальный уровень безопасности для всех при минимально возможном уровне вооружений.

Положительный импульс, приданный делу ядерного разоружения окончанием холодной войны, сделал возможным продление действия ДНЯО на неопределенный срок в 1995 г. Этот импульс также помог достичь согласия по 13 шагам к полному разоружению на Конференции по рассмотрению действия ДНЯО в 2000 г.

К настоящему времени этот положительный импульс оказался утерян в связи с рядом проблем, в том числе в связи с ядерными амбициями Ирана и Северной Кореи, угрозой ядерного терроризма, отсутствием прогресса в переговорах по Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов (ЗПРМ) и задержкой с ратификацией Договора о всеобщем запрещении ядерных испытаний рядом государств.

Существует надежда, что сейчас наступил поворотный момент. Действующие и отставные государственные деятели нескольких стран призвали к возобновлению усилий, направленных на полное уничтожение ядерного оружия. Важным сигналом послужило совместное заявление, сделанное 1 апреля 2009 г. президентами Бараком Обамой и Д.А. Медведевым. Президенты двух крупнейших ядерных держав взяли на себя обязательство возглавить процесс сокращения имеющихся на планете ядерных вооруже-

ний. Весьма положительным сигналом является и то, что Российская Федерация и Соединенные Штаты ведут переговоры по подписанию нового юридически обязывающего договора на замену Договору СНВ.

Крайне важно, чтобы лидеры всех стран мира приняли личное участие в процессе ядерного разоружения и работали на достижение цели безъядерного мира. Эту цель они должны рассматривать как национальный приоритет.

Государственные лидеры должны вовлечь в этот процесс все заинтересованные стороны, включая и все население своих стран. Более того, разоружение лежит на стыке многих дисциплин, поэтому лидеры должны привлечь экспертов из всех соответствующих областей, включая науку, дипломатию, политику, юриспруденцию и военное дело.

Обнадеживает тот факт, что США и Россия взяли на себя обязательство значительно сократить количество ядерного оружия на планете. Необходимо также вовлечь Китай и другие страны, обладающие ядерным оружием, в стратегический диалог с целью выработки коллективного подхода к ядерной безопасности.

Чтобы проложить дорогу к еще более глубоким сокращениям, безъядерные государства должны сотрудничать с ядерными в разработке верификационных технологий. Ядерные государства должны воспользоваться возможностью продемонстрировать эти технологии. С этой целью Норвегия установила партнерские отношения с Великобританией и центром верификационных технологий *Vertic*. Целью такого партнерства является разработка систем, которые бы позволили проконтролировать соблюдение договоренностей по разоружению, не разглашая при этом секретную информацию.

Еще одним важным вкладом в дело ядерного разоружения является уменьшение собственной зависимости ядерных государств от этого оружия.

Полезным шагом со стороны ядерных государств стало бы также принятие мер, направленных на увеличение времени принятия решения перед применением ядерного оружия, а также других шагов, направленных на укрепление стратегической стабильности.

Чтобы предотвратить новую гонку ядерных вооружений, крайне важно добиться вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Пока договор не вступил в силу, необходимо укреплять существующий мораторий на ядерные испытания. Каждое из государств, которое в прошлом проводило ядерные испытания, должно взять на себя обязательство не возобновлять испытания первым. В Норвегии надеются, что США как можно скорее ратифицируют ДВЗЯИ.

Чрезвычайно важным для дела разоружения и предотвращения ядерного распространения является Договор о запрещении производства расщепляющихся материалов (ЗПРМ). Кроме начала переговоров по ЗПРМ, международное сообщество должно рассмотреть возможность создания добровольной Инициативы по контролю за расщепляющимися материалами (ИКРМ) с целью укрепления безопасности и прозрачности всех ядерных материалов, включая и те, на которые может не распространяться договор ЗПРМ. Норвегию обнадеживает решение Конференции по разоружению о начале переговоров по контролируемому ЗПРМ.

Образование региональных безъядерных зон является важным вкладом безъядерных государств в достижение цели полного уничтожения ядерного оружия. Норвегия финансирует проект одного южноафриканского института по обеспечению присоединения последних оставшихся государств к Пелиндабскому договору, после чего он сможет вступить в силу.

Для полного уничтожения ядерного оружия требуется создание надежного и заслуживающего доверия режима нераспространения. Все государства, которые пока не присоединились к Соглашению о всеобъемлющих гарантиях и Дополнительному протоколу, должны это сделать. Кроме того, им следует подписать, ратифицировать и выполнить все многосторонние соглашения в данной области для укрепления безопасности собственных ядерных материалов. Мы должны закрыть оставшиеся лазейки и предоставить дополнительные полномочия МАГАТЭ.

Чтобы предотвратить ужасающую перспективу ядерного терроризма, всем государствам, обладающим ядерным оружием, следует предпринять все необходимые меры, чтобы предотвратить попадание этого оружия в руки террористов.

Мы должны поставить перед собой цель создания недискриминационной системы поставок ядерного топлива. Эта работа должна проводиться в тесном сотрудничестве с МАГАТЭ. В связи с этим необходимо наладить серьезный и постоянный диалог между производителями и потребителями для того, чтобы потребители могли заявить о своих потребностях, а производители, в свою очередь, имели возможность соответствующим образом выстроить систему поставок и стимулов. Норвегия пообещала предоставить финансовую поддержку программе создания банка ядерного топлива под эгидой МАГАТЭ. Норвегия также заявила о своей поддержке российских предложений по созданию запасов низкообогащенного урана и немецких предложений по многостороннему проекту создания заказника по обогащению. Эти три предложения являются совместимыми и дополняют друг друга.

На Международной конференции по ядерному разоружению в Осло, прошедшей 26–27 февраля 2008 г., была высказана идея создания на высоком уровне широкой Межправительственной группы экспертов по ядерному разоружению по аналогии с Межправительственной группой экспертов по изменению климата. Эта группа могла бы предоставлять правительствам консультации по ключевым моментам программы полного уничтожения ядерного оружия.

Конференция 2005 г. была неудачной. Международное сообщество сейчас стоит на распутье. Если и конференция 2010 г. окончится провалом, мы столкнемся с риском постепенного развала ДНЯО. Это подорвет нашу общую безопасность. Поэтому успех конференции 2010 г. стал бы крайне важным многосторонним шагом к ядерному разоружению.

Есть определенный повод для оптимизма. На подготовительной конференции в Нью-Йорке в мае 2009 г. царил позитивная атмосфера, и все процедурные вопросы были согласованы.

Основной задачей конференции в 2010 г. станет восстановление широкого взаимопонимания по вопросам сведения к минимуму ядерных рисков и обеспечения возможности мирного применения атома в более безопасном мире, свободном от ядерного оружия. На конференции нужно будет согласовать программу действий до 2015 г. и перспективные шаги на более отдаленное будущее.

Чтобы добиться успеха, все государства – участники ДНЯО должны выполнить свои договорные обязательства. Все три столпа режима нераспространения являются тесно взаимосвязанными. Нельзя выбирать только те из них, которые нам больше подходят. Полного ядерного разоружения можно добиться только при наличии полной уверенности в том, что никто не сможет обойти режим нераспространения.

Шаги по укреплению режима нераспространения можно будет предпринять только после запуска недвусмысленного и необратимого процесса, конечной целью которого является полное уничтожение ядерных арсеналов. Укрепленный режим нераспространения также должен способствовать мирному использованию атома.

Чтобы добиться успеха в 2010 г., необходимо продемонстрировать новый подход. Нужно наводить мосты, налаживать диалог между региональными группировками и преодолевать прошлые разногласия. Процесс нераспространения не следует рассматривать как игру с нулевой суммой. Результат конференции 2010 г. должен стать победой для всех.

Существует риск постепенного развала режима нераспространения, однако у нас есть выбор. Международное сообщество должно консолидировать и укрепить этот режим, а также предпринять многосторонние шаги к ядерному разоружению. Норвегия надеется на то, что международное сообщество не упустит этой возможности.

А.И. АНТОНОВ (ДВБР МИД РФ): Первые слова заявления президента России Д.А. Медведева от 20 июня 2009 г. таковы: «Большинство стран выступают сегодня за мир без ядерного оружия. Россия разделяет эту благородную цель». Примечательно, что это уже второй раз за последние три месяца, когда российский президент обращается к идее мира, свободного от ядерного оружия. Впервые заявление Д.А. Медведева по ядерному разоружению было оглашено 7 марта 2009 г. на Конференции по разоружению министром иностранных дел России С.В. Лавровым. Как представляется в обращении президента России, явно видно стремление нашего государства исправить сегодняшнюю ситуацию в области стратегической стабильности, укрепить безопасность всех государств, улучшить межгосударственное общение, повысить степень доверия между странами.

За последние годы международная безопасность испытывает потрясения со стороны прежних и современных вызовов. Окончание холодной войны не сделало мир более безопасным. Сохраняется высокая степень недоверия между странами, а ядерный выбор многими рассматривается в качестве наиболее эффективного средства обеспечения национальной безопасности, инструмента повышения своего политического веса в мире.

Какова сегодня ситуация в области ядерного разоружения? Отрицать значительные успехи было бы несправедливо. Что касается России, она полностью и со значительным опережением графика выполняет свои международные обязательства. Еще в 2001 г. были достигнуты потолки по сокращению стратегических носителей и засчитываемых за ними ядерных боезарядов, установленные Договором о СНВ. Важнейшим вкладом по вопросам разоружения остается бессрочный Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД), в соответствии с которым полностью уничтожены два класса таких вооружений наземного базирования. Успешно идет реализация Договора о СНП.

Сегодня многие планы по ядерному разоружению – например, Обзорная конференция 2000 г. по ДНЯО (это была последняя конференция, где было принято решение об укреплении Договора) – остались невыполненными. На сегодняшний день нет Договора по ПРО, Договор СНВ-2 так и не вступил в силу, далеко пока до вступления в силу ДВЗЯИ, не только не закончились, как это предусмотрено Обзорной конференцией 2000 г., но даже не начались переговоры о ЗПРМ.

Сложность ситуации осознают во всех уголках мира, поэтому не случайно, что в последнее время выдвигается все больше инициатив в области полного ядерного разоружения, как, например, *Гуверская инициатива*, Инициатива по глобальному ядерному нулю, Комиссия «Эванс-Кавагути» и т.д. Мы приветствуем любые конструктивные шаги, способные вывести разоруженческий процесс из затянувшегося кризиса. При этом главное в нашем понимании – это создание благоприятной международной атмосферы для полного отказа от ядерного оружия в условиях укрепления стратегической стабильности при соблюдении принципа ненападения и безопасности для всех.

Столь масштабная цель, как достижение *ядерного нуля*, может рассматриваться только в неразрывной связи с решением других международных проблем, включая урегулирование региональных конфликтов, надежное обеспечение жизнеспособности ключевых разоруженческих и нераспространенческих инструментов, вывод всего ядерного оружия с территорий стран, им обладающих, отказ от одностороннего развертывания глобальных систем ПРО, предотвращение размещения оружия в космосе, а также контролируемое прекращение гонки обычных вооружений.

Несомненно, что стержневую роль в процессе ядерного разоружения играют российско-американские соглашения по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений. Основопологающий в данной области Договор по СНВ между СССР и США от 1991 г., который истекает 5 декабря 2009 г., своей цели полностью достиг. Поэтому в настоящий момент мы делаем акцент на выработке новой юридически обязывающей договоренности о понижении разрешенных потолков СНВ, которое по-

зволило бы вобрать в себя все самое ценное и реально работающее из нынешнего договора.

В своем заявлении от 20 июня 2009 г. российский президент позитивно оценил переговорный старт, назвав его хорошим. Сам разговор он охарактеризовал как серьезный и предметный. Наша задача – выйти к концу 2009 г. на новый договор.

В Хельсинки и Амстердаме Д.А. Медведев дал четкие ориентиры российским переговорщикам относительно тех проблем, развязки которых они должны найти с американскими коллегами.

В ходе дальнейших переговоров принципиальное значение будет иметь учет взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями. Реального прогресса в деле ядерного разоружения не добиться в условиях его подрыва путем одностороннего развертывания глобальной системы ПРО. Такое развитие чревато эрозией стратегической стабильности и разбалансировкой режима сдержек и противовесов, обеспечивающих глобальное равновесие. В духе открытости мы предлагаем конструктивную альтернативу односторонним планам в области противоракетной обороны – объединение усилий всех государств, заинтересованных в противодействии потенциальным ракетным угрозам. Наше пакетное предложение о налаживании стратегического сотрудничества со всеми заинтересованными сторонами остается на столе переговоров.

Нужны конкретные договоренности о неразмещении оружия в космосе, о недопустимости переоснащения неядерных СНВ конвенциональными боеголовками, о прекращении наращивания обычных вооружений. Без развязок по этим проблемам трудно рассчитывать на устойчивое и последовательное развитие процесса ядерного разоружения.

При всей важности российско-американских договоренностей в стратегической сфере сводить только к ним проблему ядерного разоружения было бы упрощением. Мы рассчитываем, что на Обзорной конференции по ДНЯО 2010 г. состоится откровенный разговор о том, какой дополнительный вклад в этот процесс могут внести другие ядерные государства – члены Договора. Важно, чтобы уже в обозримой перспективе они могли бы постепенно присоединиться к усилиям, предпринимаемым Россией и США.

Не за горами и время, когда нужно будет подумать о вовлечении в разоруженческий процесс других стран, обладающих ядерным арсеналом, помимо так называемой официальной ядерной пятерки. Невозможно представить ситуацию, когда обладатели ядерного оружия, члены ДНЯО, будут разоружаться, а другие, не имеющие соответствующих договорных обязательств, продолжают сохранять и наращивать военный ядерный арсенал. Также считаем недопустимым попытку использовать свое участие в ДНЯО для реализации своих военных ядерных программ.

Разумеется, есть задачи и для Конференции по разоружению (КР), где мы могли бы продолжить коллективный разговор о перспективах ядерного разоружения. Обнадёживают последние подвижки на КР, где недавно была одобрена программа. Правда, ситуация напоминает опыт работы на КР, который был 10 лет назад. В конце работы конференции была принята программа работы. Мы воодушевленно приступили к, казалось бы, начальному этапу переговорной работы и уперлись в то, что в январе надо было подтверждать решение о продолжении переговоров. Как бы не повторилась ситуация десятилетней давности на КР.

Россия выступает за скорейшее начало на КР переговоров по ЗПРМ. Условия для этого существуют. Мы будем предлагать на Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. подтвердить важность такой работы в Женеве в качестве очередного шага в деле ядерного разоружения и укрепления режима ядерного нераспространения.

Еще одним важным фактом, способствующим поступательному движению в сторону *ядерного нуля*, остается скорейшее вступление в силу ДВЗЯИ. Россия ратифицировала этот Договор в 2000 г. и последовательно предпринимает усилия по обеспечению его скорейшего вступления в силу. Соблюдение моратория на ядерные испытания при всей важности этой меры не может иметь юридических обязательств, вытекающих

из ДВЗЯИ. Мы рассчитываем, что все страны, от которых зависит вступление в силу этого Договора, подпишут и ратифицируют его как можно скорее. Мы воодушевлены теми сигналами, которые поступают сегодня из Вашингтона о готовности администрации агрессивно работать в пользу ратификации ДВЗЯИ. Но если даже завтра США ратифицируют, к примеру, ДВЗЯИ – это не будет означать, что Договор послезавтра вступит в силу. Переговоры с коллегами из стран Южной Азии показывают, что государства, находящиеся в том регионе, еще далеки от того, чтобы принять какое-либо принципиальное решение в пользу ратификации этого Договора.

Одним из ключевых факторов, способствующих устойчивому и последовательному развитию процесса ядерного разоружения, является укрепление режима ядерного нераспространения. Много сделано для создания эффективной и страховочной сети предотвращения попадания ядерного оружия и ядерных материалов в руки негосударственных субъектов, в первую очередь террористов. Это и принятие Резолюции 1540 СБ ООН, и запуск российско-американской инициативы по борьбе с актами ядерного терроризма, и совместная деятельность в рамках режима экспортного контроля – укрепление контрольной деятельности МАГАТЭ. Но еще гораздо больше нам всем предстоит сделать. Подтверждением этого являются результаты работы Комитета 1540. Далеко не все страны, после того как пять лет тому назад была принята эта Резолюция, предоставили свои первые доклады о том, как они создали национальную систему мониторинга за товарами и технологиями, которые могут быть использованы для производства оружия массового уничтожения. В рамках российско-американской инициативы по борьбе с актами ядерного терроризма участвуют всего лишь 76 государств. Вопрос – а где остальные? И почему другие государства сегодня не принимают участия в этой, казалось бы, очевидной работе?

Остаются нерешенными вопросы иранской и северокорейской ядерных программ. Настораживает, что пока трудно обозначить временные ориентиры, в рамках которых возможно достижение политико-дипломатического урегулирования этих проблем.

Необходимы реальные шаги по созданию зон, свободных от ядерного оружия. На Ближнем Востоке мы далеки от того, когда могли бы сказать, что в этом регионе может быть создана зона, свободная от оружия массового уничтожения и средств его доставки. В связи с этим Россия на третьем Препкоме выдвинула предложение, как начать подготовительный процесс создания вот такой зоны на Ближнем Востоке. И было очень приятно, когда *ядерная пятерка* практически в полном составе поддержала нашу инициативу. К удивлению, достаточно быстро поддержал наши инициативы Европейский Союз.

Есть и другие проблемы в области как ядерного разоружения, так и ядерного нераспространения в целом. Но это тема для отдельного разговора. Российские эксперты готовы к серьезному разговору со всеми коллегами по проблемам ядерного разоружения и нераспространения. Мы очень рассчитываем, что в 2010 г. на Обзорной конференции мы сможем согласовать пакет конкретных мер в области ядерного разоружения, ядерного нераспространения и мирного использования ядерной энергии.

НАНДАН УННИКРИШНАН (ФОНД OBSEVER, ИНДИЯ): Ядерное разоружение вновь превратилось в одну из основных тем международной политики. Благодаря четырем уважаемым американцам – Уильяму Перри, Генри Киссинджеру, Джорджу Шульцу и Сэму Нанну – удалось вдохнуть новую жизнь в идею безъядерного мира.

Индийский премьер-министр Раджив Ганди высказал эту идею в своем обращении к ООН еще в июне 1988 г. Более того, он предложил план действий, состоявший из четырех основных пунктов: юридически обязательная договоренность между всеми государствами о полном уничтожении ядерного оружия до 2010 г., проводимом в три этапа; все ядерные государства должны включиться в процесс ядерного разоружения, но при этом в процессе должны участвовать и все остальные страны; на каждом из трех этапов должно быть существенное продвижение к окончательной цели, чтобы продемонстрировать серьезность намерений и укрепить доверие; изменение доктрин, стратегий и политических установок с целью поддержания безъядерного статуса в масштабах

всего мира. Раджив Ганди также выступил за создание Всеобъемлющей глобальной системы безопасности под эгидой ООН.

Основная суть этих предложений к тому времени уже была отражена в Делийской декларации о принципах безъядерного и ненасильственного мира, подписанной в 1986 г. Радживом Ганди и М.С. Горбачевым.

Но мир в то время явно не был готов к таким предложениям. Именно поэтому Раджив Ганди с очевидным сожалением сказал на заседании ООН следующее: «Сами по себе мы не имеем ни малейшего желания обладать ядерным оружием. Но если по тактическим соображениям в интригах супердержав позволяется отодвигать на второй план жизненную необходимость ядерного нераспространения, то какой у нас остается выбор?»

Такое отсутствие реакции на искренний призыв Раджива Ганди, скорее всего, являлось отражением существовавших между Индией и другими ядерными державами разногласий относительно увязки разоружения с контролем над вооружениями.

Западные эксперты часто упрекают Индию в том, что она уделяет излишнее внимание недостаткам процесса контроля над вооружениями вместо того, чтобы использовать этот процесс для продвижения идеи ядерного разоружения. Однако эти эксперты не до конца понимают ситуацию. Индия разделяет стремление к цели ядерного разоружения. Тут никаких разногласий нет. Но дело в том, что один лишь процесс контроля над вооружениями приблизить достижение этой цели не сможет, если только не будут согласованы четкие, конкретные и недвусмысленные этапы сокращения численности вооружений в качестве дорожной карты к полному ядерному разоружению.

Джавахарлал Неру, первый премьер-министр Индии, предложил в 1954 г. соглашение о замораживании ядерных испытаний. Фактически он предлагал ввести запрет на ядерные испытания, однако для Неру это был лишь первый шаг к конкретной цели полного ядерного разоружения. Сегодня у нас есть ДВЗЯИ. Но даже если он вступит в силу, он все равно продемонстрирует, что договоренность, основанная на принципе контроля над вооружениями, а не на четких этапах разоружения, не приближает нас к цели безъядерного мира. Те же самые проблемы сейчас очевидны и с ДНЯО. Пока ядерное оружие воспринимается как средство укрепления своего международного влияния, достижение цели ядерного разоружения остается крайне маловероятным. Чтобы идея безъядерного мира стала реальностью, ядерное оружие нужно поставить вне закона.

Иными словами, позиция Индии заключается в том, что логика контроля над вооружениями в современном мире превращает меры этого контроля в самоцель. Если такие меры не являются этапами долгого и трудного пути к полному ядерному разоружению, то к безъядерному миру они нас никогда не приведут.

Это подводит нас к текущей международной ситуации. Мир сейчас столкнулся с множеством новых угроз и опасностей. В первую очередь, это опасность попадания ядерных материалов и устройств в руки террористов и негосударственных игроков. Эпизод с сетью Абдул Кадыр Хана показывает всю сложность связанных с этим вопросов, а также ответственность некоторых ведущих государств за распространение ядерных технологий. Кроме того, многие государства работают над программами развития уже имеющихся у них ядерных технологий. А генеральный директор МАГАТЭ Мухаммед Эльбарადей недавно выступил с предупреждением о том, что в скором будущем может появиться почти 30 новых *виртуальных ядерных держав*.

Возвращаясь к вопросу о том, насколько реально заручиться всемирной поддержкой идеи ядерного разоружения, хочется выразить сомнение в том, что ядерные державы, за исключением США, в ближайшем будущем согласятся на уничтожение своих ядерных арсеналов. К примеру, в Азии сейчас развернулась ядерно-ракетная гонка. Гонка эта в скором времени не приостановится. Такая ситуация может вынудить Индию скорректировать свою позицию относительно переговоров по контролю над вооружениями. Индии, возможно, не удастся избежать участия в таких переговорах. В частности, если Индии и Китаю удастся поставить на службу ядерное оружие морского базирования,

то необходимость в мерах по укреплению доверия между ними резко возрастет. Кроме того, учитывая текущую ситуацию в регионе, Индии придется выработать свою позицию и по противоракетной обороне.

Несмотря на все это, сегодня интерес к идее ядерного разоружения намного сильнее, чем в любой период за последние 30 лет. Такая положительная динамика не должна быть утеряна.

Некоторые индийские эксперты считают, что одним из способов сохранения этой динамики является призыв к подписанию конвенции о ядерном оружии. Успех Конвенции по запрещению химического оружия дает надежду на то, что добиться воплощения в жизнь конвенции по ядерному оружию будет даже легче. Необходимо поддерживать и развивать так называемый принцип *ядерного табу*.

Необходимо также предпринять такие шаги, как делегитимизация ядерного оружия, внесение изменений в ядерные доктрины с целью отражения принципа ненападения, понижение статуса боеготовности ядерного оружия, а также внедрение мер по укреплению доверия между странами, которые обладают ядерным оружием, но пока что не обсуждают эти вопросы между собой.

Понадобится большое политическое мужество для того, чтобы государства начали рассматривать ядерное разоружение как глобальную задачу, которая имеет приоритет над задачами национальными. Мир уже учится работать сообща над такой общей проблемой, как изменение климата. Пора начать рассматривать и ядерное разоружение как общую цель, которая укрепит всеобщую безопасность.

Р.М. ТИМЕРБАЕВ (ПИР-ЦЕНТР): Хотелось бы немного сказать по вопросу запрещения производства оружейных расщепляющихся материалов. Это проблема немолодая. Ей больше 50 лет. Впервые она появилась еще в 1950-е гг. Ее выдвинули США, которые имели безусловное преимущество перед Советским Союзом по количеству таких материалов. И ответ наш был, естественно, что мы готовы пойти на ЗПРМ, но вместе с уничтожением всего ядерного оружия. То есть мы тогда увязали прекращение будущего производства с уничтожением существующих и оружия, и запасов.

На этом переговоры были прекращены. Потом несколько раз были попытки возобновить. И сейчас, в 2009 г., как будто бы вновь возрождается интерес к этому вопросу. А интерес этот вполне понятный, потому что это рациональный, логичный путь к ядерному разоружению. Причем путь к многостороннему ядерному разоружению, так как в соглашении, которое, возможно, будет достигнуто, должны принимать участие не только ядерные державы – официальные и неофициальные, но и другие страны, которые имеют соответствующие возможности.

Ввиду большого количества трудно решаемых проблем нужно сформулировать и принять базовый договор, в котором определить основные обязательства, обязательства о контроле, имея в виду, что конкретные соглашения, конкретные процедуры контроля будут в определенные сроки в дальнейшем выработаны. Так было уже и в прошлом. ДНЯО именно на этом и основан, потому что статья III Договора предусматривает заключение соглашения между той или иной страной и МАГАТЭ в определенный срок. И в будущем договоре надо прописать срок. Но иногда сроки трудно выполняемы. Вот страны ЕВРАТОМа: когда был подготовлен вариант соглашения со странами в 1971 г., оно вступило в силу только в 1979 г., хотя должно было это произойти через 18 мес. К этому отнеслись с пониманием. Поэтому нужен базовый договор с обязательствами заключить в те или иные сроки контрольные соглашения, которые могут потребоваться.

Реальное нераспространение возможно только при соблюдении статьи VI ДНЯО. Это уже стало всем очевидно. За те годы, что прошли с принятия Договора, появились новые угрозы, а значит, статья VI плохо работает, хотя прилагаются адские усилия для ее выполнения. Сейчас США и Россия готовят новое соглашение, но этого недостаточно. А вот ЗПРМ – этот вклад в дело выполнения статьи VI ДНЯО и тем самым в дело нераспространения.

Г.М. ЕВСТАФЬЕВ (ПИР-ЦЕНТР): Мы находимся в ситуации, когда открылось определенное окно возможностей: новая американская администрация готова к переговорам. И это окно возможностей, если им правильно не воспользоваться, может закрыться надолго, а может быть, и навсегда. Хотелось бы сегодня больше говорить о сокращении ядерных вооружений, потому что *ядерный ноль* не видно пока даже в отдаленной перспективе. Но главное – движение. Многим политическим деятелям ведущих государств придется найти в себе силы и большое мужество по дороге к этому *нулю*, преодолеть узкоэгоистические подходы к обеспечению своей национальной безопасности. Если этого не произойдет, то ни о каком *ядерном нуле* говорить будет невозможно.

Сегодня не видно ни воли у политических лидеров, ни ясного представления у экспертов и военных о том, как и сколько придется идти к этому положению, которое теперь называют *ядерным нулем*. Сейчас принято одно выражение – *дорожная карта*. Эта *дорожная карта* в какой-то степени является термином *короткоиграющим*. Им стали прикрывать отсутствие крупных и проработанных идей. А вот есть *дорожная карта* на Ближнем Востоке, в переговорном процессе с США. Там все ясно – пять-шесть пунктов, которые настолько банальны, что их и не нужно изобретать, только договориться и исполнять. Но, тем не менее, есть такая *дорожная карта*, документ, по сути, полезный, поскольку позволяет дисциплинировать мысль, и эта мысль приобретает, в конце концов, какое-то материальное воплощение.

Дорожная карта должна быть не только у России и США – европейским ядерным странам и Китаю не нужно дожидаться, когда мы перейдем к какому-либо пункту. Почему они не могут иметь свою *дорожную карту* параллельно той *карте*, которая имеется у США и России, и двигаться согласно этой *карте*? В эту *дорожную карту* можно внести пункты, которые бы делали транспарентными их ядерные силы на том уровне, на котором существует транспарентность ядерных сил России и США. Это означало бы ежегодные уведомления о составе, количестве и типах боевых ядерных устройств, местах расположения объектов по производству ядерных вооружений. Это означало бы готовность к ведению определенного, пусть пока упрощенного верификационного режима. Вот это был бы вклад! А так, когда мы куда-то придем, они будут только начинать этот процесс. Надо этот процесс ввести уже сейчас. И в этом большая задача.

Ситуация осложняется тем, что в мире существует ряд неофициальных *де-факто* ядерных государств. Эти государства фактически пока никак не ограничивают себя никакими правилами и нормами. Они не участвуют в ДНЯО – возникает проблема, как сделать ДНЯО универсальным договором. И эту проблему пока никто не решает, а напротив, дают послабления некоторым государствам в контексте этого Договора, у которого есть серьезные требования к отдельным вопросам. В частности, по проблеме Группы ядерных поставщиков и т.п. Мировое сообщество могло бы коллективно предложить этим странам, *во-первых*, сейчас уже раскрыть свои ядерные потенциалы, дав уведомление об их составе, количестве и типах ядерных боевых устройств, местах расположения объектов по производству. *Во-вторых*, эти страны могли бы принять на себя обязательства о замораживании, но только после того, как они дадут цифры количества объявленных ранее ядерных вооружений, и о прекращении производства новых. *В-третьих*, движением вперед могло бы стать принятие этими странами обязательств об их готовности придерживаться требований ДНЯО, ДВЗЯИ и других международных документов и в последующем их согласие (еще даже до вступления в эти договоренности) к принятию на себя обязанностей по верификационным режимам. Тогда они будут идти нога в ногу со всем остальным миром, который будет идти стройными рядами к *ядерному нулю*.

ДНЯО должен стать универсальным документом, как универсальным документом должны стать и договоренности по режиму контроля за ракетными технологиями. Хотим мы этого или не хотим, но там основная взаимосвязь: ядерное оружие – средство доставки. Но РКРТ – это сейчас клуб избранных, и Россия ничего не делает, чтобы по-настоящему превратить его в международное сообщество. Поэтому это еще один шаг.

Мы говорим о необходимости ратификации ДВЗЯИ. Но ядерное оружие будет существовать еще очень долго. Основные игроки не проводили ядерных испытаний очень давно. Россия уже почти 20 лет не проводила ядерных испытаний. Боезапас стареет. Луч-

шей проверки, чем испытание, не бывает. При окончательном оформлении ДВЗЯИ основным игрокам – России, США, возможно, Китаю – можно было бы позволить раз в семь-десять лет проводить проверочные одно-два испытания, чтобы убедиться в нормальном состоянии еще сохраняющегося ядерного боезапаса. Потому что никому не нужен безъядерный мир, если произойдет что-то, что мы с вами не мыслим. Поскольку мы долго будем идти к безъядерному миру, нам нужно сделать какие-то демпфирующие шаги, чтобы можно было бы спастись.

У каждого государства есть свой взгляд на обеспечение национальной безопасности. И как она будет обеспечиваться в отсутствие или при сильном сокращении ядерного оружия – это большой вопрос. Идти к этому надо не на ощупь, как по болоту, и не полагаясь на обещания и заверения наших руководителей и чиновников. Мы должны создать совместные группы экспертов, прежде всего, США и России, которые бы просмотрели этот длительный путь, которые смогли бы определить настоящие болевые точки каждого из участников, чтобы не наступать на них. И вот тогда только у нас могут быть договоренности и будет доверие двигаться дальше к безъядерному миру. Это не вопрос *дорожной карты* завтрашнего дня, а долгосрочная, грамотная, профессиональная работа экспертов, которые могли бы помочь госслужащим и правительствам найти правильное решение.

А.А. МАЛЫГИНА (СПБГУ): Разработка ДНЯО – это пример того, как на международном уровне были заложены основы механизма регулирования развития научно-технического прогресса. Развитию военно-технической составляющей ядерной науки были положены пределы, а мирным атомным проектам был дан *зеленый свет*. Более того, странам, добровольно отказывавшимся от применения ядерных технологий в военной сфере, предоставлялись привилегии, способствовавшие более активному освоению мирного атома. В доатомный период мировой истории трудно найти пример, когда государство добровольно ограничивало себя в использовании того или иного технического средства в качестве оружия, если было уверено, что это принесет победу. Формирование режима ядерного нераспространения стало результатом того, что ряд государств для обеспечения своей безопасности намеренно отказались от обладания определенным видом оружия.

Наличие ядерного оружия обуславливает сдержанность поведения ведущих игроков, что само по себе является стабилизирующим фактором в мировой политике. Однако эта стабилизирующая роль ведет, скорее, к консервированию существующих проблем, нежели к их решению. Ядерное сдерживание по своей сути может быть обращено против государственного игрока, в то время как новые угрозы международной и национальной безопасности, которые множатся с каждым годом, преимущественно имеют негосударственный характер. Становится все более очевидным, что существование ядерного оружия в условиях трансформации системы международных отношений не столько укрепляет международную безопасность, сколько многократно усложняет решение ключевых вопросов, усиливая дестабилизирующий характер глобальных проблем.

Вместе с тем ядерное оружие – это лишь средство реализации стратегии сдерживания. Суть полемики о том, отказываться или нет от ядерного оружия и что в случае отказа может его заменить, сводится к поиску иных средств сдерживания. Однако положение о том, что сдерживание является неременным условием обеспечения международной стабильности, не столь уж очевидно. То, что сдерживание просуществовало почти полвека и не дало осечку, может означать не только то, что оно работает, но и то, что оно вообще не работает.

Для поиска новых подходов к пониманию значения ядерного разоружения важно уделить должное внимание изучению того контекста, который создает существование ядерного оружия. Если вектор развития, заданный технократической парадигмой, в условиях существования ядерного оружия привел к системному кризису, то, очевидно, необходимо если не кардинально менять курс дальнейшего развития (человечество встало на путь технического развития, и отказ от техники в принципе невозможен), то хотя бы корректировать базовые представления, на которых строится система международной безопасности.

Отказ от химического и биологического оружия происходит в том числе и потому, что угрозы, проистекающие из самого факта существования этих видов ОМУ, превышают потенциальные выгоды от обладания ими. В отношении ядерного оружия эта логическая связка пока менее очевидна. Ядерное оружие за долгие десятилетия своего существования было мифологизировано и эстетизировано. Оно стало неотъемлемым символом мощи государства, доказательством высокого уровня его развития, обрело мощный потенциал психологического воздействия на потенциального противника.

На сегодняшний день для тех государств, которые решили создать собственное ядерное оружие, не существует непреодолимых преград. Правовые и политические барьеры, которые международное сообщество начало активно создавать с середины 1950-х годов, могут лишь значительно осложнить задачу создания ядерных сил. Но история показывает, что государство с высоким уровнем мотивации способно успешно преодолеть эти барьеры. Кроме того, в современных условиях базовые знания о создании простейших ядерных взрывных устройств доступны широкому кругу специалистов по всему миру. Даже если уничтожить все ядерное оружие на Земле, нет гарантии, что оно не будет *изобретено* вновь и произведено. Тот же принцип действует и в отношении отдельных государств. Если с помощью военной силы принудить государство отказаться от создания ядерного оружия и уничтожить военную составляющую его национального ядерного комплекса, нет никаких гарантий, что через восемь-десять лет государство не восстановит свои технологические способности.

Если рассуждать о дополнительных стимулах для ядерного разоружения, то их необходимо искать в корректировке социально-политических оценок и смене мировоззрения национальных политических элит. В постиндустриальном мире усилия по укреплению режима нераспространения должны воздействовать на волю международных игроков использовать ядерные технологии в военных целях. Чтобы государство не стремилось обладать ядерным оружием, нужно, в первую очередь, обращать внимание на причины, побуждающие его использовать атомную энергию в военных целях. Поскольку в условиях информационной революции и глобализации практически невозможно остановить распространение знаний и технологий, решение проблем ядерного нераспространения должно базироваться не только на ужесточении барьеров для распространения материалов и техники. Крайне важно сконцентрировать усилия мирового сообщества на том, чтобы сделать международную среду менее взрывоопасной и конфликтогенной.

М.Н. ЛЫСЕНКО (РОСАТОМ): Хотелось бы рассказать о тех приоритетах, которые ставит перед собой Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом* в работе ядерного разоружения и нераспространения. Эта работа строится по нескольким направлениям.

Во-первых, реализуя межправительственные соглашения, мы уже вносим конкретный вклад в ликвидацию запасов расщепляющихся материалов оружейного качества. К примеру, соглашение с США по ВОУ-НОУ. К настоящему времени переработано и поставлено в США 353 т высокообогащенного урана (ВОУ) из 500 т, предусмотренных этим соглашением, переведенных в низкообогащенное топливо (НОУ). Если применить к этому известные расчеты МАГАТЭ, согласно которым значимым количеством ядерного материала, достаточного для изготовления ядерного взрывного устройства, является 25 кг урана, обогащенного выше 20%, и 8 кг плутония, то простая школьная арифметика покажет, что из 350 т ВОУ можно было бы изготовить свыше 16 тыс. ядерных боезарядов. А если мы подсчитаем все 500 т, которые предусмотрены соглашением, то этого было бы достаточно для производства около 20 тыс. ядерных боеприпасов. Можно сделать и другой перерасчет: запас в 500 т, переведенный в НОУ, эквивалентен производству 10 млрд МВт/ч электроэнергии.

Другое соглашение – Соглашение с США об утилизации избыточного оружейного плутония – предусматривает утилизацию нашими странами по 34 т оружейного плутония в гражданской ядерной энергетике. Это эквивалентно уничтожению суммарно для обеих сторон, если считать по системе, приведенной выше, 8500 тыс. плутониевых ядерных боезарядов.

Еще одно соглашение – Соглашение об остановке реакторов – наработчиков плутония. В 2009 г. мы практически остановили последний из трех российских реакторов – наработчиков оружейного плутония, тем самым завершив успешную многолетнюю работу совместно с США. Причем мы сделали это досрочно, поскольку изначально такая остановка планировалась на 2010 г. Разумеется, условием остановки этих реакторов стало строительство тепловых станций для снабжения сибирских регионов тепловой электроэнергией.

Во-вторых, Росатом осуществляет вывоз из-за рубежа отработавшего ядерного топлива исследовательских реакторов советского производства. Есть целая программа в соответствии с договоренностями с МАГАТЭ, США и другими странами. Она охватывает 14 стран, и на сегодня в Россию вывезено порядка 900 кг топлива. В этой программе задействовано 20 российских организаций. Причем во многих случаях взамен вывезенного топлива мы в ряд стран поставляем НОУ в процессе конверсии исследовательских реакторов на работу с низкообогащенным урановым топливом.

В-третьих, мы работаем по многосторонним инициативам в области ядерного топливного цикла. Здесь мы продолжаем реализацию российской инициативы по созданию глобальной инфраструктуры ядерного топливного цикла, в рамках которой осуществляется проект создания Международного центра по обогащению урана в Ангарске. Проект состоит в том, что Россия предложила создать на своей территории и за счет собственных ресурсов физический запас НОУ для обеспечения гарантированных поставок ядерного топлива в государство – члены МАГАТЭ. Сегодня мы отработали с секретариатом МАГАТЭ базовый проект двустороннего соглашения по созданию этого запаса. Кроме того, разработано базовое соглашение, которое будут заключать МАГАТЭ со страной – получателем такого топлива. И это вопрос будет обсуждаться на сентябрьской встрече Совета управляющих МАГАТЭ. Есть надежда, что там этому проекту будет дан зеленый свет.

Есть также различные предложения других стран на этот счет, в частности, предложение США о создании банка топлива, предложение Германии и ряд других. Мы рассматриваем их не как конкурирующие, а как дополняющие друг друга и приветствуем соответствующие инициативы, которые уже выдвинули или еще могут выдвинуть другие государства.

В-четвертых, мы работаем над реализацией экспериментальных, промышленных и научных проектов в интересах создания устойчивых к распространению ядерно-энергетических систем, прежде всего реакторных технологий следующего поколения. Здесь можно выделить проект быстрых реакторов с натриевым теплоносителем. Мы придаем ему большое значение. Сейчас идет работа по созданию такого энергоблока, называется он *БН-800* в составе Белоярской атомной электростанции. Он будет работать на уран-плутониевом топливе, то есть здесь будет обеспечен замкнутый топливный цикл. И ввод в эксплуатацию этого объекта намечен на 2014 г.

Высокотемпературные газоохлаждаемые реакторы являются базовым элементом водородной энергетики. Она обещает внедрение ядерной энергии в наиболее кризисную сферу мирового энергетического рынка – производства моторного топлива. Эта технология планируется к разработке в более отдаленной перспективе – к 2030 г.

ИТЭР – международный экспериментальный термоядерный реактор, основанный на использовании управляемой термоядерной реакции. Расчетная мощность его – до 500 МВт. Он предполагает самообеспечение топливом и не предполагает какого-либо распространения расщепляющихся материалов, поскольку они там просто не используются. К 2018 г. предполагается получить управляемую термоядерную реакцию. Следующая веха – это достижение уровня мощности в 1 ГВт на термоядерной электростанции к середине текущего столетия. И, наконец, создание промышленной системы, которая может иметь мощность до и более 100 ГВт к концу XXI в. Сейчас этот проект активно разрабатывается международным сообществом. Сроки все условные, но в теории, по крайней мере, все расчеты уже сделаны.

В-пятых, под эгидой МАГАТЭ по российской инициативе реализуется международный проект по инновационным ядерным реакторам и топливным циклам. В нем участвуют

30 стран, идет он поэтапно. Первый шаг уже сделан – разработана методология, которая поможет принять странам стандартизированные решения для развития атомной энергетики, учитывая такие вопросы, как нераспространение и ядерная и физическая безопасность, обращение с радиоактивными отходами, отработавшим топливом, окружающая среда и т.д. Проект активно рассматривает варианты создания малых мобильных передвижных ядерных систем. Он очень многогранен.

Большое значение имеет сотрудничество в развитии атомной энергетики. Уникальным здесь является российско-американское межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. В нем впервые в постсоветский период прописаны рамки равноправного технологического партнерства России и США. Соглашение отражает глобальную миссию двух ядерных держав – не только сокращать и контролировать ядерные вооружения, но и использовать ядерные технологии и материалы в мирных целях, как на двусторонней основе, так и в третьих странах.

Соглашение 123 уникально своим охватом – оно предусматривает сотрудничество практически по всему спектру ядерного топливного цикла, включая реакторные технологии, торговлю ядерными материалами, движение информации, технологий, товаров и т.п., как на двусторонней основе, так и с выходом на рынки третьих стран. В частности, Соглашение прочерчивает перспективы промышленного технологического взаимодействия, сотрудничества по переработке ядерного топлива, а также способствует объединению усилий в области технологий быстрых реакторов в интересах создания замкнутого топливного цикла для обеспечения практически неисчерпаемой ресурсной базы ядерной энергетики и кардинального решения проблемы нераспространения.

Соглашение открывает двери для научного сотрудничества между российскими и американскими лабораториями, в частности, в рамках инициатив по созданию реакторов нового поколения.

Из-за возникших в США проблем с ратификацией Соглашения в депутатском корпусе России, политических кругах, исследовательском сообществе активно дебатировался вопрос: а готовы ли мы *прожить* без Соглашения 123? В силу указанных причин невступление Соглашения в силу обернулось бы существенной потерей, прежде всего упущенной долгосрочной выгодой для обеих стран, хотя объективно мы сможем без него *прожить*, ибо российская атомная отрасль самодостаточна.

Последующие шаги в области ядерного разоружения и нераспространения должны быть следующими: скорое начало переговоров в Женеве на Конференции по разоружению по ЗПРМ для целей оружия; продолжение и скорейшее завершение переговоров по договору, который пойдет на смену Договору СНВ-1; завершение вывоза ВОО с исследовательских реакторов за рубежом и их конверсия на работу с НОО; реализация упомянутых многосторонних проектов, направленных на вовлечение плутония в замкнутый топливный цикл и создание таких циклов; стимулирование в целом международно-сотрудничества в области мирного использования атомной энергии.

За полгода, начиная с января 2009 г. и по сегодняшний день, Росатом подписал семь межправительственных соглашений с разными странами. Четыре из них – рамочные межправительственные соглашения с Японией, Иорданией, Белоруссией и Нигерией. С Белоруссией сейчас мы участвуем в переговорах по второму этапу в подготовке соглашения, которое предполагает строительство атомной станции. Кроме того, мы подписали межправительственное соглашение с Сербией и Румынией по вывозу топлива с исследовательских реакторов из этих стран. И достигли межправительственной договоренности с Украиной о ее присоединении к Международному центру по обогащению урана в Ангарске. Работа продолжается.

Примечание

¹ Дискуссия состоялась на конференции «Многосторонние подходы к ядерному разоружению: планируя следующие шаги», организованной ПИР-Центром 3 июля 2009 г. при финансовой поддержке Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (NTI) и МИД Норвегии.

Владимир Воронков

ДОГОВОР О ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОСЛЕ КОРФУ

Созванная по инициативе греческого председательства в ОБСЕ неофициальная министерская встреча на о. Корфу (Греция) стала существенной вехой в реализации идеи президента Д.А. Медведева о заключении Договора о европейской безопасности (ДЕБ). Партнеры России по евроатлантическому пространству своим участием в мероприятии, посвященном исключительно этой теме, и выдвижением собственных предложений подтвердили, что данная идея актуальна, востребована и работоспособна.

Выдвижению инициативы предшествовал анализ тенденций в развитии ситуации на евроатлантическом пространстве, причин системных сбоев в области жесткой безопасности, где накопился большой массив вопросов, подрывающих взаимное доверие. В их числе – военная операция НАТО против Сербии, признание Косово, кризис ДОВСЕ и других инструментов в области контроля за вооружениями и укрепления доверия. Наконец, рецидивы попыток изоляции России, пренебрежение к озабоченностям Москвы в том, что касается проблем расширения НАТО, приближение военной инфраструктуры Альянса к нашим границам, намерение создать третий позиционный район ПРО США и т.д. Только столь сильное лекарство, как катастрофа августа 2008 г. в Закавказье, заставило наших западных партнеров заняться переосмыслением ситуации в Евроатлантике, чтобы избежать дальнейшей ее деградации.

Непредвзятый анализ позволяет сформулировать ряд основных факторов, обеспечивающих востребованность идеи ДЕБ.

Принципиально изменился российский фактор на евроатлантическом пространстве. Сегодня Россия ощущает себя скорее в качестве субъекта, а не объекта политики Евросоюза и НАТО.

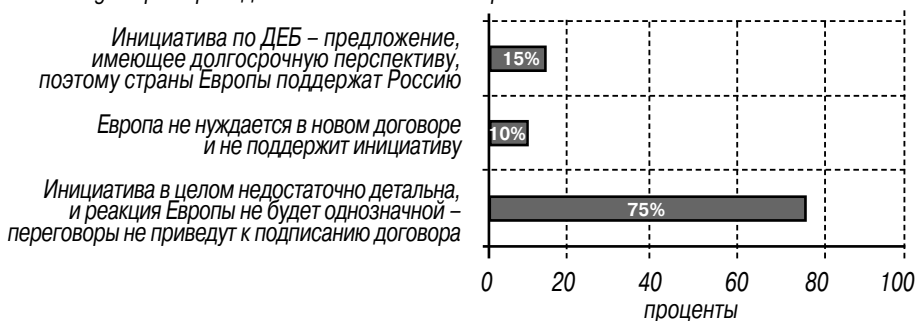
В этом принципиальное отличие от 1990-х гг. Мы и тогда не стояли ни перед кем на коленях. Россия была не столько слаба, сколько искала – как новое государство – свое место в мире в условиях господствовавшей в то время основной тенденции на евроатлантическом пространстве – стремления большинства освободившихся от коммунизма стран присоединиться к НАТО и Евросоюзу.

Сегодня действительность иная: Россия осознала свои возможности и окружающую реальность как самостоятельный международный фактор. Некоторые западные аналитики иногда высказывают мысль, что нынешний глобальный кризис заставит Россию вернуться к политике 1990-х гг. Это ошибочное суждение. Какими бы ни были цены и спрос на нефть, Россия уже прочно вмонтирована в глобальную экономику и в состоянии обеспечить внутреннюю устойчивость. Проблемы есть, но мы их видим и решаем. В том числе в сотрудничестве с западными странами – на равноправных и взаимовыгодных условиях.

Найдет ли российская инициатива Договора о европейской безопасности (ДЕБ) поддержку в Европе?

В опросе принимали участие посетители интернет-представительства ПИР-Центра www.pircenter.org. Опрос проводился с 1 июля по 1 октября 2009 г.

Но есть проблемы и у наших западных партнеров. Прежде всего, это касается вопросов расширения. В НАТО уже приняли всех, кого было можно. Остальные страны рассчитывать на прием в Альянс не могут или не хотят. Еще сложнее с Евросоюзом – для кандидатов придумываются все новые критерии и препятствия. Евросоюз, особенно в условиях кризиса, поглотить новых членов без ущерба для себя не в состоянии, исключением могут послужить лишь Исландия и Хорватия. Это означает, что большое количество стран на евроатлантическом пространстве окажется, по крайней мере, на ближайшие годы, а то и десятилетия, вне рамок НАТО и ЕС.

Трудно прогнозировать, появится ли для стран вне ЕС и НАТО в перспективе иной выбор, чем присоединиться к этим союзам. В конце концов, это их неотъемлемое право. Что касается России, то в предсказуемом будущем она, несомненно, сохранит свой статус самостоятельного внешнеполитического фактора. Тем не менее, для России и этих внеблоковых государств нужна надежная, основанная на твердых юридических нормах, равная и надежная безопасность. Именно поэтому российская сторона считает необходимым сфокусировать ДЕБ на вопросах жесткой безопасности, по которой накопились наиболее серьезные и многочисленные раздражители. Их решение позволит и нам, и Западу не отвлекать дополнительные ресурсы на дорогостоящие решения, взятые из арсенала холодной войны, создать необходимую атмосферу доверия и взаимопонимания для устойчивого и поступательного развития.

Эволюция от настороженного, если не сказать подозрительного, отношения западных партнеров к российскому предложению до заявленной готовности начать практическую работу над ним заняла год. Мы их не торопили, напоминая, что как любая новая идея, ДЕБ должен быть внимательно и всесторонне проанализирован на *профпригодность*.

Российская дипломатия и политическая наука активно включились в разъяснение и продвижение того, что Д.А. Медведев в своем интернет-блоге под заголовком «Конструктивная повестка дня для европейской безопасности» назвал «новым поколением программного обеспечения и новыми удобными *интерфейсами* между действующими в сфере безопасности структурами», чтобы эти структуры в кризисных ситуациях *не зависали*. Тематика договора стала одним из главных предметов обсуждения на Совете министров иностранных дел ОБСЕ в Хельсинки (декабрь 2008 г.), Мюнхенской конференции по безопасности (февраль 2008 г.), совместном заседании Форума по сотрудничеству в области безопасности и Постоянного совета ОБСЕ и на зимней сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ в Вене (февраль 2009 г.), Брюссельском форуме (март 2009 г.). Существенный вклад в развитие идеи внесло российское и западное политическое сообщество. Ряд научно-практических конференций был организован Институ-

том современного развития (И.Ю. Юргенс), Советом по внешней и оборонной политике (С.А. Караганов), Европейским учебным институтом при МГИМО(У) МИД России (М.Л. Энтин), Институтом стратегических оценок и анализа (В.А. Гусейнов), ПИР-Центром политических исследований России (В.А. Орлов). У западных коллег лидирующую роль в обсуждении ДЕБ играет Институт «Восток-Запад» (Грег Остин), который в канун министерской встречи на о. Корфу выпустил обстоятельный доклад, содержащий конкретные предложения по дальнейшему продвижению ДЕБ, – «Евроатлантическая безопасность: одно видение – три пути».

Очередным этапом развития дискуссии по ДЕБ стало официальное представление российских предложений на Ежегодной конференции ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности (Вена, 23–24 июня 2009 г.). В выступлении на этом форуме министр иностранных дел России С.В. Лавров призвал ответить на принципиальный вопрос – готовы ли государства-участники подтвердить *де-юре* закрепленные в политических решениях ОБСЕ и Совета Россия–НАТО принципы неделимости безопасности и обязательство не укреплять собственную безопасность за счет безопасности других. По словам министра, с точки зрения элементарной логики не может быть надежной безопасности первого и второго сорта. Но в ОБСЕ принцип неделимости безопасности является политическим обязательством, а в НАТО тот же принцип имеет юридическую силу. Эта коллизия наиболее драматически проявилась в 1999 г., когда натовские страны пренебрегли своими политическими обязательствами, проведя (вопреки обязательству не применять силу в отношении государств ОБСЕ) военную операцию против Югославии.

С.В. Лавров представил четыре смысловых блока ДЕБ. Первый из них подтверждал бы базовые принципы отношений между государствами. Речь идет о добросовестном выполнении имеющихся международных обязательств – уважении суверенитета, территориальной целостности и независимости государств, невмешательстве во внутренние дела, равноправии и праве народов распоряжаться своей судьбой. Важный элемент – гарантии единообразного толкования и соблюдения этих принципов. В Договоре должна быть подтверждена недопустимость применения силы или угрозы ее применения как против территориальной целостности или политической независимости любого участника Договора, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями и принципами Устава ООН.

Государства и международные организации должны также подтвердить – но уже в юридически обязывающей форме – обязательства, взятые ранее в ОБСЕ и Совете Россия–НАТО, а именно:

- не обеспечивать свою безопасность за счет безопасности других;
- не допускать в рамках военных союзов и коалиций действий, ослабляющих единство общего пространства безопасности, в том числе не допускать использования своей территории в ущерб безопасности других государств, в ущерб миру и стабильности в Евро-Атлантике;
- не позволять, чтобы развитие военных союзов осуществлялось в ущерб безопасности других участников Договора;
- уважать право любого государства на нейтралитет.

И, наконец, Договор был бы призван подтвердить – опять же в юридически обязывающей форме – положение Хартии европейской безопасности (1999 г.) о том, что ни одно государство или международная организация не могут иметь эксклюзивных прав на поддержание мира и стабильности в Евро-Атлантике.

Во втором блоке предлагается изложить базовые принципы развития режимов контроля над вооружениями, укрепления доверия, сдержанности и разумной достаточности в военном строительстве. Это включает принципы ненаступательной обороны, отказа

от дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил за пределами своих территорий. Необходимо четко определить, что конкретно означает понятие *существенные боевые силы*. Предлагается также подтвердить приверженность продолжению процесса контроля над вооружениями на основе переговоров и закрепить возможность адаптации механизмов контроля над вооружениями и мер доверия.

Третий блок должен быть посвящен принципам урегулирования конфликтов. Договор призван закрепить четкие правила, которые будут единообразно применяться ко всем кризисным ситуациям, закрепить единство подходов к их предупреждению и мирному урегулированию на основе переговоров. В нем следует прописать процедуры и механизмы урегулирования в соответствии с принципами Устава ООН.

Прежде всего, это недопустимость силовых решений. Договариваться между собой должны сами стороны. Обязательство уважать переговорные и миротворческие форматы, которые были согласованы сторонами, необходимо. Урегулирование должно проводиться поэтапно: обязательства по неприменению силы, меры укрепления доверия, налаживание диалога между сторонами. Абсолютными условиями являются защита гражданского населения в зонах конфликтов, недопущение его изоляции и обеспечение его гуманитарных и социально-экономических нужд. Категорически недопустимы провокации против миротворцев, действующих по согласованному со сторонами мандату.

И, наконец, четвертый блок будущего Договора видится как блок, посвященный механизмам взаимодействия государств и организаций по противодействию новым угрозам и вызовам, включая распространение оружия массового уничтожения, международный терроризм, незаконный оборот наркотиков и другие виды трансграничной преступности.

С.В. Лавров акцентировал внимание на том, что российское предложение не направлено на подрыв НАТО и любых других организаций, действующих в сфере безопасности. Напротив, Россия выступает за укрепление координации и сопряженности действий между существующими международными структурами, за то, чтобы ни одно государство или организация в Евро-Атлантике действовали не друг против друга, а сообща против общих угроз. Европа уже проходила эпоху *священных союзов*, и возвращаться к принципу *либо с нами, либо против нас* было бы губительно и безрассудно. Те, кто сегодня пытается возродить этот принцип, как раз провоцирует создание новых разделительных линий и стен в Европе, они должны осознать свою ответственность.

В развитие диалога по ДЭБ Россия предложила провести встречу руководителей ключевых международных организаций – ОБСЕ, НАТО, ЕС, СНГ, ОДКБ. Созвать эту встречу можно на основе Платформы кооперативной безопасности, которая была одобрена в рамках ОБСЕ в 1999 г. Предметом такой встречи стало бы сопоставление стратегий безопасности, которые есть у каждой из этих структур. Это был бы важный шаг к выработке единых подходов к созданию действительно единого и неделимого пространства безопасности в Евро-Атлантике.

Главный результат дискуссий на Ежегодной конференции ОБСЕ – необходимость глубокого и откровенного диалога по вопросам безопасности, нацеленного на преодоление существующих разногласий – уже никем не оспаривается. Более того, свои идеи по возможному наполнению ДЭБ представили США, Германия, Франция, Финляндия. Выявились различия в российских и западных подходах к содержанию и тактике работы над документом.

Во-первых, Россия выступает за то, чтобы сконцентрировать Договор на вопросах военно-политической безопасности – именно здесь произошли принципиальные нарушения ряда положений Хельсинкского Заключительного Акта (ХЗА) и последующих базовых документов ОБСЕ. Наши партнеры понимают принцип неделимости безопасности как соблюдение обязательств по всем трем *корзинам* ХЗА – военно-политической, экономико-экологической и правочеловеческой. В двух последних *корзинах* эрозии основополагающих принципов Хельсинки не произошло – их было бы достаточно только переподтвердить.

Во-вторых, в западных предложениях предлагается замкнуть всю дискуссию по архитектуре безопасности на площадку ОБСЕ. В России считают такой подход недостаточным, по крайней мере, исходя из двух обстоятельств: ОБСЕ с международно-правовой точки зрения по-прежнему не является полноценной организацией и поэтому неспособна принимать юридические обязательства. Это не единственная, да и не самая главная евроатлантическая структура в области жесткой безопасности. Поэтому, чтобы иметь полноценный продукт переговоров, Россия выступает за *инклюзивный* переговорный процесс с вовлечением НАТО, ЕС, ОДКБ, СНГ. И, наконец, имеет место откровенное *лукавство* со стороны ряда западных стран. Делается ссылка на то, что процедура ратификации ДЕБ как юридического документа слишком сложна и поэтому не совсем реальна. Предлагается ограничиться политическими обязательствами, подтвердить их, например, решением (или декларацией) очередной министерской встречи ОБСЕ. То есть России предлагают быстренько вернуться к исходной *додебовской* точке отсчета. Очевидно, что Россию категорически не устраивает такая позиция. Имеют место и довольно бесцеремонные намеки на неприемлемые для России увязки с признанием Южной Осетии и Абхазии.

Эти противоречия отчетливо проявились во время неформальной встречи министров стран ОБСЕ на о. Корфу. Собственно, это не было неожиданностью: освоение нового и гармонизация международных усилий вокруг этого нового – всегда сложный и нелинейный процесс. Главное другое: на о. Корфу министры 56 стран ОБСЕ пришли к выводу о необходимости продолжить неформальный диалог, получивший название *корфуского процесса*, с тем, чтобы выработать точки соприкосновения по современной повестке дня европейской безопасности, в том числе в контексте инициативы ДЕБ. Подводя итоги неформального общения министров, действующий председатель ОБСЕ, министр иностранных дел Греции Дора Бакоянни в качестве ближайших задач сформулировала следующие основные темы дальнейших консультаций: базовые принципы всеобщей и неделимой безопасности, существующие обязательства в трех измерениях (*корзинах*) ОБСЕ в контексте их укрепления и дальнейшей реализации, необходимость укрепления сотрудничества по контролю за вооружениями, кризисному регулированию и противодействию новым угрозам. И хотя российская инициатива более конкретна и нацелена на наиболее актуальные для сегодняшней Евро-Атлантики вопросы военно-политической безопасности, мы готовы вести с партнерами и более широкий диалог. При этом в России понимают, что ДЕБ и *корфуский процесс* – два отдельных политических явления, которые не противоречат общей цели восстановить высокий уровень доверия в евроатлантическом регионе от Ванкувера до Владивостока.

Пришло время формализовать российские наработки по ДЕБ в проект самого договора. Что касается *корфуского процесса*, то в ОБСЕ пошли разговоры о готовности Хельсинки провести в 2010 г. саммит ОБСЕ в ознаменование 35-летия подписания Заключительного акта. Тогда в диалог о наиболее насущных проблемах безопасности на пространстве Евро-Атлантики напрямую включатся лидеры государств. Такой разговор назрел. Словом, цитируя классика, «процесс пошел...».

ПИР-ПРЕСС СООБЩАЕТ:

Уважаемые читатели журнала
Индекс Безопасности,

Мы рады представить Вам отдел эксклюзивной информации ПИР-Центра – ПИР-ПРЕСС.

Целью ПИР-ПРЕСС является оперативное информирование читателей по вопросам международной безопасности и нераспространения ОМУ.

Новости ПИР-ПРЕСС содержат комментарии и оценки экспертов ПИР-Центра по наиболее актуальным событиям международной безопасности, эксклюзивные цитаты ведущих российских и зарубежных официальных лиц, ссылки на дополнительные ресурсы ПИР-Центра по тем или иным темам международной безопасности.

Новости ПИР-ПРЕСС регулярно размещаются на главной странице интернет-представительства ПИР-Центра по адресу **<http://www.pircenter.org>**, а также рассылаются в электронном виде подписчикам.

Если Вы заинтересованы в оперативном получении эксклюзивной информации, экспертных комментариев, аналитических оценок и прогнозов по наиболее актуальным событиям в области безопасности, Вы можете бесплатно подписаться на электронную рассылку новостей ПИР-ПРЕСС по адресу **<http://pircenter.org/subscription>**, и новости будут приходить на адрес Вашей электронной почты на русском и английском языках.

*По всем вопросам, связанным с новостями ПИР-ПРЕСС,
а также по вопросам комментариев экспертов ПИР-Центра
обращайтесь по тел.: +7 (495) 987-1915*

Сет Кинкейд

О ВАЖНОСТИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

Учитывая резкое падение мирового спроса на энергоресурсы, не всем очевидна необходимость в развитии стратегического партнерства между Россией, соседними странами и западными энергетическими компаниями для ускорения разработки восточно-сибирских и дальневосточных залежей нефти и газа. Тем не менее, это партнерство жизненно важно как для долгосрочных экономических перспектив самой России, так и для возобновления роста всей мировой экономики. Поэтому для Кремля этот вопрос должен стоять на повестке дня одним из первых. Почти 10 лет добыча нефти и газа в России неуклонно росла, однако теперь она начинает падать. Такая тенденция в долгосрочной перспективе может окончиться для экономики страны крахом и глубокой депрессией. Кроме того, по мере возобновления роста мировой экономики вновь начнет расти спрос на топливо, и если спрос этот резко опередит предложение, то и восстановлению мировой экономики быстро наступит конец.

СЛОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ

Долгосрочные экономические перспективы всего мира очень сильно зависят от России, которая занимает уникальное положение. Именно Россия владеет энергоресурсами, столь необходимыми для глобальной экономики, и находятся эти ресурсы в непосредственной близости от страны, которая, скорее всего, станет фабрикой по производству товаров для всего мира. Россия – одна из немногих оставшихся на планете стран, где, по всей вероятности, все еще можно обнаружить крупнейшие новые месторождения нефти и газа. Однако и трудности, стоящие на пути разведки и разработки этих месторождений, тоже огромны. Вялые темпы разведки и разработки природных сокровищ Восточной Сибири и Дальнего Востока – следствие отсутствия инфраструктуры в этом регионе, а также сложности и дороговизны транспортировки добытых там нефти и газа на рынки потенциальных потребителей. Нормальная транспортная инфраструктура существует лишь в отдельных уголках Восточной Сибири и Дальнего Востока, поэтому тщательная разведка и полномасштабная разработка полезных ископаемых в этом регионе являются крайне сложной задачей. Но самой главной проблемой является даже не это, а сложные и тяжелые отношения между Россией и страной, которая, по логике вещей, могла бы стать самым главным потребителем российских энергоресурсов – Китаем.

Хотя в последние месяцы импорт нефти Китаем практически не растет, долгосрочной тенденции стремительного роста китайского энергопотребления это не меняет. В одном только 2003 г. поставки нефти в Китай увеличились на целых 15%. И по мере насыщения огромного китайского автомобильного рынка рост этот будет продолжаться в геометрической прогрессии¹. Индустриализация китайской экономики была неравномерной, и основной ее целью было обслуживание иностранных рынков. Если экономи-

ка страны продолжит ориентироваться на экспорт, было бы логично предположить, что увеличение энергопотребления затормозится, поскольку потенциал роста в промышленных областях уже практически исчерпан, а развитие страны ограничится крупными городами. Однако резкое сокращение мирового спроса заставило руководство Китая признать зависимость своей экономики от экспорта и начать поиск возможностей для роста за счет внутреннего потребления².

На Китай приходится 20% потребителей планеты. Население страны в два раза больше, чем всего Евросоюза. И если правительству Китая удастся добиться даже самых скромных успехов в переориентации своей экономики и стимулировании внутреннего потребления, это приведет к взрывному росту мирового спроса на энергоресурсы. Если предложение перестанет поспевать за этим спросом, цены достигнут заоблачных высот. Такой поворот событий обрушит всю мировую экономику, а вместе с ней рухнет и экономика России. Москва не должна откладывать инвестирование в разработку месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока до тех пор, пока вновь не вырастут цены на нефть и газ. На разработку этих месторождений и строительство транспортной инфраструктуры уйдут годы. Если Россия решит дожидаться возвращения цен на нефть на прежний заоблачный уровень, чтобы усилить собственную позицию на переговорах, она упустит возможность заложить энергетический фундамент для стабильного роста мировой экономики и тем самым лишь затянет свой собственный экономический кризис.

Хотя разведка на данный момент проведена лишь на 7% газоносных зон Восточной Сибири и Дальнего Востока, разведанные запасы газа в уже открытых месторождениях составляют более 198 трлн куб. м. Это больше, чем все запасы Соединенных Штатов и Гвинейского Залива. А разведка всего лишь 4% нефтеносных зон уже принесла более 7 млрд баррелей разведанных запасов нефти, в то время как общие запасы региона составляют, по разным оценкам, около 75 млрд баррелей. Это сопоставимо с размерами всех запасов США и Каспийского региона вместе взятых. Две наиболее многообещающих в ближайшей перспективе находки – это Ковыктинское газовое месторождение в Восточной Сибири и Сахалинское нефтяное месторождение на Дальнем Востоке. По словам Алистера Фергюсона из компании *TNK-BP*, «ресурсная база одной лишь Ковыкты (2 трлн куб. м) превышает всю газовую ресурсную базу Китая». Разработка этого месторождения позволила бы в значительной мере удовлетворить спрос на газ в восточноазиатском регионе³.

Проблема, однако, состоит в том, что разработка обоих месторождений технически сложна и потребует значительных вложений. У российских фирм, многие из которых до сих пор используют технологии советских времен, нет ни соответствующего опыта, ни денег, чтобы разрабатывать эти месторождения самостоятельно. Россия предложила иностранным компаниям выступать участниками в конкурсе на лизинговые контракты, в которых они бы выступали партнерами *Роснефти* или других российских компаний. Однако иностранцы опасаются жестоких корпоративных конфликтов с российскими партнерами наподобие того, который произошел в *TNK-BP*, а долгосрочные перспективы прибыльности таких предприятий остаются туманными. Кроме того, стремление Москвы не допустить эксплуатации российских природных ресурсов иностранцами отпугнуло транснациональных нефтяных гигантов от участия и инвестирования в развитие этого богатого нефтью и газом региона.

Разработка Сахалинского месторождения хорошо показала необходимость в прямых иностранных инвестициях в нефтегазовую промышленность, а также продемонстрировала сложности, которые несет для иностранных инвесторов участие в этом процессе российского правительства. На острове Сахалин ведется шесть крупных проектов по разработке огромных месторождений нефти и газа. У российских фирм нет ни опыта, ни финансовых ресурсов, чтобы разрабатывать эти месторождения в одиночку. Для добычи большей части нефти и газа в этих месторождениях нужны уникальные и технически сложные нефтяные платформы, сконструированные именно для данных месторождений. Поскольку море в этом районе покрыто льдом, требуются крытые платформы, а это, в свою очередь, затрудняет эвакуацию персонала в случае нештатных ситуаций. Чтобы компенсировать этот риск, инженерам пришлось создать платформы

с очень высокой структурной прочностью, такие как «Орлан» – самая большая нефтяная платформа в мире. Кроме того, поскольку работать нужно с очень большими запасами нефти и газа, необходимо очень высокопроизводительное для такой платформы добывающее оборудование. А чтобы обеспечить мощный поток добываемых углеводородов, пришлось пробурить огромную сеть горизонтальных скважин и установить интеллектуальную систему добычи, которая обеспечивает достаточное забойное давление и пропускную способность на каждом нефтеносном пласте. Такие технологии не только весьма дороги, но и эксклюзивны. Чтобы самостоятельно эксплуатировать эти месторождения, российским фирмам пришлось бы не только раздобыть серьезные финансовые ресурсы, но и самим разработать все эти крайне сложные технологии и методики добычи.

НАЧАЛО ИНВЕСТИЦИЙ

России удалось привлечь инвестиции в разработку сахалинских месторождений в начале 1990-х гг., предложив иностранным компаниям соглашения о долевом разделе продукции, по условиям которых государство начинало получать свою долю лишь после того, как иностранный партнер окупит свои расходы на проект. *Exxon Mobil* была первой транснациональной корпорацией, которая заключила подобное соглашение с российским правительством. Цены на нефть в то время были низкие, а российская казна пуста. Как это ни парадоксально, самой серьезной проблемой для компании, которая потратила на этот проект 10 лет и миллиарды долларов, стала неуклонно растущая цена на нефть и связанное с этим ростом вмешательство в проект российского правительства⁴.

После того, как все платформы уже были построены и размещены, компания попыталась расширить свою лицензию на добычу, чтобы получить права и на северную часть месторождения. Ее поддержал российский партнер, крупнейшая государственная нефтяная компания *Роснефть*, которая заявила, что без подключения северной части не удастся выполнить план по добыче. *Exxon* уже разместила платформу и была готова приступить к добыче, однако правительство вносить дополнения в лицензию отказалось. Более того, оно отказалось соблюдать одно из ключевых условий первоначально соглашения. По условиям договора, *Exxon* имела право самостоятельно решать, кому продавать свою долю нефти. Это позволило бы компании максимально увеличить отдачу от своих инвестиций. Однако когда компания попыталась организовать поставки своей доли газа в Китай, который является наиболее экономически выгодным покупателем, и *Роснефть*, и российское правительство ей отказали. Вместо этого они предложили начать производство сжиженного газа, чтобы затем поставлять его танкерами в другие страны. Однако переработка природного газа в жидкую форму и его последующая транспортировка в США или Японию – дело дорогое, и *Exxon* решила закачать весь свой газ обратно под землю, пока не удастся достичь выгодного соглашения⁵.

КИТАЙСКИЙ БАРЬЕР

Даже если России удастся разработать восточносибирские и дальневосточные месторождения, эффективно организовать доставку продукции на рынки потребителей – задача нелегкая, и дело здесь не только в сложных природных условиях. Инвестиции понадобятся огромные, соглашение о поставках нефти и газа нужно будет заключать на длительный срок, и к тому же все энергетические активы в России принадлежат государству. Поэтому в заключении сделки по разработке месторождений региона политические соображения будут играть ключевую роль. Как российское, так и китайское руководство хорошо понимают потенциал двустороннего партнерства в области энергетики, и в ходе переговоров за последние годы были приложены серьезные усилия по достижению долгосрочного энергетического соглашения. Серьезный шаг в этом направлении был сделан в феврале 2009 г., когда вице-премьеры России и Китая, И.И. Сечин и Ван Цишань, объявили о заключении двадцатилетнего соглашения на ежегодный экспорт 15 млн т российской нефти в Китай в обмен на 25 млрд долл. китайских инвестиций⁶.

Результат этой сделки пока не ясен, и ситуация не прояснится до тех пор, пока через несколько месяцев не появятся подробности заключенного соглашения, а *Роснефть* и *Транснефть* не опубликуют график соответствующих расходов. Однако уже сейчас ясно, что сделка эта имеет очень большое значение и может послужить трамплином для долгосрочного инвестирования в разработку полезных ископаемых восточносибирского и дальневосточного региона.

Пекин давно уже ищет стабильные источники поставок нефти. Сейчас транспортировка импортной нефти в Китай идет по довольно ненадежным морским маршрутам, а импорт из России железнодорожными цистернами через Монголию весьма дорог⁷. Как ни странно, на фоне общего роста китайского импорта нефти на 11% до 90,53 млн т в 2008 г.⁸ поставки нефти в Китай из России упали до 11,64 млн т⁹. Это на 20% ниже, чем в 2007 г., несмотря на то, что *TNK-BP* наконец начала промышленную добычу нефти на крупном Верхнеконском месторождении в Восточной Сибири. Основная причина снижения поставок российской нефти в Китай – отсутствие программы развития эффективной транспортной инфраструктуры. Оказалось очень непросто обеспечить финансирование для проектов по добыче, транспортировке и переработке нефти из восточносибирских месторождений, поскольку ни один из этих трех проектов не станет прибыльным, пока не начнут работу остальные два. А это потребует огромных вложений в добычу, транспортировку и переработку. Необходима также уверенность, что все участники проекта готовы идти до конца. Для развития данного региона необходимы твердые, юридически оформленные обязательства со стороны и россиян, и китайцев относительно разработки восточносибирских нефтяных месторождений, строительства сети нефтепроводов и нефтеперерабатывающих заводов и развития системы реализации продукции.

Добыча нефти крайне важна для полноценной разработки восточносибирских и дальневосточных месторождений, однако потенциал в области наращивания поставок газа еще выше. Россия заявила, что могла бы поставлять в Китай до 40 млрд куб. м газа в год через восточносибирско-тихоокеанский газопровод¹⁰. Это эквивалентно поставкам 36 млн т нефти, большая часть которой добывалась бы на Ковыктинском или Сахалинском месторождениях¹¹.

На природный газ пока приходится лишь небольшая доля китайского энергобаланса. В 2007 г. эта доля составила 3%, или чуть более 67 млрд куб. м. Это очень мало по сравнению с показателями других крупных экономик (Япония – 12,4%; Северная Америка – 23,3%; Европейский Союз – 32,1%)¹². В прошлом потребление газа в Китае сдерживалось отсутствием национальной газовой инфраструктуры и соответствующего уровня организации. Однако сейчас Китай интенсивно расширяет систему газопроводов и вспомогательных объектов, что позволит увеличивать потребление газа в период с 2007 по 2010 г. на 29% ежегодно. Такая газовая инфраструктура позволит Китаю использовать огромные российские запасы газа. А поскольку наиболее эффективный метод транспортировки газа – сухопутные газопроводы, территориальная близость России к Китаю дает ей конкурентное преимущество перед поставщиками сжиженного природного газа. По расчетам заместителя директора Центра исследований в области энергетики и стратегии развития при Государственном комитете по делам развития и реформ Лиу Сяоли, если к 2030 г. доля природного газа в энергобалансе Китая вырастет лишь до 10%, в абсолютном выражении это будет равняться потреблению 350 млрд куб. м в год¹³. Это намного превышает 200 млрд куб. м в год – уровень, который, по мнению аналитиков *TNK-BP*, необходим для того, чтобы экспорт по трубопроводам из России стал экономически оправданным¹⁴.

Для России газовый рынок Китая не менее, а может быть, даже более важен, чем нефтяной. Нефть легко транспортировать из одной точки планеты в другую – поэтому цена на нефть примерно одинакова по всему миру. Однако газ транспортировать намного сложнее, и цены на него зависят от региона. И если Россия пожелает продавать газ из Сахалинского или Ковыктинского месторождения в США или Японию, его нужно будет транспортировать в сжиженной форме – а это повлечет дополнительные расходы и создаст узкое место в цепи поставок. Отдаленность и сложные природные условия Восточ-

ной Сибири и Сахалина и так делают стоимость разработки находящихся там природных ресурсов почти неподъемной. Любые дополнительные расходы и сложности еще сильнее уменьшат окупаемость инвестиций в энергетические проекты в данном регионе и резко сократят потенциал его развития, снизив привлекательность этих проектов для частного капитала. Если не будет открыт китайский рынок, инвестиции удастся привлечь лишь в те газовые месторождения, где наладить добычу можно относительно малой ценой. А это затормозит развитие всего Восточносибирского и Дальневосточного региона, поскольку инвестиции в него будут литься тонким ручейком, а не мощной рекой.

Каким бы взаимовыгодным ни было газовое партнерство между Россией и Китаем в долгосрочной перспективе, на данный момент на пути развития такого партнерства между двумя странами существуют серьезные препятствия. В Китае природному газу в качестве топлива для бытовых, коммунальных и промышленных нужд мощную конкуренцию составляют уголь и синтетический газ, которые стоят в два раза дешевле¹⁵. Подписание сделки по поставкам российского газа на китайский рынок тормозит и то обстоятельство, что на данный момент потребность Китая в газе покрывается за счет собственной добычи. Кроме того, сейчас ведется строительство газопроводов из Туркменистана и Казахстана, которые будут поставлять газ по цене менее 200 долл. за тысячу куб. м газа. Это позволит покрыть рост потребления газа в Китае в ближайшей перспективе. Неконкурентоспособность российского газа на китайском рынке на данный момент тормозит развитие месторождений в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в среднесрочном плане. А это может привести к серьезным последствиям и для российской, и для мировой экономики при условии, если китайский спрос на энергоресурсы начнет расти быстрее, чем ожидалось.

Сейчас российская экспортная структура нацелена на обслуживание европейского рынка за счет западносибирских месторождений. Территориальная близость к экспортному рынку, большие объемы потребления, относительная легкость разработки месторождений и наличие инфраструктуры – все эти факторы поддерживают экспорт российских углеводородов в западном направлении. Более того, инвестиции в российскую нефтяную отрасль в последнее время во многом привлекала перспектива продления срока эксплуатации существующих месторождений за счет применения новых технологий. Использование новых методик позволило компании *TNK-BP* поднять добычу из своих скважин на целых 30%¹⁶. По мнению руководителя Центра изучения мировых энергетических рынков Института энергетических исследований Т.А. Митровой, «теоретически из западносибирских месторождений еще можно добыть столько же нефти, сколько из них уже было выкачано на настоящий момент. К сожалению, продолжение добычи нефти из старых месторождений крайне дорого и требует больших затрат времени. Для этого потребуются значительные финансовые вложения и создание долгосрочной инвестиционной структуры»¹⁷. Кроме того, по оценкам авторитетных аналитических центров, таких как *IHS Energy Group*, на самом деле промышленные запасы нефти и газа в большинстве крупных западносибирских месторождений уже почти полностью исчерпаны¹⁸. Еще до начала четвертого квартала 2008 г., когда начался экономический спад в большинстве стран мира, экспорт российской нефти сократился по сравнению с аналогичным периодом 2007 г. более чем на 5%¹⁹.

КРИЗИС – КАК ИЗВЛЕЧЬ ВЫГОДУ?

В двадцатилетний период с 2005 по 2025 г. ожидается довольно медленный рост европейского потребления нефти, на уровне всего лишь 3% в год²⁰. Одновременная тенденция понижения спроса и падения производства нефти ослабит экспортную структуру России и может подорвать ее экспортный рынок, что лишь еще раз подчеркивает важность китайского рынка.

Если Россия не обеспечит разработку восточносибирских и дальневосточных месторождений, а также реструктуризацию своей транспортной инфраструктуры, чтобы удовлетворить китайский спрос на энергоресурсы, последствия могут быть печальными

не только для российского экспорта нефти и газа. Китай играет важную роль в мировой экономике, фактически превратившись в фабрику для всей планеты. По мере восстановления мировой экономики спрос на китайские товары тоже начнет расти. Если китайские заводы и фабрики не смогут обеспечить себя энергоресурсами, выздоровление мировой экономики замедлится или вообще остановится, и сегодняшний кризис повторится вновь. Реструктуризация российской энергетической отрасли в направлении обслуживания растущих рынков Восточной Азии, особенно Китая, даст России возможность извлечь выгоду из возобновления роста мировой экономики по мере выхода всего мира из нынешнего глобального кризиса.

Примечания

¹ Juurikkala T., Ollus S. Russian energy sector – prospects and implications for Russian growth, economic policy and energy supply. *Institute for Economies in Transition*. Bank of Finland, 2006, № 4.

² Hu: More measures to raise domestic demand. *Xinhua English*, 2009, February 25, <http://english.sina.com/china/2009/0224/221060.html> (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).

³ Ferguson A. Deputy Executive Director for Gas Development *TNK-BP*. Hearing: Energy Supplies in Eurasia and Implications for US Energy Security. US Senate Committee on Foreign Relations Subcommittee on International Economic Policy, Export and Trade Promotion. 2005, September 27.

⁴ Ball J., White G. Exxon Strives to Stay on Russia's Good Side Huge Sakhalin Project Is Mostly on Track, As Shell Feels Pinch. *The Wall Street Journal*. 2008, May 7, P. A1.

⁵ Ibid.

⁶ Blagov S. Russia's New Energy Doctrine. *Eurasia Daily Monitor*. 2009, February 24, Volume 6. Issue 36.

⁷ Oster S., Wilson A., Winning D. China, Russia Strike \$25 Billion Oil Pact. *The Wall Street Journal*. 2009, February 18, P. A8.

⁸ China Crude Oil Imports up 11 % in 2008. *The Financial Express*. 2008, July 11, <http://www.financial-express.com/news/china-crude-oil-imports-up-11-in-2008/334300/> (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).

⁹ Oster S., Wilson A., Winning D. China, Russia Strike \$25 Billion Oil Pact. *The Wall Street Journal*. 2009, February 18, P. A8.

¹⁰ Drebensov V., Zhang C. China and Russia Gas Trade: Is There a Common Ground? *British Petroleum Presentation*, New Delhi. 2008, November 21.

¹¹ Ibid.

¹² Percentage of Natural Gas in Total Primary Energy Consumption in European Union, Japan and North America respectively. Natural Gas Market in Japan. *TOHO GAS CO., LTD*. Annual Report 2005, P. 1.

¹³ China Natural Gas Demand to Top 210–250 bln Cubic Meters by 2020. *China Mining*. 2008, September 25, <http://www.chinamining.org/News/2008-09-25/1222321648d17598.html>

¹⁴ Drebensov V., Zhang C. China and Russia Gas Trade: Is There a Common Ground? *British Petroleum Presentation*, New Delhi. 2008, November 21.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Интервью менеджера Департамента по международным вопросам *ОАО ТНК-ВР Менеджмент* Давлета Овезова автору статьи, Москва, 2008.

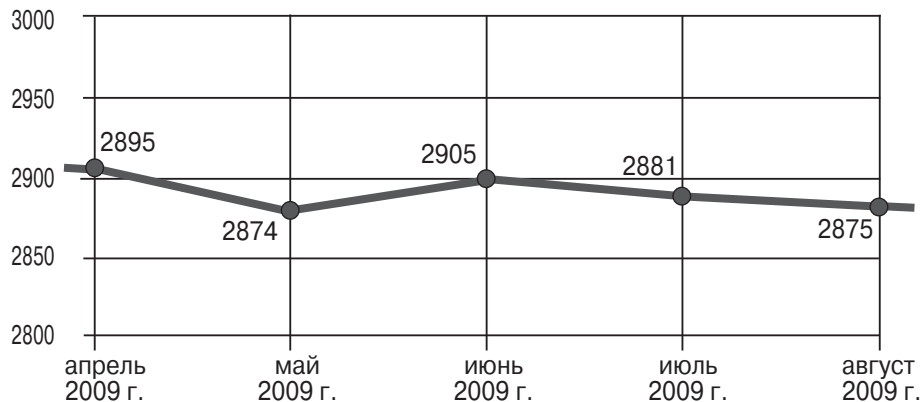
¹⁷ Интервью руководителя Центра изучения мировых энергетических рынков Института энергетических исследований Т.А. Митровой автору статьи, Москва, 2008.

¹⁸ Russia Oil Reserves. *The Energy Information Administration*. 2009, February 24, <http://www.eia.doe.gov/cabs/Russia/Oil.html> (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).

¹⁹ Экспорт нефти из РФ за 9 месяцев снизился на 5,6%, до 182,1 млн т. *РИА Новости*, 2008, 17 октября, <http://en.rian.ru/business/20081017/117804797.html> (последнее посещение – 15 сентября 2009 г.).

²⁰ Juurikkala T., Ollus S. Russian energy sector – prospects and implications for Russian growth, economic policy and energy supply. *Institute for Economies in Transition*. Bank of Finland, 2006, № 4.

График 1. Индекс международной безопасности *iSi*
(май–август 2009 г.)

■ Альберт Зульхарнеев. ИНДЕКС *iSi* ЗА МАЙ–АВГУСТ 2009:
ЛЕТО БЕЗ ЗАТИШЬЯ

■ Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА:
НИКОГДА ТАКОГО НЕ БЫЛО, И ОПЯТЬ ТО ЖЕ САМОЕ

■ Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА:
ГЛОБАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ СКВОЗЬ ТУМАН КРИЗИСА

■ Андрей Картунов, Даян Джаятиллека, Абдулазиз Сагер,
Евгений Сатановский, Константин фон Эггерт.
КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ

Интенсивность событий международной безопасности мая–августа 2009 г. опровергает известное представление о существовании *традиционного* летнего затишья в политической и других сферах, от которых зависит уровень угроз жизни и благополучию *граждан планеты*. Методология расчета Индекса *iSi* учитывает многообразие факторов, влияющих на состояние международной безопасности, но при этом самое высокое значение отдает возникающим военным угрозам и *сопровождающим* их политическим событиям. Особенно если речь идет о возможности использования или испытании оружия массового уничтожения. Именно здесь могут возникнуть самые масштабные и необратимые последствия, причем источник угрозы – исключительно человеческая деятельность. Отсюда и внимание к странам и регионам, социально-экономическая и политическая обстановка в которых прямо влияет на состояние глобальной безопасности, прежде всего в военной области.

Динамику Индекса международной безопасности летом 2009 г. определяли события в *де-факто* ядерных КНДР и Пакистане, *подозрительном* Иране и на всем Ближнем и Среднем Востоке, усилилась внутренняя напряженность в Китае и России. После падения в мае в июне Индекс возрос. Но далее, поскольку события в основном носили тревожный характер, Индекс снижался: на 1 июня значение *iSi* составило **2874**, на 1 июля – **2905**, на 1 августа – **2881**, на 1 сентября – **2875** пунктов.

- **Северная Корея.** 25 мая КНДР испытала ядерное устройство мощностью около 20 кт. 12 июня Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1874, которая осуждает Пхеньян и вводит против него дополнительные санкции, в том числе запрет на торговлю оружием, и оговаривает возможность досмотра северокорейских судов. В ответ КНДР пообещала, что ответит военными действиями на подобные меры, будет обогащать плутоний и получать уран. 4 июля был проведен запуск семи ракет малой дальности. Действия Северной Кореи привели к росту военной напряженности во всей Северо-Восточной Азии.

Тем не менее, ни Пхеньян, ни другие региональные и глобальные игроки не пошли на дальнейшее обострение, и к концу августа обстановка стала улучшаться. 4 августа Пхеньян для освобождения из заключения американских журналистов посетил экс-президент США Билл Клинтон, в конце месяца представительная северокорейская делегация прибыла в Сеул на похороны бывшего президента Южной Кореи, *архитектора разрядки* на полуострове в 2000 г. Ким Дэ Чжун, где провела неформальные переговоры.

- **Иран.** На выборах президента 12 июня, набрав 62,63% голосов, победу одержал ныне занимающий эту должность Махмуд Ахмадинежад. Его основной соперник, представитель реформистского крыла, Мир Хусейн Мусави набрал 33,75%. Тем не менее, оппозиция не согласилась с результатами выборов. Массовые протесты, в ходе которых появились жертвы, охватили Тегеран и другие крупные города, власти жестко ответили. Иранская элита раскололась: руководитель страны Али Хаменеи встал на сторону президента, лидеры реформистов Али Акбар Хашеми Рафсанджани и Мохаммад Хатами открыто выступили против результатов. Наблюдательный совет Ирана согласился провести пересчет голосов, который с небольшими поправками лишь зафиксировал прежний исход выборов.

Несмотря на обнадеживающую, позитивную в отношении Ирана риторику новой американской администрации весной, реальные планы Вашингтона не ясны и не исключают никаких вариантов. В решении ядерной проблемы прогресса нет. Наоборот, нарастает скепсис мирового сообщества в отношении возможности изменения позиции Тегераном. Доклад генерального директора МАГАТЭ в конце августа показал, что Иран продолжает развивать ядерную программу и не сотрудничает в полной мере с МАГАТЭ.

□ **Китай.** Через год после событий в Тибете волнения на национальной почве охватили другой регион КНР – Синьцзян-Уйгурский автономный район и его центр Урумчи. Мирная демонстрация, требующая провести расследование столкновения представителей ханьской и уйгурской национальностей 25 июня в Гуандуне, переросла в беспорядки, которые жестко пресекались властями. Около 200 человек погибли и более 1600 получили ранения. Официальный Пекин указывает на возможность организации волнений из-за рубежа. События вызвали неоднозначную реакцию в мире, с критикой в адрес Пекина выступили западные страны, общественные организации, особенно остро – премьер-министр Турции.

Тем не менее эти события не привели к ослаблению позиций Китая, экономическое и политическое значение которого все более возрастает, подтверждением чего стал состоявшийся 27–28 июля саммит «Американо-китайский стратегический и экономический диалог».

□ **Афганистан–Пакистан.** 20 августа в Афганистане состоялись выборы президента, лидирует на которых действующий глава государства Хамид Карзай. Движение *Талибан* стремилось сорвать выборы. В течение лета по всей стране продолжались боевые действия между партизанскими отрядами *Талибана*, с одной стороны, и войсками правительства и международных сил содействия безопасности, наращивающими свое присутствие в стране, с другой. Сохраняется напряженная ситуация в Северо-западной пограничной провинции Пакистана, где не снижается террористическая активность исламистов.

В ходе российско-американского саммита 6–8 июля было подписано соглашение о транзите через территорию России вооружения и военной техники для армии США, 23 июня Киргизия согласилась с использованием американскими силами аэродрома Манас, что должно укрепить позиции международной коалиции.

□ **Россия–США.** В полной мере возобновлен российско-американский диалог по стратегическим аспектам безопасности, подтверждением чему стали результаты встречи президентов Д.А. Медведева и Барака Обамы в Москве 6–8 июля. При том что переговоры продвигались непросто, сторонам удалось прийти к общему пониманию основных элементов будущего договора по сокращению наступательных вооружений. К удовлетворению Москвы, в совместном документе заявлен тезис о взаимосвязи стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений. Обозначенные количественные параметры (число стратегических носителей – в пределах 500–1100 единиц и связанных с ними боезарядов – в пределах 1500–1675 единиц), скорее, отражают военные расчеты стран и возможности по содержанию этих вооружений, чем подтверждают их стремление к *ядерному нулю*, широко разрекламированное новой администрацией США весной 2009 г.

□ **Ближний Восток.** В конце мая – начале июня в очередной раз обострился внутр-палестинский конфликт. После силовых акций движения *ХАМАС* глава Палестинской национальной администрации Махмуд Аббас распустил коалиционное правительство, сформированное в феврале из представителей *ХАМАСа* и *ФАТХа*, назначил нового премьер-министра и ввел чрезвычайное положение. Переговоры между представителями движений при посредничестве Египта результатов пока не принесли. Тем временем израильский премьер Беньямин Нетаньяху отказался остановить строительство еврейских поселений в Восточном Иерусалиме.

Положительно на динамике Индекса сказались первые после 2005 г. переговоры между представителями **США** и **Сирии** и наметившаяся реанимация дипломатических отношений между этими странами.

□ **Постсоветское пространство.** Возросла политическая напряженность на постсоветском пространстве. В России дестабилизируется ситуация на **Северном**

Кавказе, где участились теракты и вылазки боевиков, совершаются покушения на представителей власти, правоохранительных органов, правозащитников.

16 июня завершили работу в **Грузии** миссии ООН и ОБСЕ, в обеих организациях Россия, не согласившись с положениями о территориальной целостности Грузии, наложила вето на решения о продолжении деятельности миссий. Появление жесткого обращения 11 августа президента России к украинскому коллеге В.А. Ющенко, по своему тону выходящего за привычные рамки отношений между главами суверенных государств и сделанного на фоне разгорающейся на **Украине** предвыборной кампании, еще раз указало на глубокий кризис в отношениях между двумя странами.

Среди региональных событий, позитивно повлиявших на динамику Индекса, проведение в рамках конституционного поля новых парламентских выборов в **Молдавии** и президентских в **Киргизии**, налаживание отношений Белоруссии с европейскими структурами, в том числе с ЕС и ОБСЕ, подвижки на пути урегулирования нагорно-карабахского конфликта.

- На состояние безопасности в отдельных регионах повлияли эскалация насилия в **Южном Судане**, **Сомали** и **Нигерии**, политическая нестабильность в **Таиланде**, **Нигере**, **Гвинее-Бисау**, военный переворот в **Гондурасе**.

Техногенные аварии также оказали влияние на динамику Индекса: взрыв на железной дороге в Италии 30 июня, крушение самолета Тегеран–Ереван 15 июля, авария на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа и другие.

11 июня Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о пандемии свиного гриппа, но указала, что это означает переход от чрезвычайных мер к долгосрочной борьбе. При этом ВОЗ и Генеральный секретарь ООН не рекомендовали закрывать границы, ограничивать поездки или торговлю.

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: НИКОГДА ТАКОГО НЕ БЫЛО, И ОПЯТЬ ТО ЖЕ САМОЕ

Название данного обзора заимствовано у В.С. Черномырдина. Он известен уникальной способностью в острой афористической форме выразить суть сложного явления. И в данном случае его формула – лапидарная, но точная характеристика международной жизни последних лет, в том числе в конце весны и первые летние месяцы 2009 г. В этот период произошло немало важных и интересных событий. Однако, что печально, ни одно из них не свидетельствует о смене ключевых тенденций мировой политики.

ОСЬ ЗЛА РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ

В последние годы стало дурным тоном ссылаться на высказывания Джорджа Буша-младшего. Бывшего президента США почему-то принято считать ответственным за все беды, свалившиеся на человечество, начиная от изменения климата и кончая нелегальной миграцией, причем не только во время его пребывания в Белом доме, но и задолго до этого. Тем не менее, введенный им термин *ось зла* в полной мере соответствует нынешним реалиям, по крайней мере, применительно к Ирану и Северной Корее – двум сохранившимся после разгрома саддамовского режима в Ираке центрам этой *оси*. В обращении к нации в январе 2002 г. Джордж Буш высказался относительно этих режимов предельно ясно:

«...Мы знаем их истинную природу. Режим в Северной Корее вооружается ракетами и оружием массового уничтожения, заставляя голодать своих граждан. Иран вызывающе настойчиво стремится к такому оружию и экспортирует терроризм, в то время как немногочисленная избранный

верхушка подавляет надежды иранского народа на свободу. ... Стремясь к оружию массового уничтожения, эти режимы представляют серьезную и растущую угрозу. Они могут передать это оружие террористам, делая последних равными тем, кого они ненавидят. ... В любом случае безразличие к этой угрозе обернется катастрофой»¹.

Можно по-разному относиться к бывшему президенту США. В частности, вместо того, чтобы вплотную заняться решением иранской ядерной проблемы, он начал войну против Ирака. Это стало его крупной, возможно, крупнейшей ошибкой. Но приведенные только что оценки режимов, составляющих ось зла, в полной мере оправдались.

ЯДЕРНОЕ ДОМИНО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В частности, в начале лета 2009 г. ясно обозначилась перспектива резкого обострения напряженности на Дальнем Востоке. Пхеньян с маниакальным упорством тратит последние ресурсы голодающей страны на производство ядерного оружия и создание дальнобойных ракет. В мае 2009 г. в КНДР было проведено второе, более успешное, чем первое, испытание ядерного взрывного устройства. За ним последовала серия пусков баллистических ракет, не слишком удачных, но свидетельствующих о настойчивых попытках северокорейского руководства создать не только ядерные боеприпасы, но и средства их доставки. Реакция международного сообщества, в том числе Соединенных Штатов, считающихся пока еще главным гарантом безопасности своих восточноазиатских союзников, была тревожной, но маловразумительной. Вместо жесткого силового давления на Пхеньян, а это единственное, что может образумить тамошних властителей, была принята очередная резолюция Совета Безопасности ООН №1874.

Члены Совета Безопасности выразили, естественно, «самую серьезную озабоченность» действиями Пхеньяна, осудили их, потребовали, чтобы «КНДР не производила никаких новых ядерных испытаний или пусков с использованием технологии баллистических ракет», а также постановили, что КНДР должна «приостановить все виды деятельности, связанные с ее программой по баллистическим ракетам». Разумеется, Совет Безопасности ООН призвал никоим образом не содействовать Северной Корее в создании оружия массового уничтожения и средств его доставки, в том числе заморозить любые финансовые или иные активы или ресурсы, которые связаны с программами создания такого оружия. И, наконец, Совет Безопасности призвал все государства осуществлять досмотр судов, которые могут перевозить в Северную Корею или из нее грузы, связанные с созданием ОМУ². В ответ Пхеньян немедленно заявил, что попытка досмотра северокорейских судов будет рассматриваться как объявление войны. Желающих досматривать северокорейские корабли пока не нашлось. Судя по всему, на этом нынешний этап борьбы с ядерным вооружением Северной Кореи завершился без особого ущерба для Пхеньяна и его ядерной программы.

Особым миролюбием, в отличие, например, от подхода к отношениям с Грузией, отличалась позиция России. Некоторые российские политики, близкие к руководству страны, во всеуслышание говорили о том, что в надвигающемся на Дальнем Востоке ядерном кризисе виноваты Соединенные Штаты, которые, дескать, «загнали КНДР в угол». Российский МИД не нашел ничего лучшего, чем предложить вернуться к шестисторонним переговорам, несмотря на их полный провал. Что же касается применения силы против зарвавшихся северокорейских лидеров, то это вызывает принципиальное неприятие в Москве. Выступая в ООН, представитель России В.И. Чуркин во всеуслышание заявил:

«Принципиально важно, что в резолюции четко оговаривается – и российская делегация твердо настаивала на этом – что все санкционные меры применяются исключительно по статье 41 Устава ООН, которая не предусматривает использования военной силы»³.

Неспособность остановить северокорейскую верхушку, как минимум, закончится *ядерным домино* в Северо-Восточной Азии. Для Японии северокорейские ядерные ракеты создают поистине экзистенциальную угрозу. При этом в Токио все менее склонны доверять американским гарантиям безопасности, особенно в свете происходящего пересмотра американской внешней и оборонной политики, углубляющейся вовлеченности

США в Афганистане и обострения кризиса на Ближнем Востоке, вызванного иранскими ядерными амбициями. Соответственно, собственное ядерное оружие может оказаться в глазах японского общественного мнения единственной основой безопасности страны, а превентивный удар по важнейшим северокорейским военным и политическим целям – единственным средством предотвратить ядерную атаку или сорвать грубый шантаж со стороны Пхеньяна. Не вызывает сомнений, что появление ядерного оружия в Японии в сочетании с уже имеющимся ядерным оружием Северной Кореи неизбежно приведет к реанимации военной ядерной программы в Южной Корее и, возможно, на Тайване. А это вызовет естественную реакцию Пекина, который будет вынужден пересмотреть в сторону увеличения планы развития собственного ядерного потенциала. Но *ядерное домино* – далеко не самое опасное последствие ядерного вооружения Северной Кореи. Ее руководство, известное своей непредсказуемостью, в один прекрасный день может, вольно или невольно, спровоцировать превентивный удар по собственной территории. Это практически автоматически вызовет региональный ядерный конфликт, о последствиях которого лучше пока не задумываться.

КОНЕЦ СВЕТА В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ

По похожему сценарию может развиваться ситуация вокруг Ирана. В предыдущем выпуске журнала *Индекс Безопасности* была опубликована исключительно интересная и профессионально глубокая статья израильского эксперта Узи Рубина, посвященная иранской ракетной программе⁴. Ее стоит внимательно прочитать всем, кто – в России и не только в России – доказывает мирный характер иранских ядерных усилий. Вывод Рубина заключается в следующем:

«Из запуска ракеты-носителя *Сафир* в феврале 2009 г., а также запуска двухступенчатой твердо-топливной ракеты *Сарджил* в ноябре 2008 г. можно сделать следующие выводы: Иран разработал либо получил доступ к технологиям проектирования, системной разработки, производства и запуска многоступенчатых баллистических ракет. Иран продемонстрировал владение ключевыми ракетными технологиями. ... Иран с его все более совершенными ракетными и космическими технологиями представляет собой серьезную угрозу миру и стабильности»⁵.

Действительно, в отличие от одноступенчатых, многоступенчатые ракеты не имеют принципиальных ограничений по дальности полета, вплоть до межконтинентальной. Иными словами, Иран уже имеет носители ядерного оружия, угрожающие не только ближневосточным, но и европейским странам.

Судя по мнению многих экспертов, Тегеран все ближе подходит к созданию ядерного оружия. В июне 2009 г. МАГАТЭ сообщило, что в иранском ядерном центре в Натанце работают 5 тыс. центрифуг, что на 1 тыс. больше, чем в феврале 2009 г., а еще 2 тыс. таких аппаратов находятся в разной степени готовности⁶. В июле 2009 г. в печать попали оценки немецкой федеральной разведывательной службы – Бундеснахрихтендинст. Согласно их данным, Иран может получить ядерное оружие уже через шесть месяцев, то есть в самом начале 2010 г. Этот вывод совпадает с расчетами независимого Института исследований в области науки и международной безопасности (Institute for Science and International Security), ведущего американского неправительственного центра по вопросам ядерного распространения⁷.

Дополнительным источником тревоги стали результаты состоявшихся в Иране в июне 2009 г. президентских выборов. Отряды *басиджей*, одной из главных опор Махмуда Ахмадинежада, жестко подавили выступления той части иранского общества, которой осточертела власть фанатичных мулл и которая пыталась опротестовать результаты голосования. Стихийные выступления, отражающие настроения городских средних слоев, прежде всего, образованной молодежи, оказались безрезультатными. У протестующих не оказалось ни программы, ни лидеров, ни какой-либо организации. В свою очередь, низшие слои иранского общества – деклассированное, нищающее и обозленное большинство – поддержали Махмуда Ахмадинежада.

Одновременно на поверхность вышли противоречия между двумя группировками в высшем иранском духовенстве, играющем пока решающую роль в руководстве стра-

ной. Одна из них, состоящая из противников каких-либо, даже самых ограниченных реформ, ориентируется на нынешнего верховного лидера Ирана Али Хаменеи. Их соперники во главе с Али Акбаром Хахеми Рафсанджани считаются относительно прагматичными, но лишь в области внутренней, а не внешней политики. Что же касается ядерной программы, то между лидерами нынешнего режима и их оппонентами из иранского истеблишмента какой-либо разницы не имеется.

Углубляющийся конфликт между различными кликами в верхних слоях духовенства усиливает позиции наиболее одиозной иранской группировки во главе с Махмудом Ахмадинежадом и выходцами из Корпуса стражей исламской революции и *басиджей*, своеобразных аналогов СС и штурмовых отрядов гитлеровской Германии. Судя по всему, эта группа концентрирует в своих руках все большую власть и постепенно оттесняет духовенство от руководства страной. Иными словами, в Иране формируется своего рода экстремистский исламо-фашистский режим, социальной базой которого является деклассированное большинство, а политической и силовой опорой – Корпус стражей исламской революции и *басиджи*.

После победы на выборах и расправы с оппозицией Ахмадинежад занял еще более жесткую позицию относительно переговоров по иранской ядерной проблеме. Начальник иранского Генерального штаба генерал Хасан Фирузабади высказался по-военному ясно и коротко. Европейский Союз, заявил он, «полностью потерял компетенцию и квалификацию, необходимые для любых переговоров с Ираном», поскольку вмешался в беспорядки, последовавшие за выборами, и поддержал антиправительственные силы⁸.

Подавление иранской оппозиции не осталось незамеченным в Вашингтоне. Президент Обама не мог не отметить, что США и весь мир «потрясены и разъярены» действиями иранских властей. Сюзан Райс, американский посол в ООН, намекнула, что для того, чтобы остановить иранскую ядерную программу, США могут использовать отнюдь не только дипломатические методы. «Национальные интересы Соединенных Штатов, – заявила она, – требуют, чтобы мы использовали все возможности, которые имеются в нашем распоряжении, включая дипломатию, для того, чтобы не позволить Ирану обрести ядерный потенциал»⁹. Вице-президент США Джозеф Байден намекнул, что Соединенные Штаты не будут препятствовать Израилю военным путем решить иранскую ядерную проблему. Иными словами, похоже, что на Ближнем Востоке вскоре может наступить *момент истины*. Израилю придется выбирать между двумя крайне малопривлекательными альтернативами: перспективой ядерной атаки со стороны Тегерана, где реальная власть, судя по всему, переходит в руки *исламо-фашистов*, и превентивным ударом по иранским ядерным и иным военным объектам.

Политическое решение иранской проблемы, как впрочем, и северокорейской, затруднено позицией России и Китая. Не случайно сразу после выборов, когда *басиджи* разгромили демонстрации оппозиции в Тегеране, Ахмадинежад отправился в Екатеринбург, где в качестве наблюдателя участвовал в саммите Шанхайской Организации Сотрудничества. Там он встретился с российским президентом Д.А. Медведевым, который поздравил его с победой на выборах. Оба президента договорились о развитии экономического и гуманитарного сотрудничества и продолжении контактов. Российский МИД заявил, что «в России уважают выбор иранского народа (имеется в виду мнение деклассированной части иранского народа. – Ю.Ф.) и готовы продолжать развивать с Ираном взаимовыгодное сотрудничество и добрососедские отношения»¹⁰. Не менее примечательна и российская позиция относительно путей прекращения иранской программы. Официальный представитель МИД России А.А. Нестеренко изложил ее следующим образом:

«Мы не раз заявляли, что оптимальным средством урегулирования сложившейся ситуации является совместная работа по поиску политического решения проблемы, связанной с ядерной программой Ирана, в широком контексте, учитывающем законные интересы всех государств этого региона в сфере безопасности»¹¹.

Если внимательно вчитаться в заявление господина А.А. Нестеренко, то российская позиция состоит в том, что иранскую ядерную программу нужно прекратить, и чем раньше,

тем лучше. Ядерное оружие Ирана угрожает отнюдь не только Израилю, но и законным интересам безопасности практически всех государств Ближнего Востока, которые, скорее всего, станут объектами иранской экспансии, как только внешнеполитические амбиции *исламо-фашистского* режима будут подкреплены ядерным оружием.

Странно, однако, что в МИД России до сих пор не поняли, что «совместная работа по поиску политического решения проблемы» бессмысленна в результате позиции Тегерана, а также что российская поддержка этой позиции только подхлестывает вызывающую неуступчивость иранского руководства. Видимо, все же дело не в профессиональной непригодности российской дипломатии. Скорее, суть в том, что высшие круги российской элиты, видящие в И.В. Сталине *эффективного менеджера*, искренне симпатизируют Ахмадинежаду, *стражам* исламской революции и *басиджам*. Не исключено, что в Москве с интересом изучают опыт разгона протестных демонстраций в иранских городах. Возможно, там также полагают, что, создавая тяжелые проблемы для США и европейских государств, Тегеран отвлекает политические и военные ресурсы Запада от постсоветского пространства, где сосредоточены интересы нынешнего российского истеблишмента.

Но чем бы такая позиция ни была вызвана, в долгосрочном плане она противоречит интересам самой России. На состоявшихся в июле 2009 г. демонстрациях в Тегеране противники Ахмадинежада скандировали уже не только «Смерть диктатору!», но и «Смерть России!» и «Смерть Китаю!». И самое главное: чем дольше иранская ядерная проблема не найдет своего разрешения, тем ближе Тегеран будет приближаться к ядерному оружию. Соответственно, тем больше вероятность военного конфликта, не исключено, ядерного, рядом с границами России.

ФАРС ИЛИ ПАРОДИЯ?

Историки и политические комментаторы любят знаменитую формулу Карла Маркса о том, что история повторяется, в первый раз как трагедия, а во второй – как фарс. Фраза, как и большинство ярких мыслей классиков, до предела затерта от многократного употребления к месту и не к месту, но в целом правильна. В известной мере она применима к визиту президента Барака Обамы в Москву. Завтрак с пельменями из перепелок; величественный сотрудник правительственной охраны в малиновой рубашке, раздувающий сапогом самовар; встреча с лидерами оппозиции, часть которых находится на содержании Кремля, и тому подобные эпизоды – типичные проявления дурного вкуса, переходящие в откровенный фарс.

Но если обратиться к содержательной части визита американского президента, прежде всего, к решениям относительно будущего договора о сокращении стратегических вооружений, то фарсом их назвать трудно. Впрочем, они и никак не трагичны. Скорее, это своего рода пародия на действительно важные соглашения по контролю над вооружениями, которые заключались во время холодной войны.

Среди журналистов и даже людей, считающихся специалистами по военным проблемам, бытует мнение, что соглашения по контролю над вооружениями были направлены на укрепление так называемой *стратегической стабильности*. Под этим красивым термином имелась в виду способность и бывшего СССР, и США уничтожить друг друга в ответном ядерном ударе. На самом же деле мотивы и той, и другой стороны были иными. Некоторые соглашения по контролю над вооружениями были заключены просто потому, что ни у США, ни у СССР не было планов и возможностей начинать гонку вооружений по тому или иному направлению. К их числу относятся, например, договоренности о неразмещении ядерного оружия на дне морей и океанов или на Луне и других космических телах. И в Москве, и в Вашингтоне ясно понимали, что поместить ядерное оружие на морском дне можно было только одним способом, а именно если его утопить. Теоретически уже в 1960-е гг. можно было доставить ядерный боеприпас на Луну, но бессмысленность этого была ясна даже наиболее ограниченным деятелям военно-промышленного комплекса двух государств.

Похожие соображения привели к заключению договора об ограничении противоракетной обороны. Он был достигнут вовсе не потому, что стороны были озабочены сохранением стратегической стабильности. Причина была намного проще. Появившаяся к концу 1960-х гг. техническая возможность размещать на баллистических ракетах многозарядные боеголовки делала противоракетную оборону бессмысленной. Действительно, для более или менее надежного уничтожения одной боеголовки требовалось две-три противоракеты. Поэтому если потенциальный противник ставил на боевую позицию ракету, например, оснащенную пятью-шестью боеголовками, то для перехвата этих боеголовок требовалось десять-двадцать противоракет. Игра явно не стоила свеч, а потому было намного разумнее на взаимной основе отказаться от ПРО, хотя бы по экономическим соображениям. Другая группа соглашений, связанная с нераспространением ядерного оружия и ракет, была обусловлена стремлением ядерных государств сохранить свое особое положение в международных отношениях и не допустить регионального ядерного конфликта. Видимо, тогдашние лидеры мировых держав понимали, что последствия такого конфликта непредсказуемы и вполне могут выйти из-под какого-либо контроля.

Несколько иначе обстояло дело с соглашениями по стратегическим вооружениям. Как правило, при разработке каждого такого соглашения стороны исходили из того, что дальнейшее количественное наращивание носителей и боезарядов бессмысленно с военной точки зрения, но поглощает ресурсы, необходимые для качественного совершенствования вооружений. Таким образом, возникала взаимная заинтересованность в том, чтобы ограничить и даже сократить количество вооружений. Кроме того, и советские, и американские делегации решали в ходе переговоров две задачи: максимально ограничить, сократить, а еще лучше – ликвидировать те системы вооружений, по которым преимущество было у противоположной стороны, и максимально оградить те системы, в которых преимущество было у данной стороны. В итоге, переговоры представляли собой мучительно долгую и трудную *торговлю*, завершавшуюся многочисленными разменами и компромиссами. В целом, эти соглашения в той или иной степени выравнивали стратегические потенциалы СССР и США и в этом смысле укрепляли стратегическую стабильность, хотя последнее и не было изначальной целью переговоров.

Сегодня ситуация совершенно иная. Соединенные Штаты заинтересованы в сокращении стратегических ядерных боезарядов, сокращают их и постепенно заменяют часть снятых со стратегических носителей ядерных боеголовок обычными боезарядами повышенной мощности и высокой точности. Суть в том, что функции стратегических ядерных вооружений очень ограничены. По сути дела, они предназначены лишь для сдерживания ядерной атаки потенциального противника, но для решения задач в ограниченном или региональном конфликте практически бессмысленны. В свою очередь, стратегические носители, оснащенные обычными боезарядами, в ряде случаев могут оказаться очень полезными. Например, они прекрасно подойдут для массированного одновременного удара по сотне ключевых военных и политических объектов Северной Кореи или Ирана. В такого рода конфликтах ключевым является фактор времени, поскольку важно не дать атакованному противнику возможности опомниться и принять те или иные ответные меры, могущие оказаться весьма болезненными.

Таблица 1. Стратегические силы США (по состоянию на 1 января 2009 г.)¹²

	Носители		Боезаряды	
	СНВ-1 ^{а)}	Реально ^{б)}	СНВ-1 ^{а)}	Оперативно развернутые ^{б)}
МБР	550	450	1250	550
БРПЛ	432	288	3264	1152
ТБ	216	60	1062	500
Итого	1198	798	5576	2202

^{а)} По правилам засчета Договора СНВ-1.

^{б)} По подсчетам Фрэнка Норриса и Ганса Кристенсена.

По подсчетам авторитетных американских специалистов, в начале 2009 г. в США имелось около 2200 оперативно развернутых (то есть находящихся на носителях) ядерных боезарядов и около 2500 боезарядов, находящихся в резерве, то есть на складском хранении¹³. В случае необходимости они могут быть вновь развернуты на баллистических ракетах или бомбардировщиках. В перспективе же американские военные ведут дело к установлению некоего оптимального с их точки зрения соотношения обычных и ядерных боезарядов на стратегических носителях. Осуществляется также планомерная модернизация стратегического арсенала, в том числе замена выслуживших гарантийные сроки вооружений на новые. Одновременно в США продолжается создание противоракетной обороны, способной, как предполагается, перехватывать и уничтожать относительно примитивные боеголовки иранских и северокорейских ракет.

Политика США в области стратегических вооружений вызывает, как можно предположить, самое серьезное беспокойство в российском военном руководстве. Хотя в настоящее время имеется примерное равенство между Россией и США по оперативно развернутым ядерным боеголовкам и носителям, российский стратегический потенциал сокращается естественным образом, в результате превышения гарантийных сроков эксплуатации ракет и неспособности военно-промышленного комплекса в полной мере компенсировать это сокращение.

Таблица 2. Стратегические ядерные силы России (по состоянию на 1 января 2009 г.)¹⁴

	Носители		Боезаряды	
	СНВ-1 ^{а)}	Реально ^{б)}	СНВ-1 ^{а)}	Реально ^{б)}
МБР	469	385	2005	1357
БРПЛ	268	172	1288	612
ТБ	77	77	616	856
Итого	814	634	3909	2054

^{а)} По правилам засчета Договора СНВ-1.

^{б)} По подсчетам Павла Подвига.

В российской и иностранной литературе опубликовано немало различных прогнозов относительно состава российских стратегических сил в середине и второй половине будущего десятилетия. Все они предполагают, что к этому времени будут сняты с вооружения окончательно устаревшие российские МБР *СС-18*, *СС-19* и *СС-25 (Тополь)*, составляющие сегодня основную часть наземной группировки стратегических сил. В какой-то степени это сокращение будет компенсировано развертыванием МБР *Тополь-М* шахтного и мобильного базирования, часть которых будет оснащена тремя боеголовками. Будут ликвидированы выслужившие свой срок атомные подводные лодки-ракетоносцы *Дельта-III*, базирующиеся на Камчатке. При этом планируется к 2015 г. ввести в строй три новых подводных лодки проекта 955 (*Борей*), оснащенные новыми БРПЛ *Булава*, которые, как ожидается, будут оснащены шестью боеголовками.

Количественные параметры российских стратегических сил к середине будущего десятилетия оценить трудно, поскольку пока нет уверенности в успешной разработке и принятии на вооружение *Булавы*, а также не ясно, будут ли выдержаны запланированные темпы производства МБР *Тополь-М*. Специалисты предполагают, что через семь–восемь лет количество российских стратегических носителей будет находиться в интервале от 400 до 500 единиц, а количество боеголовок может составить примерно 1,5 тыс. единиц.

В результате того, что количество стратегических носителей в России будет в два-три раза меньше, чем в США, а также потому, что забрасываемый вес ракет *Тополь-М* и *Булава* составляет менее 1,2 т, российские военные не смогут воспроизвести американскую практику *разгрузки* носителей и замены части ядерных боезарядов обычными. Фактически, у российских военных есть только одна возможность – максимально *нагружать* стратегические носители, чтобы минимизировать отставание от США по числу ядерных стратегических боезарядов.

Эти обстоятельства определяют подход России к переговорам с США по стратегическим вооружениям, которые начались вскоре после встречи президентов Д.А. Медведева и Барака Обамы в Лондоне в начале апреля 2009 г. Главный акцент в российской позиции делается на ограничении и максимальном сокращении количества американских стратегических носителей. Если этого удастся достичь, то будет снята проблема *возвратного потенциала* и, кроме того, будут резко ограничены американские возможности оснащения стратегических носителей обычными боезарядами, которые очень беспоят российскую военную и военно-промышленную элиту. Одновременно Москва требует остановить американскую программу ПРО, прежде всего, имея в виду развертывание третьего позиционного района ПРО в Чехии и Польше. Мотивы этого подробно проанализированы в предыдущем выпуске *Индекса Безопасности*¹⁵. Они не имеют ничего общего с интересами военной безопасности России, а заключаются в стремлении усилить разногласия между Европой и США, а также оправдать планируемое развертывание ракет *Искандер* в Калининградском регионе.

В итоге, начавшиеся переговоры по новому соглашению об ограничении и сокращении стратегических вооружений представляют собой своего рода пародию на соответствующие переговоры времен холодной войны. Россия не имеет практически ничего, что можно было бы предложить США в обмен на значимое сокращение американских стратегических носителей. Но при этом Москва выдвигает требования, заведомо мало приемлемые для Вашингтона. Последний, в свою очередь, вряд ли заинтересован в этих переговорах, поскольку российский стратегический потенциал будет сокращаться независимо от того, какой результат на них будет достигнут.

СОВМЕСТНОЕ ПОНИМАНИЕ ПО ВОПРОСУ О ДАЛЬНЕЙШИХ СОКРАЩЕНИЯХ И ОГРАНИЧЕНИЯХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Документ с таким несколько странным для нормального человека названием был подписан российским и американским президентами во время визита Барака Обамы в Москву. В нем, как в капле воды, отразилась ситуация на переговорах и, одновременно реальное соотношение сил между Россией и США. Главная более или менее конкретная договоренность состоит в том, что Россия и США будут сокращать и ограничивать свои стратегические наступательные вооружения таким образом, чтобы через семь лет после вступления в силу нового договора и в дальнейшем предельные уровни для стратегических носителей находились бы в пределах 500–1100 единиц, а для связанных с ними боезарядов – в пределах 1500–1675 единиц¹⁶. Это очевидный, впрочем, легко прогнозируемый провал российской дипломатии. Как уже говорилось, к середине будущего десятилетия количество российских стратегических носителей вряд ли превысит 500 единиц, что соответствует нижнему уровню, зафиксированному двумя президентами. США, в свою очередь, могут сохранить практически все свои носители, доведя их количество до разрешенного уровня в 1100 единиц. Это позволит Пентагону реализовать имеющиеся планы развития своего стратегического потенциала.

Российские требования по вопросам ПРО, возвратного потенциала, стратегических неядерных вооружений зафиксированы в Совместном понимании весьма обтекаемым и неконкретным образом. Там говорится, что будущий договор будет содержать соответствующие положения, например «положение о взаимосвязи стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений»¹⁷. Скорее всего, это *положение* будет сформулировано в виде одной строчки, в которой будет сказано, что стороны признают такую взаимосвязь или даже исходят из этой взаимосвязи при формулировании своей политики. Никакого практического значения такого рода *положения* иметь не будут.

Любопытен зафиксированный в Совместном понимании тезис о том, что стратегические наступательные вооружения будут базироваться исключительно на национальной территории каждой из сторон. *Во-первых*, при этом сказано, что данное положение «не будет применяться к существующей практике сотрудничества в области стратегических наступательных вооружений между одной из Сторон и третьим государством». На прак-

 А.В. Картунов (Россия), президент фонда «Новая Евразия» – по телефону из Москвы: Проявившаяся готовность к диалогу не только между Россией и США, но и Россией и НАТО, решение по афганскому транзиту, визит премьера Путина в Польшу свидетельствуют о стремлении Москвы занять более умеренную позицию по целому ряду международных вопросов.

Мировая экономика начинает постепенно восстанавливаться, и снижается тот уровень психологической напряженности и панических настроений, которые мы наблюдали еще полгода назад. Политики начинают чувствовать уверенность в общих кризисных ситуациях и адекватно ведут себя в том числе и по ряду вопросов, с экономикой не связанных.

Самый главный вопрос на осень – будет или нет вторая волна кризиса? Если она все-таки наступит, то ситуация в сфере безопасности сильно осложнится. Если же этого не произойдет, то можно говорить о продолжении позитивного развития.

тикe это означает, что США сохраняют свое сотрудничество с Великобританией по морским стратегическим вооружениям. Но, во-вторых, самое главное в том, что будущий договор не будет запрещать США развертывать ПРО (то есть оборонительные стратегические вооружения) за пределами своей национальной территории.

ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНИК РОССИЯ–США–АФГАНИСТАН–ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Во время пребывания президента Обамы в Москве был подписан документ, который, в отличие от Совместного понимания и различных заявлений, забывающихся на следующий день после подписания, имеет реальное значение для международной политики. Это Соглашение между правительствами России и США о военном транзите в Афганистан. Им установлено, что США получают возможность перебрасывать через территорию России в Афганистан воздушным путем личный состав, вооружения и военную технику. Эти переброски могут осуществляться как коммерческими рейсами, так и американской военно-транспортной авиацией, которая планирует совершать до 4,5 тыс. рейсов в год. Как заявил министр иностранных дел России С.В. Лавров, «мы заинтересованы в том, чтобы та коалиция, которая работала по мандату СБ ООН в Афганистане, снабжалась исправно и повышала свою эффективность»¹⁸.

В данном случае С.В. Лавров действительно прав, хотя и несколько лукавит. Москва в полной мере заинтересована в том, чтобы американские войска и контингенты других участников международной коалиции, действующей в Афганистане, эффективно боролись с талибами и иными исламскими экстремистскими группировками. Это понятно. До тех пор, пока международная коалиция сдерживает активность талибов и их союзников, центральноазиатские режимы чувствуют себя более или менее спокойно. У России нет необходимости защищать эти режимы военным путем, отвлекая таким образом собственные военные и экономические ресурсы от Южного Кавказа, Черноморского бассейна и других районов на территории бывшего СССР, где концентрируются амбиции и интересы российского военно-политического истеблишмента.

Однако отношения в треугольнике Россия–США–Афганистан гораздо сложнее, чем это на первый взгляд может показаться после подписания действительно важного соглашения о военном транзите. Начиная с середины 2005 г. Москва настойчиво добивается вывода из Центральной Азии западных, прежде всего, американских военных объектов и контингентов, которые находились или находятся там до сих пор главным обра-

зом для обеспечения транспортных коммуникаций с Афганистаном. В частности, в начале 2009 г. Кремль добился от киргизского президента Курманбека Бакиева решения о выводе американской военно-воздушной базы из столичного аэропорта Манас. На протяжении нескольких лет эта база была поистине бельмом на глазу российских военных и дипломатов, которых до предела раздражало военное присутствие США в Киргизии.

Президент Бакиев пошел навстречу Москве не только потому, что ему был обещан кредит размером в 2 млрд долл. Не менее, а может быть, более важным был тот факт, что в июле 2009 г. в Киргизии состоялись президентские выборы. И если бы Курманбек Бакиев не согласился с требованиями Кремля, последний вполне мог бы поддержать, в том числе финансово, его соперников. Успех Москвы вызвал серьезное недовольство в странах Центральной Азии и в Афганистане. Лидеры центральноазиатских государств были раздражены и обеспокоены тем, что закрытие базы осложнит положение американских войск, борющихся с талибами, и ослабит тем самым безопасность граничащих с Афганистаном стран, а также Киргизии, южные районы которой неоднократно подвергались нападениям боевиков, проникавших в киргизские анклавы в Ферганской долине через Таджикистан.

Практически все центральноазиатские государства дали согласие на пролеты американских самолетов через их территорию, а также заправку этих самолетов на своих аэродромах. США во многом решили вопросы о транспортировке американских невоенных грузов через грузовой аэропорт Навои в Узбекистане. В конечном итоге, киргизское руководство вышло из трудного положения, в котором оно оказалось в результате давления со стороны России, и дало согласие на преобразование американской авиабазы в аэропорту Манас в некий транспортно-логистический узел. Правда, в отличие от авиабазы, через этот узел официально можно транспортировать только невоенные грузы. Остается также неясным, смогут ли США базировать в Манасе самолеты-заправщики, предназначенные для заправки в воздухе боевых самолетов над территорией Афганистана. В этих условиях договоренность о воздушном мосте для транспортировки военных грузов и личного состава через территорию России является важным успехом американской дипломатии. Остается, однако, открытым вопрос – какой была или могла бы быть ответная уступка США?

ОТЛОЖЕННАЯ ВОЙНА

Видимо права Ю.Л. Латынина, подчеркнув, что «самое важное, что решалось во время этого визита (имеется в виду визит Барака Обамы в Москву. – Ю.Ф.), – будет ли Россия в этом году воевать с Грузией»¹⁹. Действительно, перед российско-американским саммитом все свидетельствовало о том, что такая война готовится. Наложив вето на резолюции ООН и ОБСЕ, Россия фактически изгнала миссии ООН и ОБСЕ из Грузии. На российско-грузинской границе были проведены массированные учения «Кавказ-2009», очень похожие на те, что предшествовали войне 2008 г. в Кабардино-Балкарии, в районе Баксанского ущелья ввели режим контртеррористической операции. В военных кругах ходили многочисленные слухи о том, что война неизбежна и начнется сразу после завершения встречи на высшем уровне в Москве.

Многие комментаторы утверждают, что во время переговоров Барака Обамы в Москве ему удалось предотвратить новую агрессию России против Грузии. Обычно при этом ссылаются на фразу американского президента, сказанную им на пресс-конференции:

«Мы откровенно обсудили отношения России и Грузии. Я еще раз высказал твердое убеждение, что суверенитет и территориальная целостность Грузии должны уважаться. И хотя мы подробно обсудили наши разногласия относительно границ Грузии, мы согласились, что никто не заинтересован в возобновлении военного конфликта. Двигаясь вперед, мы должны говорить откровенно с тем, чтобы урегулировать эти разногласия мирно и конструктивно»²⁰.

Вполне возможно, что президент Д.А. Медведев действительно согласился с Барак Обамой в том, что новая война с Грузией не отвечает интересам России, тем более что слова американского президента были подкреплены появлением американского эс-

Константин фон Эггерт (Россия) – член Королевского института международных отношений – по электронной почте из США: Уровень безопасности в мире принципиально не изменился, однако ряд событий создают предпосылки для его ухудшения в будущем. Это подавление оппозиционных демонстраций в Иране и ракетные пуски Северной Кореи.

Для России к дестабилизирующим факторам можно отнести обострение ситуации на Северном Кавказе и напряженность в отношениях России и Украины.

Обмен резкими посланиями, состоявшийся между президентами Д.А. Медведевым и В.А. Ющенко – не просто следствие личной неприязни российского лидера к украинскому, а результат все более расходящихся мировоззрений российского и украинского правящих классов. Это может привести к очень жесткому конфликту в ближайшие год-два.

Визит президента Соединенных Штатов в Москву способствовал возобновлению более спокойного диалога Москвы и Вашингтона.

минца около Батуми. Вместе с тем, демонстративный визит Д.А. Медведева в Южную Осетию показал, что Москва никоим образом не готова уважать территориальную целостность Грузии. Но дело не только и не столько в тех или иных перемещениях российского президента. Как представляется, суть проблемы в том, что, отдав приказ о вторжении в 2008 г. в Грузию, российское руководство не достигло ни одной из политических и экономических целей, ради которых война была развязана. М.Н. Саакашвили остался на посту президента. Сотрудничество Тбилиси с Западом не остановлено. Перспектива вхождения Грузии в НАТО сохраняется, хотя, судя по всему, не в ближайшем будущем. Более того, Москва не смогла предотвратить планируемое строительство газопровода *Набукко*, который будет проходить через грузинскую территорию. А это уже прямой вызов не только российским военным, но и весьма влиятельным кругам, связанным с российской газовой промышленностью. Поэтому, скорее всего, новую войну не отменили, а отложили до того момента, когда ее можно будет провести с минимально возможными международно-политическими последствиями для России.

Можно предположить, что новая война будет происходить по сценарию, существенно отличающемуся от событий 2008 г. Россия создала крупную группировку войск в Южной Осетии, в том числе в Ахалгорийском районе, от границ которого до Тбилиси всего 30–40 км. Это создает возможность молниеносного броска на Тбилиси,

скорее всего ночью, захвата основных правительственных зданий, радио и телевизионных комплексов с тем, чтобы, проснувшись, грузинский народ и все остальное человечество узнали бы, что в Грузии сменилось руководство, что новый президент, приехавший в столицу на броне российского танка, пригласил в страну российские войска и отдал приказ грузинской армии не оказывать им сопротивления.

Такой сценарий позволяет, по крайней мере, теоретически избежать того, что в Москве считается самым неприятным аспектом готовящейся операции, а именно возможного вмешательства в конфликт Запада до тех пор, пока не достигнуты военные цели, прежде всего, захват столицы и утверждение у власти промосковских маршонов. В долгосрочном плане новое вторжение в Грузию будет, разумеется, иметь для России самые неприятные последствия, вплоть до глубокой международной изоляции. Однако есть основания предполагать, что российская элита уже не в состоянии прогнозировать даже краткосрочные последствия своих действий. Об этом, например, свидетельствует реакция Москвы на резолюцию Парламентской ассамблеи ОБСЕ, посвященной преодолению тоталитарного наследия сталинизма и нацизма.

СТАЛИНИЗМ НА МАРШЕ

6 июля 2009 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию с длинным и скучноватым названием – Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI в. В ней, в частности, говорилось, что в XX в. европейские страны «испытали на себе два мощных тоталитарных режима, нацистский и сталинский, которые несли с собой геноцид, нарушения прав и свобод человека, военные преступления и преступления против человечества». Парламентская ассамблея напомнила «об инициативе Европейского парламента объявить 23 августа, то есть день подписания 70 лет назад Пакта Молотова–Риббентропа, общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма во имя сохранения памяти о жертвах массовых депортаций и казней»; отвергла «тоталитарное правление в какой бы то ни было форме независимо от ее идеологической основы»; призвала «продолжать изучение тоталитарного наследия и повышать осведомленность о нем общественности»; выразила «глубокую обеспокоенность по поводу восхваления тоталитарных режимов, включая проведение публичных демонстраций в ознаменование нацистского или сталинистского прошлого, а также возможного распространения и укрепления различных экстремистских движений и групп, включая неонацистов и скинхедов»²¹.

Процитированный текст, разумеется, малоприятен для тех, кто склонен замолчать кошмарные преступления сталинизма и видит в И.В. Сталине некоего *эффективного менеджера*. Вместе с тем в нем нет ровным счетом ничего не только антироссийского, но и антисоветского. Там говорится о сталинизме, но не о Советском Союзе. А, начиная еще с XX съезда КПСС, советская пропаганда старательно доказывала, что никак нельзя ставить знак равенства между преступлениями И.В. Сталина и советским прошлым в целом. Фактически главный тезис КПСС, если излагать его современным языком, сводился к тому, что сталинский режим и Советский Союз – явления совершенно разного порядка и смешивать их друг с другом есть величайшее идеологическое заблуждение.

Реакция российских парламентариев на эту резолюцию заставляет вспомнить слова В.С. Черномырдина, сказанные им о членах Государственной Думы в 1990-е гг. во время очередного противостояния правительства и парламента. «Мы еще спорим, – в сердцах сказал Виктор Степанович, – проверять их на психику или нет. Проверять всех!» Возможно, бывший российский премьер погорячился. Но вот то, что у членов Государственной Думы и Совета Федерации была устойчивая и вполне заслуженная двойка по истории КПСС, сомнений не вызывает.

Действительно, через несколько дней после того, как Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла упомянутую резолюцию, Совет Федерации и Государственная Дума ответили на него своим Заявлением. Если отбросить малопонятные слова об *антиисторических провокациях* и попытках реабилитировать коллаборационистов, не имеющих абсолютно никакого отношения к букве и духу резолюции Парламентской ассамблеи, то суть этого Заявления сводится к следующим незамысловатым положениям:

- в резолюции Парламентской ассамблеи предпринята «попытка поставить на одну доску нацистскую Германию и одно из главных государств – участников антигитлеровской коалиции и учредителей ООН – Союз Советских Социалистических Республик»;
- «призыв сделать 23 августа – дату подписания договора о ненападении между СССР и Германией – днем памяти жертв в равной степени сталинизма и нацизма и попытка представить этот документ спусковым курком войны» являются «абсолютно несостоятельными»;
- резолюция является «прямым оскорблением памяти миллионов наших соотечественников, отдавших в годы Второй мировой войны свои жизни за освобождение Европы от фашистского ига, от холокоста, от газовых камер и концлагерей, за то, чтобы мы, потомки павших, жили в мирной и свободной Европе»²².

Из первого тезиса с ужасающей ясностью следует, что российские парламентарии полностью ассоциируют Советский Союз со сталинизмом, что никак не вписывается в раз-

ворачивающуюся в России борьбу с фальсификацией истории. В резолюции Парламентской ассамблеи в полном соответствии с принципами европейской политкорректности речь идет об ответственности сталинизма и нацизма, но не об ответственности Германии и СССР.

Второй тезис попросту искажает текст и смысл резолюции Парламентской ассамблеи. В ней нет ни слова о том, что Пакт Молотова–Риббентропа стал *спусковым курком войны*, хотя, по мнению многих российских и зарубежных историков, это полностью соответствует действительности. В резолюции этот пакт увязан только с массовыми депортациями и казнями. Последнее, правда, не совсем точно. И в СССР, и в нацистской Германии массовые казни начались задолго до 23 августа 1939 г. Но если, например, вспомнить судьбу жителей Польши и прибалтийских государств, то для них массовые казни и депортации действительно связаны именно с этим злополучным днем.

Наконец, совершенно непонятно, почему резолюция «оскорбляет память» советских граждан, погибших в борьбе с фашизмом. По-видимому, российские парламентарии ставят знак равенства между сталинизмом и советским народом, что абсолютно неверно. При этом забывается тот факт, что многих жертв советский народ мог бы избежать, если бы не сознательные действия сталинского режима. Достаточно вспомнить, что по вине тогдашнего советского руководства, как политического, так и военного, сосредоточенная в западных военных округах советская армия была разгромлена в первые недели войны и потеряла миллионы человек.

В процессе подготовки данного обзора я не был уверен в том, что эпизод с резолюцией Парламентской ассамблеи и ответом на нее российских депутатов заслуживает отдельного разговора. Это не первый и, увы, не последний случай, когда российский парламент попадает впросак в силу излишнего идеологического рвения и скверного образования его членов. Плохо другое. Малограмотное и фальшиво эмоциональное заявление Государственной Думы и Совета Федерации полностью вписывается в происходящую в России целенаправленную попытку внедрить в массовое сознание очередной исторический миф, неотъемлемым элементом которого является реабилитация сталинизма. Инициаторы этого идут по стопам самого И.В. Сталина, который в конце 1920-х гг. пересмотрел доминировавшую тогда историческую концепцию и *реабилитировал* Ивана Грозного, Петра Первого и других персонажей с весьма сомнительной репутацией. Но эксперименты с историей кончаются плохо. Борьба И.В. Сталина с фальсификацией истории стала одним из подготовительных мероприятий Большого террора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В свое время великий немецкий философ Георг Вильгельм Гегель меланхолически заметил: «Опыт и история учат нас тому, что люди и правительства никогда и ничему у истории не научились». Международные события весны-лета 2009 г. подтверждают этот пессимистический вывод. Так, вместо того, чтобы всерьез заняться приведением в чувство тегеранских и пхеньянских лидеров, Москва и Вашингтон занялись разработкой нового договора по стратегическим вооружениям. Последний может лишь зафиксировать складывающееся соотношение сил между Россией и США, но не сможет его изменить сколько-нибудь заметным образом. Фактически, российские и американские переговорщики с важным видом имитируют своих предшественников времен холодной войны. Между тем, и на Дальнем, и на Ближнем Востоке назревают серьезные потрясения. Не исключена новая война на Кавказе, которая обернется изоляцией России, что, впрочем, вполне вписывается в планы тех, кто готовит реставрацию сталинизма. В Вашингтоне пока еще не осознали, что война в Афганистане выиграна быть не может, и чем дольше американские войска будут там оставаться, тем тяжелее будет афганский синдром. А в целом, если только руководители ведущих демократий не осознают необходимость глубоких изменений политической стратегии, то, что сегодня кажется историческим фарсом, обернется новой исторической трагедией.

Юрий Федоров

Стало банальностью ругать глобальный экономический кризис. Что, мол, он начинает разрушать сложившиеся за последние годы системы интересов и баланса сил, хотя можно подумать, что эта система оставалась минимально прочной к 2007 г., не говоря уже про 2008 г. Что в условиях экономического кризиса невозможно обеспечить глобальный устойчивый экономический рост и, как следствие, начать разрешать социально-экономические проблемы *четвертого мира*, то есть стран, не способных к самостоятельному развитию. Можно подумать, что это собирались делать за счет денег *финансового пузыря*. Наконец, утверждается, что глобальный экономический кризис повышает уровень военно-политической напряженности в мире, обостряя конкуренцию различных государств за ресурсы. Вот это правда. Однако это только часть правды, и притом не самая важная.

Правда же состоит в том, что кризис значительно ускорил процессы формирования новой глобальной геополитической реальности. Реальности, в которой отражаются новые тенденции и феномены, в которой формируются новые процессы, имеющие прямое отношение и к международным отношениям, и к вопросам глобальной безопасности. Конечно, вряд ли в рамках этой работы можно со всей полнотой описать данную реальность, однако некоторые ее черты стоят того, чтобы быть, как минимум, упомянутыми.

НОВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Новая геополитическая реальность будет развиваться в условиях относительного увеличения значимости финансовых инструментов при масштабном разрушении ранее сложившейся системы управления мировой экономической системы за счет деятельности крупных транснациональных корпораций. То есть продолжать править миром будут деньги, но управляющие поменяются, и притом очень серьезно.

В новой геополитической реальности все большую роль для обеспечения геополитической устойчивости государства приобретает контроль над ключевыми транспортными коммуникациями. Едва ли кто-то станет с этим спорить, глядя на то, как идет борьба за старые и создание новых транспортных коридоров и систем, причем есть основание полагать, что мы только еще в начале процесса.

В новой геополитической реальности происходит явная *ренационализация* внешней (не говоря уже о внутренней) политики ключевых государств. Да и в целом, идея национального суверенитета возвращается в число основных постулатов поведения государств. Особенно очевидно это становится, если приглядеться к ситуации в Европейском Союзе, где за разговорами о Лиссабонском соглашении просвечивает стремление обеспечить максимальную свободу рук. И это вопреки тому, что еще три-пять лет назад термин *суверенитет* воспринимался как почти нецензурный.

Новая геополитическая реальность будет во многом развиваться в русле конфликта Север–Юг, что будет связано с попытками сравнительно более богатого, но сильнее затронутого кризисом Севера редуцировать свои формальные и неформальные обязательства перед Югом, одновременно оградив себя от многих последствий современного состояния Юга. Именно поэтому идея борьбы с нелегальной миграцией становится одной из центральных, почти консолидирующих и в ЕС, и в США.

Современная ситуация будет во многом определяться поисками новой технологической платформы в энергетике, поскольку кризис доказал, что чрезмерная зависимость экономического роста от цен на углеводороды является безусловным и абсолютным злом. В целом, возможности дальнейшего развития углеводородной экономики явно подошли к концу. Именно поэтому на удивительно высоком для нынешних цен на нефть уровне сохраняется интерес и к атомной энергетике, и к альтернативным источникам энергии.

Новая геополитическая реальность будет характеризоваться более высоким уровнем напряженности как чисто политической, так и, в ряде случаев, военно-политической

в проблемных государствах, не успевших полностью сформировать свои государственные системы. Иными словами, проблемные территории, которые наши американские друзья неделикатно называют *failed states*, не смогут рассчитывать на столь же щедрую, как и раньше, поддержку спонсоров и окажутся не способными решать свои проблемы самостоятельно.

Иными словами, если отбросить научность, новый мир будет миром тотального передела собственности за счет ранее накопленных финансовых ресурсов, и при таком переделе собственности могут начать постреливать. И, кажется, будет правильным рассматривать события последних трех-четырёх месяцев не как индивидуальные события и процессы, а как часть большой картины. Картины, которая еще не нарисована окончательно, сюжет которой, однако, уже понятен. Эта картина посвящена тому, как, а вернее, какими методами, будут управляться процессы в сфере международной безопасности в ближайшие 30 лет. А главное – с использованием каких механизмов и технологий будет происходить селекция субъектов и объектов мировой политики.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: КОНЦЕПЦИЯ СРЕДНЕГО БРАТА

Слышатся упреки в адрес российского руководства в том, что оно все *сдало* на переговорах с Барак Обама только за то, чтобы он снизил накал антироссийской риторики. С этими упреками никак нельзя согласиться. На антироссийскую риторику из Вашингтона уже давно никто не реагировал, поскольку *болевого порог* оказался пройден во время операции по принуждению М.Н. Саакашвили к миру. Вопрос – в другом: насколько удачной была та форма, в которой Россия вышла из состояния потенциальной конфронтации с США. В конечном счете, неужели кто-то всерьез верит, что Россия, что до кризиса, что в период этого кризиса, который ударил по российской экономике куда более жестко, нежели по многим другим странам, была способна на какую-то длительную конфронтацию с США? Да, полноценного *Брестского мира*, о надежде на который я говорил в прошлом обзоре, не случилось²³. Более того, объективно *поле битвы* осталось в целом за американской стороной, и это большой вопрос к российской дипломатии. Но ведь мы еще в начале нашего пути, и, думается, дальнейшее общение с Барак Обама и его администрацией убедит российских руководителей в том, что менять смягчение позиции на смягчение риторики – дело, конечно, хорошее, но кончается, как доказал нам опыт М.С. Горбачева, как правило, плохо. Прежде всего, плохо для тех, кто соглашается на такой обмен. В лучшем случае они начинают рекламировать американскую пиццу.

Но, с другой стороны, говорить о полном поражении Москвы в торговле (именно торговле, а не конфронтации) с Вашингтоном также несправедливо. США не отказались ни от одной из своих позиций, а отказ от размещения ПРО есть отказ от намерения, и этот отказ, вероятно, является временным. Пока ничего трагического в сфере сокращения стратегических вооружений не произошло, и есть возможность в дальнейшем вести более предметный диалог, который будет не в пример более эффективным, если замечательная во всех отношениях, кроме своего предназначения, ракета *Булава* наконец куда-то долетит (и, возможно, даже куда-то попадет, хотя верится в это с трудом). Именно это и даст возможность российскому руководству демонстрировать куда большую уверенность в разговоре о количестве развернутых и складированных боеголовок.

Из этой же области – и согласие на транзит военных грузов в Афганистан. Неужели хоть кто-то в России стремится добиться вывода контингента НАТО из Афганистана? Это не просто создаст дополнительные сложности и угрозы для России в виде дестабилизации обстановки на южных рубежах СНГ, но и поспособствует тому, чтобы НАТО как военный альянс приобрело куда большую оперативную гибкость, нежели сейчас. Цель России заключается в том, чтобы войска НАТО успешно продолжали свою миссию в Афганистане, а желательно – еще и в Ираке как можно дольше, а лучше – вечно. Ибо пока НАТО наскребает контингент для операций в предгорьях Гиндукуша, вряд ли у натовских стратегов будет реальная возможность думать не только о Среднерусской возвышенности, но и о Днепровском плоскогорье и даже о Закавказье.

 Дайан Джаятиллека (Шри-Ланка), *посол, профессор университета Коломбо – по электронной почте из Коломбо:* Ситуация в сфере глобальной и региональной безопасности изменилась в лучшую сторону. На глобальном уровне этому способствует готовность Барака Обамы скорее к переговорам, нежели к конфронтации. Перспективы достижения прогресса по вопросам ядерного оружия между Россией и США, состоявшийся диалог между США и Китаем стали позитивным импульсом в развитии международной ситуации. Взвешенное решение индийских избирателей проголосовать за умеренный *Индийский Национальный Конгресс*, нежели за воинственную *Бхаратия джаната парти*, вместе с умеренным курсом современного гражданского руководства Пакистана повлияло на снижение уровня напряженности в регионе. Индия и Пакистан солидарны в том, что терроризм представляет основную угрозу безопасности.

Негативным фактором остается ястребиная администрация Нетаньяху в Израиле и разжигание ею истерии в отношении Ирана. К числу негативных явлений можно отнести усиление американской военной активности в Афганистане, особенно большое число жертв среди мирных жителей из-за авиаударов, которые все больше отчуждают пуштунов Афганистана и Пакистана.

В целом позитивные тенденции сохраняются благодаря улучшению отношений между Россией, США и Китаем и снижению накала американо-северокорейской напряженности. Опасность – израильская пропаганда против Ирана.

В конечном счете, в отношениях с США и, в меньшей степени, с НАТО Россия должна следовать концепции *среднего брата*. Не младшего брата – эдакого геополитического Иванушки-дурачка, который все ходил за счастьем и потом купался в крутом кипятке и кипящем молоке. Эту роль стоит оставить Украине с Грузией: если у элит этих стран есть желание нырнуть в кипяток в надежде на превращение в принца, то наше дело – проконтролировать всплытие на поверхность сварившегося тела и организовать его достойные, как говорится, *с уважением*, похороны. Средний брат никуда за счастьем не ходит, а сидит спокойно в своем лабазе, накапливая ресурсы. Он с уважением, а порой и с некоторой завистью относился к старшему брату, богатею-капиталисту, не забывая его при случае нагреть, но оберегая его словом, а порой и делом от ошибок и глупых поступков. Таких поступков, например, как прием Грузии в НАТО или чрезмерное заигрывание с европейским фашизмом.

Россия должна как бы говорить, почти шептать США: «Старший брат, мы согласны с тем, что ты старший, тем более что это правда. Но вот сейчас, конкретно сейчас, ты делаешь большую глупость. Не делай ее, остановись, а то я вынужден буду отравить стрихнином твою любимую кошку, а будешь дурить дальше – подпалю сарай».

И мне кажется, что в ходе московских переговоров Д.А. Медведева и В.В. Путина с Барак Обама именно такое понимание модели взаимоотношений с США и начало пробивать дорогу через риторику и обиды прошлого.

Но тут почему-то на ум приходит следующее: львиная доля проблем в российско-американских отношениях последнего времени произрастала из того, что российское руководство, установив почти доверительные отношения с Джорджем Бушем, не смогло достичь хотя бы минимального взаимопонимания с вице-президентом Ричардом Чейни, который и был реальным руководителем США в последние восемь лет, пока Джордж Буш разговаривал с богом и давился солеными крендельками. Именно Ричард Чейни

принимал все основные решения, именно он отдавал приказы ЦРУ, именно он создавал систему управляемой демократии в США. И именно он стоял за ухудшением российско-американских отношений в последние годы, причем во многом только потому, что Москва не учитывала, да и не понимала его бизнес-интересов на постсоветском пространстве.

Барак Обама может играть роль американского аналога Е.В. Петросяна, отпуская шутки на различных тусовках. Он может лихо убивать мух на глазах у изумленной публики. Барак Обама может завлекательно – куда убедительнее Джорджа Буша – вещать о демократии. Но не окажется ли через некоторое время, что человеком, который реально принимал решения в Вашингтоне, был тихий и внешне незатейливый вице-президент Джо-зеф Байден, плоть от плоти американской аристократии, человек, связанный со всеми важнейшими лоббистскими группировками, человек, мудрость и знания которого не подвергали сомнению даже неоконсерваторы. Человек, который мало говорит и, возможно, очень много делает. И не будет ли стратегической ошибкой, бросаясь в объятия обаятельного Барака Обамы, забыть про того, кто, возможно, и является реальным руководителем *единственной сверхдержавы*?

Может, на этот раз подстрахуемся?

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ: СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТУПИК, ИЛИ СИМВОЛ НЕИЗБЕЖНОСТИ

Не устают развлекать политиков и политологов Пхеньян. Но хочется задать вопрос: не кажется ли, что мы все это уже видели? И ракетные или псевдоядерные испытания, и жесткие заявления США, и ответные еще более жесткие заявления Пхеньяна, и испуганное бессилие Сеула, и ровно такое же бессилие Пекина, искусно прикрываемое намеками на какие-то *особые* отношения с КНДР, и заявления Москвы о том, что она не даст Западу загнать КНДР в угол, и обещания ввести новые санкции, и довольно остроумное хамство северокорейцев в адрес американских руководителей. А главное, мы уже почти точно знаем, что будет дальше, причем с точностью до конкретных решений. Дальше не будет ничего.

Можно ругать северокорейское руководство и лично Ким Чен Ира, способность которого реально руководить страной сейчас уже далеко не очевидна (и, тем не менее, КНДР свою геополитическую игру успешно продолжает). Можно говорить о дестабилизирующем характере действий КНДР, однако будет более продуктивным задуматься: а не являются ли действия Пхеньяна следствием общей военно-политической ситуации в регионе. Не является ли нынешний кризис свидетельством того, что в условиях нарастания военно-политической напряженности в регионе в целом Северная Корея как слабейший игрок (а то, что это наиболее слабое и уязвимое государство в регионе, очевидно для всех) сможет выжить, только если будет действовать жестко и нагло. А главное – если сыграет на опережение.

Мы, заиклившись на северокорейской ядерной программе, упускаем из виду, что данная ситуация развивается не сама по себе, а в цепи других, возможно, менее ярких, но, вместе с тем, весьма важных событий последнего года. Назовем лишь некоторые из них.

- ❑ Приход к власти в Токио кабинета, который впервые с окончания Второй мировой войны начал публично озвучивать реваншистские лозунги, ранее доступные только экстремистам. И это – в условиях тяжелейшего экономического кризиса.
- ❑ Резкая дестабилизация ситуации в этнических районах Китая, которая явно имеет внешнее происхождение и источники стимулирования, а главное – последствия этой дестабилизации будут иметь значение для всего региона, и не только.
- ❑ Резкое обострение противоречий между Китаем и Вьетнамом по территориальному вопросу, за которыми уже маячат куда более значительные проблемы, каса-

ющиеся и других государств в регионе. Как странно, что все как будто боятся произнести вслух магическое слово «Спратли».

- Обострение отношений между Токио и Сеулом в связи с националистическим креном в японском правительстве, которое вновь начинает рассматривать период 1933–1945 гг. как эпоху привнесения народам Юго-Восточной Азии и Китая подлинной цивилизации.

Сухой остаток весьма прост: за последние полтора года общий уровень политической, а как следствие – и военно-политической напряженности в Северо- и Юго-Восточной Азии заметно, если не сказать резко, повысился. И это в условиях отсутствия даже намека на существование кооперативных механизмов обеспечения безопасности. Единственное *светлое пятно* – относительная стабильность в отношениях между Китаем и Тайванем, но это *светлое пятно* только подтверждает общую мрачную картину. Отсюда вопрос: а не является ли периодически возникающая напряженность вокруг Северной Кореи тем самым громоотводом, за счет которого смягчаются куда более важные и опасные региональные противоречия, грозящие перерасти в конфликт? А Северная Корея, сыграв роль *enfant terrible*, также не остается *в накладе*, не только получая очередную порцию гуманитарной и финансовой помощи, но и фиксируя на каждом витке кризиса свой статус как ведущего и важнейшего игрока в системе международных отношений.

Вот только в какой-нибудь момент эта взаимовыгодная цепочка имитации конфронтации порвется и все, включая и Россию, столкнется с необходимостью противостоять реальным, а не фантомным угрозам. И надо помнить, что Северо-Восточная Азия – один из очень немногих регионов сегодняшнего мира, где возможна реальная *большая война*.

АФГАНИСТАН: ОЧЕРЕДНОЕ ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ТАЛИБОВ, ИЛИ БЕГ ПО ЗАМКНУТОМУ КРУГУ

Сейчас уже можно произнести вслух то, что в принципе было очевидно еще в начале июля: широкомасштабное наступление войск западной коалиции против талибов на юге Афганистана провалилось, несмотря на попытки объявить о грандиозной победе. И дело тут не только в том, что ни один из ключевых пунктов в южных провинциях не был коалицией отбит, и даже не в том, что потери коалиции были просто-таки зашкаливающими (за месяц в Афганистане погибло больше солдат коалиции, нежели в Ираке за последние три месяца). И не в том, что талибы получили колоссальный моральный стимул, сорвав решительное наступление натовцев. Проблема в том, что, провалив наступление на юге и не получив твердого контроля над западными провинциями в Пакистане, несмотря на применение тактики *выжженной земли*, США и их союзники начинают явно терять инициативу в Афганистане. Показательно, как быстро затихли разговоры о необходимости бороться за *умы и сердца* афганцев – речь уже идет только о том, чтобы сохранять видимость стабильности.

Понятно, что талибы не смогут завтра захватить Кабул, понятно, что пока наибольшие проблемы проявляются на юге Афганистана, который редко когда контролируется центральным правительством. Однако становится все более очевидным, что многонациональные силы оказываются запертыми в крупных городах, оставляя практически на откуп талибам сельскую местность и в том числе важнейшие транспортные коммуникации. И теперь талибы, а не США и их союзники, начнут определять, где появится новое *поле боя*, и смогут куда более активно вести торговлю относительно условий своей *реинтеграции* в политическую систему Афганистана. А это, само по себе, будет фундаментальным поражением всей политики Запада в Афганистане за последние восемь лет.

Мораль в данном случае очень проста: за разговорами о *решительном наступлении* войск НАТО на позиции талибов скрывается весьма неприглядная реальность –

Е.Я. Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока – по электронной почте из Москвы: Негативное влияние на региональную безопасность оказали наступление исламистов в Сомали, начало вывода войск из Ирака, расширение зоны влияния талибов и других исламистов в Пакистане. Позитивно на состоянии безопасности отразилась антиталибская операция США, Великобритании и Пакистана в зоне афгано-пакистанской границы и в провинции Гильменд, раскол в руководстве Ирана, подготовка Израиля к нанесению удара по иранским ядерным объектам. К числу наиболее вероятных точек роста нестабильности в регионе следует отнести невнятную политику Обамы, невозможность ведения США войны на несколько фронтов, ослабление иракского направления с возможным конфликтом между арабами и курдами Ирака из-за Мосула, обострение обстановки в районе Африканского рога.

у Альянса нет никаких идей, касающихся реконструкции Афганистана, формирования там нормальной политической и социальной системы. Более того, нет никаких идей относительно того, как победить талибов в *сердцах и умах* афганцев. И в результате натовцы пошли по пути советских военных и политиков, которые через некоторое время после ввода войск *по просьбам афганских трудящихся* пришли к выводу о том, что для того, чтобы победить в Афганистане, надо распространить боевые действия и на Пакистан, где расположены основные базы моджахедов. Но при этом Советский Союз, *во-первых*, реально создавал в Афганистане экономическую инфраструктуру, которая, к слову, существует и по сей день, а про *экономические объекты*, созданные при участии стран НАТО, ничего не слышно. *Во-вторых*, СССР сравнительно успешно осуществлял стратегию *афганизации* военных действий, показателем успешности которой стало то, что союзники СССР после того, как горбачевское руководство их, просто говоря, предало, смогли продержаться довольно длительное время, несмотря на то, что моджахедам шла колоссальная военная помощь. Сомнительно, чтобы Хамид Карзай смог усидеть на своем кресле больше, чем понадобится талибам, чтобы спуститься с отрогов гор в центр Кабула после

того, как натовцы, объявив о победе, отбудут к местам постоянной дислокации.

Вопрос только в том, есть ли у Барака Обамы, который уже объявил, что Афганистан является важнейшим внешнеполитическим приоритетом США, политическая воля, чтобы переломить весь неблагоприятное развитие ситуации. Переломить – это значит решиться на резкую эскалацию боевых действий (не только в Афганистане, но, вероятно, и в Пакистане), а главное – изменить подход к американскому присутствию в этой стране. Иными словами, перейти от стратегии уничтожения талибов к стратегии контроля территории. И пока признаков того, что Вашингтон готов перейти от рассуждений к реальным делам, нет. А главное – нет признаков того, что у Вашингтона есть ресурсы на изменение стратегии. В конечном счете, все, что делают США в Афганистане сейчас, с военно-политической точки зрения – совершенно откровенный *эконом-класс*, то есть создание видимости большой военной активности при явной экономии денег и ресурсов. Причем как-то показательно умолкли разговоры о том, что европейские страны – члены НАТО готовы взять на себя свою часть *бремени* стабилизации Афганистана. Видимо, мировой финансовый кризис все же скорректировал планы натовских стабилизаторов.

И все это создает для России большую угрозу, поскольку при всем уважении к нашей стране, поднявшей с колен К.А. Собчак, никто из серьезных специалистов не рискнет предположить, что в современном состоянии Россия сможет эффективно сдерживать угрозу распространения агрессивного ислама в Центральной Азии.

АТЛАНТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ИЛИ ЕВРОПЕЙСКИЙ ТЕАТР ТЕНЕЙ? К 50-ЛЕТИЮ НАТО

Странные дела творятся на Европейском полуострове, который продолжает считать себя центром Вселенной. Чем больше заявлений о нерушимости *европейского единства*, тем больше признаков того, что это единство все больше под вопросом. А сам по себе юбилей Альянса стал лишь поводом к тому, чтобы вновь поднять вопрос о системе европейской безопасности и структуре отношений между основными игроками. Я не имею в виду общеевропейскую систему безопасности, о которой пытается говорить Россия, которую никто не слышит потому, что не слушает. Не слышат, видимо, потому, что европейская безопасность является некоей удобной политической фикцией, о которой можно говорить вечно, не предпринимая усилий для ее создания. Я имею в виду систему европейской безопасности в узком смысле этого слова: как систему военно-политических и политических альянсов в Западной Европе, ибо, как доказала политическая практика последних 15 лет, безопасность *делима*. Показателем этого является то, что после возобновления заседаний Совета Россия–НАТО выяснилось, что ему нечего обсуждать из по-настоящему важных вопросов.

Пока вопрос о европейском единстве является сугубо политической проблемой, фактически всего лишь индикатором того, достаточно ли общей экономической базы для выстраивания политических отношений. Дело не в том, что *младоевропейцы* начинают со все большей наглостью требовать своего кусочка общеевропейского пирога. Изначально было понятно, что рано или поздно это произойдет, а экономический кризис только ускорил этот процесс, поскольку выяснилось, что *новая Европа* в общем-то ничего без *старой* из себя не представляет. И теперь для того, чтобы выжить, *новая Европа* должна стать в атлантических и европейских структурах главной и развернуть на себя все основные общеевропейские финансовые потоки. *Старая Европа*, конечно, *дала бой* натовским неопитам, причем как в рамках ЕС, так и, что особенно показательно, в рамках НАТО, продемонстрировав, что готова *выносить сор из избы*. Однако избрание Андерса Фога Расмусена (сопровождавшееся беспрецедентными распрями, которые никто даже не считал нужным скрывать) только подтвердило, что без поддержки США *старая Европа* вряд ли способна отстаивать свои интересы в Альянсе.

И как же на этом фоне выглядит празднование 50-летия Североатлантического Альянса? А выглядит оно, надо сказать, очень странно, оставляя ощущение не столько вселенского торжества, сколько поминок. Еще не по НАТО как таковому, но по той роли и тому статусу, который НАТО имел в европейской системе безопасности в последние 20 лет.

Во-первых, празднуется событие, которое действительно имело колоссальное влияние на развитие всей системы международных отношений, нарочито скромно. И это явно не является следствием вдруг нахлынувшей на натовцев скромности. Ведь еще пять-шесть лет назад НАТО объявлялось чуть ли не центром Вселенной, а фраза о том, что НАТО является «самым успешным военным альянсом в истории», была обязательной в любом выступлении. Понятно, что экономический кризис, который, несмотря на хорошую мину, имеет для Европы весьма жесткие последствия, сказался и устраивать гульбище на глазах у миллионов безработных не хотелось. Но не до такой же степени... В конечном счете, деньги на то, чтобы устроить форменный дебош в нищем Бухаресте, год назад нашлись.

Во-вторых, у торжеств практически отсутствует какая-либо *внятная повестка дня*. В принципе, было бы очень логично, если бы на полупраздничных мероприятиях обсуждались бы вопросы дальнейшего развития Альянса, его целей и задач. Ничего подобного! По сути дела, на праздновании говорили не столько о будущем, сколько о славном прошлом. Стало совершенно очевидно, что НАТО не имеет сколько-нибудь *внятного плана развития*, а решения принимаются в зависимости от складывающейся конъюнктуры. То есть, говоря проще, НАТО даже с учетом *руководящей и направляющей роли США* играет *вторым номером*, следуя за событиями, а не определяя их.

В-третьих, юбилейный саммит НАТО, который мог бы стать *саммитом победителей*, превратился в какое-то невнятное зрелище, главным результатом которого было – по крайней мере, об этом трубили все западные газеты – сохранение единства Альянса. То есть была четко задекларирована цель на обозримую перспективу, почти как

у Ю.С. Семенова в одной из книг про Штирлица: «Приказано выжить». Поэтому отказ от форсированного приема в НАТО Украины и Грузии был результатом не столько нежелания обострять отношения с Москвой тактически, сколько более глубоких опасений относительно судьбы Альянса. А главным вопросом, который будоражил умы европейских *атлантистов*, стала проблема сохранения единого с США понимания целей и задач развития. Ведь именно от США зависит выживание НАТО как организации, от которой хоть что-то в этом мире зависит. Что и требовалось доказать.

И возникает странный, на первый взгляд, вопрос: а насколько Россия заинтересована в ослаблении или даже в развале НАТО? Ведь, как это ни странно, несмотря на периодические скандалы и обещания *решительно противостоять*, Россия чувствует себя вполне комфортно, сожительствуя с НАТО. Прежде всего, потому, что эта организация до предела предсказуема и нарастающее немобильна. От НАТО вряд ли можно ждать каких-то революционных политических действий, а военная боеспособность Альянса существенно ограничена необходимостью сдерживать войска в Ираке и в Афганистане. И есть основания полагать, что Россия не будет чувствовать себя столь же вольготно и где-то даже нагло, если на месте НАТО вдруг образуется неформальное (а затем неизбежно – и формальное) более компактное по размерам объединение государств, конечно, под эгидой США, которое будет способно на куда более агрессивные и жесткие действия, включая предоставление прямых военных гарантий государствам, к которым у России есть вопросы. Так, может, не стоит так уж радоваться кризису в Альянсе, а напротив, стоит подумать о том, чтобы предложить НАТО варианты, при которых полуживое состояние Альянса сохранится как можно дольше?

ИРАН: НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПЕРЕСТРОЙКА

На фоне истерики на Западе о *растоптанной надежде на демократию* в Иране как-то сам собой затерялся вопрос: а что же это все-таки было? И имеют ли события в Иране какое-то отношение к вопросам международной безопасности и стратегического баланса сил? Берусь доказать, что имеют.

Нравится это кому-то или нет, но применительно к Ирану мы явно имели попытку спровоцировать новую цветную революцию, которую впору назвать *фисташковой*, поскольку значительную роль в ней пытались играть те иранские деятели, которые связаны с могущественной семьей бывшего президента Ирана Али Акбара Хашеми Рафсанджани (а Мир Хусейн Мусави, игравший роль то ли иранского Горбачева, то ли иранского Саакашвили, что скорее, – человек этой влиятельнейшей в Иране семьи, который вряд ли способен на самостоятельные действия), которая сделала состояние на торговле фисташками.

Разговоры о том, что это было спровоцированное нечестностью властей народное восстание, к которому Запад не имеет никакого отношения, убеждают слабо. Напротив, убеждает в спланированности и *импортном* характере данных событий абсолютно скоординированная кампания в западных СМИ, которая почти сразу была поддержана на политическом уровне. И даже не то, что западные корреспонденты обладали немислимым для иранских условий уровнем информированности. И даже не то, что доктор, якобы спасавший погибшую якобы от рук басиджа студентку, неожиданно быстро после этого оказался в Лондоне (где же еще?), откуда стал вдохновенно вещать про демократию. И даже не то, что Мусави, имевший устойчивую репутацию трусоватого политика, да еще и подкаблучника (что в исламской стране в отличие от некоторых других является почти приговором), никогда не проявил бы столь поразительную – по-другому не скажешь – *упертость*, если бы не чувствовал за собой поддержку очень и очень влиятельных сил. И даже не то, что на определенном этапе в иранских событиях появились естественные для любой управляемой Западом цветной революции антироссийские лозунги. Убеждает в спланированности событий, прежде всего, сходство технологий и методов осуществления уличной революции, которые в современный Иран могли принести только извне – сами по себе такие знания не возникают.

И появляется странный, казалось бы, вопрос: а зачем в Иране европейские страны (у США возможностей влияния на внутреннюю ситуацию в Иране и тем более организации контролируемых политических групп практически нет) попытались сконструировать –

 Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского Центра Залива – по электронной почте из Дубая: Обострение ситуации в Иране оказало негативное влияние на состояние безопасности во всем регионе Залива, стало новым дестабилизирующим фактором в этой неустойчивой обстановке. Президент Махмуд Ахмадинежад, оказавшийся под растущим давлением, похоже, не намерен идти на компромиссы ни по одному из аспектов ядерной программы и будет склонен к резким движениям во внешней политике. Усиливающийся антагонизм во внешнеполитических делах становится для иранского руководства поводом отвлечь внимание от внутригосударственных проблем.

Состоявшиеся в Ливане и в курдской автономии Ирака выборы прошли относительно спокойно и без особых нарушений. Однако эти небольшие подвижки необязательно говорят об улучшении политического климата.

Движение в направлении какого-либо разрешения иранской ядерной проблемы или арабо-израильского конфликта вновь прервано, а значит, напряжение в регионе будет расти.

естественно, в меру своих способностей и возможностей – *цветную революцию* наподобие тех, которыми США до самого последнего времени пугали своих недругов?

На первый взгляд, логика авторов этой новой революции была крайне проста: хотя Мир Хусейн Мусави (политик, по опыту предыдущих лет, сравнительно слабый) в страшном сне не мечтал о каком-то коренном изменении характера иранского режима, в случае прихода к власти он был бы вынужден – как и М.С. Горбачев в свое время – ради противостояния с внутриполитическими противниками все больше и больше принимать позицию Запада. Который, в свою очередь, уже обозначил тот набор уступок со стороны Ирана и тот набор бенефиций, которые иранские политики смогут получить в обмен. И что смешно, бенефиции эти сводились к возможности получения иностранной финансовой помощи для стабилизации экономической ситуации и включение иранского руководства в круг *системных* мировых политиков, которые допущены к общению с глобальными державами. Ничего не напоминает? Не этим ли завлекали М.С. Горбачева его друзья-приятели Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган?

Но неужели кто-то всерьез верил, что весьма матерые иранские радикалы, контролирующие и спецслужбы, и Корпус стражей исламской революции, и полицию, и армию, спасуют перед лицом студентов и зачаточного среднего класса, ненавидимого провинцией уже только за те небольшие проявления *европейскости*, которые сейчас дозволены в Иране? Думается, что надежда на это была, но, конечно, ни один серьезный политик даже в Европе

не мог сделать на это единственную ставку. И не исключено, что ставка была как раз на провал революции с неизбежными последствиями и естественный срыв намечавшегося американо-иранского диалога.

Диалога, который – с учетом понятных и всем известных внутренних проблем Ирана и желания значительной части элиты интегрироваться – мог бы привести не только к *мягкому* сценарию ухода США из Ирака, но и к столь же изящному сокращению американских обязательств в отношении своих союзников в Афганистане. Показательно, как поначалу нехотя и в весьма осторожных выражениях вашингтонские лидеры осуждали режим *аятолл* за *непропорциональное* применение силы и как последовательно с использованием неправительственных организаций и разного рода правозащитников из США выдавливали слова осуждения в адрес Тегерана.

Если это так, то стоит, *во-первых*, поздравить наших европейских друзей с блестяще проведенной комбинацией, после которой они могут быть уверены в том, что США никуда

не уйдут ни из Ирака (поскольку самый простой способ для иранских радикалов отомстить американцам – это испортить им жизнь в Ираке), ни из Афганистана. Во-вторых, следует признать и запомнить тот факт, что европейцы (вероятно, прежде всего, британцы, но не без участия Франции, контактами с которой очень гордились умеренные иранские политики) вдруг оказались способны на действительно крупную геополитически значимую комбинацию и имеют инструменты влияния на политические процессы в ключевых странах. А в-третьих, продолжая клеймить США за их практику *цветных революций*, надо помнить, что, поскольку европейцы также овладели этим искусством, именно они, а не только американцы, вполне могут попытаться испытать эти инструменты в России.

Что касается Ирана, то у США после того, как европейцы технично *подставили* нового хозяина Белого дома, отрезав ему путь к переговорам с Тегераном, не осталось другого варианта *спасти лицо*, кроме как осуществить хотя бы и ограниченную силовую акцию. Либо своими руками, либо руками Израиля. После чего американцам путь в Тегеран будет заказан еще лет на 15, а европейцы смогут снять все возможные *сливки* с восстановления отношений с посткризисным Ираном, тем более что все понимают, что нынешний президент Махмуд Ахмадинежад – не просто *подстреленная*, но уже и *ощипанная* утка и иранская элита так или иначе будет вынуждена искать контактов с внешним миром на приемлемых условиях.

Отсюда – следующий вопрос: о чем думали наши европейские партнеры, начиная столь рискованную комбинацию? Ответ: о чем угодно, только не о продвижении в Иран демократических ценностей и идеалов. Кажется, они, прежде всего, думали о том, кто будет в дальнейшем управлять колоссальным геополитическим потенциалом Ирана, способным как разрушить, так и скрепить любую региональную систему безопасности. Думали о том, кто сможет использовать в своих интересах весьма значительный военный потенциал Ирана, накопленный за последние годы. Думали о том, кто и как будет интегрировать Иран в новый геополитический контекст на Большом Ближнем Востоке, попытку формирования которого мы, вероятно, сейчас наблюдаем.

Кстати, очень показательны появившиеся в западной печати статьи о том, что иранская атомная бомба – уже случившаяся реальность и надо просто учиться тому, как выстраивать систему отношений в регионе с учетом данного фактора. Цинично, но вполне в духе сценариев *фисташковой революции*.

ВНЕ КОНТЕКСТА: ЗАСНУВШАЯ ЭЛИТА, НЕПРОБУДИВШАЯСЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

В завершение обзора хотелось бы попытаться понять, насколько Россия в современном своем состоянии соответствует ключевым чертам и свойствам новой геополитической реальности. Наверное, мысль о том, что государственность, особенно зарождающаяся, *контекстна*, то есть ее свойства и потенциал появляются, укрепляются, а она сама самоутверждается в зависимости от *вписанности* в глобальные процессы, покажется кому-то спорной, но, тем не менее, она имеет право на существование. Если мы воспринимаем современную Россию именно как самостоятельное государство, а не как обрубок, оставшийся от СССР, то мы должны признать, что и наша государственность *контекстна*. И весь вопрос в том, как мы вписываемся в этот самый контекст.

Объективно оценивая положение нашей страны, с сожалением приходится констатировать, что Россия продолжает оставаться вне контекста. И главное даже не то, что Россию начинают обыгрывать в борьбе за контроль над созданием новых транспортных коридоров в Европу. В конечном счете, сокращение доли российского присутствия на рынке углеводородов стран ЕС почти автоматически означает сокращение зависимости России от ЕС, что само по себе является безусловным благом. И не то, что российская финансовая сфера оказалась сборищем откровенных паразитов, не способных ни на что, кроме воровства бюджетных средств, и ей на просторах глобальной экономики просто нечего делать. И даже не то, что происходящий под радостные рапорты о стабилизации экономической спад обнажает полное отсутствие у властей адекватных экономических идей.

Самое главное то, что российская элита, вроде бы восторженная при падении цен на нефть до 35 долл. США, более того, начавшая проявлять отдельные признаки здравого ума, вновь успешно погрузилась в нефтегазовый наркотик по мере выхода барреля нефти к 65 долл. Этот сон разума пока еще не рождает чудовищ социального взрыва, да и то в силу сохранения у значительной части общества надежд на скорое выздоровление. Но страшное для современной элиты слово *модернизация*, имеющее прямое отношение к тому контексту, в который России следует вписаться в ближайшие годы, произносится с нарастающим раздражением. Оно мешает нашей элите спать. Вопрос, однако, в том, что спящая элита может проспять свою смерть. И, может быть, с исторической точки зрения это будет логично. Как говорится, жизнь вне контекста влечет за собой и смерть вне контекста.

Единственное относительно светлое пятно – позитивная динамика ситуации в вооруженных силах, которые становятся адекватными новой геополитической реальности. Но оно, к сожалению, теряется на общем безрадостном фоне, тем более что у российской элиты, видно, нет идей относительно того, как полученный с большим трудом и, прямо скажем, с большими социальными и политическими издержками реальный военный потенциал можно использовать во благо развития страны, не слишком пугая соседей.

В целом выпадение страны из геополитического контекста уже становится опасным, куда более опасным, нежели разговоры о возможном вступлении Украины в НАТО или размещение в Восточной Европе элементов ПРО. Ведь, если приглядеться к большинству событий, которые определили сущность международных отношений и вопросов глобальной безопасности за последние три-четыре месяца, то Россия как бы оказалась ни при чем. Она оказалась почти вне контекста. И если бы не советский потенциал ядерного оружия (внести туда *российский* компонент в виде пресловутой *Булавы* не удастся), то *выпадение из контекста* было бы полным и безнадежным.

И то, что Россия начинает выпадать не только из углеводородных проектов на постсоветском пространстве, но и в целом из системы политических и экономических отношений (а в провальном состоянии находятся все ранее запущенные проекты в постсоветской Евразии), говорит о том, что в данном регионе, который, как выясняется, представляет для мировой политики определенный интерес, формируется новый контекст, из которого Россия выпала. Или вот-вот выпадет.

Когда-то, а если говорить точно, то 4 февраля 1931 г. один странный и, мягко говоря, неоднозначный человек сказал: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»²⁴. Через десять лет (!) 22 июня 1941 г. советский народ встретился с пришедшим с Запада фашизмом и с трудом, но выстоял.

К чему я привел эту цитату? К тому, что мы отстали от передовых государств на 30–50 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 8 лет. И глобальный экономический кризис дает нам этот шанс. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ Bush George. The President's State of the Union Address. Washington, D.C., 2002, <http://georgew-bush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/print/20020129-11.html> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

² Документ ООН S/RES/1874 (2009). Резолюция 1874 (2009), принятая Советом Безопасности ООН на 6141-м заседании 12 июня 2009 г.

³ Выступление Постоянного представителя России при ООН В.И. Чуркина по мотивам голосования по проекту резолюции СБ ООН по КНДР, Нью-Йорк, 2009, 12 июня, <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc32575d4002c4dd2?OpenDocument> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

⁴ Рубин Узи. Иран в космосе. *Индекс Безопасности*, 2009, № 2 (89), с.135–140.

⁵ Там же, с. 140.

⁶ Diplomats: Iran advancing nuke program. *The Associated Press*, 2009, July 17, http://www.msnbc.msn.com/id/31959578/ns/world_news-mideastn_africa/page/2/ (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

⁷ Ibid.

⁸ Jahn George. Hopes fading for Iran nuke talks. Official says EU has lost the right to engage on atomic activities. *The Associated Press*, 2009, July 1, http://www.msnbc.msn.com/id/31686557/ns/world_news-mideastn_africa/page/2/ (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

⁹ Susan Rice: «It's in the United States' national interest to make sure that we have employed all elements at our disposal, including diplomacy, to prevent Iran from achieving that nuclear capacity». – Ibid.

¹⁰ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с президентскими выборами в Иране. МИД РФ, Департамент информации и печати, 2009, 22 июня, <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc32575dd0055ee6a?OpenDocument> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

¹¹ Ответ официального представителя МИД России А.А. Нестеренко на вопрос СМИ в связи с заявлением вице-президента США Джозефа Байдена о возможности применения Израилем военной силы в отношении Ирана. МИД РФ, Департамент информации и печати, 2009, 7 июля, <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc32575ec005a8d46?OpenDocument> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

¹² START Aggregate Numbers of Strategic Offensive Weapons. Bureau of Verification, Compliance, and Implementation. Fact sheet. 2009, April, <http://www.state.gov/t/vci/ris/121027> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.); Norris Robert S., Kristensen Hans M. Nuclear Notebook: U.S. nuclear forces, 2009, Bulletin of Atomic Scientists. March/April 2009, P. 61.

¹³ Norris Robert S., Kristensen Hans M. Ibid, P. 60.

¹⁴ START Aggregate Numbers of Strategic Offensive Weapons. Bureau of Verification, Compliance, and Implementation. Fact sheet. 2009, April, <http://www.state.gov/t/vci/ris/121027> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.); Russian Strategic Forces, <http://russianforces.org> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

¹⁵ Федоров Ю.Е. Обзор мировых процессов глазами либерала: февраль–апрель 2009. Мысли о немислимом, или почему прав Герман Канн. *Индекс Безопасности*, 2009, № 2 (89), с. 145–158.

¹⁶ Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений. Москва, Кремль, 2009, 6 июля, <http://www.president.kremlin.ru/text/docs/2009/07/219078.shtml> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Интервью министра иностранных дел России С.В. Лаврова российскому информационному каналу «Вести», 2009, 7 июля, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/2dd08b7da5f86ce1c32575ef0052046b?OpenDocument (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

¹⁹ Латынина Юлия. Программа «Код доступа». 2009, 11 июля, <http://www.echo.msk.ru/programs/code/604723-echo/> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

²⁰ Joint Press Conference with President of the United States of America Barack Obama Following Russian-American Talks. The Kremlin, Moscow, 2009, July 6, http://www.president.kremlin.ru/eng/speeches/2009/07/06/2342_type82914type82915_219130.shtml (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

²¹ Вильнюсская декларация Парламентской ассамблеи ОБСЕ и резолюции восемнадцатой ежегодной сессии, Вильнюс, 2009, 29 июня – 3 июля, http://www.oscepa.org/images/stories/documents/activities/1.Annual%20Session/2009_Vilnius/Final_Vilnius_Declaration_RUS.pdf (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

²² Заявление Совета Палаты Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в связи с принятием Парламентской Ассамблеей ОБСЕ резолюции «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», 2009, 7 июля, <http://www.vz.ru/information/2009/7/7/304857.html> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

²³ Евстафьев Д.Г. Обзор мировых процессов глазами консерватора: февраль–апрель 2009. Контуры большой игры и конец истории. *Индекс Безопасности*, 2009, № 2 (89), с. 159–172.

²⁴ Сталин И.В. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, 1931, 4 февраля, <http://www.hrono.ru/libris/stalin/13-18.html> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

КОРНИ МАКА

Withdrawal Symptoms in the Golden Triangle: A Drugs Market in Disarray. Transnational Institute (TNI) Report. Amsterdam, January 2009. www.tni.org/drugs; Trouble in the Triangle: Opium and Conflict in Burma. Edited by Martin Jelsma, Tom Kramer and Pietje Vervest. Bangkok, Silkworm Books, 2005, 231 pp.; Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. – М.: Весь Мир, 2005, 312 с.; Stepanova Ekaterina. Addressing drugs and conflicts in Myanmar: who will support alternative development? SIPRI Policy Brief. SIPRI, June 2009, 8 pp.

Рецензия – Владимир Орлов

Искоренять, искоренить – вырвать с корнем, выкорчевать. Истреблять вовсе, уничтожать. Искореняя – истребляя с корнем.

В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка¹.

Поздним январем или ранним февралем эти поляны среди поросших первобытными зарослями горных склонов крайнего севера Лаоса покрываются алыми и белоснежными точками. Одни из самых очаровательных цветов Юго-Восточной Азии, они известны как *Papaver Somniferum*. Или попросту мак. Тот мак, который веками использовался в китайской медицине, а с 1960-х гг. принес этому региону сомнительную славу опиумного центра мира.

Я снова в Золотом треугольнике, пространстве на стыке границ Мьянмы, Китая, Лаоса и Таиланда, получившем свое нынешнее громкое имя благодаря какому-то средней руки дипломату из Госдепа США, который обронил это словосочетание в 1971 г., в период самого расцвета производства опиума, стимулировавшегося ЦРУ, чтобы на деньги от наркоторговли вооружать местные племена в борьбе с индокитайскими коммунистами; с тех пор так и прижилось.

Мой первый приезд в Золотой треугольник совпал с эпохальным событием для местных наркоторговцев и для тех, кто с ними борется. Был ноябрь 2007 г. Из бывшей столицы Мьянмы Янгона пришло известие, что там под комфортабельным домашним арестом скончался опиумный король Золотого треугольника Хун Са. Что же, слава Золотого треугольника закатилась?

Действительно, в прессе в последние годы все больше сообщений о резком сокращении, почти на 80%, производства опиума в Мьянме, в частности, и в Золотом треугольнике в целом. Место лидера мирового героинового экспорта теперь прочно занимает Афганистан.

Меня заинтересовало, означает ли это, что Золотой треугольник стал – спустя ровно столетие после создания (в 1909 г.) международного режима контроля над наркотическими веществами – пока что единственным в мире успешным примером борьбы с распространением наркотиков?

Чтобы разобраться, я исколесил, где на джипе, где на велосипеде, сотни километров по мьянмарскому, лаосскому и тайскому уголкам Золотого треугольника, не меньше проплыл на джонках по пограничному Меконгу и его притокам. А в дороге читал книги, сборники, доклады, что называется, по теме, и прилежно делал из них выписки, перемежаемые путевыми заметками.

PARAVER SOMNIFERUM: ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ

Лучшие места для выращивания опиумного мака: высокие горные склоны, где температура и почва наиболее благоприятны. Время высевания: канун завершения сезона дождей, конец сентября – начало октября. Мак предпочтительно высевать на тех же полях, где до того росла кукуруза – она заглушает сорняки и идет на корм скоту. Мак высеивают прямо среди оставшихся кукурузных стеблей.

Три месяца спустя, через несколько дней после того, как с маков опадут лепестки, женщины и дети моно, лаху, лису, других горных племен Золотого треугольника собирают урожай: делают вертикальные надрезы на зеленых маковых коробочках, чтобы оттуда вытекла смола, и дают ей загустеть на солнце. Делание таких надрезов сродни искусству, и требуется твердая рука. Для них используют специальные закругленные инструменты – маленькие серпы – с двумя или тремя лезвиями, плотно прикрученными друг к другу. Если надрез слишком глубокий, то белая, клейкая масса может вся вылиться на землю, если же надрез будет слишком поверхностным, то смола загустеет внутри коробочки и не вытечет. Полученное клейкое вещество, по цвету теперь темно-янтарное, на следующий день счищают, скручивают в шарики и оборачивают банановыми листьями, чтобы в таком виде продать посредникам.

Горные племена считают выращивание мака идеальным сельскохозяйственным занятием. Действительно, за небольшое количество собранного сырья они получают весомое вознаграждение; товар не портится; посредники сами забирают товар, и племена, как правило, избавлены от транспортных расходов и усилий, что особенно важно, когда толком нет дорог. Наконец, у горных племен есть очевидное конкурентное преимущество: у их соседей на равнинах вырастить такую продукцию просто не получится, почвы и климат не те.

Однако закупочные цены на опий-сырец, конечно, не идут ни в какое сравнение с ценами на наркотики на последующих этапах их переработки и транспортировки. Еще в начале прошлого десятилетия цена 1 кг героина, получаемого из опия-сырца непосредственно после его выработки еще на территории Мьянмы, могла составлять до

1200–1400 долл., в первом же крупном транзитном пункте (например, в г.Чианграй на территории Таиланда) она возрастала в два раза, в столице Таиланда Бангкоке – уже в три раза, а в конечном пункте потребления – например, в Нью-Йорке – могла достигать 60 тыс. долл., то есть была в 43–50 раз выше первоначальной цены².

В ПОИСКАХ ИСТОКОВ ЗЛА

Я в Опиумном Зале на крайнем севере Таиланда. Отсюда видны земли Мьянмы и земли Лаоса. Изучаю огромный выбор опиумных трубок, весов с гирьками в форме слоников...

Но это всего-навсего музей. Один из самых необычных, в котором мне когда-либо пришлось побывать. Построенный с применением новейших мультимедиа-технологий, патризируемый королевской семьей, этот музей рассказывает не только о тех катастрофах, которые приносит наркозависимость. Он – и об истоках этого зла.

Композиция музея приведет вас к мысли о том, что зло пришло с Запада. С VII в., когда арабские торговцы завезли опий в Китай, он использовался там как лекарственное средство. Первоначально опийный мак выращивался на территории современных китайских провинций Сычуань, Юньнань и Гуанси, и лишь впоследствии мигрировавшие к югу горные племена принесли эту культуру в тот район, который сегодня зовется Золотым треугольником. Выращивание опийного мака в регионе не носило масштабного характера и не приводило к массовому потреблению опия.

Все изменилось в XVII–XVIII вв., когда благодаря голландцам в регионе распространилось курение опия. А в начале XIX в. усилиями британских компаний опий превратился в одну из наиболее прибыльных коммерческих сельскохозяйственных культур. Британская *Ост-Индская компания*, владевшая монополией на производство опия в Бенгалии, значительную часть его продавала в Китай, где число потребителей опия только в первой четверти XIX в. превысило 15 млн человек (для сравнения: сегодня число потребителей опиатов – опиума, морфина и героина – в мире оценивается в 15 млн человек³). А затем последовали две *опиумные войны* с Британской империей, проигранные Китаем.

Опиумный зал подталкивает вас к тому выводу, о котором пишет в своей книге Е.А. Степанова, которая, в отличие от меня, в этом замечательном музее не была, но, похоже, мыслит солидарно с его кураторами: наркобизнес был инструментом колониальной политики европейских держав⁴.

Вот потом им и аукнулось, а обвиняют нас, довольно неприкрыто намекают кураторы музея в Золотом треугольнике. Не злорадно, но с уверенным чувством аккуратного исторического анализа.

Сегодняшние голландские исследователи тоже словно испытывают чувство исторической вины за поведение предков: «Столетие назад, когда европейские колониальные державы способствовали развитию опийного производства повсюду, где они могли, в мире производилось как минимум в три раза больше опия, чем сейчас»⁵.

НАСКОЛЬКО BIG MAK

Сегодня на Золотой треугольник приходится не больше 1% экспорта героина в Европу и Северную Америку.

В тайском секторе Золотого треугольника удалось заместить производство опиума – известного на Западе на уличном жаргоне как *Big O* – выращиванием других сельскохозяйственных культур – кукурузы, табака, чая. За последние 30 лет производство опиума сократилось здесь на 96%.

В Мьянме, где тоже заметно сокращение производства опия-сырца, ситуация тем не менее иная: поголовная нищета сельского населения в таких районах, как государства Шан и Качин, не дает крестьянам возможности переключиться с выращи-

ния опиумного мака на иное сельскохозяйственное производство. По рассказу одного крестьянина, достаточно привезти 25 кг опиума на городской рынок, чтобы заработать примерно 1,5 тыс. долл. – денег, достаточных здесь для благополучного существования небольшой семьи в течение года. В то же время, если выращивать зерно, чтобы заработать такую же сумму, нужно будет привезти на рынок 1,5 тыс. мешков с зерном (по полцентнера в мешке): такой объем местным крестьянам невозможно ни вырастить, ни тем более перевезти, так как семья, имеющая хотя бы одного мула, уже считается зажиточной, а дороги здесь проходимы только в сухой сезон.

МЕТОДЫ

На крайнем севере Таиланда, в провинции Чианграи, чтят Таксина, какие бы политические катаклизмы не охватывали Бангкок.

Таксин Чинават – один из самых противоречивых политиков Юго-Восточной Азии. Крупнейший бизнесмен, в прошлом – премьер-министр, преследуемый – то ли за коррупцию, то ли по политическим мотивам, то ли за все сразу; но имеющий хорошие шансы вернуться на пост тайского лидера. Одним словом, тайский олигарх. Крестьяне в провинции Чианграи наперебой рассказывают мне, как много, будучи премьером, этот олигарх сделал для них: «И школы построил, и с наркобаронами расквитался». Я спрашиваю, а не были ли методы Чинавата, как минимум, спорными. Более 2 тыс. людей, подозревавшихся в связях с наркомафией, были уничтожены в 2003 г. без суда и следствия: застрелены якобы в *междоусобных стычках*, и еще около 80 тыс. арестованы. Западные правозащитники называют это *мрачной страницей*⁶. Мои собеседники-крестьяне не согласны: «Жить стало лучше, жить стало спокойнее». И действительно, в разгар макового сезона на горных склонах передо мной – живописные плантации чая. Когда-то именно здесь собирали лучший опий. Не так давно. На ум, весьма навязчиво, приходит соответствующая песня группировки *Ленинград*, но я заставляю себя сосредоточиться на серьезном: у местных крестьян есть и свои тревоги. За день до нашего разговора на свободу был неожиданно выпущен один из деревенских вождей горного племени лису Лаота Сенлэ – вероятно, один из главных подручных покойного Хун Са в наркоторговле. Крестьянам кажется, что наркобароны примутся отвоевывать свое влияние.

«Таксин боролся против наркотиков, потому что для него это было личной вендеттой. Его сын был наркоманом: впал в зависимость от метамфетаминов, от экстази. Поэтому его борьба была искренней», – включается в разговор еще один крестьянин. Тут крестьяне подкованные, внимательно следят за новостями из столицы.

ЛАОС

Северный Лаос – спящее царство рек, джунглей, пещер. Еще немного, и его настигнет туристская мода. Не может не настигнуть: таких природных красот в мире поискать. Развевающиеся алые полотнища с золотистыми серпом и молотом – флаги революционных вооруженных сил – ненавязчиво напоминают, что вы в стране победившего социализма, однопартийной системы, и местные жители будут говорить с вами о чем угодно, только не о политике.

Судя по всему, и здесь маковые плантации ужимаются и опиумный бизнес идет на спад. Какой контраст с предыдущими десятилетиями!

В этих умиротворенных и умиротворяющих краях даже как-то непривычно видеть то тут, то там многотонные бомбы *made in USA*. Лаос – это страна, на которую было сброшено наибольшее количество бомб из расчета на душу населения. И сейчас то и дело дети и крестьяне гибнут, подрываясь на неразорвавшихся снарядах. Не менее непривычно читать об истории лаосского наркотрафика в одном из наиболее противоречивых докладов на эту тему, подготовленном уже полтора десятка лет назад. Сегодня он во многом потерял остроту, но остается примечательным историческим документом.

КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО

«Ведущие позиции Золотого полумесяца и Золотого треугольника в качестве производителей опия сложились в 1960–1980-е гг. в результате политики Запада, в первую очередь ЦРУ США, в части сотрудничества с синдикатами международной организованной преступности. В период холодной войны подобное сотрудничество стало их обыденной практикой. (...) Еще в 1960–1970-е гг., в период войны в Индокитае, американское правительство не только закрывало глаза на активное участие в наркобизнесе своих соратников по «борьбе с коммунизмом» – главаря лаосских мятежников из племени мео генерала Ванг-Пао и коррумпированных чиновников военных режимов в Сайгоне и Бангкоке, но и смотрело сквозь пальцы на вовлеченность в этот бизнес многих офицеров ЦРУ, ВМС и ВВС США. В результате был запущен контрабандный канал Индокитай–США»⁷.

Но война закончилась. Потом закончилась и холодная война, подпитывавшая наркорынки в Афганистане и в Юго-Восточной Азии. Лаос выстоял, остался сам по себе. Приходилось приспосабливаться к новым условиям, новым игрокам.

Читаю дальше этот доклад, погружаясь в атмосферу 1990-х гг.:

«Ориентировочно осенью 1991 г. ряд бывших (российских) офицеров госбезопасности (...) создали (...) так называемую *московскую наркогруппировку*, которая на сегодняшний день функционирует и имеет свои филиалы не только в Москве и Чечне, но и в Мазари-Шарифе (Афганистан), Луангпхананге (Лаос), Лондоне и на Каймановых островах (Карибское море). (...) Что касается Афганского и Лаосского филиалов, то они занимаются контрабандными поставками полуфабрикатов (опиума-сырца и морфина) для героиновой *индустрии*. Эта деятельность опирается на давние контакты московских наркобизнесменов, работавших в 70–80-е годы разного рода советниками и специалистами в Индокитае и Афганистане. В своей деятельности в области поставок полуфабрикатов для производства героина *чеченская мафия* и *московская наркогруппировка*, начиная с конца 1991 г., сотрудничают с некоторыми сотрудниками Службы национальной безопасности Узбекистана, с рядом полевых командиров в Афганистане и, начиная с зимы 1992–1993 гг., с отдельными руководителями повстанцев в бирманской провинции Шан при посредничестве и непосредственном участии представителей силовых структур Лаоса и Камбоджи, ряда граждан КНДР и, до недавнего времени, должностных лиц в Йемене»⁸.

Приходится перевести дух, чтобы хоть как-то осмыслить широту этой почти всемирной географии. Когда плывешь вниз по Меконгу, как-то забываешь, что где-то есть и другой мир.

Продолжаю чтение:

«К концу 1992 г. эксперты относят становление криминальных кооперационных связей между *московской наркогруппировкой* и сепаратистами в бирманской провинции Шан. При этом в качестве посредников и непосредственных участников преступного бизнеса выступили представители силовых структур Лаоса и Камбоджи, граждане КНДР, а также коррумпированные йеменские военные и чиновники. Установлению *сотрудничества* способствовали тесные контакты представителей перечисленных структур и лиц между собой, сильное влияние КНДР в Камбодже, а также связи в данном регионе, существовавшие у бывших чекистов в 1950–1980-е гг. (...) Примерно в 1990 г. в Лаосе другая группа советских граждан, действовавшая в контакте с лаосцами, получила крайне выгодное предложение от шанских производителей морфина по поводу крупнооптовых закупок их *продукции* на постоянной основе. Через некоторое время возникла крупная криминальная структура, состоявшая из граждан СССР и оперировавшая в Лаосе, Камрани, Москве и Вене. *Дело* было организовано следующим образом. Шанские наркodelьцы доставляли морфин через Меконг в Лаос. Далее груз следовал на лаосских самолетах в Камрань. Здесь он передавался персоналу базы – участникам наркобизнеса, которые отправляли его в Сайгон (Хошимин). В Сайгоне действовала вьетнамская преступная группа, которая располагала необходимыми производственными мощностями для переработки большого количества морфина в героин высокого качества. Затем героин, размещенный в контейнерах для изделий деревообрабатывающей промышленности, вместе с последними и под их видом контрабандно ввозился в Центральную Россию. Здесь наркотики изымались и не совсем ясным способом доставлялись в Вену, где передавались оптовым покупателям из числа сицилийских мафиози»⁹.

Когда в тексте на сцену вышли сицилийские мафиози, я на минуту отвлекся и заметил, как на Меконг вышли попастись коровы. Не стадо – парочка. Стад коров здесь вообще не увидишь. Как нет и толп людей: изредка только пройдет вдоль берега одинокий рыбак, пастух или золотодобытчик. К слову, коров лаосцы не доят. Живут без коровьего молока.

А между тем в тексте:

«(...) Наркобизнесмены в Лаосе не захотели лишаться своих баснословных прибылей. Используя старые связи, они вышли на *московскую наркогруппировку* и сделали ее филиалом. Контрабанда возобновилась, но направление ее изменилось. В дело вошли новые партнеры: северные корейцы и хмеры. Вновь возникшее сотрудничество стало основываться на четком разделении *труда* между сторонами. Шанская сторона по-прежнему сохраняла за собой функции по закупкам урожая опиумного мака у крестьян-горцев в районах активных действий формирований мятежников, его переработке в морфин в подпольных лабораториях, расположенных на бирманской территории вблизи лаосской и тайландской границ, и доставке полуфабрикатов героина через Меконг на лаосскую территорию. Лаосцы вместе с вновь образованным филиалом *московской наркогруппировки* взяли на себя обеспечение воздушного транзита наркотических грузов от аэродрома Хуэйсай...»¹⁰

... Не далее как четверть часа назад я проплывал мимо этого полугородка-полудеревни; остановился; прогулялся по его пыльным улочкам; жаль, никакого аэродрома ни в этом городе с не вполне благозвучным именем, ни в его окрестностях я не приметил. Или его *московская группировка* стерла с лица лаосской земли, заметая следы в эти странные девяностые.

«... до аэродрома Саваннакхет, их хранение там и нелегальный вывоз военными самолетами Камбоджи на хмёрскую территорию. Одновременно лаосцы обеспечивали прием на аэродромах в Хуэйсае и Луанпранбанге доставляемых самолетами из Камбоджи вооружений и боеприпасов для шанских мятежников, что являлось частью оплаты за наркотики, и закрывали глаза на переброску этих грузов через свою границу с Бирмой. Камбоджийская и северокорейская стороны в наркобизнесе, действуя под водительством граждан КНДР, игравших общеорганизующую роль и выступавших непосредственными партнерами *московской наркогруппировки* на переговорах «на высоком уровне», выполняли функции по доставке воздушным путем на самолетах ВВС Камбоджи *наркотических грузов* из Лаоса на аэродром в Кампонгсаоме. Одновременно хмеры и корейцы занимались встречными поставками вооружений и боеприпасов для шанских мятежников»¹¹.

ЛУАНПРАБАНГ

Была ли когда-либо *луанпранбангская наркогруппировка*, был ли *лаосский филиал*? Или это только миф? Сегодня, по прошествии полутора десятилетий, когда я пью великолепный местный кофе с высокогорий на тенистой террасе кафе с видом на реку Хан, все это точно выглядит как давний миф, как легенда с множеством географических названий.

Здесь вообще благодатные края для мифотворчества.

Луанпранбанг знаменит своими храмами и своим золотым буддой – Па Банг, который давным-давно охраняет этот город от нашествий и от зла. Этот будда особенный, на него претендовали и соседние государства. Но золотой будда-хранитель королевской столицы без короля (последнего удавили революционные массы 30 лет назад, когда он возвращался в свою столицу с крайнего севера как раз тем же маршрутом, что и я теперь; останки его не найдены) сам выбирает, что ему делать. «Он часто летает, – сказал мне молодой провожатый. – Он улетал в Таиланд, но потом он прилетел обратно домой».

Но другой мой провожатый, в летах, покачал головой: «Это не настоящий Па Банг. Это его копия. Настоящий Па Банг – наш хранитель – уже много лет заточен в хранилище в Москве».

Вот так мне и неожиданно вернулась *московская группировка*, рикошетом.

«НАРКОРЫНКИ ЗОЛОТОГО ТРЕУГОЛЬНИКА ПРЕТЕРПЕВАЮТ ГЛУБОКУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ»

Такой вывод содержится в свежем (январь 2009 г.) докладе амстердамского Транснационального института (ТНИ), который уже давно отслеживает ситуацию в Юго-Восточной Азии и на других наркорынках мира.

Традиционная опиумная торговля вытесняется в Золотом треугольнике производством синтетических наркотиков – метамфетаминов. Мьянма становится крупнейшим источником их экспорта в страны Юго-Восточной Азии, Китай, Индию, Австралию и Японию: примерно 700 млн таблеток, включая таблетки *йаба*, известные также как *crazy pills*. Главным образом, они производятся в труднодоступных восточных и северных горных районах государства Шан.

Традиционные пути переправки наркотиков из Мьянмы в Таиланд, через пограничные Тачилейк и Май Саи, изменились на более извилистые, и теперь транспортировка идет в основном через территорию Лаоса, где пересечение границы по Меконгу, как говорят эксперты, не составляет серьезной проблемы.

В этом я и сам смог убедиться. Под покровом ночи и знаменитого местного тумана десятки быстроходных лодок из прибрежных селений устремляются кто куда: в спрятанные среди болот бирманские казино, к причалу с товаром – на противоположный берег реки... Даже северокорейские беженцы умудряются безнаказанно добраться через Китай, вниз по Меконгу, до этих затерянных мест. У наркоторговцев пути отлажены куда лучше. Погранпосты четко работают на берегу, но по реке за часы плавания не встретишь ни одного патрульного судна.

Метамфетамины, действительно, наступают.

В Таиланде как минимум 5% населения постоянно используют метамфетамины. В Китае число наркозависимых оценивается в 3,5 млн человек. Спрос на наркотики устойчив.

«Предположение, что снижение производства опия-сырца приведет к снижению потребления наркотиков вообще, оказалось ложным»¹², – резюмируют голландские исследователи Мартин Йельсма и Том Крамер.

Голландцев – а с ними и многих других исследователей – беспокоит, что сокращение маковых плантаций в Золотом треугольнике привело к нехватке героина на региональных рынках, что повлияло на рост цен и снижение качества продукта. По их оценке, наркоманы Юго-Восточной Азии оказались перед выбором: или вовсе *соскочить с иглы*, или же перейти на иные, более доступные наркотики. И выбор оказался отнюдь не в пользу свободы от наркотиков. В то время как одни перешли на *йаба*, другие начали экспериментировать с лекарственными заменителями, прежде всего с опиоидами и бензодиазепинами.

По мнению этих исследователей, именно тот факт, что практически все правительства в Юго-Восточной Азии проводят крайне жесткую политику в отношении наркозависимых людей, эти люди просто-напросто уходят в подполье, переходят на более тяжелые наркотики. Там от курения опиума они переходят к инъекциям героина и фармацевтических веществ и от глотания метамфетаминовых таблеток к инъекциям растворенных таблеток. Одновременно на севере Бирмы и в южных провинциях Китая наблюдается взрыв ВИЧ-инфекции.

ЭФФЕКТ ВОЗДУШНОГО ШАРИКА

То, что мы сейчас наблюдаем вследствие провозглашенной *победы* над опиумом в Золотом треугольнике, на самом деле напоминает *эффект воздушного шарика*: он перемещается по воздуху в зависимости от течения воздушных масс. Его отогнали из одной области – опиумной, – и он плавно перемещается в другую. «Чтобы бороться с этим эффектом, необходимо изучать и понимать, как реагирует рынок на политическое вмешательство в область наркопроизводства и наркопотребления»¹³, – убеждены голландские эксперты.

С выводом о том, что метамфетамины в регионе заместили опиум, соглашается российская исследовательница Е.А. Степанова в своем ставшем уже классикой блестящем труде «Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма». По ее оценке, хотя цены на героин значительно превышают цены на метамфетамины, а его производ-

ство выглядит более прибыльным, незаконный оборот метамфетаминов имеет свое преимущество для наркодельцов. Благодаря более низкой стоимости и относительной доступности метамфетаминов их потребление приобретает все более универсальный характер. По оценке Е.А. Степановой, в отличие от героина, основные рынки сбыта которого удалены от района Золотого треугольника и торговля которым требует поддержания разветвленной, протяженной и дорогостоящей системы транзита, метамфетамины в большом количестве поступают и на внутренние рынки стран региона, что сокращает затраты на перевозку. А крупнооптовый характер торговли ими позволяет быстрее окупить средства, вложенные в производство¹⁴.

Итак, опиум со сцены удаляется, но уступает место куда менее качественной *синтетике*.

В сумме незаконный оборот наркотиков в масштабе Юго-Восточной Азии как был, так и остается одной из наиболее стабильных и устойчивых отраслей региональной экономики и торговли¹⁵.

Но *синтетика* наступает не только в Юго-Восточной Азии. Центры производства синтетических наркотиков перемещаются ближе к потребителю: в Великобританию, в Канаду. «После 80 лет так называемой войны с наркотиками, потребитель имеет более легкий доступ к большому ассортименту товара, чем когда бы то ни было раньше. Цены продолжают падать, в то время как доходы наркодельцов растут»¹⁶, – пишет в Нью-Йорк Таймс исследователь Миша Гленни. И приходит к широкомасштабному выводу: война с наркотиками потерпела крах; от войны с наркотиками надо отказаться; наркотики следует легализовать. По мнению исследователя, к такому выводу склоняется все больше и больше политиков, но общественное мнение не позволяет им заявить эту позицию публично. В статье высказывается мнение, что «война с наркотиками – это губительная политика, которая ничего не достигает и наносит серьезный урон глобальной безопасности и государственному управлению там, где она применяется... Регулирование рынка наркотиков государством снизило бы социальные риски, риски в области здравоохранения, которые причиняют наркотики, и при этом дало бы колоссальные налоговые поступления... в то время как сейчас огромные доходы от наркоторговли оседают в карманах организованной преступности и террористических групп»¹⁷.

МЬЯНМА

Я пересекаю мост из Таиланда на территорию Мьянмы. Пограничный городок Тачилейк. Именно здесь 10 лет назад проходил значительный поток опия из Мьянмы в Таиланд. Наркобароны контролировали здесь все и вся. Даже кортеж королевы Таиланда как-то оказался в опасности. Сегодня королева могла бы путешествовать здесь спокойно. Граница хоть и не на замке, но под контролем.

Все эксперты единодушны в том, что за последнее десятилетие в Мьянме наблюдается устойчивое падение производства опия. По данным Госдепартамента США, за семь лет на рубеже веков (1996–2003 гг.) производство опия в Мьянме сократилось на 81%, а площади выращивания мака – на 2/3¹⁸.

Согласно оценке Е.А. Степановой, снижению доли Мьянмы в мировом производстве опиатов способствовали сразу несколько факторов.

Во-первых, это *опийный бум* в Афганистане в 1990-х гг., продолжающийся и теперь. Именно он захватил практически весь европейский рынок героина (в то время как в США до 80% героина приходится из Колумбии, доля всей Юго-Восточной Азии не превышает там 7%, а доля Мьянмы, скорее всего, ниже 1%).

Во-вторых, это изменение структуры международного и регионального рынка наркотиков, переориентация с натуральных на синтетические, о чем я говорил выше.

В-третьих, – и вот тут я ставлю восклицательный знак на полях текста Е.А. Степановой – не менее важную роль в падении производства наркотиков в Мьянме, по ее мнению, сыграл избранный центральным правительством этой страны курс на комплексное ре-

шение проблемы опия, выходящее далеко за рамки полицейских и других силовых мер по борьбе с наркотиками¹⁹.

Как считает исследовательница, «этот курс предполагал решение проблемы наркотиков на фундаментальном уровне – в тесной взаимосвязи с мирным урегулированием, интересам которого на первом этапе был отдан приоритет. Временно отказавшись, по условиям соглашений о перемирии с оппозиционными этногруппировками, от прямого вмешательства в их экономическую деятельность, в том числе связанную с наркотиками, бирманское руководство исходило из того, что только прогресс в области мирного урегулирования со временем позволит укрепить государственную власть настолько, чтобы расширить ее административный и полицейский контроль на всю территорию страны и создать соответствующие социально-политические и экономические условия для постепенного сокращения производства опия бывшими повстанческими организациями»²⁰.

В то же время Е.А. Степанова склоняется к выводу, что правящая бирманская хунта сама активно в наркобизнесе не участвует; по крайней мере, имеющиеся данные «не дают оснований приравнивать янгонский режим к наркодиктатуре». Наоборот, имеется достаточно данных и доказательств активной борьбы бирманских властей с наркотиками²¹. Тут, судя по всему, имела место интересная комбинация: с одной стороны – уговоры в адрес этнических армий, с другой – жесткий авторитарный стиль правления центральных властей.

«В бирманском случае невозможно игнорировать тот факт, который никак не хотят признавать многие западные специалисты, движимые, прежде всего, идеологическими императивами *защиты демократии и борьбы с диктатурой* любыми средствами – в Мьянме лишь жесткий авторитарный характер правящего режима (который к тому же объединил в себе политическую и военную власть) позволил добиться от оппозиционных наркогруппировок соблюдения режима перемирия и распространить хотя бы частичный государственный контроль на многие наркопроизводящие районы»²².

И тут Степанова выходит на окончательный вывод, к которому она читателей уже подготовила: «В долгосрочном противостоянии производству и незаконному обороту наркотиков никакая международная помощь не способна заменить сильной и даже жесткой национальной государственной власти»²³. Это, конечно, прежде всего, укор в адрес карзавского Афганистана²⁴.

В 2009 г. на севере Мьянмы наметилась еще одна, уже новая тенденция: наркоторговцы в массовом порядке распродают запасы героина. В результате на севере Таиланда за последние десять месяцев полицейские перехватили на 2100 % больше героина из Мьянмы, чем год назад: сравните – 1 268 кг сейчас с 57 кг год назад. Горные племена в Мьянме почувствовали на себе наступление правительственных войск. Теперь они сбывают запасы, чтобы запастись оружием для новой борьбы с центральным правительством. Помимо этого, и власти Мьянмы, и власти Таиланда задерживают в 2009 г. на границе между двумя странами беспрецедентное количество метамфетаминов. Эксперты заговорили о возрождении опиумного производства в Золотом треугольнике, особенно в его мьянмарской части. К тому же, большие объемы низкого качества героина переправляются из Афганистана через Пакистан и Индию на север Мьянмы, на территории так называемого *государства Ва*, где он перерабатывается в более качественный продукт и откуда реэкспортируется. «Ничего подобного в предыдущие годы мы не видели», – признают эксперты ООН²⁵.

КАЗИНО МЕКОНГ

Покойный *опиумный король* Золотого треугольника, командующий армией Монг Тай Хун Са, боровшийся за независимость государства Шан, сдался властям Мьянмы для многих неожиданно. Было это в 1996 г. После чего комфортно проживал в Янгоне, вложив десятки миллионов долларов, полученных в основном от наркобизнеса, в легальные предприятия внутри страны и превратившись для правящей хунты, по словам самих же генералов, в «ходячую энциклопедию по вопросам наркобизнеса». Вероятно, он сохранил контроль и над частью своей наркоиндустрии²⁶. Правительство не только не пре-

пятствовало, но и поощряло *легализацию* – его самого и его капиталов, стимулируя вложения от наркоденок в экономику страны²⁷.

Я вижу эти деньги. В буквальном смысле. Потому что сижу в бирманском казино, вблизи Меконга, на пересечении путей Золотого треугольника. Европейских лиц здесь особенно не встретишь. Много тайцев, есть богатые бирманцы, но преобладают все-таки китайцы, которые, чтобы поиграть в бирманских казино, проделывают немалый водный путь на юг.

Вообще, китайцы постепенно, даже незаметно становятся главной экономической силой в Золотом треугольнике. Подминают торговлю. Начали скупать лаосские островки на Меконге под строительство уже своих казино. Приглядываются и к тому, чтобы – через подставных лиц – закупать и более обширные земли на севере Лаоса.

Одновременно китайцы становятся и главными потребителями наркотиков из Бирмы, да и из всего Золотого треугольника. Установлены контакты между наркоторговцами в Гонконге, Макао и Шеньчжэне, с одной стороны, и в бирманском государстве Шан, с другой. Только за семь лет, с 1995 по 2002 г., число зарегистрированных героиновых наркоманов в КНР выросло на 520 тыс. человек, достигнув цифры 900 тыс. Считают, что реальное число наркоманов в четыре раза выше, чем число зарегистрированных.

Китай оказался под массированным напором предложения наркотиков: с запада – из Афганистана через Пакистан, а также через Таджикистан и Киргизию; и с юга – прежде всего, из Мьянмы. Причем из Мьянмы все чаще в Китай идут метамфетамины в таблетках. Больше того, предполагается, что мощности по производству синтетических наркотиков активно задействованы и в провинции Юньнань самого Китая²⁸.

Впрочем, если точно определить масштабы ситуации с наркопроизводством и наркопотреблением в Китае исследователям достаточно сложно, то в части ключевого поставщика для Китая с юга – Мьянмы – они делают уверенный вывод:

«Принимая во внимание взрыв в торговле матамфетаминами и экстази, дела с наркотиками в Мьянме обстоят не лучше, чем в предыдущем десятилетии; возможно, ситуация даже стала хуже. (...) Нет сомнений, что наркотики из бирманского сектора Золотого треугольника будут и дальше наводнять (...) мир»²⁹.

Высокий уровень коррумпированности чиновников, полицейских, таможенников во всех секторах Золотого треугольника только облегчает эту задачу.

Тут я что-то начинаю путаться в прочитанном... А как же сильное, авторитарное государство? Где же все эти успехи, о которых рапортовали мне в Таиланде, Лаосе, о которых рапортуют доклады ООН? Или – вот он, *эффект воздушного шарика*? И что же, всегда так будет: удастся отсечь одни головы гидры, как тут же вырастают другие, не менее одиозные? И что, наркопреступность всегда будет выходить победителем, просто в новом обличье и с новым набором *товаров для народа*?

ИСКОРЕНИТЬ! ИСКОРЕНИТЬ ЧТО?

Чтобы как-то собраться с мыслями, мне точно надо переместиться из дымного бирманского казино в просторный Музей Опиума – в опиумный зал. Прохожу мимо экранов, где транслируют документальный фильм про Хун Са: вот так видные наркобароны становятся частью музейного инвентаря. Мне дальше – в зал размышлений. Он очищен от государственных прокламаций и похвалы успехами. Потому что он, в отличие от прочитанных мной серьезных книг, не о *государствах*, не о *международном сообществе* с его *усилиями* и его *ролью* в борьбе за мир без наркотиков.

Зал размышлений – о человеке.

Можем назвать человека *объектом*. Можем – *потребителем*.

В зале, таком же просторном, как и весь музей, несколько изречений. Несколько табличек.

Сначала – к вопросу об истинных победителях. Буддийская поговорка: «Не тот величайший победитель, кто победил тысячу воинов, но тот, кто победил самого себя».

А рядом – из Кортасара, на которого меньше всего ожидаешь наткнуться в тайских джунглях и который, вольно или невольно, откликнулся спустя полтора века на пушкинское *Привычка свыше нам дана* суровым, словно приговор: **Эволюция от счастья к привычке – одно из сильнейших орудий смерти.**

Вот и отгадка. Вот какое орудие, на самом деле, надо бы вырвать с корнем. А опийный шарик или таблетка *йаба* – все это производные. Да только как? Человечество до этого не додумалось и вряд ли додумается. Значит, всегда будет синтетическое счастье, затуманивающее ужас от скатывания к привычке. И укоренение привычки к такому вот синтетическому фальш-счастью. *Счастью*, упакованному в таблетки, *счастью*, заправленному в шприц-дозатор.

Куда от этого деться, – даже если выкосить все алые маки Золотого треугольника.

Примечания

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб–М.: Изд. М.О. Вольфа, 1881, Том 2. С. 50.

² Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь Мир, 2005. С. 166–167.

³ Trouble in the Triangle: Opium and Conflict in Burma. Edited by Martin Jelsma, Tom Kramer and Pietje Vervest. Bangkok, Silkworm Books, 2005, P. 151.

⁴ Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь Мир, 2005. С. 163.

⁵ Trouble in the Triangle: Opium and Conflict in Burma. Edited by Martin Jelsma, Tom Kramer and Pietje Vervest. Bangkok, Silkworm Books, 2005. P. 151.

⁶ См.: Withdrawal Symptoms in the Golden Triangle: A Drugs Market In Disarray. Transnational Institute (TNI) Report. Amsterdam, January 2009. www.tni.org/drugs (последнее посещение – 2 февраля 2009 г.).

⁷ Иванов И. Международная контрабанда наркотиков и бывший СССР. Исследовательская группа «Феликс». М., 1995. Ссылаюсь на этот доклад именно так, как и значится в выходных данных. Хотя авторство скрыто под псевдонимом, оно мне известно, в отличие от большинства источников этого автора.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Withdrawal Symptoms in the Golden Triangle: A Drugs Market In Disarray. Transnational Institute (TNI) Report. Amsterdam, January 2009. www.tni.org/drugs (последнее посещение – 2 февраля 2009 г.).

¹³ Ibid.

¹⁴ Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь Мир, 2005. С. 168.

¹⁵ Там же. С. 170.

¹⁶ Glennly Misha. Ending the War on Drugs. *The New York Times/International Herald Tribune*, 2009, September 18.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Цит. По: Trouble in the Triangle: Opium and Conflict in Burma. Edited by Martin Jelsma, Tom Kramer and Pietje Vervest. Bangkok, Silkworm Books, 2005, P. 148.

¹⁹ Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь Мир, 2005. С. 180.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 185, с. 190. О реализации правительственных планов борьбы с наркотиками – плана «Новая судьба» и «Великого плана борьбы с опиумом», который правительство разработало совместно с руководством Объединенной армией государства Ва, который среди прочего предусматривал переселение до 50 тыс. крестьян Ва из наркопроизводящих районов на более плодородные земли на юге страны.

²² Там же. С. 195.

²³ Там же.

²⁴ Афганистану и Колумбии посвящены отдельные главы этой монографии.

²⁵ Myanmar Drug Trade Surges Along Thai Border. *The New York Times*. 2009, September 30, <http://www.nytimes.com/2009/10/01/world/asia/01iht-drugs.html?sq=drug%20myanmar&st=nyt&scp=1&pagewanted=all> (последнее посещение – 30 сентября 2009 г.).

²⁶ «Хун Са был добрым, открытым для общения искренним человеком», – написал мне наш читатель Валерий Ковалев, узнав из анонсов ПИР-Центра на сайте, что я задумал статью о Мьянме и наркотиках. Как и я, г-н Ковалев путешествовал по региону и хотел предостеречь меня от демонизации Хун Са. Я не имел возможности познакомиться с Хун Са, поэтому комментировать личные качества наркобарона не готов.

²⁷ Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь Мир, 2005. С. 184–185.

²⁸ Trouble in the Triangle: Opium and Conflict in Burma. Edited by Martin Jelsma, Tom Kramer and Pietje Vervest. Bangkok, Silkworm Books, 2005. P. 133–134.

²⁹ Ibid. P.123–124.

ГЕРОИ ИЛИ НЕГОДЯИ? ТЕРРОРИЗМ 1970-Х В ЗЕРКАЛЕ НАШЕГО ВЕКА

Stefan Aust. Baader-Meinhof: The Inside Story of the R.A.F. The Bodley Head: 2008, 480 pp.

Рецензия – Константин фон Эггерт

Книга Штефана Ауста «Baader-Meinhof: The Inside Story of the R.A.F.» была у меня в руках при посадке на рейс авиакомпании *Континентал* по маршруту Хьюстон–Новый Орлеан. «Интересная?» – спросил меня проверявший посадочные талоны сотрудник Департамента внутренней безопасности. Я ответил утвердительно. «Это про террористов в Европе, кажется, в Германии, да?» – продолжал человек в серой форме. «Точно, в Германии. По книге снят художественный фильм, рекомендую посмотреть», – сказал я и, получив штамп, пошел дальше. Спустя несколько минут меня вежливо отвели в сторону и досмотрели ручную кладь. Наверное, просто совпадение. Но если нет, то известный своей тягой к публичности Андреас Баадер был бы доволен. Его имя даже и сегодня, уже более 30 лет после смерти, судя по всему, известно даже рядовым сотрудникам американских спецслужб. А ведь они только в последние 15 лет столкнулись с настоящей террористической угрозой на своей территории.

ПОНЯТЬ МОТИВЫ ТЕРРОРА

Андреас Баадер и его сообщники держали Германию в страхе почти 10 лет, начиная с поджога двух универмагов во Франкфурте-на-Майне в 1968 г. и кончая похищением и убийством главы Немецкого союза работодателей Ганса-Мартина Шлайера в сентябре 1977 г. Последние события получили название *Немецкая осень*. По мнению Штефана Ауста, и не только его, это был самый серьезный вызов послевоенному обществу в Германии.

Андреас Баадер, Ульрике Майнхоф и их сообщники называли себя Фракцией Красной Армии (Rote Armee Fraktion, или сокращенно RAF). Большая часть немецкого общества считала их *бандой Баадера–Майнхоф*, сочувствующие левые часто употребляли более нейтральное *группа Баадера–Майнхоф*. Употребление любого из этих терминов в разговоре в Германии до сих пор часто служит своего рода опознавательным знаком, визитной карточкой, представляющей политическую позицию человека.

Ауст писал эту книгу едва ли не с момента загадочной смерти Андреаса Баадера, Яна-Карла Распе и Гудрун Энслин в сентябре 1977 г. в тюрьме Штаммхайм под Штутгартен. Первое издание вышло в 1985 г. и с тех пор несколько раз дополнялось. Новое издание, существенно переработанное и дополненное, включает в себя ранее неизвестные материалы из архивов Штази – тайной полиции ГДР, которая в 1970–1980-х гг. активно помогала рафовцам. Кроме того, очередная версия книги – залп, так сказать, вдогонку успешно прошедшему по мировым экранам фильму «Der Baader-Meinhof Komplex» с участием таких звезд, как Бруно Ганц и Мориц Бляйбтрой. А в основу сценария этой ленты, снятой самым знаменитым и успешным сегодня немецким кинопродюсером Берндом Айхингером, легли версии книги, изданные ранее в США и Великобритании.

Картина претендовала на «Оскар» в категории «Лучший зарубежный фильм», но уступила фильму из Японии.

Штефан Ауст с 1994 по 2008 г. был главным редактором, возможно, самого престижного немецкого еженедельника *Spiegel*. Он сам принадлежит к поколению 1960-х гг., работал в левой прессе, в том числе во фламане радикалов – журнале *Konkret*. Ауст был лично знаком со многими участниками событий, включая Ульрику Майнхоф и ее мужа Клауса Райнера Релля. Более того, автор оказался втянутым в драматический эпизод, связанный с разводом этой пары. Решившаяся окончательно отдаться революционной борьбе Майнхоф собралась отправить своих дочек-близнецов в лагерь для палестинских детей на Ближнем Востоке, где из них должны были воспитать *настоящих партизан*. Буквально за несколько дней до отправки разошедшийся с Майнхоф муж сумел похитить девочек из коммуны хиппи. И помог ему в этом не кто иной, как Ауст. Эту историю писатель рассказывает совершенно спокойно, без эмоций, даже тогда, когда повествует о том, как он чудом избежал пули Андреаса Баадера.

Тональность книги – самая что ни на есть бесстрастная. Автор в предисловии предупреждает читателей, что не пишет ни обвинительный акт, ни речь адвоката. По словам Ауста, его цель – понять мотивы, которые двигали, возможно, самыми известными людьми, оставившими столь заметный след в истории и национальной психике немцев. Десятки интервью с участниками событий (как бывшими боевиками RAF, так и сотрудниками полиции и спецслужб, которые за ними охотились) и долгая работа в архивах позволили Аусту составить историю возникновения и краха этой самопровозглашенной армии *городских партизан* едва ли не по дням. Вначале книга показалась мне перегруженной деталями, однако, продолжив чтение, я в какой-то момент ощутил себя едва ли не очевидцем событий. Пожалуй, книга Штефана Ауста чем-то напоминает знаменитый роман Фредерика Форсайта «День шакала», где подробно описывается подготовка неудачного покушения на генерала де Голля. «Baader-Meinhof» буквально втягивает читателя в повседневную жизнь террористической группировки, заставляет посмотреть на жизнь глазами Андреаса Баадера и тех, кто пошел за ним воевать с *Системой* – капитализмом и империализмом в лице германского государства и американских баз на территории ФРГ.

ИДЕЙНЫЙ ГЕНЕЗИС RAF

В предисловии Ауст сравнивает последствия событий *Немецкой осени* 1977 г. с эффектом, произведенным на американское общество террористическими актами 11 сентября 2001 г. Он также пытается поставить события в контекст. «Каждый акт терроризма в основе своей имеет более широкий конфликт. Этот конфликт – и только он – дает ему силу, в нем черпают поддержку тайные группы убийц». И если корни событий 11 сентября, по мнению автора, следует искать в неразрешенном арабо-израильском конфликте, в возрождении ислама и роли, которую играют на Ближнем Востоке США, то феномен RAF объясняется событиями как предвоенной, так и послевоенной немецкой истории. Эта точка зрения не нова – молодежное движение 1960-х гг. в Германии, породившее левый терроризм, считается реакцией на конформизм немецкого общества в послевоенное десятилетие, на его нежелание расстаться с нацистским прошлым и, наоборот, желание это прошлое быстрее забыть. Именно поэтому в глазах главного теоретика RAF Ульрики Майнхоф и ее сообщников полиция 1960-х гг. ничем не отличалась от нацистских штурмовиков 1930-х гг. Молодежь Германии *доигрывала* сопротивление нацизму, которое не оказали их отцы, в декорациях вполне состоявшейся германской парламентской демократии 1960-х гг. Молодежные бунты во Франции или Америке породили достаточное количество левых радикалов, и некоторые из них готовы были взяться за оружие, но ничего подобного RAF по масштабу и организованности там не появилось, да и появиться не могло.

В своих взглядах на идейный генезис RAF Штефан Ауст не оригинален, как и значительная часть умеренных левых в Германии и Европе. И книгу, и фильм критиковали как раз за желание *понять* причины действий террористов. А граница, отделяющая понимание

от оправдания, очень часто бывает размыта. Интересно, что один из героев книги, Хорст Херольд, который возглавлял криминальную полицию ФРГ и боролся с бандой Баадера в 1970-е гг., утверждал: невозможно игнорировать социальные причины, толкнувшие людей на путь террора. «Борьба с терроризмом – прежде всего, дело политиков», – говорил Хорст Херольд.

Мысль о том, что терроризм – продукт определенных социально-политических условий, не нова и, как показали 30 лет, прошедшие со времен *Немецкой осени*, может быть опасна. Потому что есть соблазн предположить, будто выполнение неких условий террористов способно покончить с самим явлением. И если Андреас Баадер требовал демонтажа капитализма и вывода американских войск (сначала из Вьетнама, а потом из ФРГ), то сегодняшние адепты Усамы бен Ладена и аятоллы Хомейни хотят покончить с Израилем и Америкой, а в идеале – заставить весь мир принять ислам. Где проходит грань между разумным компромиссом и капитуляцией? «Baader-Meinhof», несмотря на все сомнения ее автора, логикой фактов убеждает – грань эта на самом деле вполне четкая: государство и общество не только имеют право, но и обязаны сопротивляться террористическому насилию и, если требуется, отвечать на него насилием.

Несмотря на то, что этот урок был, казалось бы, давно выучен (как на борьбе Израиля с палестинскими боевиками, так и на примере противостояния немецкого государства с RAF), повторить его не мешает. Поразительно, насколько дискуссии 1970-х гг. о том, кем считать террористов – уголовниками или политическими деятелями, как их судить и в каких тюрьмах содержать, напоминают сегодняшние споры в Европе и Америке о статусе заключенных базы Гуантанамо, их правах, подсудности той или иной юрисдикции и роли Женевской конвенции о военнопленных в их судьбе. Хроника судебного процесса 1975 г. над Андреасом Баадером, его любовницей и правой рукой в RAF Гудрун Энслин и другими террористами читается не хуже юридических триллеров Джона Гришма.

Потрясает не только то, насколько беспомощным оказалось немецкое правосудие перед Баадером, который регулярно превращал заседания в политинформации, но и то, насколько велико было сочувствие к террористам среди широкой публики. Она не только приветствовала боевиков в зале суда. Десятки, если не сотни, людей давали им убежище, снабжали деньгами и выполняли их поручения. Эти люди – идейные предтечи сегодняшних апологетов исламизма на страницах *The New York Times* и *The Guardian*, в рядах отдельных правозащитных организаций и на скамьях парламентов.

Книга Штефана Ауста, хоть и написана на историческом материале, очень современна. Автор пытается быть честным перед самим собой и своим прошлым и поэтому не скрывает определенных симпатий к левому движению 1960-х гг. и скепсиса в отношении правоохранительной системы Германии. Однако, как профессиональный журналист, Ауст честно излагает факты. А они неизбежно приводят к выводу, что, в конечном счете, кровопролитие стало для RAF не просто самоцелью, а извращенной формой самореализации. Заняв позицию «Если мир против меня, то я – против всего мира», террористы создали замкнутый круг, вырваться из которого получилось лишь у немногих. Читая книгу, наблюдаешь, как запутавшиеся в жизни идеалисты постепенно теряют нравственное чувство и превращаются в беспощадных убийц, считающих, что им подвластны жизнь и смерть. С тех пор, как Ф.М. Достоевский написал «Бесы», в психологии террористов мало что поменялось.

КРОВАВАЯ ТАЙНА ШТАММХАЙМА

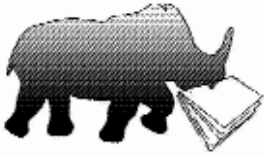
В деле RAF остается тайна. Заключенные пожизненно в тюрьме Штаммхайм Андреас Баадер, Ян-Карл Распе, Ирмгард Меллер и Гудрун Энслин рассчитывали, что их обменяют на пассажиров самолета авиакомпании *Lufthansa*, угнанного в столицу Сомали г. Могадишо по просьбе оставшихся на свободе членов RAF террористами-палестинцами. О штурме лайнера, проведенном спецподразделением МВД ФРГ (так называемым отрядом ГСГ-9), и освобождении заложников Баадер с сообщниками узнали в ночь с 17 на 18 сентября 1977 г. по радио (либерализм немецкой тюремной системы, давав-

шей заключенным огромные права, – одно из откровений книги Ауста). Рафовцы заключили между собой своего рода *пакт о самоубийстве* по тайно сконструированной системе связи между камерами. А через день в брошенном на улице во французской Мюлузе «Ауди 100» было найдено тело похищенного главы *профсоюза немецких капиталистов* Ганса-Мартина Шлайера. У него был прострелен затылок.

Сторонники и сочувствующие террористам до сих пор утверждают, что заключенные были убиты в своих камерах. Ауст приводит довольно много косвенных доказательств того, что о тайной системе связи знало тюремное начальство и сотрудники немецких спецслужб прослушивали ее. Если это так, то, по мнению автора, аудиозапись той роковой ночи в Штаммхайме вполне могла сохраниться и даже наверняка заперта в каком-то очень надежном сейфе. Официальные лица это до сих пор стойко отрицают, потому что признать наличие такого документа – значит взять на себя ответственность за самоубийство Баадера и его сообщников. Ведь если прослушивание действительно велось, то *пакт самоубийц* мог быть сорван тюремным персоналом. Единственная выжившая заключенная Ирмгард Меллер говорит, что ничего не помнит.

Возможно, так оно и было, и германское государство решило, что мертвый Баадер для него выгоднее живого. Стало быть, с чисто юридической точки зрения, тюремный персонал и те, кто отдал приказ не вмешиваться в действия рафовцев, должны понести ответственность. Но если эта запись когда-нибудь и всплывет, в сущности, она мало что изменит в окончательном вердикте истории. Андреас Баадер и другие члены RAF были кровавыми негодяями. И любые попытки оправдать их, в конечном счете, безнравственны.

Религия и глобализация на просторах Евразии. Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. – М.: РОСПЭН; Московский Центр Карнеги, 2009. 342 с.

Проигрывает войну тот, кто готовится к прошлой войне.

Среди факторов, оказывающих влияние на становление и развитие личности, ее самосовершенствование и позиционирование в обществе, религия является наиболее дискуссионным и деликатным. На заре формирования и развития человеческого общества функции и задачи религии обозначались достаточно просто – необходимостью объяснения окружающих явлений, понять которые человек не мог. Но каковы задачи и функции религии сейчас, когда практически все мы можем объяснить с научной точки зрения? Человек – существо уникальное. Обладая сознанием, мы изначально знаем свой конец (или же это только начало?). Так, ни одна религия не представляет жизнь человека ограниченной: каждая учит тому, что затем наступит жизнь вечная, для достижения которой и созданы определенные правила. В зависимости от этих правил складываются и формируются ценности того или иного религиозного сообщества. Причем у каждой религии, каждого такого сообщества будут свои ценности, судить о которых категориями *плохой–хороший* просто бессмысленно, потому как для каждого они будут свои. В этом и заключается плюрализм и многообразие.

Конец XX – начало XXI вв. характеризуется бурным развитием нового явления в жизни человеческого общества – глобализации. Отношение к этому явлению в мире весьма неоднозначно. В связи с этим большой интерес вызывает сборник статей «Религия и глобализация на просторах Евразии», авторы которого анализируют реакцию религий – православия, протестантизма, католичества, ислама, буддизма, индуизма и современного язычества – на вызовы глобализации. Каждая статья раскрывает суть современных религиозных концепций, которые и определяют степень открытости глобализации и отношение к ней.

Уже во вступительной статье авторы дают свое понимание глобализации: «С некоторой долей огрубления сложной и противоречивой реальности можно говорить, что глобализация – это американизация», в дальнейшем они придерживаются именно этой точки зрения, определяя глобализационные процессы как распространение американских ценностей. Исходя из этого вполне логично, что именно протестантские церкви названы *протагонистами глобализации*. «Протестантские церкви – новая заметная сила в разных странах мира. Процесс глобализации стал для протестантизма своеобразным рычагом, с помощью которого миссионеры в кратчайшие сроки завоевывали общество в той или иной стране». Распад социалистического блока и активное продвижение демократических (читай: американских) ценностей способствовали распространению протестантства по всему миру, что заставило другие традиционные конфессии искать пути ответа. Таким образом, все религии делятся авторами на те, которые открыты глобализации, и те, которые противостоят ей.

Е
Ы
Н
Ж
И
В
О
К

Более подробно с новыми поступлениями библиотеки ПИР-Центра вы можете ознакомиться в разделе «Библиотечные новинки» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/library>

Наиболее открытые глобализации религии – это, прежде всего, буддизм и индуизм. «Буддизм в самом общем плане несет в себе некую альтернативу глобальному порядку. Но это такая альтернатива, которая легко вписывается в глобальный контекст». Что касается индуизма, то здесь автор разграничивает позиции индуизма вне пре-

делов Индии и непосредственно на ее территории. «В первом случае налицо либеральная риторика, взывающая к демократическим ценностям... В Индии, в свою очередь, доминирует иной подход – оборонительный, антиглобалистский». Причем правительство Индии обвиняется в том, что оно на самом высоком законодательном уровне препятствует развитию в стране других религий.

Наименее открытыми глобализации, по мнению авторов, являются православие и ислам.

«Нет ничего удивительного в том, что такая консервативная в своей основе структура, как вселенское православие, отнеслась к происходящим в мире глобализационным переменам настороженно и, признавая их неизбежность, занялась поиском собственных ответов на вызовы времени».

Автор говорит о том, что в православии существуют два противоположных подхода к глобализации: либеральный и тот, который продвигается и поддерживается Патриархом Кириллом, выраженный неоимперским и православным проектом. «Авторы проекта выступают за воссоздание раскола мира на противостоящие группировки, переименованные в *цивилизации*».

Говоря об исламе, автор статьи указывает на то, что единства в данной конфессии нет: «Возникновение ... группировок ... допустимо рассматривать как никогда не прекращающийся в исламе процесс сектантского деления». Таким образом, существование всех исламских группировок вполне объяснимо и нормально для ислама. Выделяются они в основном по различным ответам на те или иные вопросы, не только богословского, но и вполне житейского характера. Ислам более, чем все остальные религии, регламентирует все стороны жизни верующего. В связи с этим вполне логично, что происходит столкновение исламских и протестантских ценностей, которые абсолютно противоположны, а потому практически взаимоисключают друг друга.

Рассмотрев реакцию различных конфессий на развитие глобализации, в заключение авторы приходят ко вполне логичному выводу:

«В конце XX – начале XXI вв. ... произошел *вброс* религии в политику и общественную жизнь. Глобализация также неразрывно связана с политикой, и ее взаимодействие с религиями принимает политическую окраску. Собственно религиозная реакция на глобализацию есть часть широкой парадигмы взаимосвязанных мирских ответов на ее вызовы».

В работе мировоззрение той или иной религиозной конфессии рассматривается с политической точки зрения, как некий геостратегический проект, призванный обеспечить национальную безопасность государства, противостоять усиливающемуся влиянию Запада и его ценностей. Вот почему религия уделяет такое внимание, например, оружию и армии: «Подлинное восстановление моральных устоев военнослужащих возможно лишь на основе нравственного возрождения народа через возврат к Святой православной вере», «обосновать необходимость обладания ядерным оружием в Индии можно с чисто религиозных позиций... Современные индуистские активисты находят, что по своему контуру *атомный гриб* очень походит на образ бога-созидателя Вишну», не говоря уже об исламе, где понятие *джихад* играет значительную роль в жизни каждого верующего. Таким образом, так называемые представленные религиозные проекты и концепции направлены, прежде всего, на защиту своих интересов. Более того, они очень умело используются правительствами стран в качестве еще одного средства влияния на общество не только внутри страны, но и за ее пределами. Это ответ на распро-

странение глобализации в том виде, в котором ее и представляют авторы сборника, – американизации. Но ведь при этом никто не выступает против глобализации как таковой, глобализации как единства многообразий.

Авторы сборника интересно и информативно раскрывают и описывают и чисто религиозные аспекты каждой конфессии, зачастую вызывая массу возражений и противоречий, потому как религия – очень деликатная тема, где размышления в категории *плохой–хороший* просто неуместны. Но во многом именно потому книга и достойна внимания, что после ее прочтения хочется дойти до сути и разобраться в поднятой проблеме.

Дарья Золина

Pakistan: The Global Strategic Lynchpin. Gregory R. Copley and Purvis A. Hussain. ISSA-International Strategic Studies Association. November 2008. 260 p.

Этот прекрасно изданный и глубоко содержательный справочник по Пакистану выпущен малоизвестным американским журналом *The Defense & Foreign Affairs*, о котором говорят, что он связан с военным и разведывательным истеблишментом Соединенных Штатов Америки. Учитывая проступающую в ряде глав антииндийскую направленность оценок и выводов, можно предположить, что частично издание справочника было профинансировано и пакистанской стороной. Но это не снижает сколько-нибудь значительно полезность справочника для профессиональных специалистов по проблемам безопасности и стабильности в регионе Южной Азии. Авторами представленных материалов являются известный американский политолог Грегори Копли и успешный бизнесмен и менеджер из Пакистана Пурвис Хусейн, тесно сотрудничающий с военно-промышленным комплексом Пакистана.

С материалами о Пакистане Вы можете ознакомиться в разделе «Ресурсы по странам – Пакистан» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/pakistan>

Справочник состоит из восьми глав, охватывающих весь спектр исторических истоков и особенностей возникновения Пакистана как нового государства на обломках Британской Индии, специфического состава его этнической компоновки и своеобразного пути политического развития за последние 60 лет.

Политологам-специалистам по проблемам стратегической безопасности особенно интересна может быть глава III справочника, где очень квалифицированно и подробно рассматриваются вопросы, связанные с положением и перспективным развитием пакистанских вооруженных сил, их ключевой ролью в политической и экономической жизни этой большой и важной страны, которая в заглавии справочника образно названа *lynchpin*, что в переводе означает *чека* (как на гранате). Очень опасно сорвать чеку в ядерном государстве, каким является Пакистан. Конечно, хотелось бы, чтобы авторы более подробно осветили состояние и безопасность ракетно-ядерного потенциала этой страны и того, что принято называть *nuclear posture*. Тем более что Пакистан является неофициально признанным ядерным государством.

Прекрасно описаны проблемы Кашмира, ситуации на границе Пакистана и Афганистана, критически рассматриваются последствия для Пакистана действий американского экспедиционного корпуса в войне с терроризмом и *Аль-Каидой* и движением *Талибан*. Справочник содержит широкую информацию о конкретных личностях, продолжающих действовать на политической сцене страны и всего военного истеблишмента Пакистана.

Данный справочник стоит иметь под рукой.

Геннадий Евстафьев

Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры. Ред. А.Г. Арбатов, В.З. Дворкин. М.: РОССПЭН, 2009. 270 с.

«Единственное, в чем мы были абсолютно уверены, так это в том, что сделали очень важное и нужное дело, которое в какой-то степени может приблизить победу над вра-

Е

Ы

Н

Ж

И

О

К

жеской Германией.... Сколько похожих обвинений в свой адрес пришлось мне в последнее время прочитать... Ответственность за тысячи, за десятки тысяч убийств по всему белому свету...», – писал М.Т. Калашников в своих воспоминаниях. Рано или поздно наступает чувство ответственности за творение своих рук. Именно осознание ответственности приводит страны к заключению новых и новых договоров, ограничивающих использование различных типов оружия. Подобным договорам, а также новым технологиям ядерной энергетики, вопросам нестратегических ядерных вооружений и научно-техническим прорывам в области противоракетной технологии и военного использования космоса посвящена коллективная монография «Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры», выпущенная Московским Центром Карнеги.

Впечатляет коллектив авторов данной книги. В его составе – сотрудники Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений А.Г. Арбатов и В.З. Дворкин, эксперты Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии МФТИ А.С. Дьяков и Е.В. Мясников, тогда еще директор Московского Центра Карнеги, ныне заместитель Госсекретаря США по вопросам проверки и соблюдения соглашений по контролю над вооружениями Роуз Геттемюллер и другие яркие специалисты в области ядерного нераспространения. Такой состав авторов не только заинтересовывает читателей, но и увеличивает статус и значимость книги.

Прежде всего, авторы обращаются к вопросам новых технологий ядерной энергетики. Ввиду проблем энергетической безопасности, связанных с ограниченностью мировых ресурсов, прежде всего, нефти и, впоследствии, с соответствующими экологическими проблемами, все большее количество стран развивает технологии ядерного топливного цикла (ЯТЦ) и все большее количество стран стремится ими овладеть. Тем не менее, перспективы развития ядерной энергетики на сегодня весьма условны. Основным мотивом получить технологии ЯТЦ является обеспечение собственной безопасности и повышение престижа государства. По мнению А.С. Дьякова, такое стремление приводит к дестабилизации уровня безопасности и образованию тайной сети поставок ядерных технологий и оборудования.

Далее в монографии рассмотрены проблемы, связанные с распространением носителей ядерного и обычного оружия. По мнению авторов, учрежденный странами *большой семерки* в 1987 г. режим контроля за ракетными технологиями сегодня требует модернизации и дополнительных протоколов. Так, в качестве примеров приводится анализ идеи создания Глобальной системы контроля (ГСК), которую в 1999 г. выдвинул В.В. Путин, и инициатива по принятию Международного кодекса поведения по предотвращению распространения баллистических ракет (МКП) в 2002 г. в Гааге, к которому сегодня уже присоединились 120 стран.

По мере распространения ядерного оружия возрастает роль стратегических и нестратегических ядерных вооружений. Граница между этими видами ядерных вооружений достаточно размыта. Так, если руководствоваться определением стратегического оружия в договоре СНВ-1, то под сокращение попадает почти весь ядерный арсенал Великобритании и Франции. И если исходить из этого определения, то ни в Индии, ни в Пакистане, ни даже в Израиле нет стратегического оружия. Но авторы полагают, что Индии совсем не нужно оружие, выполняющее *стратегическую* функцию, чтобы нанести поражающий удар по Пакистану.

Особый интерес представляет раздел «Милитаризация космоса и космические вооружения», автором которого выступает ведущий научный сотрудник Центрального научно-исследовательского института при Министерстве обороны РФ Б.П. Молчанов. Автор затрагивает военно-политические аспекты космического оружия и рассказывает о некоторых его видах, к которым относятся кинетическое оружие и оружие направленной энергии. Также автор обращается к анализу международно-правовых основ военно-космической деятельности и, более конкретно, подходов к определению космического оружия в международно-правовых документах. Так, один из выводов автора состоит в том, что наиболее перспективный подход заключается в определении космического оружия «как средств поражения, размещаемых в космосе (но не объектов в космосе) независимо от способа их базирования» (с. 226).

В книге сделан общий вывод о том, что современному миру придется столкнуться с удовлетворением резко возросших энергетических потребностей государств. *Ренессанс* атомной энергетики поэтому рассматривается как неизбежность. Но, как отмечается в выводах данной работы, к нему нужно готовиться, обновляя международную договорно-правовую базу.

Ольга Кубанская

Дейч Т.Л. Африка в стратегии Китая. – М.: Институт Африки РАН, 2008. 326 с.

Активизация внешней политики Китая с начала XXI в., направленная, прежде всего, на поиск новых источников подпитки растущей экономики, приводит к внедрению этого гиганта в новые и новые регионы. Часто такое *вторжение* приводит к вытеснению других стран из их традиционных сфер влияния. Именно такой сценарий реализуется в полной мере на Африканском континенте.

Несмотря на явный интерес научного сообщества к проблеме китайско-африканских отношений, на сегодня в России этот вопрос исследован крайне поверхностно – аналитики заняты поиском новых подходов. На этом фоне отрадно появление книги старшего научного сотрудника Института Африки РАН, канд. ист. наук Т.Л. Дейч «Африка в стратегии Китая», посвященной современной политике Китая в Африке, где автор основательно и всесторонне подходит к рассмотрению роли африканских стран в глобальной международной политической и экономической стратегии Китая в XXI в., а также последствий этой стратегии для африканских стран.

Всесторонний подход автора заключается в анализе пяти основных аспектов проблемы: Китай в современной мировой экономике, в международных отношениях XXI в., политика КНР в Африке, экономический аспект сотрудничества, африканские партнеры Китая.

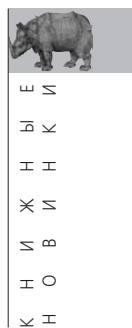
Первые два аспекта важны для понимания общих закономерностей внешней политики Китая. Как пишет автор, «отношения с Африкой – неотъемлемая часть китайской стратегии нового мирового порядка, создания многополюсного мира и активизации сотрудничества Юг–Юг». Открывая свое видение *китайского феномена*, автор обращается не только к факторам роста китайской экономики, но и к насущным проблемам, таким как слишком высокие темпы роста (дисбалансы между инвестициями и потреблением, быстрым ростом экспорта и медленным ростом внутреннего спроса), экологические проблемы, низкий уровень среднестатистической обеспеченности ресурсами.

Переходя непосредственно к отношениям Китая и Африки, автор снова разводит политический и экономический компоненты. При этом создается впечатление, что экономические отношения со странами Африки – это цель китайской стратегии, а политическая составляющая – это набор задач, необходимых для достижения данной цели. Политика КНР в регионе представлена достаточно широким спектром: основные принципы, культурные и научные связи, сотрудничество в рамках ООН и региональных организациях, участие в миротворческом процессе. Но главная цель – это все же экономика, и она анализируется автором весьма основательно – от инвестиций КНР в страны Африки до реализации энергетической стратегии в регионе.

Важной задачей книги явилось рассмотрение внутренних процессов в африканских странах. Насколько Африка была готова к китайскому *вторжению* и насколько этим странам выгоден Китай как экономический и политический партнер? Каковы будут последствия таких отношений для самой Африки? Автор делает вывод о безусловной выгоде для стран континента при условии сохранения сбалансированной политики Китая в регионе.

Многое из китайского опыта развития отношений с Африкой, по словам самого автора книги, может быть полезно и России, «дабы помочь строительству взаимовыгодных российско-африканских отношений с учетом реалий, в которых оказался мир в условиях глобализации». И с этой точки зрения книга «Африка в стратегии Китая» – уникальный источник информации и практических рекомендаций.

Евгений Петелин

Роль образа России в формировании общеевропейского политического пространства. Под ред. Н.К. Арбатовой. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. 128 с.

«Данная работа представляет собой попытку проанализировать специфику восприятия Российской Федерации в свете перспективы формирования политического пространства единой Европы с участием России.

В своем исследовании авторы исходят из того, что в силу географического положения и исторического развития России европейский внешнеполитический вектор является наиболее важным при несомненной значимости азиатского и американского. Поэтому создание единого политического пространства России и Европейского Союза выглядит желательным и даже закономерным.

Особый интерес в монографии вызывает попытка исследовать проблему формирования образа России в европейских странах и влияние этого образа на взаимоотношения с партнерами. Авторы анализируют представления о России среди экспертного сообщества и широких слоев населения Великобритании, Германии, Франции, Италии, Испании и североевропейских стран. Основная проблема состоит в том, что у европейцев сформированы и воспроизводятся достаточно устойчивые представления, стереотипы восприятия России. *Загадочная русская душа, тоталитаризм, ядерная угроза, холод и бескрайние просторы, В.В. Путин, нефть, коррупция* – это только некоторые элементы, на которых основывается восприятие русских и России у европейцев. Одновременно с этим наблюдаются повышение интереса к русской культуре, русскому языку. Образ России меняется, в том числе и под влиянием экономической конъюнктуры. Большое внимание уделяется в Европе Д.А. Медведеву, с которым связаны надежды на демократизацию и либерализацию России. Новый президент – новая глава во взаимоотношениях.

Кроме фиксирования отношения европейского общества к России, поднимается важный практический вопрос – как возможно воздействовать на процесс формирования образа России в глазах европейцев? Последствия политики советского изоляционизма до сих пор не изжиты. Однако важность и перспективность формирования положительного имиджа государства для международного сотрудничества очевидна. Создание благоприятного для развития отношений образа возможно при совместном решении важных проблем в области обеспечения безопасности в Европе, развитии торгового партнерства и активизации культурного обмена. Россия и Европа не должны замыкаться на решении внутренних проблем в ущерб проблемам общеевропейского и глобального масштаба.

В различные периоды постсоветской трансформации России менялась и вовлеченность страны в европейские и мировые процессы. В соответствии с этим менялся и образ России. Следует отметить, что прогрессивные слои населения в Европе – ученые, деятели культуры, представители крупного бизнеса, а вслед за ними и политики – имеют наиболее адекватное представление о РФ: о настроениях в российском обществе, состоянии экономики, замыслах политической элиты.

«Россия (как и США) всегда будет притчей во языцех мировых СМИ, прежде всего потому, что от нее так много зависит». В том числе то, как ее будут воспринимать в Европе и по всему миру. Россию на Западе во многом не понимают, в чем-то опасаются и даже не любят. Но это уже перестает быть серьезной помехой для развития отношений. Как наиболее близкие партнеры, европейцы понимают перспективы сотрудничества с Россией лучше, чем кто бы то ни было. Приведенный в монографии анализ настроений европейского общества это наглядно демонстрирует.

Мария Теплоухова

ЯДЕРНЫЙ НОЛЬ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Главному редактору:

Сегодня на Западе, да и в России, многие политики полагают, что именно стратегия ядерного сдерживания предотвратила прямой вооруженный конфликт между США и Советским Союзом во время холодной войны. Часть из них считает, что и в дальнейшем ядерное оружие в этом плане не подведет. Ряд экспертов солидарны с такой постановкой вопроса. Одновременно сначала в США, а теперь и в России разворачивается дискуссия об альтернативном подходе – так называемом *ядерном нуле*. Этот вопрос среди российских авторов наиболее рельефно поставил посол Р.М. Тимербаев в своей недавней статье в Вашем уважаемом журнале¹. Статья не оставила меня равнодушным, и я хотел бы отреагировать по целому ряду поставленных в этой важной статье вопросов.

Можно ли утверждать, что советское руководство хотело начать войну с США, но побоялось американского ядерного оружия? Где и когда конкретно советское руководство желало начать войну против государств НАТО, но не решилось на такой шаг из-за вероятности применения в ответ ядерного оружия? Какие конкретно существуют доказательства, что именно так и было? Известны также случаи военной интервенции США и Советского Союза в других государствах, например во Вьетнаме и Афганистане. Решились бы Вашингтон и Москва на такие интервенции, если бы не имели уверенности в том, что стратегия ядерного сдерживания не позволит второй стороне пойти на эскалацию конфликта? Можно ли предположить, что ядерное оружие послужило затягиванию таких войн и сделало их более разрушительными, исключив саму возможность прямого нападения США и Советского Союза друг на друга? Возможно ли, что ядерное оружие погубило больше людей во время холодной войны, чем спасло? Даже если объективные исследователи придут к выводу о том, что ядерное оружие на самом деле непосредственно предотвратило войну и не способствовало развязыванию конфликтов малой интенсивности в странах третьего мира, дальнейшая эффективность стратегии ядерного сдерживания все равно остается под вопросом.

Стратегия ядерного сдерживания работает лишь потому, что существует вероятность ее провала, то есть применения ядерного оружия. Ужасающие последствия такого применения заставляют серьезно задуматься. Мудрые политики должны постоянно думать о том, насколько оправданны риски, присущие стратегии ядерного сдерживания, и нельзя ли нейтрализовать те угрозы, от которых призвана нас защищать эта стратегия, другими способами. Не факт, что в стратегии, которая имеет смысл сегодня, будет оставаться необходимость и завтра.

Позвольте мне сделать провокационное предположение о том, что окончание холодной войны должно заставить нас переосмыслить наше отношение к ядерному сдержива-

нию. Для цивилизованных государств ядерное устрашение допустимо только в том случае, если разрушительные последствия возможного ядерного возмездия сопоставимы по масштабам серьезности агрессии, которая это возмездие спровоцировала. Все цивилизованные люди считают, что непропорциональное применение силы, от которого страдают и виновные, и невинные, крайне несправедливо. Требование пропорциональности отражено в юридических доктринах концепции справедливой войны. Цивилизованное государство не станет угрожать ядерным оружием в ответ на экономические санкции, территориальный спор или даже военное вторжение с использованием обычных вооружений, которое не ведет к значительным территориальным потерям.

Даже нецивилизованные государства – а такие имеются – должны понимать, что если они пойдут на неоправданное применение ядерного оружия, то столкнутся с жестким ответом международного сообщества. Ведущие страны мира в такой ситуации сочтут, что правительству, отдавшему приказ на применение ядерного оружия, нельзя позволить оставаться у власти. Если устрашение не работает против террористов, то и ядерное оружие для их устрашения использовать бесполезно. Некоторые могут утверждать, что необходимость в ядерном оружии может возникнуть для уничтожения находящегося в руках террористов ядерного устройства до того, как те успеют пустить его в дело. Однако политически такое применение ядерного оружия будет возможным только при наличии исключительно надежных разведданных о точном местонахождении ядерного устройства. Таких разведданных не было по Ираку (в 2003 г.), как нет их и по Ирану. Более того, если бы такие надежные разведданные и были, то весьма вероятно, что для уничтожения цели можно будет обойтись и неядерными средствами, и именно такой вариант будет более предпочтителен с политической точки зрения.

С 1945 г. все сильнее становится табу на применение ядерного оружия. *Табу* – интересный и важный термин. По определению Оксфордского словаря английского языка, *табу* означает «придание какому-либо объекту священного либо привилегированного статуса... что исключает возможность его использования в обычных ситуациях... либо вводит на него социальный запрет». Войны являются средством достижения целей государственной политики. В войну вступают, чтобы укрепить собственное могущество либо не позволить другой стороне это могущество ослабить. Государства, которые совершают крупномасштабные несправедливости, обычно со временем теряют свое могущество и терпят поражение. Иногда они рушатся изнутри, поскольку больше не могут мобилизовать собственных граждан и теряют их поддержку. Иногда они рушатся под воздействием извне, со стороны других государств, которые стремятся сбалансировать ситуацию. *Ядерное табу* увеличивает вероятность того, что остальные государства объединятся в борьбе с ядерным агрессором. Кроме того, против правительства, нарушившего *ядерное табу*, может восстать собственный народ, если ядерное оружие было использовано без должных на то оснований.

Ядерное табу, бесспорно, означает, что стратегия ядерного устрашения применима только в отношении наиболее серьезных угроз, то есть в отношении нападения, которое по своим масштабам и разрушительной силе сопоставимо с масштабными и разрушительностью вызванной им ядерной войны. Какова *реальная* вероятность того, что Россия или США подвергнутся такому нападению? Кто может напасть? Китай? Индия? Пакистан? Израиль? Франция и Великобритания? Практически невозможно себе представить, что какая-либо из крупных держав совершит против другой крупной державы акт агрессии, оправдывающий своими масштабами ответное применение ядерного оружия. Возможно, уроком послужила катастрофа, постигшая Германию во время Первой и Второй мировых войн, либо аналогичная катастрофа, от которой пострадала Япония. Наличие ядерного оружия служит дополнительным сдерживающим фактором. Но возможно также, что цивилизованные страны все-таки вынесли из прошлого столетия урок о том, что за любую масштабную агрессию приходится дорого платить, а долгосрочных выгод от нее все равно никаких. Возможно также, что США и Россия вынесли из войн во Вьетнаме, Афганистане и Ираке урок о том, что вторжение в более слабые страны, в конечном счете, не приносит дивидендов – даже если эти страны не обладают ядерным оружием. А в последнее время цена, которую придется заплатить за терри-

ториальную агрессию, стала еще выше благодаря глобализации, особенно в области финансов, которая сделала возможную изоляцию со стороны других стран серьезной угрозой для любого государства.

Конечно же, ситуация может резко измениться и мир может столкнуться с новыми угрозами, против которых применение ядерного оружия было бы вполне оправданным. Но история показывает, что обладание ядерным оружием еще не позволило ни одному государству завоевать или оккупировать территорию других стран, даже тех, что не имеют ядерного оружия. Разве смогло хоть одно ядерное государство захватить чужую территорию или покорить другую страну с тех пор, как оно поставило на вооружение ядерное оружие? Далеко не факт, что даже государство, которое в условиях безъядерного мира нарушит свои обязательства и создаст ядерное оружие, сможет вести войну против других стран. В любом случае, ядерные державы не пойдут на полное уничтожение своих ядерных арсеналов, если сочтут, что у других государств все еще остается техническая возможность и мотивация для агрессии, которая заслуживала бы по своим масштабам ядерного возмездия. Более того, такая серьезная угроза наверняка не возникнет внезапно, и у других государств – у США, России, Китая и т.д. – будет достаточно времени на подготовку. Поэтому страны, уничтожившие свои ядерные арсеналы после введения запрета на ядерное оружие, смогут при необходимости вовремя эти арсеналы восстановить.

Реальность на сегодняшний день такова, что по политическим и техническим причинам контролируемого полного уничтожения ядерного оружия добиться не удастся еще как минимум 10–15 лет. Поэтому имеет смысл тщательно рассмотреть те проблемы, решение которых позволило бы всем ядерным державам приступить к значительному сокращению своих ядерных арсеналов и начать осторожное продвижение к полному уничтожению ядерного оружия. Именно на эту задачу указывает Р.М. Тимербаев, задавая следующий вопрос: «Как, по какому принципу и какими этапами обеспечить планомерное и размеренное сокращение – вплоть до нуля, удовлетворительное для всех заинтересованных государств и учитывающее необходимость сохранения международной и региональной стабильности до конца процесса и после его завершения?»²

Среди проблем, которые возникнут на этом пути, стоит отметить следующие.

Во-первых, некоторые комментаторы полагают, что эффективность стратегии ядерного устрашения снизится при резком сокращении ядерных запасов. На каких возможных сценариях основана такая обеспокоенность и насколько эти сценарии вероятны? Можно ли решить эту проблему договоренностями по контролю над вооружениями или другими мерами?

Обеспокоенность тем, что резкое сокращение ядерных арсеналов снизит эффективность стратегии ядерного устрашения и спровоцирует нестабильность, обычно высказывают американские и российские эксперты. Однако размеры арсеналов большинства ядерных держав уже сейчас находятся на весьма *низком* уровне. При этом английское и французское правительства не выказывают особого беспокойства в том, что их относительно небольшие арсеналы могут не справиться с функцией сдерживания или спровоцировать нестабильность. Китай всегда обходился намного меньшим количеством боеголовок, чем у его основных потенциальных противников. Индия и Пакистан, которые находятся в довольно конфликтных отношениях, тем не менее, имеют *небольшое* количество боеголовок и при этом даже не поддерживают их в состоянии высокой боеготовности. Правительства обеих стран понимают, что наличие у них ядерного оружия исключает возможность крупного военного конфликта, и в ходе неформальных переговоров был достигнут определенный прогресс в поиске урегулирования в Кашмире. И даже если американские эксперты (а может быть, и российские) считают индийский и пакистанский ядерный потенциал недостаточным, тем не менее, мало кто призывает Индию и Пакистан к наращиванию своих арсеналов, установке боеголовок на средства доставки и поддержанию их в состоянии высокой боеготовности. Таким образом, с 1945 г. в мире накоплен достаточный объем доказательств того, что даже небольшого

количества единиц ядерного оружия достаточно для поддержания стабильности и эффективности стратегии ядерного устрашения.

Проблема эта, конечно, требует дополнительного анализа. Фундаментальная ее причина – предположение о том, что небольшое число боеголовок делает государство более уязвимым в случае нанесения первого удара противником, особенно если у противника количество боеголовок больше. В связи с этим в случае конфликта государство с небольшим арсеналом будет чувствовать необходимость пустить этот арсенал в ход как можно раньше. Проблема эта заслуживает экспертного теоретического анализа. Однако гораздо больший вес имеет исторический опыт, который показывает, что государствам с *небольшим* ядерным арсеналом вполне удается проводить свою международную политику и не ощущать недостатка в средствах устрашения, даже в случае асимметричной ситуации в отношениях с потенциальными противниками. Более того, вполне можно продумать меры по контролю над вооружениями и другие шаги по обеспечению прозрачности, которые бы позволили укрепить эффективность стратегии ядерного устрашения при небольших размерах ядерных арсеналов.

Существуют также опасения, что в случае возникновения технических проблем с боеголовками определенного типа при небольших размерах арсенала под угрозой оказывается эффективность всего арсенала, тогда как боеспособность большого арсенала будет сохранена за счет боеголовок других типов. Этот вопрос *надежности* – одна из причин, по которой некоторые представители американской ядерной промышленности выступают за разработку нового типа боеголовок, которые бы отличались надежностью, безопасностью, длительным сроком хранения и простотой в обслуживании, не требуя при этом проведения ядерных испытаний. Сторонники такого подхода считают, что он позволит США провести намного более глубокие сокращения ядерного оружия. Можно предположить, что в ходе переговоров по многосторонним сокращениям нужно будет решить и вопрос модернизации ядерного оружия.

Во-вторых, насколько важно наличие или отсутствие паритета в доктринах ядерного устрашения, принятых различными ядерными державами?

На разных этапах холодной войны США и Советскому Союзу удавалось поддерживать эффективность своей стратегии ядерного устрашения и при отсутствии паритета. В середине холодной войны (1970-е и начало 1980-х гг.) относительный паритет присутствовал. А вот в конце 1980-х гг. советское руководство признало, что *достаточность* является более важным критерием, чем паритет. Сегодня все более популярна точка зрения о том, что в глобальном контексте различие между стратегическим и тактическим ядерным оружием бессмысленно – ядерная бомба есть ядерная бомба. С этой точки зрения Россия, которая располагает намного большими запасами тактических ядерных ракет, имеет численное превосходство над США и НАТО – однако при этом никто не считает, что такое отсутствие паритета ставит под угрозу эффективность стратегии ядерного устрашения. Аналогичным образом считается, что Китай располагает достаточным ядерным арсеналом, хотя его численность и показатели боеготовности намного уступают арсеналам США и России. Фактически, в мировом масштабе стратегия ядерного сдерживания во многом основывается на асимметричных конфигурациях. Как показывает практика, нет никаких причин считать, что для эффективности стратегии ядерного сдерживания необходим паритет.

В-третьих, запасы боеголовок США и России на многие тысячи единиц превосходят по численности арсенал Китая, Великобритании, Франции, Индии, Пакистана, Израиля и Северной Кореи – включая как *стратегические*, так и *тактические* ракеты, как развернутые, так и находящиеся в резерве. Насколько большим численным преимуществом должны, по их собственному мнению, обладать Москва и Вашингтон над другими ядерными державами? На каком основании они могут утверждать, что им должно быть позволено сохранить большее количество боеголовок?

Судя по информации из открытых источников, ни американское, ни российское правительство пока особо не задумывались над такими вопросами. Возможно, и в Москве,

и в Вашингтоне просто пока серьезно не рассматривалась сама возможность глубокого сокращения своих арсеналов до таких размеров, при которых уже можно думать о многостороннем контроле над вооружениями.

В частных беседах американские ядерные стратеги часто высказывают точку зрения о том, что США должны обладать ядерным арсеналом, который по численности, как минимум, равен суммарному количеству боеголовок у всех остальных ядерных держав. Для того чтобы подобные требования (либо аналогичные высказывания со стороны России) заслуживали серьезного рассмотрения, необходимо тщательно проанализировать другие вопросы, в том числе те, что уже были затронуты в этой статье. С точки зрения переговоров трудно себе представить, что лидеры государств с меньшими арсеналами согласятся на такое серьезное неравенство. Однако возможно, что они примут во внимание специфику ситуации, в которых находятся отдельные ядерные державы с точки зрения безопасности и международной ответственности, и это позволит договориться о разных уровнях ограничений на размер арсеналов.

В-четвертых, кого именно каждая из ядерных держав считает необходимым сдерживать и устрашать своим ядерным арсеналом? Считает ли Россия, что ядерное оружие ей нужно для сдерживания США и Китая или еще каких-то других стран? Отталкивается ли Китай в расчетах своих ядерных потребностей от военных возможностей США, России, Индии и Японии? Определяет ли Индия необходимый размер своего ядерного арсенала относительно Китая и Пакистана?

Ответ на эти вопросы во многом зависит от того, считает ли каждая из ядерных держав вероятным возникновение необходимости в ядерном сдерживании одновременно двух и более ядерных противников. Будут ли Россия и США настаивать на сохранении арсеналов такого размера, который позволил бы им вступить в конфликт сразу с двумя и более ядерными противниками в ходе одной и той же войны или кризиса либо вести сразу две войны одновременно с возможностью ядерной эскалации?

Вероятно, Вашингтон все же не станет утверждать, что ядерное оружие ему нужно для сдерживания Великобритании, Франции, Индии или Израиля. А это сразу ставит под вопрос американские утверждения о том, что количество американских боеголовок должно, как минимум, равняться суммарному ядерному потенциалу всех остальных ядерных держав (за исключением России). Однако если США и России для взаимного сдерживания необходимо, скажем, 500 боеголовок, станут ли США настаивать на праве сохранить какое-то дополнительное количество боеголовок для сдерживания Китая? Ответ на этот вопрос может оказаться положительным в случае существования реальной угрозы двух одновременных конфликтов: в Евразии – между НАТО и Россией – и в Северо-Восточной Азии – из-за Тайваня, а также в будущем, возможно, и войны с Северной Кореей.

Учитывая, что Россия, скорее всего, будет настаивать на сохранении, как минимум, близкого к паритетному балансу с США, на определенном этапе процесса сокращения Москва заявит, что ей тоже нужны дополнительные боеголовки для сдерживания Китая. Станет ли она также настаивать на необходимости в дополнительных боеголовках для сдерживания Великобритании и Франции или ей будет для этого достаточно арсенала, равного американскому? Если России и США будет позволено сохранить значительно большее количество боеголовок, чем, скажем, Великобритании и Франции, то это, возможно, снимет возражения со стороны Москвы. Однако по мере приближения России и США к паритету с другими ядерными державами возрастает вероятность возражений с их стороны, основанных на риске возникновения конфликта одновременно с двумя и более ядерными противниками.

Китайский ядерный арсенал по своим размерам и скорости развертывания далеко не так совершенен, как можно было бы ожидать от страны, военная доктрина которой предусматривает ведение ядерной войны сразу с двумя противниками – либо одновременно, либо почти одновременно. Поэтому если Россия и США предпримут сокращения своих арсеналов еще *до того*, как предложат и остальным державам присоединиться к

многостороннему процессу сокращений, то у этих держав не будет никаких причин опасаться, что такие сокращения отразятся на их способности сдерживать сразу несколько противников.

У Индии имеется неразрешенный территориальный конфликт с Пакистаном и Китаем. У обоих этих государств ядерные силы нацелены на Индию. Пока что Индия решила не стремиться к наращиванию своего арсенала до размеров, сопоставимых с суммарным количеством боеголовок у Китая и Пакистана. Подобное наращивание маловероятно, учитывая особенности индийской стратегии и планирования. Однако согласится ли Индия на переговорах официально принять ограничение своего арсенала на уровне, который значительно уступает общему количеству китайских и пакистанских боеголовок? С политической точки зрения, одно дело – иметь меньше, чем у противников, количество боеголовок. Совсем другое дело – отказаться от самого права наращивать арсенал и принять закрепление такого неравенства в договоре.

Подобные вопросы можно задать по каждой ядерной державе, и это показывает, что переход от двустороннего американо-российского контроля над вооружениями к многостороннему будет поэтапным и чрезвычайно сложным процессом. Можно предположить, что Вашингтон и Москва согласятся на размер арсеналов, близкий к паритетному с наиболее крупными арсеналами других держав только в том случае, если у них будет значительно больше, чем сейчас, уверенности в ситуации в области безопасности в Европе и Северо-Восточной Азии. В силу общих стратегических соображений Китай, скорее всего, не согласится на переговоры по сокращению без одновременного улучшения своих отношений в области безопасности с США, Россией и Индией. Пекин также пожелает сперва увидеть более позитивные тенденции относительно Северной Кореи, Японии и Тайваня. Индия, скорее всего, выдвинет требования, направленные на достижение более равных условий в мировом масштабе, а также прогресса в решении своих проблем в области безопасности с Пакистаном и Китаем.

Если соответствующие ядерные державы сочтут, что их потенциал сдерживания сохранится даже при неравном количестве ядерных боеголовок у разных стран, то связанная с этим политическая проблема будет решена. К примеру, переговоры можно вести по процентным соотношениям ядерных арсеналов, а не абсолютным величинам. Если США и Россия сократят количество своих боеголовок до, скажем, 500 единиц, то относительные размеры китайского арсенала по сравнению с российским или американским увеличатся. Китай достигнет паритета. Аналогичным образом, если сам Китай проведет определенные сокращения, а Индия сохранит число своих боеголовок неизменным, то паритет по сравнению с ситуацией до начала сокращений приобретет уже Индия. В долгосрочной перспективе политический вопрос паритета и равенства можно будет решить, представив многосторонние ядерные сокращения как ключевой шаг к полному запрету ядерного оружия – единственно приемлемой точке ядерного равенства между странами мира.

Вместо того чтобы избегать этой сложной задачи, было бы полезно подумать о многостороннем контроле над ядерными вооружениями как о процессе, который начинается с предварительного обсуждения проблем, подобных уже затронутым в этой статье. Одним из первых шагов должно стать выяснение всех тех вопросов, которые США, Россия, Китай, Франция, Великобритания, Индия и Пакистан посчитают необходимым решить еще до начала каких-либо переговоров. Площадка для обсуждения интересов Северной Кореи уже существует – это шестисторонние переговоры. Ситуация с Израилем, который не проводил ядерных испытаний и не заявлял официально об обладании ядерным оружием, может быть решена в рамках создания в регионе зоны, свободной от оружия массового поражения. Такие дискуссии можно начать на неформальной основе, возможно, путем проведения неформальных встреч с участием представителей влиятельных аналитических центров каждой из стран, а также официальных лиц, участвующих в качестве наблюдателей.

В-пятых, некоторые американские наблюдатели опасаются, что сокращения ядерных вооружений до уровня, к примеру, 500 единиц подтолкнут Китай к быстрому наращива-

нию собственного арсенала с целью достижения паритета. Существуют ли подобные опасения в России? Беспокоит ли Китай возможность того, что если он сам начнет сокращать свои боеголовки по определенной формуле, связанной с американскими и российскими сокращениями, то Индия попытается достигнуть паритета с Китаем?

Подобные опасения часто высказываются в США, особенно после того, как четверо государственных деятелей – Джордж Шульц, Генри Киссинджер, Уильям Перри и Сэм Нанн – призвали к ядерному разоружению, а президент Барак Обама обозначил свой интерес к этой идее. Однако ответ на такие опасения представляется очевидным: США и Россия не согласятся на сокращения своих арсеналов до уровня, при котором Китай сможет начать *гонку за паритетом*, если Китай сперва не возьмет на себя официальных обязательств в такую гонку не включаться. А Китай, в свою очередь, таких обязательств на себя не возьмет без уверенности в том, что США и другие государства не наращивают обычные вооруженные силы и военную мощь в других областях, чтобы компенсировать сокращение своих ядерных арсеналов.

В-шестых, что делать с ПРО?

В случае разработки одной из сторон эффективных средств защиты от баллистических ракет, которые могли бы стабильно уничтожать высокий процент ядерных средств нападения в реальных ситуациях, другие стороны могут счесть, что их потенциал сдерживания находится под угрозой. Это окажет дестабилизирующее влияние и, по меньшей мере, сможет заблокировать дальнейшие сокращения наступательных вооружений. С практической точки зрения, Россия не согласится на глубокие сокращения (до уровня около 500 единиц), если США не примут ограничений на свой потенциал в области ПРО. Китай тоже не пойдет на сокращения, если Вашингтон не возьмет на себя обязательств не разрабатывать и не развертывать системы, способные нейтрализовать значительную долю китайских боеголовок. Иными словами, договориться о многосторонних сокращениях не удастся без договоренности об ограничениях на системы ПРО либо без такой трансформации стратегических отношений, которая бы позволила ядерным державам больше не испытывать нужды в возможности нанесения ядерного удара по странам, обладающим системами ПРО.

Вопрос систем защиты от баллистических ракет приобретает, однако, другую окраску, если международное сообщество стремится к полному уничтожению ядерного оружия. В безъядерном мире система ПРО может служить гарантией против нарушителей безъядерных договоренностей.

Одним из возможных вариантов могло бы стать принятие жестких ограничений на системы ПРО на ближайшее будущее ради перспективы многосторонних сокращений ядерного оружия. А заручившись согласием разных государств работать на общую цель ядерного разоружения, можно развивать сотрудничество в разработке, создании и управлении совместными оборонными системами.

В своем письме в редакцию уважаемого мной журнала *Индекс Безопасности* я затронул, конечно, лишь немногие из вопросов, которые возникнут на пути к сокращению количества ядерного оружия на планете до нуля. США, Россия и другие ядерные державы обязаны попытаться достигнуть этой цели в соответствии с ДНЯО и решением Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2000 г.

Первоначальные вопросы и ответы могут обозначить аналитики, в том числе Р.М. Тимербаев и я сам. Однако давайте не будем забывать: ключевая роль здесь принадлежит правительствам. На сегодня ни одна из ядерных держав, по крайней мере, насколько мне известно, не поручила своему министерству обороны или аналитическим центрам проработать соответствующие вопросы и предложить пути их решения. А поскольку внутри самих ядерных держав такие вопросы серьезно не анализируются, то и обсуждения их между этими державами не велось.

Такую ситуацию с отсутствием обсуждения и аналитики необходимо исправить. Каждая из ядерных держав должна, как минимум, поручить соответственным правительствен-

ным органам и/или аналитическим центрам начать исследования в данной области. Подобная работа должна вестись с осознанием того, что ее результаты будут вынесены на обсуждение ядерных держав. В нужный момент и в нужных ситуациях к этим дискуссиям должны быть привлечены негосударственные организации.

Джордж Перкович

Вице-президент

Carnegie Endowment for International Peace

1779 Massachusetts Avenue, NW

20036, Washington, D.C., USA

Примечания

¹ Тимербаев Р.М. О путях движения к миру без ядерного оружия. *Индекс Безопасности*, № 1 (88), Весна 2009, с. 19–30.

² Там же.

SUMMARY

F R O M T H E E D I T O R

- 7 **Dotting the i's.** «The time has come to dot the i's. The Iranian i's. The debate on the Iranian nuclear program has been plagued with too much *froth* in recent years, which is quite irrelevant and only distorts the real picture», – writes Editor-in-Chief of the *Security Index* journal **Vladimir Orlov**.

I N T E R V I E W

- 11 **Sergey Kislyak: «The Reset of Russian-American Relations Is the Deletion of Malicious Viruses that Hampered our Dialogue»** – The Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation in United States discusses with the Director of the James Martin Center for Nonproliferation Studies, the Member of the PIR Center Executive Board William Potter bilateral relations, a new strategic arms control treaty, tactical nuclear weapons and Iran's nuclear program.
- 17 **Jean de Gliniasty: «Every Nation Must Contribute to Nuclear Disarmament»** – Nuclear disarmament is not the exclusive domain of the United States and Russia. Active participation of other members of the Nuclear Five is an important issue on the international agenda. France's traditionally independent stance could give a new impetus to nuclear disarmament – or hold it back. French Ambassador to Moscow Jean de Gliniasty spells out the French position in the new international environment.
- 21 **Victor Zavarzin: «NATO and Russia Need Reset»** – In his interview with *Security Index*, the Chairman of the State Duma Defense Committee Victor Zavarzin unveils the Russian view on the most sensitive issues of relations between Russia and NATO, estimates the prospects of dialogue on European security focusing on the fields of possible cooperation.

A N A L Y S I S

- 25 **Roland Timerbaev, «Banning Production of Fissile Materials for Nuclear Weapons»** – For many decades, the international community has viewed a ban on production of nuclear weapons-usable fissile materials as a truly significant step that would bring the world closer to the dual goal of strengthening the nonproliferation regime and eliminating nuclear weapons. Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, the Chairman of the PIR Center Executive Board Roland Timerbayev looks at the history of the fissile material cutoff debate and offers commentary on some of the initiatives in the area.

- 37 **Joseph Cirincione, «The Obama Transformation: Can it Succeed?»** – The new U.S. nuclear policy based on U.S. President Barak Obama’s ambitious program is gradually taking shape through signals such as the April 1, 2009 joint statement with Russian President Dmitry Medvedev, and America’s decision on September 17, 2009 to abandon plans on stationing ABM elements in Poland and the Czech Republic. The President of the Ploughshares Fund looks at the Obama nuclear transformation plan, and highlights the possible pitfalls on the path towards nuclear disarmament and arms control.
- 47 **Natalya Kalinina, Vadim Kozyulin, «Russia’s Defense Industry: Feet of Clay»** – Russian experts assess the real state of affairs in the national defense industry based on official figures, statistics and indirect evidence, look at the existing risks and opportunities, and offer their forecast for the next few years.
- 69 **Maksim Minayev, «U.S.-British Defense Partnership in the First Decade of XXI Century»** – Russian expert looks at the defense industry cooperation between the two strategic partners, America and Britain, the role of national legislation in this partnership, and America’s and Britain’s share of each other’s defense procurement markets. The article offers detailed analysis of the latest British weapons programs involving U.S. defense contractors – these programs will determine Britain’s military capability in the coming decades.
- 83 **Alexander Golikov, «Modern Agricultural Biotechnology and National Security»** – Food security could potentially overshadow all the other national security problems in many parts of the globe. The expert looks at the role of agricultural technology in national development, and at the ways of bolstering national security by a making a smart choice of crops, maintaining a strategic reserve of production capacity, and ensuring ownership rights. The article also touches upon issues of geopolitics and agricultural terrorism.
- 91 **Yury Fedorov, «Turkmenistan: Change Coming?»** – Turkmenistan has become an important geostrategic actor on the former Soviet Union’s southern periphery. Its natural resources are already becoming the subject of heated competition between Russia, China and Europe. Ashgabat’s position will largely decide the fate of the Nabucco pipeline and other strategic transport corridors. The country also borders Iran and Afghanistan, the key trouble spots of international politics. The article offers an analysis of the domestic political situation in Turkmenistan and its impact on the country’s new international role.
- 115 **Aleksandr Kovalev, «International Legal Status of the Arctic and Russia’s Interests»** – The Arctic has long been at the focus of various political, legal, economic, military, environmental and social interests of the northern nations. Now it is becoming a new arena of geopolitical conflict. The author offers an analysis of the international legal regime of the Arctic and the positions of various nations, including Russia, on the proposed changes to it.
- R O U N D T A B L E
- 125 **«Multilateral Approaches towards Nuclear Disarmament: the Next Steps»** – Nuclear disarmament – one of the most burning issue of the year 2009. What should be the next steps in this multilateral process? This question is discussed by Ambassador, Director of Department of Security and Disarmament in Russian Ministry of Foreign Affairs Anatoly **Antonov**, Lieutenant-General (ret.), PIR Center Senior Vice President Gennady **Evstafyev**, Ambassador, Director of Department of International Cooperation in State Atomic Energy Corporation *Rosatom* Mikhail **Lysenko**, Research Associate of Saint Petersburg State University Anastasiya **Malygina**, Prof., Director of the James Martin Center for Nonproliferation Studies of the Monterey Institute of International Studies William **Potter**, Advisor to the Chief

of General Staff of Russian Armed Forces Alexander **Radchuk**, Director Eurasian Studies of Observer Research Foundation (Delhi, India) Nandan **Unnikrishnan**, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Chairman of PIR Center Executive Board Roland **Timerbaev**, and First Secretary of Embassy of Norway to Moscow Kari Eken **Wollebæk**.

C O M M E N T A R Y

143 **Vladimir Voronkov, «European Security Treaty: after Corfu»** – The unofficial ministerial meeting on the island of Corfu, which was convened by Greece as the rotating chair of the OSCE, has been an important milestone in the implementation of President Medvedev's proposal on a new European security treaty. Director of Department for Pan-European Cooperation in Russian Ministry of Foreign Affairs in his article looks at the ways of building new European security architecture and promoting the Russian initiative.

149 **Seth Kinkade, «The Importance of the Russian-Chinese Energy Dialogue»** – As the world struggles with the financial crisis, Russia is facing new challenges that can either weaken its economy even further, or become a strong stimulus for economic recovery and diversification. Energy partnership with China could be one such stimulus. U.S. researcher and PIR Center intern Seth Kinkade argues that Russia itself and the wider international community need this partnership.

155 R E V I E W S O F R E C E N T W O R L D E V E N T S :
M A Y – A U G U S T 2 0 0 9

156 **Albert Zulkharneev, «The *iSi* Index in May-August 2009: No Summer Break»** – The international security developments in the reported period belie the idea of a traditional summer break in politics and other areas that determine the level of threats to global security and prosperity. Members of PIR Center's International Expert Group – Ambassador, Professor of Colombo University (Sri Lanka) Dayan **Jayatilleka**, Member of the Royal Institute of International Relations Konstantin **Eggert**, President of the *New Eurasia Foundation* Andrey **Kortunov**, Chairman of the Gulf Research Center in Dubai Abdulaziz **Sager**, and President of the Institute for Middle East Studies Evgeny **Satanovsky** – comment the events.

159 **Yury Fedorov. A View by a Russian Liberal: «Never before, all over again»** – «While Russian and American negotiators are aping their Cold-War predecessors, a huge storm is looming in the Far and Middle East. Another distinct possibility is a new war in the Caucasus, which would lead to Russia's isolation – though such an outcome would actually be welcomed by those who are working on the restoration of Stalinism. Washington still has not figured out that the war in Afghanistan cannot be won, and the longer the US troops stay there, the harder the Afghan syndrome will be. If people at the helm of the leading democracies fail to realize the need for a deep change of political strategy, what now seems a historical farce will turn into a new historical tragedy.»

171 **Dmitry Evstafiev. A View by a Russian Conservative: «Global agenda emerging from the fog of crisis»** – «In most of the developments that have been shaping the international relations and global security agenda in recent months, Russia has been quite irrelevant. It has found itself outside the global context. And were it not for the Soviet nuclear arms potential (the only Russian contribution to that potential, the notorious Bulava missile, is failing to deliver) this irrelevance would have been complete and totally hopeless.»

L I B R A R Y

183 **Vladimir Orlov, «The Roots of the Poppy»** – «Because almost every government in Southeast Asia is cracking down on drug users, the addicts simply

go underground and graduate to harder drugs. Instead of smoking opium, they start injecting heroin and various pharmaceutical substances, and users of meth pills start dissolving them to inject intravenously instead of swallowing. The numbers of new HIV infections are spiraling in northern Burma and southern Chinese provinces,» – PIR Center President Vladimir Orlov writes in his review.

- 195 **Konstantin von Eggert, «Heroes or Villains? Terrorism in the 1970s as Seen from Today»** – «The book by Stefan Aust is written as a historical account, but it remains very topical in this day and age. The author tries to be honest with himself and with his past, and therefore he does not try to conceal a certain degree of sympathy with the leftist movement of the 1960s, or his skepticism about the German law-enforcement system. But being a professional journalist, he honestly recounts the facts. And these facts inevitably lead to the conclusion that in the end, bloodshed had become not just an end in itself for the RAF, but also a perverted form of personal fulfillment.»

B O O K R E V I E W S

- 199 **Darya Zolina, Gennady Evstafiev, Olga Kubanskaya, Evgeny Petelin, and Mariya Teploukhova** – PIR Center research associates and interns provide brief reviews of new receipts by our library.

213 S U M M A R Y

217 A B O U T T H E A U T H O R S

223 P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D

226 S E C U R I T Y I N D E X C O N T E N T S I N 2 0 0 9

230 R E V I E W E R S O F A R T I C L E S
P U B L I S H E D I N 2 0 0 9

F I N A L Q U O T E S

Cov. III **On minutes**

Антонов Анатолий Иванович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, канд. экон. наук, директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ. Ранее – заместитель постоянного представителя РФ при ООН и международных организациях в Женеве. С 1978 г. после окончания МГИМО работает в Министерстве иностранных дел. Является руководителем ряда российских правительственных делегаций, в том числе на переговорах со странами *Группы восьми*, по Договору о нераспространении ядерного оружия, по обзору действия Конвенции о *негуманном* оружии и т.д. Является членом Консультативного совета при Генеральном секретаре ООН по вопросам разоружения. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

Волебек Кари Екен – первый секретарь по политическим и экономическим вопросам Посольства Норвегии в Москве. Магистр по современной истории Азербайджана. Изучала русский язык и литературу, сравнительную политологию и историю в Университете Бергена и Рейнском университете Фридриха Вильгельма в Бонне (Германия). С 2000 г. состоит на дипломатической службе в МИД Норвегии.

Воронков Владимир Иванович – директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ. В 1975 г. окончил МГУ им. М.В.Ломоносова. Канд. ист. наук. В системе МИД с 1989 г. работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате и за рубежом. В 2000–2002 гг. – советник-посланник Посольства России в Республике Польша, в 2002–2005 гг. работал заместителем директора Департамента кадров Министерства иностранных дел России. В 2005–2008 гг. исполнял обязанности заместителя Постоянного представителя Российской Федерации при ОБСЕ. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника 1-го класса. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

Глиниасти Жан де – Чрезвычайный и Полномочный Посол Французской Республики в РФ. Выпускник Института политических наук (Париж). Владелец дипломов по специальностям «филология» и «право», диплома Национальной Школы Администрации, выпуск им. Леона Блюма. В 1975 г. заступил на дипломатическую службу Французской Республики в Департаменте Северной Африки и Среднего Востока. В разные годы работал в Департаменте по экономическим и финансовым вопросам, заместителем начальника Центра анализа и прогнозирования, вторым советником Постоянного представительства Франции при Европейских сообществах в Брюсселе. В сентябре 2006 – январе 2009 гг. работал в центральной администрации в качестве директора Департамента Африки и стран Индийского океана МИД Франции. 13 января 2009 г. назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом Французской Республики в РФ.

Голиков Александр Григорьевич – исполнительный секретарь Черноморской биотехнологической ассоциации. Биохимик, работал в Институте биоорганической химии им. М.М. Шемякина и Ю.А. Овчинникова АН СССР, заместителем директора МГП

АналитЭК – аналитика в экологии, заместителем директора по науке Центра *Биоинженерия* РАН, в 1997–2001 гг. – ответственный секретарь межведомственной комиссии по проблемам генно-инженерной деятельности при Правительстве Российской Федерации, в 1996–2000 гг. – член бюро и докладчик рабочей группы ООН по разработке Картахенского протокола биобезопасности, эксперт ЮНЕП по биобезопасности. Постоянный лектор на Международной летней школе по глобальной безопасности, организатор ПИР-Центром. Адрес электронной почты: golikov@mac.com

Евстафьев Геннадий Михайлович – старший вице-президент ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке). Работал в системе МИД СССР, неоднократно выезжал в заграничные командировки, в 1981–1985 гг. занимал должность специального помощника Генерального секретаря ООН. В 1986–1991 гг. входил в состав руководства советской делегации на переговорах по ДОВСЕ в Вене. В течение длительного времени работал в системе СВР РФ, являлся начальником управления по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ. Один из авторов доклада СВР «Распространение ОМУ – новый вызов после холодной войны». С 2000 по 2003 г. работал в российском представительстве при НАТО, где занимался вопросами нераспространения ОМУ и терроризма. В ПИР-Центре с 2003 г. Имеет ряд публикаций, посвященных проблемам международной безопасности и нераспространения, включая: «Нераспространение ОМУ: проблемы и риски» (*Ядерный Контроль*, 2004, № 1), «Некоторые размышления об эволюции подходов США к проблемам региональной безопасности в Центральной Азии» (*Ядерный Контроль*, 2006, № 1), «Разоружение возвращается» (*Индекс Безопасности*, 2007, № 2), «Подводные камни американской инициативы» (*Известия*, 13 февраля 2009 г.). Соавтор монографии «Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития» (ПИР-Центр, 2005). Адрес электронной почты: evstafiev@pircenter.org

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич – вице-президент ЗАО *Компания развития общественных связей (КРОС)*. С отличием окончил исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ в 1989 г., работал младшим научным сотрудником, научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, где в 1993 г. получил степень кандидата политических наук, защитив диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 гг. работал старшим, затем ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее – старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. Специалист в области военно-политических аспектов национальной безопасности России, проблем внешней и военной политики США, региональных аспектов нераспространения ядерного оружия. В 2001–2006 гг. работал в ЗАО *Компания развития общественных связей (КРОС)*, а также директором Департамента по информационной политике ОАО *Техснабэкспорт*. Позже работал заместителем генерального директора Национальной лаборатории внешней политики. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*.

Заварзин Виктор Михайлович – генерал-полковник, председатель Комитета по обороне Государственной Думы РФ. Окончил Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР им. К.Е. Ворошилова. Служил в Вооруженных Силах СССР и Российской Федерации, был главным военным представителем Российской Федерации в НАТО. Перед избранием в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва – первый заместитель начальника Штаба по координации военного сотрудничества государств – участников СНГ. Член Постоянной делегации Федерального Собрания Российской Федерации в Парламентской Ассамблее НАТО. Координатор депутатской группы по связям с парламентом Киргизской Республики. Награжден орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, Мужества, «За военные заслуги», медалью «За боевые заслуги».

Зульхарнеев Альберт Фархатович – координатор образовательных проектов ПИР-Центра, руководитель проекта «Индекс международной безопасности *iSi*» ПИР-Центра. Аспирант Государственного университета Высшая школа экономики. В 2007 г. окончил магистратуру исторического факультета Центрально-Европейского университета (Бу-

дапешт, Венгрия), в 2008 г. магистратуру факультета международных отношений Уральского государственного университета. В 2003–2005 гг. принимал участие в международных курсах персидского языка и литературы, осенью 2004 г. – в лекционном курсе ПИР-Центра «Ядерное нераспространение: политические и правовые аспекты», организованном на базе УрГУ. В 2007 г. прошел стажировку в ПИР-Центре. Адрес электронной почты: zulkharneev@pircenter.org

Калинина Наталия Ивановна – д-р мед. наук, профессор, старший научный сотрудник, руководитель Группы по нетрадиционным угрозам безопасности Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН. Член Совета ПИР-Центра. Один из ведущих специалистов в области нераспространения химического и биологического оружия. В 2003–2004 гг. работала помощником председателя Правительства РФ, затем занимала должность заместителя начальника инспекции Счетной палаты. Среди последних публикаций: «Глобальное партнерство, Группа восьми и химическое разоружение» (2000 г.), «Соблюдает ли Россия конвенцию о запрещении химического оружия» (Ежегодник СИПРИ, 2005 г.), «Об актуальных проблемах глобального партнерства по вопросам нераспространения ОМУ» (2006 г.), а также «Эффективность Конвенции по химическому оружию зависит от действий России», «Конвенция о запрещении химического оружия: проблемы и перспективы» и др.

Кинкейд Сет – студент магистратуры Монтерейского института международных исследований. Стажер ПИР-Центра. С 1998 по 2004 г. проходил службу в армии США. Закончил Школу военных переводчиков в Монтерее, шесть месяцев обучался в Военной академии США (Вест-Пойнт). В 2007 г. обучался на курсах русского языка в Санкт-Петербургском госуниверситете. Адрес электронной почты: seth.kinkade@miis.edu

Кисляк Сергей Иванович – Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Соединенных Штатах Америки. Окончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ) в 1973 г., Академию внешней торговли в 1977 г.; с 1977 г. работал в центральном аппарате МИД СССР и МИД РФ и на дипломатических должностях за рубежом (в Постоянном представительстве СССР при ООН и в Посольстве СССР в США), был начальником Управления международного научно-технического сотрудничества МИД РФ; в 1994–1995 гг. – директор Департамента международного научно-технического сотрудничества; с апреля 1995 г. – директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения и контролю за военными технологиями, являлся членом Коллегии МИД РФ; февраль 1998 г. – июль 2003 г. – Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Королевстве Бельгия и постоянный представитель РФ при Организации Североатлантического договора (НАТО) в Брюсселе по совместительству. В 2003–2008 гг. – заместитель министра иностранных дел РФ.

Ковалев Александр Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России. Окончил Ленинградское высшее инженерное морское училище им. адмирала С.О. Макарова в 1960 г., Ленинградский государственный университет в 1969 г., Всероссийскую академию внешней торговли в 1979 г. Капитан дальнего плавания, профессор, академик РАЕН, академик Международной академии информатизации, Академии транспорта; 1971–1972 гг. – сотрудник Торгового представительства СССР в ФРГ; 1972–1974 гг. – сотрудник Генерального Консульства СССР в г. Гамбурге (ФРГ); 1978–1984 гг. – сотрудник экономической комиссии ООН для Африки; 1986–1989 гг. – старший референт Государственной внешнеэкономической комиссии Совета Министров СССР; 1989–1993 гг. – торговый представитель СССР и России в Новой Зеландии; в 1995–2000 гг. – советник заместителя Председателя Правительства РФ по международным вопросам. Адрес электронной почты: prof.kovalev@mail.ru

Козюлин Вадим Борисович – директор проекта по обычным вооружениям ПИР-Центра. Родился в 1965 г. Научный сотрудник ПИР-Центра с 1994 г. Кандидат политических наук (защитил диссертацию по теме: «Совершенствование политических механизмов влияния военно-технического сотрудничества на региональную стабильность в Центрально-Азиатском регионе»), профессор Академии военных наук. В 1990 г. окончил МГИМО

МИД СССР. В 2002 г. окончил Всероссийскую академию внешней торговли по специальности «Управление военно-техническим сотрудничеством». Работал в МИД СССР/РФ, затем в отделе эксклюзивной информации газеты *Московские Новости*, был представителем РГП «Казспецэкспорт» в России. Сотрудничает с компаниями-специалистами стран СНГ и дальнего зарубежья. Сфера научных интересов – военно-техническое сотрудничество России с зарубежными государствами. Адрес электронной почты: kozyulin@pircenter.org

Лысенко Михаил Николаевич – Чрезвычайный и Полномочный Посол, директор Департамента международного сотрудничества Государственной корпорации по атомной энергии *Росатом*. До 2008 г. – посол РФ в Новой Зеландии. Ранее – директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения (ДВБР) Министерства иностранных дел РФ. В 1977 г. закончил МГИМО (У). С 1977 г. работал в Министерстве иностранных дел СССР и РФ. В 1992–1996 гг. – заместитель директора Департамента Северной Америки, МИД РФ. В 1996–2000 гг. – советник Посольства России в Канаде. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

Малыгина Анастасия Александровна – канд. полит. наук, старший преподаватель факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. В 2003 г. с отличием окончила факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. В 2007 г. защитила диссертацию на тему «Феномен ядерного оружия в современном мире и перспективы режима нераспространения ядерного оружия». Выпускник Международной летней школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2007 г.). Адрес электронной почты: asmolina@mail.ru

Минаев Максим Викторович – ведущий эксперт Аналитического управления Центра политической конъюнктуры. Канд. полит. наук. В 2005 г. с отличием окончил Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета. В 2008 г. окончил аспирантуру Института Соединенных Штатов Америки и Канады РАН по специальности 23. 00. 04. «Политические проблемы международных отношений и глобального развития». Тема диссертации – «Американо-британские отношения в начале XXI в.». Адрес электронной почты: statedepartment@mail.ru

Орлов Владимир Андреевич – основатель и президент ПИР-Центра, главный редактор журнала *Индекс Безопасности*. Директор *Centre russe d'études politiques* (Женева). Член Общественного совета при Министерстве обороны РФ. Родился в 1968 г. С отличием окончил МГИМО МИД СССР. Канд. полит. наук. В 2001–2002 гг. являлся консультантом ООН по вопросам образования и повышения квалификации в области разоружения и нераспространения. С 2004 по 2007 г. – член профессорско-преподавательского состава, содиректор программы Европейской безопасности Женевского центра политики безопасности. Публикуется в российских и зарубежных периодических изданиях и является редактором более десятка книг по проблематике международной безопасности, изданных в России и за рубежом. Постоянно занимается преподавательской и просветительской деятельностью, читая лекции по внешней политике России и по проблемам нераспространения ОМУ в России и за рубежом. Редактор учебника «Ядерное нераспространение» (2002). Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org

Поттер Уильям – директор Центра исследования проблем нераспространения им. Джеймса Мартина в Монтерейском институте международных исследований (Калифорния, США), занимает почетную должность профессора по исследованию проблем нераспространения, учрежденную сенаторами Сэмом Нанном и Ричардом Лугаром. В 1969 г. окончил Южно-Иллинойский университет. В 1970 г. получил степень магистра и в 1976 г. – доктора философии в Мичиганском университете. Является членом Совета по международным отношениям Тихоокеанского совета по внешней политике и Международного института стратегических исследований, правления института ООН по изучению проблем нераспространения, совместной рабочей группы по ядерному нераспространению Национальной академии наук США и Российской академии наук, Совета ПИР-Центра. В течение пяти лет являлся советником Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения. Являлся советником делегации Киргизии на Конференциях по рассмотрению действия ДНЯО в 1995, 2000, 2005 гг. Занимается проблемами не-

распространения на постсоветском пространстве. Его статьи и работы опубликованы в более чем в 80 книгах и журналах. В числе его работ: «Nuclear Profiles of the Soviet Successor States» (1993), «Soviet Decisionmaking for Chernobyl: An Analysis of System Performance and Policy Change» (1990) и «Nuclear Power and Nonproliferation: An Interdisciplinary Perspective» (1982). Адрес электронной почты: wpotter@miis.edu

Радчук Александр Васильевич – канд. техн. наук, полковник запаса, советник начальника Генерального штаба ВС РФ, профессор Академии военных наук. Окончил Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана, факультет переподготовки и повышения квалификации Военной академии Генерального штаба, Российскую академию государственной службы при Президенте Российской Федерации. Проходил службу на различных должностях в Центральном научно-исследовательском институте Министерства обороны РФ. Лауреат премии Ленинского комсомола. Автор более 130 научных трудов по вопросам стратегической стабильности и национальной безопасности, ядерного сдерживания, моделирования и оценки эффективности сложных систем. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

Сиринционе Джозеф – Президент Фонда Плаушерс в Вашингтоне (США). Ранее – ведущий исследователь, директор программы «Проблемы нераспространения оружия массового уничтожения» Фонда Карнеги за Международный мир (Вашингтон). Преподает в Школе Дипломатической службы при Джорджтаунском университете. Дж. Сиринционе является одним из ведущих экспертов США в области вооружений. Автор многочисленных публикаций по вопросам нераспространения и ядерной безопасности, в т.ч. книги «Смертоносные арсеналы: ядерные, биологические и химические угрозы» (2-е изд., 2005). Сфера научных интересов – проблемы нераспространения, национальная безопасность. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: jcirincione@ploughshares.org

Тимербаев Роланд Махмутович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета ПИР-Центра. После окончания МГИМО МИД СССР в 1949 г. более 40 лет проработал в МИД СССР, а затем в МИД России. Последней его должностью на дипломатической службе (1988–1992 гг.) был пост постоянного представителя СССР и России при международных организациях в Вене. В качестве сотрудника министерства принимал активное участие в выработке ряда ключевых международных соглашений в ядерной области, в частности Договора о нераспространении ядерного оружия, Договора об ограничении систем противоракетной обороны, Соглашения о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США, системы гарантий МАГАТЭ, Договора об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, Договора о подземных ядерных взрывах в мирных целях и проч. Доктор исторических наук, профессор. В числе его работ: «Полное запрещение ядерных испытаний» (1986), «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968» (1999), «International Cooperation in Nuclear Safety» (1999), учебник «Ядерное нераспространение» (2000), «Международный контроль над атомной энергией» (2003), «Режим ядерного нераспространения на современном этапе и его перспективы» (2005), мемуары «Рассказы о былом. Воспоминания о переговорах по нераспространению и разоружению и о многом другом» (2007). Автор многочисленных публикаций в журнале *Индекс Безопасности (Ядерный Контроль)*. Адрес электронной почты: timerbaev@pircenter.org

Унникришнан Нандан – директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник Исследовательского фонда *Obsever* (Индия). В 2001–2004 гг. работал независимым режиссером и внештатным журналистом. Среди его основных телевизионных работ за это период – документальный фильм о российско-индийском военном сотрудничестве, документальный фильм на русском и английском языках о российско-индийских отношениях для Министерства иностранных дел Индии и др.

Федоров Юрий Евгеньевич – научный сотрудник Королевского института международных отношений (Великобритания). Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Окончил физический факультет МГУ. Канд. ист. наук, профессор. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения

ИМЭМО РАН. Работал в международном отделе ЦК КПСС, после чего в 1991 г. перешел на должность заместителя заведующего кафедрой политологии МГИМО МИД РФ. С сентября 1998 г. – заведующий сектором, а с декабря 2000 г. – заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. – заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. – заместитель директора Института прикладных международных исследований. Ряд научных работ посвятил энергетическим аспектам безопасности, в частности в районе Каспия. Автор монографии «Субстратегическое ядерное оружие и интересы безопасности России» (*Научные Записки ПИР-Центра*, 2001, № 16), «Адаптированный ДОВСЕ и интересы безопасности России» (*Ядерный Контроль*, 2004, № 4), «Корейский ядерный кризис и Россия» (*Ядерный Контроль*, 2005, № 4) и др. Адрес электронной почты: yufedorov@rambler.ru

Эггерт Константин фон – Член Королевского института международных отношений (Лондон). Вице-президент *Эксон Мобил Раша Инк.* Родился в 1964 г. Окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ в 1987 г., где изучал историю и арабский язык. После университета служил в армии в составе советской военной миссии в Йеменской Арабской Республике. В 1980–1990 гг. работал на Ближнем Востоке. Работал в газетах *Куранты* и *Известия*, где становится дипломатическим корреспондентом, а затем заместителем международного редактора. В 2002–2008 гг. – главный редактор Московского бюро Русской службы *Би-би-си*. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*, соучредитель *Centre russe d'études politiques*. Адрес электронной почты: konstantin.von.eggert@exxonmobil.com

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
(по состоянию на 1 октября 2009 г.)

Айнхорн Роберт, старший советник госсекретаря США, Государственный департамент США, Вашингтон, США

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий лабораторией, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, посол, к.э.н., директор, Департамент по вопросам безопасности и разоружения, Министерство иностранных дел РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., член-корреспондент РАН, руководитель центра, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Баев Павел Кимович, к.и.н., проф., Международный институт исследований проблем мира, Осло, Норвегия

Банн Джордж, проф., консультант, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Пало-Альто, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., директор, Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Воронков Владимир Иванович, к.и.н., директор, Департамент общеевропейского сотрудничества, МИД РФ, Москва, Россия

Геттемюллер Роуз, заместитель госсекретаря США по вопросам проверки и соблюдения соглашений по контролю над вооружениями, Вашингтон, США

Данапала Джаянта, посол, президент, Пагуошское движение ученых, Коломбо, Шри-Ланка

Дворкин Владимир Зиновьевич, д.т.н., генерал-майор (в отставке), консультант, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

- Джонсон** Ребекка, д-р, исполнительный директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания
- Евстафьев** Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., вице-президент, ЗАО *Компания развития общественных связей*, Москва, Россия
- Елеукенов** Дастан Шериязданович, к.ф.-м.н., советник, посольство Республики Казахстан в США, Вашингтон, США
- Есин** Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), консультант командующего ракетными войсками стратегического назначения, Министерство обороны РФ, Москва, Россия
- Женевский центр политики безопасности**, Женева, Швейцария
- Институт стратегической стабильности**, Москва, Россия
- Кириченко** Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель центра, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия
- Кортунов** Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия
- Краснов** Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия
- Лаверов** Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская академия наук, Москва, Россия
- Ладыгин** Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия
- Лебедев** Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия
- Лысенко** Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, директор, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия
- Льюис** Патриция, д-р, заместитель директора, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США
- Людекинг** Рюдигер, постоянный представитель Германии при ООН и других международных организациях, Вена, Австрия
- Маргелов** Михаил Витальевич, председатель, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия
- Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ**, Москва, Россия
- Мурогов** Виктор Михайлович, профессор, Государственный технический университет атомной энергетики, Обнинск, Россия
- Мюллер** Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия
- Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»**, Москва, Россия
- Никитин** Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия
- Новиков** Владимир Евгеньевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия
- Пархалина** Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пикаев Александр Алексеевич, к.и.н., заведующий отделом, Отдел разоружения и урегулирования конфликтов, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, вице-президент, РИЦ Курчатовский институт, Москва, Россия

Радчук Александр Васильевич, советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва, Россия

РИЦ Курчатовский институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., советник по контролю над вооружениями, посольство РФ в США, Вашингтон, США

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., старший советник, постоянное представительство РФ в ООН, Женева, Швейцария

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США

Соков Николай Николаевич, к.и.н., д.п.н., старший научный сотрудник, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия

Убеев Алексей Вадимович, к.т.н., заместитель директора, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии Росатом, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., эксперт Службы внешней разведки, Москва, Россия

Хлопков Антон Викторович, директор, Центр энергетике и безопасности, Москва, Россия

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская академия современных международных отношений, Пекин, КНР

Шлыков Виталий Васильевич, председатель, Комиссия Общественного Совета при Министерстве обороны РФ по политике безопасности и проведению общественной экспертизы проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов, разрабатываемых в Минобороны России, Москва, Россия

Эггерт Константин фон, вице-президент компании *Exxon Mobil Russia*, Москва, Россия

О Т Р Е Д А К Т О Р А

Конец п-ой эпохи. № 1 (88), Весна 2009, с. 7–9.

У страха глаза... № 2 (89), Лето 2009, с. 7–9.

Точки над «и». № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 7–9.

В Д Е С Я Т К У

О страхе и мечте. № 1 (88), Весна 2009, с. 10.

О произволе. № 2 (89), Лето 2009, с. 10.

О золотой посредственности. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 10.

И Н Т Е Р В Ь Ю

Жан де Глиниasti. Каждое государство должно внести свой вклад в обеспечение ядерного разоружения. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 17–20.

Сергей Гуриев. Ни революций, ни переворотов ожидать не стоит. № 2 (89), Лето 2009, с. 11–14.

Виктор Заварзин. Отношениям России и НАТО нужна *перезагрузка*. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 21–24.

Сергей Кисляк. *Перезагрузка* российско-американских отношений – это избавление от вредоносных вирусов, мешавших нашему диалогу. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 11–16.

Сергей Пономарев. Обеспечить конкурентоспособность ГЛОНАСС – вот ключевая задача. № 1 (88), Весна 2009, с. 11–18.

Унал Чевикоз. Недостаток доверия между странами кавказского региона препятствует решению конфликтов. № 2 (89), Лето 2009, с. 15–18.

А Н А Л И З

Екатерина Вотановская. Азоры здесь тихие. № 2 (89), Лето 2009, с. 73–86.

Александр Голиков. Современная сельскохозяйственная биотехнология и национальная безопасность. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 83–89.

Джеймс Гудби. Инициатива ядерного разоружения как основа для будущих соглашений. № 2 (89), Лето 2009, с. 19–30.

Наталья Калинина, Вадим Козюлин. Глиняные ноги российского ОПК. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 47–67.

Эльдар Касаев. Ирак: инвестиционный климат и интересы России. № 1 (88), Весна 2009, с. 59–74.

Александр Ковалев. Международно-правовой режим Арктики и интересы России. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 115–124.

Вадим Козюлин. Судан между миром и войной. № 2 (89), Лето 2009, с. 31–48.

Максим Минаев. Американо-британское оборонное партнерство в первой декаде XXI в. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 69–82.

Галина Пастухова. Сотрудничество Китая и Ирана: взаимные интересы, тактические и стратегические. № 2 (89), Лето 2009, с. 49–64.

Александр Плугарев. Уничтожение химического оружия: будут ли выполнены обязательства России и США к 2012 г.? № 1 (88), Весна 2009, с. 37–58.

Уильям Поттер. Перспективы российско-американского сотрудничества в области нераспространения ядерного оружия во времена *холодного мира*. № 1 (88), Весна 2009, с. 31–36.

Программа развития элементов передового базирования ПРО США: технологические аспекты и возможное реагирование. № 1 (88), Весна 2009, с. 75–94.

Джозеф Сириционе. Ядерная трансформация Обамы – каковы шансы на успех? № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 37–46.

Сергей Смирнов. Противоракетная оборона: дезинформация, угроза или реальность? № 2 (89), Лето 2009, с. 65–72.

Роланд Тимербаев. О путях движения к миру без ядерного оружия. № 1 (88), Весна 2009, с. 19–30.

Роланд Тимербаев. О запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 25–36.

Юрий Федоров. Туркмения: время перемен? № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 91–113.

Юрген Шефран. Тучи сгущаются: изменение климата – угроза безопасности? № 2 (89), Лето 2009, с. 87–100.

ПОЛЕМИКА

Георгий Толорая, Владимир Хрусталеv. Будущее Северной Кореи: стоит ли ждать конца? № 1 (88), Весна 2009, с. 95–106.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Сергей Кошелев, Владимир Дворкин, Анатолий Дьяков, Геннадий Евстафьев, Александр Радчук, Олег Ходырев, Роланд Тимербаев. Российско-американский диалог по ядерному разоружению: чего ожидать? № 2 (89), Лето 2009, с. 101–108.

Александр Савельев, Евгений Маслин, Роланд Тимербаев. Однажды 25 лет спустя: что будет с ядерными арсеналами? № 2 (89), Лето 2009, с. 109–114.

Анатолий Антонов, Кари Екен Воллебек, Геннадий Евстафьев, Михаил Лысенко, Анастасия Малыгина, Уильям Поттер, Александр Радчук, Роланд Тимербаев, Нандан Унникришнан. Многосторонние подходы к ядерному разоружению: планируя следующие шаги. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 125–142.

КОММЕНТАРИЙ

Владимир Воронков. Договор о европейской безопасности: после Корфу. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 143–147.

Роуз Геттемюллер. Контроль над вооружениями и нераспространение: задачи для новой администрации. № 2 (89), Лето 2009, с. 125–128.

Ирина Зуева. Déjà vu, или юбилейные традиции Балкан. № 1 (88), Весна 2009, с. 107–110.

Эдвард Иффт. Следующие шаги в российско-американском процессе сокращения вооружений. № 2 (89), Лето 2009, с. 129–134.

Сет Кинкейд. О важности российско-китайского энергетического диалога. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 149–154.

Узи Рубин. Иран в космосе. № 2 (89), Лето 2009, с. 135–140.

Джонатан Фэнтон. Неправительственные организации в российско-американских отношениях. № 1 (88), Весна 2009, с. 111–113.

ОБЗОРЫ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ

Альберт Зульхарнеев. Индекс *iSi* за ноябрь 2008 – январь 2009: колебания в период ожиданий. № 1 (88), Весна 2009, с. 114–115.

Юрий Федоров. Глазами либерала: Кажется, началось... Мировая политика вступает в новую фазу. № 1 (88), Весна 2009, с. 116–128.

Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: Мировая политика вступает в зону тумана. № 1 (88), Весна 2009, с. 129–142.

Альберт Зульхарнеев. Индекс *iSi* за февраль–апрель 2009: Возвращение весны. № 2 (89), Лето 2009, с. 142–144.

Юрий Федоров. Глазами либерала: Мысли о немислимом, или почему прав Герман Кан. № 2 (89), Лето 2009, с. 145–158.

Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: Контуры *большой игры* и *конец истории*. № 2 (89), Лето 2009, с. 159–172.

Альберт Зульхарнеев. Индекс *iSi* за май–август 2009: Лето без затишья. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 156–158.

Юрий Федоров. Глазами либерала: Никогда такого не было, и опять то же самое. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 158–170.

Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: Глобальная повестка дня сквозь туман кризиса. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 171–182.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Елена Гелескул. Бомба для Каддафи: история одной игры. № 1 (88), Весна 2009, с. 143–152.

БИБЛИОТЕКА

Геннадий Евстафьев. Обучение историей: Запад и ядерное оружие Пакистана. № 1 (88), Весна 2009, с. 153–158.

Геннадий Евстафьев. Исповедь американского политического ястреба. № 2 (89), Лето 2009, с. 173–182.

Владимир Орлов. Корни мака. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 183–194.

Евгений Петелин. Энергетика на грани войны и мира. № 1 (88), Весна 2009, с. 159–162.

Константин фон Эггерт. Герои или негодяи? Терроризм 1970-х в зеркале нашего века. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 195–198.

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

Дейч Т.Л. Африка в стратегии Китая. – М.: Институт Африки РАН. 2008. 326 с. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 203–204.

Деминцева Е.Б. Быть арабом во Франции. – М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, Новое литературное обозрение, 2008. 180 с. № 1 (88), Весна 2009, с. 164–165.

Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1949–1953. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 351 с. № 1 (88), Весна 2009, с. 165–166.

Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М.: Наследие Евразии, 2008. 248 с. № 2 (89), Лето 2009, с. 185–186.

Религия и глобализация на просторах Евразии. Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. – М.: РОСПЭН; Московский Центр Карнеги, 2009. 342 с. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 199–201.

Роль образа России в формировании общеевропейского политического пространства. Под ред. Н.К. Арбатовой. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. 128 с. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 204.

Синовец П.А. Двуликий Янус, или теория ядерного сдерживания в XXI веке. – О.: Феникс, Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, 2008. 220 с. № 1 (88), Весна 2009, с. 163–164.

Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. Сост. А.Ф. Клименко. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. 400 с. № 2 (89), Лето 2009, с. 183–184.

Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры. Ред. А.А. Арбатов, В.З. Дворкин. М.: РОССПЭН, 2009. 270 с. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 201–203.

Benjamin Powell. Making Poor Nations Rich: Entrepreneurship and the Process of Economic Development, Stanford University Press, 2007. 440 p. № 1 (88), Весна 2009, с. 166–167.

Pakistan: The Global Strategic Lynchpin. Gregory R. Copley and Purvis A. Hussain. ISSA-International Strategic Studies Association. November 2008. 260 p. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 201.

Р Е Д А К Т О Р У

Наталья Калинина. Для Конвенции по запрещению химического оружия наступило время «Ч». № 1 (88), Весна 2009, с. 169–170.

Джордж Перкович. *Ядерный ноль*: основные проблемы. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, с. 205–212.

К О Н Е Ц . Ц И Т А Т Ы

О деньгах. № 1 (88), Весна 2009, Обл.III

Об осуждении. № 2 (89), Лето 2009, Обл.III

О минутах. № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, Обл.III

РЕЦЕНЗЕНТЫ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ В 2009 ГОДУ

Выражаю признательность рецензентам и консультантам журнала, которые своими ценными замечаниями и комментариями оказали значительную помощь в формировании редакционного пакета журнала Индекс Безопасности.

В частности:

- Роберту **Берлсу**, главе Московского представительства «Инициативы по сокращению ядерной угрозы» (NTI)
- Дмитрию **Данилову**, заведующему отделом европейской безопасности Института Европы РАН
- Наталье **Калининой**, главному научному сотруднику Центра международной безопасности, ИМЭМО РАН
- Василию **Лате**, ведущему научному сотруднику Академии ракетных войск им. Петра Великого
- Евгению **Сатановскому**, президенту Института Ближнего Востока
- Роланду **Тимербаеву**, Чрезвычайному и Полномочному Послу, председателю Совета ПИР-Центра
- Константину фон **Эггерту**, вице-президенту *Эксон Мобил Раша Инк.*

Владимир Орлов

Главный редактор журнала Индекс Безопасности

АБОНЕМЕНТна газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

количество
комплектов:

на 2010 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

Стои- мость	подписки переадресовки	руб. руб.	коп. коп.	количество комплектов:

на 2010 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)